

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

Воеводы и головы московского войска
второй половины XVI в.

Выпуск 2

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ®

Новейшие исследования
по истории России

В.В. ПЕНСКОЙ

«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

**Воеводы и головы московского
войска второй половины XVI в.**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).043=161.1(02)"0/2"(470+571)

ББК 63.3(2)44.3

П25

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается
без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения
закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России»
основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Рецензенты: д. и. н., проф. Н.Н. Болгов, к. и. н. А.Н. Лобин

Рукопись подготовлена при поддержке
гранта РГНФ № 13-41-93011

Пенской В.В.

П25 «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы
московского войска второй половины XVI в. — М.: Центрполиграф, 2017 — 319 с. — (Новейшие исследования по истории России).

ISBN 978-5-227-07236-8

В этой книге доктора исторических наук, профессора В.В. Пенского на основе скрупулезного анализа широкого круга источников и литературы проанализированы судьбы русских служилых людей XVI в., занимавших средние командные посты в военной иерархии Русского государства той эпохи. Их можно назвать «центурионами» московского войска.

До последнего времени люди, подобные героям очерков этой книги, крайне редко становились объектом внимания историков. Однако такая невнимательность по отношению к «центурионам» явно несправедлива. Шаг за шагом автор исследования, рассказывая о жизни своих героев, раскрывает картину истории Русского государства в сложную и неоднозначную эпоху, творцами которой являлись не только государи, бояре, церковные иерархи и другие, «жадно толпою стоящие у трона», но прежде всего «начальные люди» средней руки. Они водили в бой конные сотни детей боярских, выполняли дипломатические поручения, строили и защищали крепости, наместничали в городах. Их трудами, потом и кровью строилась великая держава, но сами они при этом были обделены вниманием и современников, и потомков. Исправить эту несправедливость хотя бы отчасти и призвана данная работа.

Написанное живым, но вместе с тем научным языком, исследование предназначено преподавателям, студентам и всем, кто интересуется военной историей России XVI в., историей русского военного дела и повседневной жизнью русского общества той эпохи.

УДК 94(47).043=161.1(02)"0/2"(470+571)

ББК 63.3(2)44.3

© Пенской В.В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07236-8

«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

Воеводы и головы московского
войска второй половины XVI в.

Содержание

Пролог	6
<i>Очерк I. Рязанский примпил: Степан Григорьев сын Сидоров .</i>	21
<i>Очерк II. Не от «крапивного семени»: Матвей Иванов сын Дьяк Ржевский</i>	71
<i>Очерк III. Воин, дипломат, придворный, опричник: Иван Семенов сын Черемисинов</i>	113
<i>Очерк IV. Этапы большого пути: стрелецкий голова, монах- расстрига и дворянин его королевской милости — Тимофей Иванов сын Пухов Тетерин</i>	156
<i>Очерк V. «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же... Григорий Иванов сын Кафтырев</i>	222
Эпилог	256
Примечания	262
Избранная библиография.	303
Краткий терминологический словарь	314
Краткая хронология основных событий	317

Пролог

Дружино, не княжи руки ратных побивают, но наши; и ач князь переполошен, но мы здрави есьма; а половцы постерегши пристрорились; да ночи деля не могут видети, колико наю; сего деля посмотриш, что ны Бог даст, или возвратим славу княжу и свою, или с честию ту костию ляжем, а врагом не дамы на себе посмехати.

Воевода Борис Захарьич, 1181 г. (Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1995. С. 297)

Заголовок этой книги, звучит, несомненно, несколько претенциозно и, можно даже сказать,зывающе — о каких «центурионах» применительно к московскому войску середины XVI в. может идти речь? Можно, конечно, ответить удивляющемуся такой постановке вопроса в шуточной форме — а что, собственно, тут необычного? Москва, как отписал Василию III старец Филофей, есть Третий Рим, а как Риму стоять без легионов? И какой легион без центурионов? Но если подойти к этому вопросу серьезно, без тени иронии, то, на наш взгляд, для проведения такой аналогии основания есть, и основания серьезные. Более того, осмелимся даже выдвинуть предположение, что именно они, «центурионы» Ивана Грозного, сотенные головы, головы стрелецкие, в меньшей степени вторые и третья полковые воеводы, являлись тем костяком, тем скелетом, вокруг которого строилась «рать многая и несчетная» московских государей, и именно они были главными творцами побед

государевых полков над многочисленными недругами. Но обо всем по порядку.

Начнем издалека. 24 мая 1571 г. на московских окраинах русские полки под водительством большого воеводы князя И.Д. Бельского потерпели поражение в битве с крымскими татарами. Итогом этой неудачи стало сожжение Москвы, огромный полон, захваченный крымцами (речь шла о 60 тысячах пленников¹), десятки тысяч убитых и сгоревших в пламени грандиозного пожара и сильнейший удар по престижу Русского государства и лично Ивана Грозного. Возглавлявший этот печальной памяти набег на Москву хан Девлет-Гирей I имел все основания похваляться в послании к Ивану Грозному, что «яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи»². А напомнил крымский «царь» русскому о другом похожем событии, имевшем место пятьдесятю годами раньше, в 1521 г., когда татарская рать, предводительствуемая ханом Мухаммед-Гиреем I, дядюшкой Девлет-Гирея, под Коломной наголову разгромила русские полки, возглавляемые отцом И.Д. Бельского князем Д.Ф. Бельским.

При разборе причин этих двух крупнейших в русской военной истории XVI в. поражений, имевших столь разрушительные последствия, на память приходят две фразы. Одна из них принадлежит английскому дипломату и мемуаристу Дж. Флетчеру, посетившему Россию в 80-х гг. XVI в. Характеризуя принципы, которыми руководствовались в Москве при назначении командующих царскими полками, посол писал, что у московитов «большой» воевода «обыкновенно... избирается из четырех главных дворянских домов в государстве, впрочем, так, что **выбор делается не по степени храбрости или опытности в делах воинских; напротив, считается вполне достойным этой должности того, кто пользуется особым значением по знатности своего рода** (выделено нами. — В. П.) и вследствие этого расположением войска, хотя ничем более не отличается»³. Такое впечатление, что на Москве тогда исходили из предположения, которое спустя четыреста лет озвучит антиковед Я. Ле Боэ. Последний, говоря о командном корпусе римских легионов, считал, что, поскольку «военная техника того времени не

представляла большой сложности», то и «несколько недель практики командования были достаточными, чтобы усвоить ее основы»⁴. Более того, можно подумать, что царь, Боярская дума и дьяки Разрядного приказа предвосхитили афоризм К. фон Клаузевица, отмечавшего, что «военное дело просто и доступно здравому уму человека» (забыв как будто о том, что у этого афоризма есть и продолжение — «воевать сложно», и два приведенных в начале статьи примера это наглядно демонстрируют).

И еще одно высказывание, имеющее самое прямое отношение к предмету нашего разговора. Дж. Хэлдон, характеризуя особенности ведения войны византийцами-ромеями, отмечал, что **«качество военачальников было одним из самых важных слагаемых успеха в византийских войнах.** Во главе с одаренным и опытным полководцем имперские армии были способны творить чудеса на поле боя, тогда как под неумелым руководством даже отборные войска терпели страшные неудачи». И такую «полярность» в результативности действий византийских тагм он объяснял тем, что **«в отличие от римских легионов I—II столетий византийские силы не имели надежного, испытанного, обладавшего высоким самосознанием и профессиональными навыками унтер-офицерского корпуса, способного организовывать и дисциплинировать свои части и зачастую исправлять тактические ошибки командиров (выделено нами. — В. П.)...»**⁵.

Итак, сопоставив эти цитаты (взяв их в качестве неких аксиом), можно прийти к выводу, что проблема византийской, а вслед за ней и московской, «классической» эпохи (под ней мы подразумеваем войско Русского государства 2-й половины XVI — нач. XVII в., досмутного времени), армий заключалась в сильно колеблющемся уровне качества высших военачальников и отсутствии профессионального унтер-офицерского корпуса, тех самых центурионов, способных исправить ошибки высшего командования и на которых, по всеобщему мнению, держалась мощь римских легионов⁶. Кстати, в начале минувшего века русский военный теоретик, касаясь значения офицерского и унтер-офицерского корпуса в современной армии, отмечал, что **«толь-**

ко офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры являются истинными носителями военных традиций, дисциплины и технических военных знаний (выделено нами. — В. П.)...»⁷ Обозначив две эти проблемы, попробуем их рассмотреть более подробно, но прежде несколько слов о степени изученности самого вопроса о командном составе русского войска классической эпохи.

Увы, здесь особенными достижениями отечественной исторической науке похвалиться нечем, хотя в этом нет ничего удивительного. Что русская, что советская и постсоветская историография — ни про одну из них нельзя сказать, что проблемы развития военного дела Московской Руси были для них не то чтобы первостепенны, а вообще занимали сколько-нибудь значимое место. Единственная масштабная монография, целиком и полностью посвященная вопросам, связанным с развитием русского военного дела в допетровскую эпоху, исследование А.В. Чернова, увидела свет больше шестидесяти лет назад⁸, соответствующий раздел в коллективной монографии по истории русской культуры XVI в., написанный П.П. Епифановым, — почти сорок лет назад⁹. Интересующей нас проблемы эти историки касались вскользь, мимоходом, и, к сожалению, точно так же мимоходом пробежал по ней восемь лет назад В.А. Волков¹⁰. Историков, обращавшихся к истории русского служилого «чина» даже в последние десятилетия, как правило, в большей степени интересовали традиционные аспекты жизни этой социальной страты, связанные с его «службой» лишь косвенно¹¹. И если, к примеру, вопросы, связанные с происхождением и генеалогией русской аристократии, ее участием в политической и военной жизни Русского государства той эпохи, в ставших классическими трудах отечественных историков еще рассматривались¹², то тем служилым людям «средней руки», кто не входил в узкий круг «жадною толпой стоящих у трона», посвящено не в пример меньше работ¹³. Да и сам их объем, этих работ, обычно не впечатляет — как правило, это статьи в малотиражных сборниках. И в итоге получить доступ к ним порой бывает весьма непросто¹⁴. Однако, при всем при том, два главных вопроса, интересующие нас, в этих работах

практически не рассматриваются. Лишь в последнее время появился ряд работ, в которых эта проблема поднимается, но лишь частично¹⁵. И этой работой мы предпринимаем попытку обратить внимание как профессионального исторического сообщества, так и рядовых любителей отечественной истории на роль и место среднего командного состава в русском войске второй половины XVI в. (при этом преднамеренно заостряя формулировки), благо для этого к сегодняшнему дню сложились более чем прежде благоприятные условия (и прежде всего касающиеся источников¹⁶).

В принципе комплекс дошедших до нас источников по интересующей нас проблеме на первый взгляд представляется достаточно обширным. Прежде всего это разрядные записи, и преимущественно в частных разрядных книгах, которые более подробны, нежели официальный государев разряд¹⁷. Обусловлено это было тем, что частные разрядные книги являлись, по выражению отечественного исследователя Ю.В. Анхимюка, «местническими справочниками»¹⁸. Однако есть одно обстоятельство, которое затрудняет использование разрядных записей для исследования роли голов — в местническом деле 1589 г. князя В.В. Литвинова-Масальского с Р.В. Алферьевым было записано, что «с родословными людьми неродословным счету не живет»¹⁹. Поэтому разрядные записи представляют больший интерес при изучении карьеры «младших» воевод, «лейтенантов», тогда как прочие головы, не важно, сотенные ли, стрелецкие ли или какие иные, в силу своего «худородства» на страницы разрядов попасть могли только при очень благоприятных обстоятельствах. И поэтому в плане изучения «служб» наших героев намного больший интерес представляют летописи эпохи Ивана Грозного, тем более что, судя по всему, при их составлении широко использовались документы Разрядного приказа (те же разрядные записи, наказы воеводам и их «отписки», присланные воеводами сеунчи и прочие материалы подобного типа). Особенно подробны в этом плане летописные записи периода собственно Ливонской войны 1558—1561 гг. Пожалуй, ни до, ни после в сохранившихся материалах роль «центурионов» не просматривается столь же здимо и выпукло, как в эти годы. До-

полнительную информацию к размышлению дают актовые материалы (позволяющие оценить материальное положение отдельных «центурионов» и их родственные связи)²⁰, родословцы²¹, синодики и пр. И естественно, поскольку вследствие плохой сохранности что государственных, что частных архивов той эпохи, материалов, имеющихся в нашем распоряжении, все же недостаточно, приходится прибегать к косвенным свидетельствам из боевой практики русских полков, анализируя ход тех самых «прямых дел» и осад.

Теперь, когда мы кратко коснулись историографии проблемы и источников, определимся, прежде чем продолжить дальше, относительно того, кого считать «центурионами»? Этот условный (*sic!*) термин можно понимать, на мой взгляд, двояко. Широко — и тогда в него будут включены начальные люди двух «рангов», младшие воеводы (вторые и третьи полковые, те самые «лейтенанты» (по терминологии Флетчера), заместители и помощники «старших», первых полковых воевод) и головы, сотенные, стрелецкие, казачьи, «у наряду» и прочие. Узко — и тогда в нее войдут только головы и равные им по «рангу» начальные люди. Правда, многие «лейтенанты» также начинали свою карьеру головами, но в силу своего происхождения их служебные перспективы были более радужными, нежели у выходцев из среды рядовых детей боярских. Отметим, однако, что и здесь возможны варианты. Достаточно сравнить статус в московской военной иерархии XVI в. Шереметевых и Игнатьевых. Шереметевы были дальними потомками боярина великого князя Симеона Гордого Андрея Кобылы, а Игнатьевы вели свое родословие от Федора Бякента, «выйехавшего» в Москву из Черниговщины еще при Данииле Александровиче. Однако Шереметевы сумели удержаться на московском военно-политическом олимпе, а вот Игнатьевы — нет. Как отмечал С.Б. Веселовский, «многие (Игнатьевы. — *B. P.*) служили по московскому списку (в 1550 г. в избранную тысячу попали двенадцать Игнатьевых), изредка (*sic!*) они были головами в полках, и только один (Темка Федоров) возвысился до стратилатского чина (правда, С.Б. Веселовский забыл о еще одном представителе рода Игнатьевых, дослужившегося до воеводского чина — Рузи-

не Игнатьеве, сложившем свою голову осенью 1558 г., будучи воеводой в ливонском замке Ринген. — *В. П.)...»²²*. Но даже у «лейтенантов» шансы стать «большими» воеводами были невелики. Тот же Шереметев Меньшой (как и, к примеру, упоминавшийся выше Д.И. Хворостинин), несмотря на отличный послужной список и богатый опыт вождения войск, был все время на вторых ролях²³. Поэтому, по нашему мнению, термин «центурионы» все же позволительно трактовать в широком смысле, включая сюда как «лейтенантов», так и рядовых голов, которым в силу их «худородства» «стратилатские», воеводские чины (за редким исключением) не светили.

Итак, после этого затянувшегося вступления перейдем к самому важному — почему мы полагаем необходимым обратить особое внимание на «центурионов» Третьего Рима? И чтобы ответить на этот вопрос, подойдем к нему несколько необычно, кружным путем. Зададимся вопросом — а каким был характер подготовки московского «генералитета», «больших воевод» русского войска второй половины XVI в., тех самых, которые навыкли служить государю со «своим набатом». Очевидно, что именно этот параметр являлся определяющим, базовым — от качества обучения будущих «больших» воевод напрямую зависела и эффективность действий руководимых ими государственных полков. Как обстояло дело с этим в тогдашней России? Нет никаких сомнений, что для тех времен, о которых пойдет речь дальше, правильное, «регулярное» военное образование, обучение командного состава, сочетающее изучение военной теории с полевой практикой, — дело далекого будущего. Конечно, можно вспомнить о том, что венецианский посол Марко Фоскарини (?) писал, что «в настоящее время (то есть в конце 50-х гг. — *В. П.)* император Иван Васильевич много читает из истории римской и других государств, отчего он научился многому». И к этому он добавлял, что молодой русский царь «часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками»²⁴. Однако это свидетельство, позволяющее предположить, что в Москве были знакомы с классической литературой и, быть может, с какими-то сочинениями по военной теории (так, «Тактика» императора

Льва VI Мудрого на итальянском языке была издана в Венеции в 1541 г.²⁵), пока остается единственным. Это не дает сколько-нибудь серьезных оснований для предположений о существовании в то время в Московии системы военного образования, подобной той, что сложилась к тому времени на Западе в аристократической среде (чтение античных классиков вкупе с изучением теоретических трактатов и последующей практикой²⁶). Более того, несмотря на достаточно высокий уровень грамотности, присущий русской не только элите, но и «среднему классу» той эпохи, мы не имеем каких-либо попыток обобщения, пусть и в форме мемуаров или записок, собственного военного опыта. Правда, англичанин Дж. Горсей упоминает о том, что князь И.Ф. Мстиславский вел некую «секретную хронику», с которой он, Горсей, имел возможность познакомиться²⁷ Но, как и в предыдущем случае, это свидетельство единственное в своем роде, и к тому же эта «хроника», если она и существовала, до нас не дошла, и можно только догадываться, о чем там шла речь.

Безусловно, определенные попытки осмысления накопленного опыта ведения войн делались, и сам факт осуществления военных реформ в 50-х — начале 60-х гг об этом свидетельствует, равно как и сохранившиеся наказы воеводам, отправлявшимся во главе царских полков на «фронт» (примером тому может служить знаменитый наказ князю М.И. Воротынскому, полученный им накануне Молодинской кампании 1572 г.²⁸). Однако более или менее целостного изложения основных положений московской военной теории, более того, каких-либо уставов и наставлений по обучению и вождению войск того времени мы не имеем²⁹.

Остается единственный путь постижения «науки побеждать» — вполне традиционный практический, в рамках существующей и хорошо знакомой военной традиции, складывавшейся на протяжении многих десятилетий. «Делай как я» — судя по всему, именно этот принцип был положен в основу подготовки высших командных кадров в московской армии «классического» периода (под классическим периодом мы понимаем прежде всего вторую пол. XVI — начало XVII в.).

Однако при всей разнице войны современной и войны средневековой все равно война даже в те патриархальные времена оставалась сложным делом, и, чтобы стать настоящим профессионалом, нужны были годы походов и сражений, в которых был бы набран необходимый опыт, знания и навыки вождения многотысячных ратей. Попытки же молодых и неопытных, но заносчивых и преисполненных самомнения аристократов взять на себя всю полноту командования и ответственности могли привести к весьма печальным последствиям, и таких примеров в истории, в том числе и русской, немало. Достаточно вспомнить об упоминавшемся выше поражении русских войск в 1521 г. под Коломной, когда молодой и неопытный воевода князь Д.Ф. Бельский, оказавшись в сложной ситуации, растерялся и, утеряв нити управления войсками, был разбит татарами. С. Герберштейн отмечал при этом, что князь «был молод, пренебрегал старицами (мнением более опытных воевод-ветеранов. — В. П.), которых это оскорбляло: они в стольких войнах были начальниками, теперь же оказались без чести...»³⁰ Кстати, если касаться опыта Д.Ф. Бельского, то при всей его знатности и «дородности» опыта руководства большой полевой ратью к 1521 г. он не имел никакого. Для 22-летнего князя кампания 1521 г. на «берегу» должна была стать не только его первой в качестве главнокомандующего, но и вообще первой полевой кампанией³¹. Карьера его сына до трагического 1571 г. также не впечатляет большим количеством боевых эпизодов. О начале его военной службы сведений нет, можно лишь догадываться, что отец брал с собой сына в кампании (в 1541 г. на Оку, отражать нашествие Сахиб-Гирея I, и потом в казанские походы). Примечательно, что юный князь уже тогда занимал отнюдь не последнее место в придворной иерархии — на царской свадьбе он «на великого князя месте сидел», но при этом военные службы его до 1555 г., когда он вдруг оказывается первым среди дворовых воевод³², никак не отмечены в разрядах или в летописях. И с 1555 г. И.Д. Бельский практически непрерывно занимает пост «большого» воеводы, являясь первым воеводой большого полка, главным образом на «береговой» службе. Однако при этом эпи-

зодов, которые можно назвать боевыми, в его послужном воеводском списке — раз-два и обчелся: Полоцкий поход 1562/63 г. да походы против Дивей-мурзы в июле 1560 г и на помощь осажденному татарами Болхову в октябре 1565 г. (да и то в обоих случаях обошлось без «прямого дела» с участием главных сил русской рати во главе с Бельским, ибо воеводы «крымских людей не сошли»)³³

Конечно, можно сказать, что примеры отца и сына князей Бельских непоказательны, и это утверждение будет справедливо на фоне сравнения их карьеры с карьерой князя М.И. Воротынского, которого князь А.М. Курбский характеризовал следующими словами: «Муж наилепший и наикрепчайший... в полкоустройствах зело искусный... много от младости своей храброствовал»³⁴ За плечами Воротынского, назначенного в кампанию 1572 г. первым воеводой большого полка, было 30 лет непрерывной военной службы³⁵ Начало его карьеры, согласно разрядным книгам, относится к 1543 г., когда он был назначен первым воеводой в пограничный Белев. Затем его ожидало наместничество в Калуге и «годование» воеводой в пограничном Васильгороде. Службу на «берегу» он переменил на командование полками, отправлявшимися раз за разом на Казань. Шаг за шагом он приближался к высотам военной иерархии, и вот в 1552 г. он был назначен вторым воеводой большого полка и вместе с Иваном IV ходил к Туле, когда под ее стенами появился Девлет-Гирей с войском (вот тут едва не состоялось первое «знакомство» воеводы с крымским «царем»). В знаменитом казанском походе 1552 г., завершившемся падением Казани и Казанского «царства», М.И. Воротынский был вторым воеводой большого полка и сыграл важную роль в ходе осады и штурма татарской столицы. Его боевые заслуги были отмечены новым назначением — по возвращении домой Воротынский впервые получил самостоятельное командование, будучи назначен первым воеводой большого полка трехполковой рати, возвращавшейся домой полем «коньми».

Казанское «взятие» выдвинуло воеводу, находившегося в самом расцвете сил (ему было тогда около 40 лет), в узкий круг высших военачальников Русского государства. Вся его последующая карьера проходила на «берегу» (за ис-

ключением периода с осени 1562 г. по 1565 г., когда князь находился в опале и в ссылке). На протяжении почти 20 лет князь попеременно, в зависимости от подбора воевод на командование полками в очередной кампании, был первым или вторым воеводой большого полка или же первым воеводой передового полка либо полка правой руки. Не вполне доверяя князю³⁶, Иван Грозный тем не менее признавал за ним огромный опыт «польской» службы — вряд ли случайным было решение царя назначить именно Воротынского 1 января 1571 г. «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полские службы»³⁷. В трагические майские дни 1571 г. М.И. Воротынский, командуя передовым полком земской рати, единственный из всех воевод не только сумел сохранить боеспособность вверенных ему сил, но и «проводил» крымского царя от московского пепелища до самого Поля.

Можно привести и другие подобные примеры, однако, похоже, в случае Воротынского, как и во многих других, отсутствие нужного теоретического и порой практического опыта компенсировалось в известной степени природной сметкой и талантом. А опыт приходил со временем, по мере возмужания воеводы. Но в таком случае возникает другой вопрос — кто же тогда был хранителем тех самых традиций, о которых говорил Михневич, кто был ядром войска, «дядькой» при молодых аристократах, постигавших на практике азы военного искусства? И здесь напрашивается предположение, что главная тяжесть войны ложилась на плечи среднего и низового командного звена русского войска. И снова одна весьма примечательная цитата. Имперский посланник С. Герберштейн, человек весьма осведомленный и наблюдательный, неоднократно бывавший в России при Василии III, характеризуя татарские военные обычай, писал, что «когда им (татарам. — В. П.) приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах

вожатые (*ductores* — такой латинский термин использовал Герберштейн. — В. П.), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага»³⁸.

В этой фразе обращает на себя внимание чрезвычайно важная роль татарских *ductores*'ов! Ведь выходит, что на поле боя именно татарские командиры низшего и среднего звеньев — главные организаторы победы, от их действий, от их умений и навыков вождения своих людей на поле боя зависит если не все, то очень и очень многое. Но недаром русская поговорка говорит, что с кем поведешься — от того и наберешься (или другой ее вариант — скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты). Во второй половине XV — начале XVI в. процессы «ориентализации» тактики, стратегии и обусловленного ими комплекса вооружения русского войска, в особенности поместной конницы, зашли настолько далеко, что, по большому счету, в глазах тех же иностранных наблюдателей между татарским и русским воином не было никакой существенной разницы. Следовательно, можно с уверенностью утверждать — то, что говорят о татарах, приложимо и к русским. И напрашивается вывод: главная тяжесть что «большой», что «малой» войны ложилась на плечи среднего и низового командного звена русского войска. Именно они, вторые и трети полковые воеводы, головы сотенные и стрелецкие, казацкие и «у наряду», опытные ветераны и настоящие профессионалы, закаленные во множестве походов и схваток, неоднократно рисковавшие своей головой, находившиеся в самой гуще схватки, непосредственно руководили рядовыми бойцами и обеспечивали «большим» воеводам и возможность на практике усвоить военные премудрости и завоевать победу.

Эти «центурионы» Третьего Рима, подолгу командуя тактическими подразделениями стрельцов, казаков или детей боярских, регулярно вступали в боевое соприкосновение с неприятелем, причем на разных направлениях и на разных ТВД, накапливали огромный практический опыт ведения боевых действий разнообразного характера — здесь и набеги,

и участие в «прямом деле», и осады, и пр. Да, они, в силу своего «худородства», как и настоящие римские центурионы, не могли рассчитывать (за очень, очень редким исключением) на воеводские должности (разве что наместником где-нибудь на далекой окраине, в захудалой небольшой крепостце или остроге или, в лучшем случае, могли стать одним из воевод «лехкой» или «плавной» рати, быть в которой для знатного московского аристократа было бы «невместно»). Но от них, как от татарских *dictores*'ов, во многом зависел на деле исход сражения и кампании в целом как суммы сражений и схваток. Еще раз подчеркнем — на наш взгляд, именно их опыт и выучка давали возможность таким людям, как И.Д. Бельский или М.И. Воротынский, не только на практике овладеть необходимым минимумом практических знаний, но и, в случае необходимости, исправить ситуацию.

И еще одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. На него обратил внимание О.А. Курбатов, анализируя особенности тактики московской конницы «сотенной службы». Историк писал, что, «систематически избегая открытых сражений, **московские воеводы не имели особых навыков командования крупными массами войск (в 10—20 тыс. чел. и более) на одном поле боя** (выделено нами. — В. П.)...»³⁹. Быстро проскакивая начальные и средние этапы военной карьеры, молодые воеводы из знатных семейств не успевали накопить необходимый опыт вождения войск, а стремление избежать «прямого дела» как отличительная черта московского военного искусства классического периода отнюдь не способствовало формированию у них четких навыков вождения тех самых крупных масс войск на поле боя. В известной степени недостаток этого опыта могло бы компенсировать наличие военной теории (подобной той, что была, к примеру, в Китае или в той же Византии), но ее, как было показано выше, в Московии XVI в. как отдельной отрасли знания еще не существовало. Редкие более или менее масштабные «прямые дела» также не способствовали формированию соответствующей практической традиции и опыта, который можно было бы перенять молодым аристократам. Оставалось уповать только на природные данные и сметку, а ими обладали далеко не все воеводы-аристократы. Вот и выходит, что в

определенном смысле московские «большие воеводы» (обратно говоря, «генералитет») в большей степени являлись военными администраторами, полководцами, но не военачальниками. И последний термин в его изначальном смысле был в намного большей степени приложим как раз к тогдашним «штаб- и обер-офицерам», тем самым сотенным и стрелецким головам и младшим воеводам (например, И.В. Шереметеву Меньшому или князю Д.И. Хворостинину), обладавшим не в пример большим практическим опытом ведения боевых действий, чем их скороспелые начальники. И в свете этого (если наше предположение верно) становится понятным, почему, к примеру, в ходе той же Баториевой войны 1579—1582 гг. русским воеводам лучше удавались действия небольшими отрядами (сотни и первые тысячи) набегового характера. Такого рода действия были понятнее и привычнее для командного состава царских ратей, нежели маневрирование крупными массами войск. Точно так же ясно, почему русским воеводам лучше удавались осады, чем большие полевые сражения, — здесь, в статичных условиях, не требовавших умения быстро и своевременно реагировать на изменения обстановки (а в конной схватке, скоротечной по определению, умение держать руку на пульсе схватки было одним из важнейших), и можно было без помех реализовать превосходство над противником в организации и технике.

И, завершая наше вступление, сделаем еще пару замечаний, которые могут показаться парадоксальными и даже еретическими. Первое. Похоже, что «сотенная» реформа середины 50-х гг. XVI в., проанализированная, в частности, О.А. Курбатовым⁴⁰, имела серьезный внутренний изъян. Она была, судя по всему, неизбежной, учитывая рост численности русского войска при Иване Грозном. Однако раньше, при Иване III и Василии III, полевые армии были, как правило, небольшого размера (до 10 или немногим больше тысяч, в лучшем случае, если предпринимался серьезный, с далеко идущими стратегическим целями поход, — до 15—20 тысяч «сабель и пищалей», как, например, в Смоленском походе Дмитрия Жилки в 1502 г.⁴¹, очень редко больше). И «большие», и полковые воеводы могли напрямую командовать подчиненными им частями (в силу их немного-

численности). Теперь же, с 50-х гг., в армейскую структуру была введена промежуточная инстанция — те самые соенные головы. Именно на них оказалась возложена основная тяжесть непосредственного командования войсками на поле боя, а «большие» воеводы в еще большей степени, чем раньше, стали заниматься административными вопросами со всеми вытекающими отсюда последствиями — как положительными, так и отрицательными.

И второе. Касаясь роли римских центурионов, авторы «Римских легионов в бою» отмечали, что «центурионы были оплотом и хранителем военных традиций, но в то же время наиболее консервативной частью армии, часто противниками различных инноваций»⁴². На наш взгляд, эти слова могут быть отнесены в полной мере и к среднему командному составу русского войска второй половины XVI в. В условиях неразвитости военной теории и господства практического способа овладения военными премудростями, отсутствия привычки к осмыслению накопленного военного опыта (выше мы уже писали о том, что жанр военных мемуаров или записок, достаточно развитый к тому времени на Западе, в Московской Руси отсутствовал) традиционализм мышления русских начальных людей среднего звена, «штаб- и обер-офицеров» создавал определенные препятствия на пути быстрой адаптации новшеств в военном деле к нуждам русского военного дела и искусства.

И вот теперь, когда мы обрисовали в общих чертах важную роль, которую играли в «легионах» Третьего Рима их «центурионы», можно перейти к жизнеописанию некоторых из них...

Очерк I

РЯЗАНСКИЙ ПРИМИПИЛ: СТЕПАН ГРИГОРЬЕВ СЫН СИДОРОВ

Повествуя в своем памфлете «История о великом князе Московском» об учиненном Иваном Грозным «побиении боярских и дворянских родов», князь А.М. Курбский среди прочих казненных по приказу царя упомянул и Григория Сидорова, «с роду великих синглитов рязанских»⁴³. И, сообщив об очередной жертве «зверя», князь-эмигрант счел необходимым сделать небольшое пояснение относительно отца Григория Сидорова — о Степане, «муже славном в добродетелях и в богатырских вешах искусном», который, оказывается, «служаше много лет, аж до осмидесяти лет, вернее и трудолюбне зело империи Святоруской»⁴⁴. В этом кратком известии обращает на себя внимание одна деталь — согласно словам Курбского, Сидоров-старший дожил до 80 лет. Учитывая, что службу тогдашние служилые люди начинали рано, с 15 лет, то, выходит, рязанец провел в седле с саблею в руках не много и не мало, а 65 лет! Для той эпохи редкий, если не исключительный, пример ратного долголетия! Казалось бы, уже из-за одного этого судьба Степана Сидорова заслуживает пристального внимания, но, увы, кроме краткой биографической справки о «муже славном» у С.Б. Веселовского, Ю.Д. Рыкова и отчасти — у А.В. Кузьмина⁴⁵, больше ничего в нашей распоряжении нет. Опробуем восполнить этот пробел и реконструировать биографию Степана Григорьева сына Сидорова, потомка рязанского боярского рода, по дошедшему до наших дней немногочисленным источникам.

Источников этих, увы, немного — к числу главных могут быть отнесены родословцы, разрядные книги и летописи.

К сожалению, они не могут дать необходимой полной картины. Сидоровы как рязанский боярский род поздно перешли на московскую службу. По этой причине они не могли претендовать на высокий местнический статус на Москве во времена Ивана Грозного, когда московская правящая элита ощутила настоятельную необходимость в установлении нового, более или менее понятного и устойчивого *modus vivendi* взамен прежнего, нарушенного в годы «боярского правления». Как результат, на свет появились и Государев разряд, и Государев родословец, и более или менее четкие правила разрешения местнических споров. Но слова А.А. Зимина, сказанные по отношению к князьям Оболенским, к Сидоровым могут быть отнесены в еще большей степени: «На судьбе князей Оболенских можно проследить две тенденции, характерные для истории княжеских родов XV — начала XVI в. Во-первых, старшие ветви рода постепенно сходят с исторической сцены, так как их потомки оказываются связанными с уделами... Во-вторых, в случае разрастания рода и самые младшие ветви тоже могут оказаться связанными с уделами, а поэтому с трудом пробивают себе путь к велико-княжескому двору...»⁴⁶ Служба рязанским великим князьям после событий 1521 г. (о них разговор еще впереди) — не самая лучшая рекомендация в борьбе за право войти в узкий круг государевых приближенных, а значит, лишь в очень малой степени она могла поспособствовать карьере нашего героя на новом поприще. И еще одно следствие — поскольку разрядные записи не в последнюю очередь играли справочную роль при разрешении местнических споров⁴⁷, то, соответственно, высокий или низкий статус при дворе государя определял частоту появления служилого человека в этих записях, число его «именных служб». И поскольку летописание при Иване Грозном велось с широким использованием документов из великокняжеских архивов — текущей разрядной и дипломатической переписки, воеводских отписок, сенунчей и пр., то и вероятность встретить служилого человека на летописных страницах снова зависела от его статуса в служилой и придворной иерархии.

Теперь можно вернуться обратно к личности Степана Сидорова и его биографии. И начать нужно будет с его ро-

дословной, ибо происхождение и генеалогические связи служилого человека в Московском государстве во многом предопределяли или его успешную карьеру, или же, по меткому замечанию А.И. Филюшкина, отличную возможность «бесцветно провести свою жизнь в бесконечных походах в «дальноконных градах» либо сложить голову в «государевой опале»⁴⁸. Согласно родословцам, дальним предком Сидоровых был некий Семен Федорович Кавыла (Ковыла), который «приехал» на службу к великому князю Василию Дмитриевичу из Литвы, а затем перебрался в Рязань к тамошнему великому князю Олегу Ивановичу⁴⁹. А.А. Зимин полагал эту запись родословца ошибочной, поскольку, по его мнению, предок Сидоровых, некий боярин Семен Федорович, служил Олегу Ивановичу уже в 1371 г.⁵⁰ Кроме того, и само «литовское» происхождение Сидоровых и ряда других рязанских родов вызывает, по мнению некоторых исследователей, сомнение. По их мнению, «это известие не вполне достоверно», поскольку отражает «психологию служилых людей XVI в., перешедших на государеву службу в Москву и стремившихся в этой связи утвердить себя через родовую легенду в среде старомосковского боярства»⁵¹.

Определенный резон в этом есть, но вместе с тем, по нашему мнению, сбрасывать со счетов версию родословца преждевременно. Прежде всего, эта запись была сделана в 40-х гг. XVI в. спустя примерно полторы сотни лет после описываемых событий. Сменилось не так уж и много поколений, чтобы память о тех временах забылась. Далее, С.Б. Веселовский справедливо указывал, что «для бояр XIV—XV вв. ведение родословных записей из поколения в поколение было не делом тщеславия, а необходимым условием ежедневной борьбы за свое положение»⁵². Попытаться приписать себе несуществующего предка в середине XVI в. было делом рискованным, совсем не то что в конце века XVII. Кстати, и сам А.А. Зимин отмечал, что рязанское боярство «складывалось на протяжении нескольких столетий и образовывало замкнутую корпорацию, тщательно охранявшую свои привилегии»⁵³. Поэтому мы склоняемся признать правдоподобной версию о литовском происхождении родоначальника Сидоровых.

Нет ничего невозможного и в переезде Кавылы в Москву — почему бы не связать это событие с браком между Софьей Витовтовной и Василием Дмитриевичем? Отношения же между Москвой и Рязанью после того, как Сергий Радонежский в 1386 г. содействовал примирению московского и рязанского великих князей, наладились. Как отмечал Д.И. Иловайский в своей истории Рязанского княжества, «место ожесточенной вражды заступили родственные и дружеские отношения, при помощи которых Рязанское княжество продлило свое политическое существование еще на целое столетие с четвертью»⁵⁴. И если Семен Кавыла не смог утвердиться на Москве, стать своим среди многочисленного и сплоченного московского боярства, то в его отъезде «на ловлю счастья и чинов» в Рязань, к другу и союзнику Василия Дмитриевича также нет ничего невозможного, равно как и в обратном отъезде сына Семена, тоже Семена, в Москву. Сын Семена Яков (прадед нашего героя) снова перебирается в Рязань, причем это произошло после 1425, но до 1427 г. — этим годом датируется жалованная грамота великого князя Рязанского Ивана Федоровича, одним из свидетелей которой был назван чашник великого князя Яков Ковылин⁵⁵. Норма же, регулировавшая свободный переход служилых людей между Москвой и Рязанью («а бояром и слугам межи нас волным воля»), регулярно повторяется в межкняжеских до-кончаньях⁵⁶.

С этого момента на без малого сто лет судьба рода Сидоровых и их родственников Сунбуловых и Чулковых оказалась связана с рязанским княжеским домом. К чему это привело, описал А.А. Зимин. По его словам, «позднее включение Рязани в состав единого Русского государства повлияло на то, что бывшие рязанские бояре и окольничие так и не смогли пробиться в московскую Боярскую думу»⁵⁷. И наш герой не стал исключением из этого правила. Ни «дородность» (по местным рязанским понятиям), ни многолетняя служба — всего этого оказалось недостаточным, чтобы пробиться на самый верх московского военно-политического олимпа. Но обо всем по порядку.

Когда и где родился наш герой? Если верить «Истории» князя Курбского, то Степан Сидоров скончался в возрас-

те 80 лет. Следовательно, зная время его смерти (лето 1555 г.), появиться на свет он должен был около 1475 г. Будучи поверстанным на службу в 15 лет (то есть около 1490 г.), Степан сел в седло, взял в руку саблю и с тех не выпускал ее из рук до самой своей смерти. А в том, что он избрал военную стезю, карьеру «стратилата», сомнений нет — для «дородного» сына боярского этот выбор предполагался изначально. Увы, к сожалению, о том, какие «службы» служил Степан, будучи слугой рязанских князей (а их сменилось за время его жизни четверо), где и как он набирался опыта в «богатырских вещах», доподлинно неизвестно. Можно лишь предполагать, где и в каких событиях принимал участие наш герой, исходя из зафиксированного в московско-рязанских договорах положения о том, что «где поиdem мы, великие князи, ратью на своего недруга, и тебе, великому князю (рязанскому. — В. П.)... самому поити с нами без ослушанья. А где пошлем воевод своих, и тебе послати с нашими воеводами своих воевод в правде, без хитрости»⁵⁸. Чем же грозила неявка служилых рязанских людей по приказу из Москвы, их «ослушанье» и «хитрость», хорошо видно из наказа Ивана III своим посланцам, сопровождавшим османское посольство. Им было велено передать вдове великого князя Рязанского Ивана Васильевича Аграфене, чтобы «твоим людем служилым, бояром и детем боярским и селским людем служилым, быти им всем на моей службе» и при этом не отъезжать на Дон. А если кто осмелится ослушаться этого приказа, того великий князь и государь всея Руси велел княгине «которого у того человека остались на подворье жона и дети, и ты бы тех велела казнити, а не учнешь ты тех людей казнити, ино их мне велети казнити и продавати...»⁵⁹

Летописи и разрядные записи конца XV — начала XVI в., времен заката независимого Рязанского княжества, рисуют нам картину относительного спокойствия. После стояния на Угре, по словам Д.И. Иловайского, «вместе с Москвою и Рязань навсегда избавилась от ига... Золотая Орда после Крымского погрома уже не в состоянии была высылать по-прежнему толпы грабителей, и нападения с этой стороны, по-видимому, прекратились. В следующие

30 лет о них почти не слышно; Рязанская земля, спокойная внутри и безопасная извне, в это время наслаждалась отрадным отдыхом»⁶⁰ Оговорка же «относительного» не случайна — Большая Орда Ахматовичей, переживавшая трудные времена и клонившаяся к упадку, действительно уже не могла организовать крупное нашествие. Однако это не мешало отдельным мурзам и князьям, «казаковавшим» в Поле, на свой страх и риск совершать набеги на русские украины. Примером такого набега может служить случай, упомянутый в летописи под июлем 1492 г.: «Приходиша татарове ординские, казаки, в головах приходил Тимишом зовоуть, а с ним двесте и 20 казаков, в Алексин, на волость на Вошань и пограбив и поидоша прочь». 64 служилых человека великого князя под началом голов Ф. Колтовского и Г. Сидорова (уж не родственник ли нашего Степана?) отправились в погоню за татарами, «и очинися им бой на поля промеж Трудов и Быстрыя Сосны, и оубиша погани великого князя 40 человек, а татар на том же бою оубиша 60 человек, а иные едучи татарове в Ордоу ранены на пути изомроша»⁶¹ Нечто подобное произошло и на Рязанщине годом позже, когда «татарове, казаки ординские», внезапно («изгоном») пришли «на Рязанские места, и взяша три села, и поидоша вскоре назад»⁶².

Увы, сохранившиеся источники ничего не сообщают нам об участии юного Степана Сидорова в борьбе с такими казаками» (равно как и о том, как именно была устроена на Рязанщине пограничная и сторожевая служба). Но вот где мог получить свое пускай и не боевое, но крещение юный сын боярский, сказать, пожалуй, можно (хотя, конечно, это только предположение). Речь идет о большом выходе русских полков в Поле, предпринятом в 1491 г. В мае этого года крымский «царь» Менгли-Гирей, друг и союзник Ивана III, прислал в Москву гонца Кутуша с посланием, в котором молил московского государя о помощи («прислал бити челом к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руссии царь крымской Мин-Гирей, что идут на нево ардынские царевичи Сеит да Охмет с силою»⁶³). Ивана III такое развитие событий совершенно не устраивало — Ахметовичи, дети «царя» Ахмата, того самого, который в 1480 г. «сто-

ял» на Угре со своей ратью, были врагами «московского». Поддержка Менгли-Гирея соответствовала его планам дальнейшего ослабления Большой Орды, и потому «князь велики на помошь крымскому царю Менли Гирею отпустил воевод своих в поле ко Орде», князей П.Н. Оболенского и И.В. Репню Оболенского, «да с ними многих детей боярских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами». Своих воевод по приказу Ивана отправил казанский «царь» Мухаммед-Эмин и брат великого князя Борис Васильевич (другой брат, Андрей, проигнорировал требование старшего брата и своих ратных людей в Поле не отправил)⁶⁴.

В летописи состав русско-казанского воинства, отправившегося в Поле против Ахматовичей, прописан не весь, в сокращенном виде, чего не скажешь о дипломатической переписке Ивана с Менгли-Гиреем. 21 июня того же года московский государь писал своему «брату», что вместе с его людьми и ратными от казанского «царя» на встречу Ахматовичам отправились и «сестричев моих рязанских обеих воеводы» (рязанские князья Иван и Федор были детьми Василия Ивановича, великого князя Рязанского, и сестры Ивана III Анны)⁶⁵. И поскольку предприятие это было совсем немаленьким, то вероятность того, что 16-летний Степан Сидоров поучаствовал вместе с другими рязанским «воинниками» в этом «Польском походе», достаточно велика.

Следующий раз рязанцы ходили в «Польской поход» спустя 10 лет, в 1501 г., и снова этот выход был связан с борьбой Менгли-Гирея и Ивана III с Ахматовичами. В июле этого года в Москву прибыл сын боярский Ф. Кушелев с грамотами от московского посла в Крыму И. Мамонова, а с ним «царский татарин» Кутуш с письмами Менгли-Гирея Ивану III. Крымский «царь» отписывал Ивану, что-де Ахматовичи, «содиначившись», намерены идти в верховья Дона, с тем чтобы соединиться там с литовской ратью. Узнав об этом, хан собрался выступить навстречу своим природным врагам, но при этом попросил у Ивана «к нам на пособь десять тысяч человек посадив на конь к нам пришли, и хотя пак одну тысячу наперед пришли, прикажи», а

к ним, вприбавку, русскую «судовую рать», а «в судех пушки и пищали»⁶⁶.

За Иваном дело не стало. Отправляя спустя две недели Кутуша обратно, он писал хану, что верный союзническому долгу и братской дружбе, «ныне посла есмя на поле на орду Махмет-Аминя царя да и брата твоего царевых Нордоулатовых уланов, и князей и казаков с ним есмя послали, да и русскую рать с ним есмя послали» с наказом, как пойдут Ахматовичи против Менгли-Гирея, «идти на их орду» и ульсы их «имать», и быть «у них на хребте и недружбу бы им чинил, сколко им Бог пособит»⁶⁷. Разрядные книги позволяют уточнить, кто именно вошел в состав русской пособной рати — «великой княгине рязанской (Аграфене Федоровне, вдове великого князя Рязанского Ивана Васильевича. — В. П.) велел князь великий послати воевод Сунбула Тутыхина (двоюродный брат отца Степана Сидорова Григория. — В. П.) да Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору (брату покойного рязанского великого князя. — В. П.) велел послать Матвея Булгака Денисьева»⁶⁸.

Поход по уже известному маршруту снова, как и прежде, обошелся без боевых столкновений. Менгли-Гирей и Ахматовичи, постояв некоторое время друг против друга «усть Сосны» в укрепленных таборах («крепость учинив») и учинив «стравку» (т.е. прощупав намерения и силу друг друга в серии стычек удальцов-богатуров), после чего крымский «царь», сославшись на то, что де кони у него устали, а корму нет, и к ордынскому «царю» помощь идет, не дождавшись подхода рязанско-казанской рати, повернул назад⁶⁹. Ну а раз хан ушел, то и смысла продолжать новый «польской поход» не было. В итоге посланная Иваном III «пособная рать» тоже повернула восвояси⁷⁰. И, поскольку в этой экспедиции снова, как и в прошлый раз, принимали участие все рязанские полки, то вряд ли Степан Сидоров, которому к тому времени исполнилось 25—26 лет, остался в стороне.

За исключением этих эпизодов, если судить по летописным и разрядным записям, на южной «украине» в конце XV — начале XVI в. было относительно спокойно. Пользуясь же тем, что крымский и казанский «цари» были его

«братьями» и союзниками, Иван III в начале 90-х гг. переориентировал главные свои усилия во внешней политике на западное, литовское направление. В этой связи отметим, что с Литвой у Рязани были давние счеты, еще со времен Олега Рязанского, который попытался было стать «третьей силой» в споре Литвы и Москвы за право собирать под свою руку русские земли. Ноша эта оказалась неподъемной для Рязани, однако на рязанско-литовском пограничье ситуация оставалась неспокойной. Взаимные наезды и мелкие конфликты продолжались, свидетельством чему может служить посольство во главе с Василием Хребтовичем, прибывшее в Рязань к великому князю Ивану Федоровичу летом 1456 г. с жалобой от великого князя Литовского Казимира на своевольство и бесчинства рязанцев. Казимир наказывал своему послу передать Ивану, что годом раньше, в канун Николина дня, «твои люди з твоє земли пришодши безвестно... воиною, под город наш Мценск, место зажыгли, села повоевали и многи шкоды починили, и люди головами в полон повели». Но набег на Мценск был достаточно крупной акцией, а вот более мелкие наезды и разбои были обыденным явлением. Рязанцы, не особо церемонясь, согласно жалобам литовских «украинников», регулярночили на пограничье «кривды и шкоды велики», «татьбы, забои и грабежи», «места и села жгут» и «головами в полон ведут», «зверя бьют, а пьчолы дерут, а по рекам бобры бьют и рыбы ловять, где изъдавна им входов не бывало», и «иные многие шкоды делают»⁷¹. Одним словом, пути-дороги рязанцам на литовские «украины» были хорошо ведомы, и, когда Иван III во исполнение прежних договоров призвал своего «сестрича» Ивана Васильевича послать своих воевод вместе с москвичами против Литвы, они знали, куда идти и что делать.

Конфликт между Москвой и Вильно был предопределен еще в XIV в., когда две правящие династии, московские Калитичи и литовские Гедиминовичи, заявили о своих претензиях на «наследство Ярослава Мудрого». На первых порах, во второй половине XIV — первой трети XV в., при великих литовских князьях Ольгерде и Витовте, перевес был на стороне Литвы. Однако после смерти Витовта, не оставившего

го прямых наследников, внешнеполитическая активность Вильно на востоке пошла на спад и при великом князе Казимире практически сошла на нет. Казимир даже не смог оказать поддержки и помощи Новгороду, когда тот попытался перейти под его покровительство, не желая признавать верховенство Ивана III, равно как и старинному союзнику, Тверскому княжеству. Инициатива перешла к московскому великому князю, и переход его к наступательной политике был лишь вопросом времени, а повод — что ж, повод долго искать не надо было. Мелкие наезды и прочие «обидные дела» на московско-литовском пограничье давно уже стали такой же повседневностью, как восход и заход солнца, порой перерастая в довольно серьезные стычки, как это было, к примеру, в 1488 г. Прибывший в конце декабря этого года от Казимира в Москву посол Иван Плюсков жаловался Ивану III, что-де «люди твои с Колуги полки приходили под города наши (Мценск и Любутск. — В. П.) и многие шкоды людем нашим починили, люди побили, а иные головами у полон повели, животы и с статки побрали», и не только под Мценск и Любутск, но под Торопец, Вязьму, Смоленск и другие украинные волости. На эти обвинения Иван III выдвинул свои претензии, в частности, что жаловавшиеся на своевольства и грабежи со стороны московских людей князья Семен и Дмитрий Воротынские сами хороши, наслали «на наши волости на Медынские своих людей Ивана Шепеля да Ивана Бахту, да Федора Волконского, да Звягу Иванова, на Сеню Павлова и с иными со многими людми з знамяни и с трубами войною (sic!), да волости наши выграбили и выжгли, а людей многих до смерти побили, а иных головами свели...»⁷².

Пограничные конфликты постепенно переросли в большую войну между Москвой и Вильно. Сперва летом 1492 г. московские полки под водительством князя Ф. Телепня Оболенского взяли Мценск и Любутск и увезли в Москву множество полону. Затем в конце того же года князья С.Ф. Воротынский и еще несколько пограничных «верховских» князей отъехали на Москву «с вотчинами, з городами и с волостями»⁷³. Великий князь литовский Александр, сменивший на виленском столе умершего летом 1492 г. Казимира, отправил

отбивать важные пограничные городки Мезецк и Серпейск своих воевод, «из Смоленска своего пана Юрья Глебовича да князя Семена Ивановича Можайского, да князей Друцких», которые названные городки «с волостями поимали и позасели»⁷⁴. Ответный ход Ивана не заставил себя долго ждать. Получив известия о том, что «так над нашими слугами учинилося за вашею (литовскою. — В. П.) посылкою, и мы велели своих слуг боронити»⁷⁵, Иван собрал на Москве большую рать, которая выступила в поход 29 января 1493 г. И в эту рать, помимо государевых полков, ведомых девятью воеводами, и князя Семена Воротынского (недавно перешедшего на службу Ивану III) со товарищи, вошли также рязанские полки великого рязанского князя Ивана Васильевича, которыми командовал воевода Инька Измайлова, и удельного рязанского князя Федора Васильевича «со многими людьми»⁷⁶. Судя по всему, экспедиция была серьезной, и рязанские князья выставили под знамена Ивана III большую часть своих сил, а значит, и Степан Сидоров, которому шел тогда примерно 18-й год, не мог не принять участия в этом зимнем походе.

Поход соединенной рати увенчался полным успехом. Согласно летописям, «смоленский же воевода пан Юрий Глебович и князь Семен Иванович Можасково, слышав рать силну великого князя идоуща противу их, и в граде посадиша князеи и панов многих во осаде, а сами оубоявшесь и побегоша к Смоленскою». Подступившие было к Мезецку московско-рязанские полки были встречены тамошними посадскими людьми, открывшими ворота и повязавшими посаженного в городе окольничего Кривца «и иных многих князеи и панов, Литвы и смолян». Приведя жителей Мезецка к «целованию за великого князя», союзная рать двинулась дальше, к Серпейску, который оказал московским и рязанским воинникам упорное сопротивление, «воеводы же великого князя повеле воем моужствене приступати ко граду с пушками и с пищалми». Приступ увенчался успехом, Серпейск пал. Гарнизон городка был частью перебит, частью попал в плен вместе с оставленным Глебовичем руководить обороной Серпейска Иваном Плюсковым (тем самым, который несколькими годами раньше ездил в Москву

с посольством). Сам же Серпейск был разграблен и сожжен, а немногие его уцелевшие жители целовали крест великому князю. Следующим на очереди был Опаков, который ожидала та же печальная судьба. «И тако възврати-шась, — писал летописец, — а Литвоу и смолнян, седящих в осаде, и градских больших людей приведоша на Москву, а всех их 500 и 30 человек; и князь велики Иван Васильевич посла их в заточение по своим градом»⁷⁷

Собственно, на этом война с Литвой для рязанцев и закончилась. Московские полки в том году еще не раз ходили ратью на владения великого князя Александра, но помоши своих «сестричей» Иван III уже не требовал. Но и без того рязанцы изрядно ополонились, нахватали разных животов, а молодые «удальцы и резвцы, узорочье рязан-ское», такие, как наш герой, набрались опыта участия в большом зимнем походе и организации осады и штурма укрепленных городов.

В следующий раз помошь рязанцев потребовалась Ивану во время следующей войны с Литвой. Сперва рязанские полки, которыми командовал «великие княгини рязанские воевода Яков Назарьев», вместе с полками великого князя и удельных князей Василия Шемячика и Семена Стародуб-ского в ноябре 1501 г. подступили к Мстиславлю. Навстре-чу им вышел князь Михали Ижеславский, владетель Мстис-лавля, и воеводы великого литовского князя Якуш Костевич и Остафий Дашкович «з двором великого князя заставою и з жолъныри». В последовавшем сражении успех сопутство-вал соединенной московско-рязанской рати. «И снidoшась полци вместе, — сообщал своим читателям московский книжник, — и божию милостию одолеша полци великого князя Ивана Василевича московстии, и многих Литвы из-секоша, тысяч с семь (явно сильно преувеличенное чис-ло. — В. П.), а иных многих поимаша». Князь Михаил едва сумел укрыться в замке, взять который полки великого кня-зя так и не смогли, хотя, по словам составителя «Хроники Быховца», «оступивше город Мстиславль, стояли время немало, и много злого около города вчинивши»⁷⁸. Был ли Степан Сидоров в этом достаточно успешном походе (Мсти-славль взять не удалось, но его посады были сожжены,

округа — разграблена, и взят немалый полон) — на наш взгляд, скорее да, чем нет. Кому, как не ему, богатому и знатному рязанскому бояричу, ходить «конно, людно и оружино» в поход на литовский «дальноконный град»?⁷⁹

На следующий, 1502 г. великий князь замыслил нанести своему противнику Александру сокрушительный удар, взяв Смоленск. В состав рати под началом сына Ивана Дмитрия Жилки, посланной к этому важному в стратегическом, политическом и экономическом отношении городу, вошли и рязанские полки под водительством князя Федора Васильевича⁸⁰ Правда, из разрядных записей неясно, командовал ли он всеми рязанскими «розвециами» или только своими, из своего удела, поэтому участие Степана Сидорова в этом предприятии, окончившемся, впрочем, неудачей, маловероятно, чего не скажешь о предпринятом под занавес войны зимнем походе 1502/03 г. «из Северы на литовскую землю». На этот раз владения великого князя Литовского воевали все рязанцы — в полку правой руки был все тот же участник мстиславльской экспедиции «великие княгини рязанской воевода Яков Назарьев» со своими людьми, а в полку левой руки — «князь Федоров воевода Васильевича Рязанского Чевка Васильевич Дурнова»⁸¹

По всему выходит, что к 30 годам наш герой уже приобрел немалый опыт участия в боях и походах — здесь и дальние выходы в Поле, и «малая» война с татарскими «казаками», набегавшими на государевы украины, и набеги на Литву, и полевые сражения, и осада крепостей. Можно предположить, что Степан к этому времени уже продвинулся вверх по карьерной лестнице и стал начальным человеком — сотенным головой⁸² Вполне возможно, что со временем он поднялся бы и выше, выбился бы в полковые воеводы, которые ходят «своим набатом, а не за чужим набатом и не в товарищах»⁸³, но в 1505 г. скончался Иван III, на московском столе воссел его сын Василий. Сменились и действующие лица на рязанской политической сцене — в 1500 г. умер великий князь Рязанский Иван Васильевич, спустя год ушла из жизни его жена, сестра Ивана III Анна, в 1503 г. не стало и брата Ивана Федора. Он перед смертью завещал свой удел Ивану III, а московский князь, в

свою очередь, своему наследнику Василию⁸⁴ «В начале XVI в. от древнего Рязанского княжества оставалась только небольшая часть земель, — констатировал Д.И. Иловайский, — со всех сторон охваченная московскими владениями (согласно завещанию Ивана III, в руки Василия III перешел «на Рязани в городе и на посаде свои жеребеи», которым ранее владел Федор Васильевич. — *В. П.*); самая колыбель княжества Старая Рязань была в числе этих владений»⁸⁵. Меняется мир и за пределами Московского государства и Рязанского княжества (точнее, того, что от него к тому времени осталось). Большая Орда так и не оправилась от последствий острейшего экономического кризиса и обострившихся внутренних распри и после «стояния на Сосне» фактически распалась⁸⁶. А с распадом Орды и смертью Ивана III отношение Менгли-Гирея к союзу с Москвой стало изменяться, и не в лучшую сторону, равно как и московско-казанские отношения. И в довершение всего в 1506 г. умер король Польши и великий князь Литовский Александр. Начиналась новая эпоха.

Первым знаковым ее событием стал неудачный поход московской рати на Казань, предпринятый в ответ на откровенный разрыв казанским «царем» Мухаммед-Эмином отношений с Москвой. Начинавшийся вполне благополучно, он закончился катастрофой⁸⁷, и эта катастрофа имела далеконидущие последствия. В Литве и Казани начали зреть реваншистские планы, позиции «московской» партии при крымском дворе поколебались, и, что самое главное, нет никакого сомнения в том, что и в самой Рязани оживилась борьба сторонников и противников союза с Москвой. И снова обратимся к Д.И. Иловайскому. Историк писал, что при Василии III, в первые годы его правления, система отношений между Москвой и Рязанью осталась прежней, но с учетом перемен, произошедших в начале столетия, «такой порядок вещей не мог держаться долгое время». Еще бы — с тех пор, как Василий унаследовал от отца удел покойного Федора Васильевича Рязанского, пределы его власти в Рязани существенно расширились. И это обстоятельство не могло не беспокоить ту часть рязанского боярства, которая опасалась (и не без оснований) утратить свой статус и свое

место во властной иерархии в случае, если Василий попытается ликвидировать остатки рязанской независимости. «Московская», «старорязанская» партия, группировавшаяся вокруг вдовы великого князя Аграфены, надеялась, видимо, выказывая лояльность московскому великому князю, сохранить *status quo* и милую их сердцу «старину». Но ее позиции были сильны до тех пор, пока не ослабевала железная хватка Москвы. Поражение же полков Василия III под Казанью и отпадение Казани давало надежду противникам Москвы, группировавшимся вокруг юного Ивана Ивановича, вернуть Рязани прежнюю независимость и, естественно, перераспределить власть, деньги и привилегии в свою пользу, оттеснив в сторону московских доброхотов. К этой «партии» историк относил боярские фамилии Кобяковых, Коробыных, Глебовых, Олтуфьевых, Калеминых и родственников Сидоровых Сунбуловых. Федор Сунбул, родоначальник Сунбуловых, по мнению Иловайского, играл важнейшую роль при дворе Ивана Ивановича⁸⁸, и, на наш взгляд, именно он и был главой «младорязанской» партии.

Любопытно, что если Иван III не часто, но регулярно привлекал рязанские полки к походам против Орды и Литвы, то при Василии III ни летописи, ни разрядные записи не пишут ничего об участии «узорочья рязанского» ни в войне с Великим княжеством Литовским в 1507—1508 гг., ни в войне с Казанью, ни в новой войне с Литвой, начавшейся в 1512 г. И чем можно объяснить тот факт, что в своем ярлыке, который Менгли-Гирей отправил Сигизмунду, новому великому князю Литовскому в 1507 г., хан жаловал «брата» своего, помимо всего прочего, еще и Рязанью с Переяславлем «в головах, людях, тьмах, городах и селах, и данях, и выходах, и з землями, и з водами, и с потоками»? Причем в ярлыке было отдельно прописано, что «вышеи писаные города, князи и бояре наперед сего великому князю Витовту, брату нашему, а потом великому князю Жигимонту, брату нашему, какъ есте служивали, ино и ныне по тому жъ великому князю Казимиру, брату нашому, служите, колко городовъ, дани и выходы сполна давали, а которые люди напотом повышая дали есмо, не молте, перво того не служивали есмо, и дани и выходу не даивали

есмо, никоторое вымовъки не меите, дани и выходы давайте, отъ нынешнего часу служите»⁸⁹.

Складывается впечатление, что все это звенья одной цепи. Смена власти в Москве вдохновила «младорязанскую» партию при дворе юного Ивана Ивановича на определенные действия, нацеленные на дистанцирование от столицы Русского государства и, в перспективе, на восстановление независимости Рязани как великого княжества. Понятно, что без надежных союзников сделать это было невозможно — ресурсы Рязани и Москвы к тому времени были несопоставимы, и в качестве таковых помощников Федору Сунбулу и его единомышленникам виделись Литва и Крым. Похоже, что и первые контакты «партии» Ивана Ивановича с Крымом и Литвой приходятся как раз на 1506—1507 гг., и Василий III, осведомленный об этих контактах, занял выжидательную позицию, благо чего-чего, а терпения и умения ждать ему было не занимать. Однако привлекать рязанцев к своим внешне-политическим акциям он не стал — кто его знает, до чего они договорились с Сигизмундом?

Какую позицию во всех этих интригах занимали Сидоровы и наш герой? Круг лиц, причастных к контактам между Сигизмундом, Менгли-Гиреем (а потом его преемником Мухаммед-Гиреем) и рязанским князем, довольно точно очерчен в следственном деле о побеге Ивана Ивановича из московского заточения в 1521 г.⁹⁰ Ни семейство Сидоровых, ни сам Степан в этом комплете как будто замешаны не были⁹¹, однако же недоверие, которое испытывал Василий III по отношению к рязанцам, сказалось и на них. Но об этом немного ниже, а пока вернемся к последним годам рязанской независимости и интригам рязанского двора.

Затянувшаяся для рязанских служилых людей на почти 10 лет пауза в участии в походах и боях была прервана в 1512 г. Сперва в мае «прииде весть к великому князю, что крымского царя Минлигиреевы дети, Ахмат Кирей и Бурнаш Кирей, пришли безвестно на великого князя украину, на Белевские и на Одоевские места», «а иные татаровя, отделясь, пошли вниз на олексинские места, и на Колодну, и на Волкону»⁹². Немедленно по получении этой неприятной новости пришли в движение московские полки, выступив-

шие навстречу татарам и занявшие важнейшие броды через Оку. «В седло всели», судя по всему, и рязанцы. И эта предосторожность, как оказалось, была совсем не лишней. В июле месяце сторожи принесли весть, что «Махмут царевич Крымской пошол был на Рязань»⁹³. Однако, узнав, что его ждут на р. Осете князь А.В. Ростовский «и иные многие въеводы», повернул назад. «А воеводы великого князя за ним ходили на Поле до Сернавы, — продолжал летописец, — да его не дошли»⁹⁴.

Треволнения этого года на этом не закончились. Как оказалось, Бурнаш-Гирей, «плениша волости Воротынские и Одоевские», не удовлетворился взятым полоном и добычей и вернулся, на этот раз нанеся удар с другой стороны. Типографская летопись сообщала, что татары явились под Рязанью «безвестно» 6 октября «и стояли 3 дни и острог взяли и прочь пошли с полоном». Другие летописи дополняли это известие — Бурнаш-Гирей «со многими людьми» не только «ко граду приступал», но и «земли Рязаньской много пакости сотворил, и пленив, отъиде»⁹⁵. И практически нет сомнений в том, что Степан Сидоров со своими людьми если не ходил на Осеть, а оттуда в Поле за Мухаммед-Гиреем в июле, то уж совершенно точно «сидел» в Рязани в те памятные октябрьские дни, когда Бурнаш-Гирей обложил стольный град и пустошил его окрестности.

Неожиданные вторжения крымцев на Рязанщину имели столь же неожиданные (или нет?) последствия. Рассказывая о рязанских событиях в 10-х — начале 20-х гг. XVI в., С. Герберштейн писал впоследствии, что Иван Иванович «заключил союз с татарами и силой овладел княжеством, которым владела его мать. Совершив это, он повел переговоры с князем Московским, чтобы тот позволил ему править так же, как его предки, никому не обязанные и свободно управлявшие»⁹⁶. Насколько точен в своих воспоминаниях имперский дипломат — вопрос, давно волнующий историков. Однако, учитывая связи и информированность посла, его сообщение представляет немалый интерес. Сохранившиеся актовые материалы позволяют предположить, что после 7022 (1513/14) г., но до 7026 (1517/18) г. власть в Рязани сменилась. Аграфена, до этого удерживавшая в своих руках

бразды правления тем, что осталось от великого княжества Рязанского, передала их своему сыну Ивану. Первая дата определяется по последней грамоте на имя великой княгини, последняя — по грамоте Мухаммед-Гирея I, адресованной уже великому князю Ивану. Но уже в 7023 и 7024 гг. (1514/15 и 1515/16 гг.) рязанские грамоты адресуются Ивану как великому князю⁹⁷ Набег Бурнаш-Гирея был в 7021 г., и потому может сложиться впечатление, что переход власти к Ивану и набег царевича никак не связаны (классическая ситуация *post hoc ergo propter hoc*), но как тогда быть со свидетельством Герберштейна? Позволим сделать предположение, что набег Бурнаш-Гирея был использован Иваном Ивановичем для того, чтобы обвинить промосковскую «старорязанскую» «партию», стоявшую за спиной у Аграфены, в «нерадении» рязанским делам и под этим предлогом добиться перемен на властном рязанском олимпе.

В 1515 г. умер старый Менгли-Гирей, и власть в Крыму перешла в руки его сына Мухаммед-Гирея I. Новый хан, холодно настроенный по отношению к Василию III, затеял хитроумную дипломатическую интригу, рассчитывая до поры до времени, не выказывая своих предпочтений, сыграть на противоречиях Москвы и Вильно и реализовать старую мечту крымских «царей» — собрать все татарские «юрты» под своей властью. Московский великий князь, в свою очередь, надеялся, не обременяя себя лишними расходами и уж тем более обязательствами, добиться восстановления прежних союзнических отношений с Крымом и повернуть острье татарской сабли против великого литовского князя Сигизмунда I, война с которым, начавшись в 1512 г., порядком подзатянулась. При этом обе стороны не особенно стеснялись в выборе средств в достижении поставленных целей. Василий поддерживал контакты с братом Мухаммед-Гирея Ахмад-Гиреем, который был в оппозиции к хану и выступал сторонником сохранения прежнего русско-крымского союза и демонстрировал свое благорасположение вассальному касимовскому хану Шейх-Аулияру. Последнего же Мухаммед-Гирей полагал своим личным врагом⁹⁸. При этом Василий, не слишком доверяя своему «брату», одновременно укреплял южную границу Русского государства⁹⁹. В свою оче-

редь, Мухаммед-Гирей, ведя переговоры с Москвой, продолжал благосклонно принимать послов Сигизмунда и не препятствовал своим людям организовывать набеги на «московского». И вот в июне 1516 г. «украину рязанскую и мещерскую» «посетил» сын Мухаммед-Гирея Бахадыр-Гирей. В Москве гадали, «которого для дела Богатырь приходил на великого князя украину и с отцовым ли ведомом», поскольку взятые рязанцами языки «сказывали, что приходил (царевич. — В. П.) без отцова ведома, отец посыпал был его на Нагай»¹⁰⁰. Этот набег (в отражении которого 40-летний Степан Сидоров точно принимал участие), равно как и организованный в следующем году крымскими шириńskими и мангытскими «князьями», в отражении которого участвовал двоюродный брат отца Степана Иван Тутыхин со своими людьми (интересно, был ли в этом походе наш герой?)¹⁰¹, похоже, были попыткой со стороны Мухаммед-Гирея оказать давление на Василия III.

Так или иначе, но, чрезвычайно заинтересованный в московской помощи, хан после долгих переговоров о возобновлении московско-крымского союза в начале 1519 г. отправил в Москву посольство во главе с главным московским доброхотом в Крыму Аппак-мурзой¹⁰². Посол привез шертную грамоту хана, в которой тот «учинился с великим князем в крепкой дружбе и в братстве» и «сам собою в головах, и с своим сыном с калгою Богатырем царевичем, и с своею братею, и с иными царевичи, и з сеиты, и с уланы и с князми, и на всех недругов учинился с великим князем заодин...»¹⁰³. Однако свое согласие на возобновление старого союза Мухаммед-Гирей предварил рядом условий, без выполнения которых, по заявлению хана, «рота моя и шерть моя не в шерть...»¹⁰⁴. Главным условием союза, которое должен был выполнить Василий III, стало требование Мухаммед-Гирея принять участие в походе на Астрахань. Ради этого хан был готов даже на время забыть о своей ненависти к Шейх-Аулияру и его роду и даже закрыть глаза на то, что после смерти казанского хана Мухаммед-Эмина Василий III посадил в Казани «своего» хана, сына Шейх-Аулияра Шах-Али. Более того, Мухаммед-Гирей послал летом 1519 г. против Сигизмунда I большое татарское войско

во главе со своим сыном и наследником-калгой Бахадыр-Гиреем, которое опустошило Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства и в битве под Сокалем, что на Буге, наголову разгромило выставленное против него польско-литовское войско под командованием князя К.И. Острожского¹⁰⁵

К этому же времени относятся и две грамоты Мухамед-Гирея, адресованные Ивану Ивановичу, — одна из них была получена князем в августе 1518 г., а другая — весной следующего. Любопытные грамоты, надо сказать. Хан в них ставит своего «друга» Ивана в известность о том, что «ныне с великим князем с братом своим (Василием. — В. П.) верные правды и братства для крепкого роту и правду учинил, чтобы нам другу другом бытии, а недругу недругом». И поскольку теперь между «царем» и великим князем «дружба и братство» и желание «недругу недругом быти и старые правды и братства для», то пускай Иван как «добрый слуга» Василия III порадуется за мир и согласие между двумя государями и «нашему доброму делу помочь чинил»¹⁰⁶. Обращает на себя внимание как сам вид грамот — они очень короткие, так и их тональность — впечатление таково, что Мухамед-Гирей ставит в известность своего вассала о предпринятых им шагах и предписывает определенные действия, долженствующие способствовать успеху проводимой «царем» политики.

Понятно, что в условиях замирения Василия III с Мухамед-Гиреем планы «младорязанской» «партии» добиться возвращения Рязанскому княжеству если не полной, то, во всяком случае, большей части прежней независимости становились нереальными. И известие о шертовании хана неизбежно должно было повергнуть Ивана и его сторонников в уныние, посеяв сомнения в надежности хана как союзника. Оставался Сигизмунд, который продолжал воевать с Василием (как раз 1517—1519 гг. ознаменовались активизацией боевых действий на русско-литовском фронте — тут и поход королевских войск на Опочку, завершившийся провалом, и столь же неудачная ответная экспедиция полков Василия на Полоцк, и последовавшие за «чудом на Двине» набеги московитов на Литву).

К счастью (или к несчастью), дружба и братство между Василием и Мухаммед-Гиреем продолжались недолго. Василий, на словах готовый пойти навстречу пожеланиям хана так далеко, как тот захочет, на деле же всячески саботировал организацию совместного похода на Астрахань, намереваясь прежде всего довести до конца войну с Сигизмундом. Только в 1520 г. великий князь отправил вниз по Волге «7 городов силы судовой» под началом 5 воевод и небольшую конную рать во главе с 3 воеводами. При этом, согласно официальным разрядным записям, выходит, что для «московского» было важнее показать «крымской» «партии» в Казани, что он на стороне Шах-Али, чем помочь своему «брату» с астраханским делом. Примечательно, что в русской летописной традиции сохранились глухие упоминания о том, что в 7028 г. (1519/20) «царь крымской приходил на украину, на берегу стоял, да и бой был не один, да и прочь пошли...»¹⁰⁷ Разочарованный действиями своего «брата», Мухаммед-Гирей повернулся лицом к Сигизмунду, который не жалел, в отличие от скучного Василия, денег, сукон и прочих «животов» для подкупа татарских вельмож¹⁰⁸. В итоге в октябре 1520 г. хан подписал докончанье с великим князем Литовским, «тверду присегу и правду вчинил» за себя и всех своих детей, братьев, огланов, князей, мурз, дворян и всех подданных быть с Сигизмундом «приятелю приятел» и «неприятелю — неприятель». Подтвердив ярлык своего отца, которым Сигизмунд жаловался многими землями «со всеми доходы и даньми, и з землями, и з водами», в число которых входили также и Рязань, хан потребовал от своего «брата» держать в «гостях» Шейх-Ахмеда «поки на него Бог смерть пришлет» и ежегодной выплаты «поминок» в 15 тысяч золотых. При этом хан обещал взамен по желанию Сигизмунда отправить на «московского» свои полки при условии, «коли им гроши на страву пришлете»¹⁰⁹.

Сопоставляя эти сведения с данными Герберштейна, можно предположить, что летом 1520 г., когда хан разочаровался в союзе с Москвой, контакты Ивана Ивановича с Мухаммед-Гиреем продолжились, но уже с иной окраской. Теперь рязанский князь как слуга двух господ, хана и вели-

кого князя Литовского, должен был помочь им в наказании «московского». И Иван изъявил готовность оказать им свое содействие в этом, тем более что его переговоры с Василием III не имели успеха, а хан посулил Ивану (или Иван запросил?) свою дочь в жены молодому рязанскому князю. Сохранить в тайне эти переговоры Ивану не удалось, и известие Устюжской летописи о том, что «тое же зими (7024 г. — В. П.) поимал князь велики Василии Иванович Ивана Ивановича Рязанского, а Рязань всю за себя взял», надо трактовать как сообщение о том, что Иван Рязанский был арестован зимой 7029 (1520/21) г.¹¹⁰

Хитро сплетенный клубок интриг был разрушен в июле—августе 1521 г. Мухаммед-Гирей внезапно объявился на государевой украине, разгромил русские полки в битве под Коломной 28 июля, после чего «много монастырев пожог и сел и много посече и поплени по Рязанской земли и по Коломенской земли и сюды к Москве, и много зла учинил, а в полон поймал бояр и боярынь и княгинь и детей боярских и крестьян велми много поймал, а по всем городом Московским осада была...». Вологодско-Пермская летопись к этому добавляла, что разорению подверглись «Коломенские места, и Коширские, и Боровские, и Володимерьские (то есть получается, что отдельные татарские отряды проникли далеко к северо-востоку от Москвы. — В. П.), и под Москвою повоеваша...». Был сожжен каширский посад, а один из татарских отрядов попытался штурмовать Колому, но коломничи спалили посад и, сев в осаду, отбили попытки татар взять кремль¹¹¹. Калга Бахадыр-Гирей тем временем вышел к Москве, где его воины сожгли «манастырь Николы чутворца на Угреше» (в 20 км от Москвы) и «великого князя село любимое Остров» (в 25 км от столицы)¹¹². Отдельные татарские разъезды подошли к самой Москве и «в Воробьеве, в великого князя селе, были и мед на погребех великого князя пили»¹¹³.

Воспользовавшись паникой и суматохой в Москве, в ночь с 28 на 29 июля 1521 г. Иван Иванович сумел бежать из заточения и укрыться в Литве¹¹⁴. Действия «рязанской» «партии» в самой Рязани были парализованы энергичными и умелыми действиями московского наместника окольни

чего И.В. Хабара, опытного военачальника, которому не впервые было оказываться в подобной ситуации¹¹⁵. Последний при первом же появлении татар в окрестностях Рязани поспешил привести рязанцев к крестному целованию с тем, чтобы им «города не здати, а битися всем заодин...» и «со царем битися бесхитросно». Затем он повторил эту процедуру, когда крымский «царь» вернулся под Рязань 15 или 16 августа 1521 г. Как показал во время следствия рязанский воевода Ф. Сунбулов, «как, господине, царь поворотил из земли, и к нам, господине, пришла на Рязань весть, что князь Иван Рязанской с Москвы побежал, и Хабар, господине, учил нас въдругой збирати да привел нас ко владыке ж. И владыка, господине, да Иван Хабар учял нам говорить: нечто дей придет царь к городу, и князь Иван Рязанской с ним, и нам дей опять крест целовати в том, что нам со царем и со князем с города битися и государем вам князя Ивана не назвати, а государь вам князь великий Василий всея Руси...»¹¹⁶.

Неудавшийся переворот в Рязани и бегство в Литву Ивана Ивановича положили конец существованию остатков независимого Рязанского княжества. Где находился и каково было участие Степана Сидорова в этих драматических событиях — увы, сохранившиеся документы об этом ничего не сообщают, хотя, вне всякого сомнения, с началом весны Степан со своими слугами «всел» на коня, ибо о том, что Мухаммед-Гирей собирается в поход, на Москве было известно задолго до того, как татары объявились под Коломной. Одно ясно — наш герой оказался среди тех рязанских служилых людей, которых, по сообщению Герберштейна, «чтобы со временем не возникло среди рязанцев никакого мятежа, он (то есть Василий III. — В. П.) расточил их по разным поселениям»¹¹⁷. Любопытно, что наш герой оказался в числе «расточенных» рязанцев, оказавшихся в Коломенском уезде, тогда как замешанные в заговоре 1521 г. Кобяковы, Сунбуловы, Колемины, Глебовы остались на Рязанщине. Чем объяснить такой парадокс — можно только догадываться.

Как складывалась судьба нашего героя в последующие годы? Переселенный в Коломенский уезд, Степан оказался в числе не слишком многочисленных зажиточных детей бо-

ярских средней руки. Переписные книги Коломенского уезда, составленные спустя полвека с лишним после «расточения» рязанцев, показывают, что Степан распоряжался поместьями в Коневском и Скульневском станах (сельцо и 5 деревень) общей площадью хорошей, «угожей» земли 28 четей «в поле» и «середней» земли 533 чети, сеножатей на 220 копен да сена ставилось еще 410 копен и лесу всякого 38 десятин. Обзавелся Степан еще и вотчинишкой небольшой (3 деревеньки и 3 починка) в Коневском стане Коломенского уезда, с 99 четями пашни и 180 копнами сена¹¹⁸. Всего у нашего героя было около 660 четей пашни, сенокосов на 810 копен и лесу 38 десятин. Учитывая, что тогдашние деревеньки и сельца были малодворными, то у Степана было самое большое около 40—50 дворов и примерно 250—300 душ крестьян «мужеска и женска» пола. Кстати, согласно «Приговору царскому о кормлениях и о службе» 7064 года (1555/56) надлежало выставить с поместья «со ста четвертей добрые угожей земли человека на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь»¹¹⁹, и по всему выходит, что со Степана могли затребовать выставить с поместья и вотчиншки 3—4 послужильцев «на коне и в доспесе в полном».

О том, как проходила служба Степана Василию III после «расточения» и до 1537 г., когда появляется первая запись об «именной» службе бывшего рязанца, а теперь коломенского сына боярского (надо полагать, первой статьи — судя по размерам его поместья), нам снова доподлинно ничего не известно. Любопытно, что когда в 7060 г. (то есть в 1551/52) составлялась знаменитая «Тетрать дворовая», в которую были «писаны бояря и диаки да и князи и дети боярские дворовые московские земли и приказные люди», то наш герой оказался вписаным в нее¹²⁰. В составленную несколько раньше «Тысячную книгу» были вписаны дети Степана, Григорий и Дмитрий¹²¹. Похоже, что сам Степан в число «тысячников» не вошел, может быть, по причине своего преклонного возраста, но его заслуг как дворового сына боярского оказалось достаточно, чтобы обеспечить место в «Избранной тысяче» двум своим сыновьям. И вот тут встает вопрос — когда Степан вошел в составе госуда-

рева двора, в список отборных «кутазников и аргумачников»? Случилось ли это еще при Василии III, или же эта важная, вне всякого сомнения, веха в биографии нашего героя произошла в эпоху «боярского правления»? Мы склоняемся к последнему сценарию развития событий, и случилось это, на наш взгляд, скорее всего, летом 1534 г., когда «великая княгиня Елена (Глинская, вдова Василия III и мать Ивана IV — В. П.) з бояры думала, да велела князей и бояр жаловати да на службу посылати»¹²². Во всяком случае, вскоре после этого карьера Степана постепенно пошла в гору, и он начал получать одно назначение за другим. И по нашему мнению, этот явный прогресс можно связать только с тем, что Степан наконец-то вошел в узкий круг московских «стратилатов», которым государь и боярская дума доверяли начальствование над служилыми людьми, и вышел из тени, в которой он скрывался все предыдущие десятилетия.

Кстати, касаясь службы Степана московскому государю в эти пятнадцать лет, отметим, что коломенский служилый «город» был на хорошем счету, и, судя по всему, как правило, входил в состав Большого или Государева полков. Так было, к примеру, в Полоцкой экспедиции 1562/63 гг. в Молодинскую кампанию 1572 г. и в походе на черемису в 1583/84 гг.¹²³ И поскольку Коломна была одним из ключевых звеньев оборонительного рубежа по «берегу», то ни одно мало-мальски крупное событие на Оке без коломничей не обходилось, да и не на Оке тоже. Ну а раз так, то нет никаких сомнений, что Степан Сидоров и его послужильцы участвовали в «Ислановой стравке» (отражении набега Ислам-Гирея осенью 1527 г.), казанском походе 1530 г., событиях августа 1533 г., когда Ислам-Гирей вместе со своим двоюродным братом Сафа-Гиреем совершил набег на Рязанщину, и зимнем 1534/35 гг. походе русских полков на Литву («послал князь великий Иван Васильевич всея Русии воевод своих на Литовскую землю ратью, с Москвы послал боярина своего и воеводу князя Михаила Васильевича Горбатого Кислого и иных воевод со многими людьми Московских городов...»¹²⁴). И не за заслуги ли в этих походах Степан был вписан в состав Государева двора и пожалован

наместником, «корм и иные намесничи пошлины имать»¹²⁵, в Одоев в 7045 г. (1536/37)?¹²⁶

Наместничество в Одоеве стало первой «именной» службой Степана Сидорова, и после этого он начинает регулярно появляться в разрядных записях. Нетрудно заметить, что то, что давалось «дородным» московским служилым людям из семей, давно служивших Калитичам, легко и без особых проблем, являясь стартовой ступенькой в их карьере, для Степана стало наградой за его к тому времени уже без малого 50-летнюю службу (в том числе и 15-летнюю — Москве). Естественно, что к тому времени уже седобородому старику (а в 1537 г., если верить Курбскому, Сидорову было уже за 60 лет — весьма почтенный возраст по тем временам) было трудно равняться с молодыми, полными сил и энергии княжатами и боярскими детьми. Продолжая тянуть лямку без особых перспектив (все-таки служба рязанскому дому — не самая лучшая рекомендация для продвижения вверх по карьерной лестнице на Москве), Степан мог рассчитывать лишь на то, что у его детей судьба сложится все же лучше, чем у него. Да и, собственно говоря, отставку тогда можно было получить лишь по совершенной дряхлости, вызванной возрастом, болезнями или ранами (подобно Ивану Дмитриеву сыну Нарбекову, который заработал в июне 1551 г. отставку от службы после того, как был «на нашей (царской. — В. П.) службе в Казани ранен — глаз выстрелен и руку у него оторвало ис пушки»¹²⁷).

«И отпуска нет на войне!» — эти слова из стихотворения Р. Киплинга «Пыль» неплохо подошли бы в качестве эпиграфа к последним страницам биографии Степана Сидорова. Начиная с 1537 г. и до самой своей смерти от ран, полученных в бою, чуть ли не каждый год мы видим его в боях и походах. И не только в них — как и большинство служилых людей того времени, Степан Сидоров был мастером на все руки — и швец, и жнец, и на дуде игрец. В его послужном списке в эти последние почти 20 лет жизни служба полевая и полицейская, участие в сражениях, больших и малых, выполнение дипломатических поручений и даже организация торгов и взимание торговых пошлин. Но обо всем понемногу и по очереди. В ставшем уже обыден-

ностью очередном летнем «стоянии» на Оке в 1538 г Степан был одним из «голов для посылок» при первом воеводе передового полка князе В.А. Микулинском — должность для поседевшего на службе ветерана, прямо скажем, не ахти какая (конечно, «голова для посылок» должность ответственная, первого встречного на нее не назначат, но для ветерана — маловато будет). Но другого выбора не было (можно, конечно, было бы попытать счастья в Литве, как это сделали прежний сюзерен Сидорова, великий князь Иван Иванович, или князь Семен Бельский, но Степан не стал «перелетом»), и оставалось только служить дальше, рассчитывая на государеву милость.

Несомненно, Степан участвовал в памятных для русских и татар событиях холодного лета 1541 г. Крымский «царь» Сахиб-Гирей, давно угрожавший Москве нашествием, решился наконец исполнить свои обещания и во главе немалой рати явился, ведомый князем С. Бельским (который, кстати, по матери был родственником Ивана Ивановича Рязанского и потому претендовал на рязанский стол), на Оку под городком Ростиславлем. Правда, с ходу переправиться через реку ему не удалось — несогласие в татарском стане и отчаянное сопротивление ратников передового полка под водительством воевод князей И.И. Турунтай Пронского и В.Ф. Охлябинина не позволили ему этого сделать. Потеряв несколько часов, хан проиграл все. С холма на правом берегу Оки, где Сахиб-Гирей поставил свою ставку, он и его окружение «узре», что «идут большие полки да и правая рука и левая; и начат царь зрети и дивитися, что идут люди многие, учредив полки красно: видят, а люди цветны и доспешны...»¹²⁸. И далее летописец продолжал — «призыва царь князя Семена Белского и князей своих: «сказали ми есте, что великого князя люди х Казани пошли, а мне и встречи не будет, а яз столко многих людей и нарядных, — писал русский летописец, — ни кутазников, ни аргумачников не лучися видати в одном месте; а старые мое татарове, которые на многих делех бывали, то же сказывают, что столко многих людей нарядных в одном месте нигде не видали»¹²⁹. Впечатление, произведенное на Сахиб-Гирея упорством русских при обороне бродов через Оку и видом

великокняжеских полков, в том числе и государева двора, было достаточным для того, чтобы «царь» отказался от дальнейших попыток форсировать реку и поспешил повернуть бесславно назад.

Был ли в 1541 г. Степан Сидоров сотенным головой в одном из полков государевой рати, бившейся с татарами на Оке, — неизвестно, но вот спустя два года, в 1543 г. он снова на беспокойной южной границе, в головах «у Николы Заразского», под началом тамошнего воеводы Я.А. Салтыкова (в списке зарайских голов, Степан, кстати, стоит на последнем месте)¹³⁰. И надо полагать, что служил наш герой исправно, потому как по возвращении из зимнего 7056 (1547/48) года на Казань (а поскольку сам государь ходил на непокорных казанцев, то и двор был вместе с ним, и, следовательно, Степан Сидоров со своими сыновьями — непременно) рязанец был отправлен вторым воеводой в Зарайск¹³¹. Воеводство, пусть и вторым воеводой, в столь важной крепости, как Зарайск, — это уже серьезный успех. Правда, чтобы проделать путь от головы до городового воеводы, Степану потребовалось 10 лет — что ни говори, рязанское происхождение давало о себе знать.

В 7058 (1549/50) г. Иван IV, «не мога терпети от клятвопреступников казанцов за многия их творимые клятви и неправды»¹³², в ноябре снарядился во Второй казанский поход. И снова среди участников похода мы видим Степана Сидорова. «Идучи х Козани, — записано было в разрядных записях, — царь и великий князь послал воевод своих для своео дела и земского... козанских мест воевати и кормов добывать». И среди этих воевод был и наш герой¹³³. Очевидно, что ветеран в предыдущие годы сумел выдвинуться, «наехать» себе «чести», и теперь получает ответственное задание и возможность действовать более или менее самостоятельно, что свидетельствует об определенном доверии к нему со стороны молодого царя. По возвращении же из похода Степан снова отправляется на беспокойную «крымскую украину», и снова вторым воеводой в уже хорошо знакомый ему Зарайск¹³⁴.

К этому времени наш герой, судя по всему, окончательно вошел в узкий круг лучших воевод, которые пользова-

лись доверием юного Ивана IV Новые назначения для него идут одно за другим, фактически не давая возможности побывать дома. Не успев отбыть срок в Зарайске, как с Дмитриева дня (26 октября) 7059 ((1550/51) г. его отправляют на воеводство в Муром. Прошло два месяца, и «декабря в 26 день, пришли нагайские мурзы Ураслан-мурза да Отай-мурза да Тейлякъ-мурза и иные мурзы со многими людми на Мещерские места и на Старую Рязань»¹³⁵. К несчастью для татар, русские сторожи вовремя обнаружили их приближение, и украинные воеводы «сошлись» и дали отпор ногаям. «И по тем вестям были воеводы на Резани и ходили в поход боярин князь Петр Михайлович Щеняцев да князь Петр Иванович Микулинской, — сообщала разрядная книга, — да князь Олександра Иванович Воротынской; да от Николы Заарского князь Дмитрий Иванович Пунков Микулинской. И сошлися воеводы вместе и приходили на нагайских людей во многих местах, и божию милостию везде татар побивали, и Селейка мурзу взяли, и многих татар живых поимали»¹³⁶. «Государев разряд» же дополнил это известие — согласно его показаниям, «в Ялатме были по нагайским же вестям и на деле были из Мурома воевода Семен Васильевич Шереметев, Степан Григорьевич сын Сидорова». В итоге для татар все закончилось очень и очень печально — пойдя по шерстя, мало кто из них даже и стриженым вернулся в родной юрт. Летописец со злорадством писал, что «сошлися воеводы рязанские и мещорские вместе и шли до Шацких ворот и везде божиим милосердием побивая их (ногаев. — В. П.), а снеги великие да морозы, и позябли многие (ногаи. — В. П.), а достальных во многих местах розных казаки великого князя и до Волги их побивали». В итоге, по словам русского книжника, спастись сумели только сам Арслан-мурза и Отай-мурза да с ними «пеших ногаи человек с пятьдесят», а прочие «все божиим милосердием зле погибли»¹³⁷.

Русский книжник, конечно, преувеличил размеры разгрома, учиненного татарами русскими воеводами. Но не слишком, ибо Иван IV отписывал потом ногайскому Белек-Булат-мурзе, что согласно вновь заведенному обычаяу, «которои на наши украины воиною ни придет, и тот жив не будет». И во

исполнение этого обычая Арслановых людей и иных, пришедших с ним, «тысяч пять или шесть людей наших людей саблею умерли. А иные у нас на Москве в тюрях померли»¹³⁸. Одним словом, урок молодым, но слишком самоуверенным мурзам был преподан основательный. Зачинщик набега, Арслан-мурза, поспешил «учинить правду» перед Исмаил-мурзой, братом ногайского бия Юсуфа и его преемником-нурадином, а по совместительству — еще и главным московским доброхотом в Ногайской орде, и отправить летом 1551 г. своего посла к Ивану вместе с послами от Исмаил-мурзы и других мурз. «А всех послов и гостей и их людей 750 человек, — отмечалось в посольской книге, — а лошадей с ними 7500»¹³⁹. Вслед за ними прибыли и другие ногайские послы, 250 человек с 2000 лошадей, и «против ногайских послов велел царь и велики князь послати встречю Степана Григорьева сына Сидорова. Да с Степаном же посланы дети боярские московских городов». Иван, отличавшийся своеобразным чувством юмора, явно не случайно именно Сидорова назначил встречающим ногайских послов! И что еще интересно — наш герой не только обязан был организовать должным образом, с соблюдением всех тонкостей дипломатического протокола, встречу ногаев, но по царскому повелению «на базаре у них (ногаев. — В. П.) велено быти Степану»¹⁴⁰ Кстати, конской торговле на Москве придавалось особое значение — ее порядок подробнейшим образом описал беглый подьячий Григорий Котошихин сто с небольшим лет спустя¹⁴¹ В частности, Котошихин отмечал, что воевода, ответственный за организацию торговли татарскими конями, должен был прежде всего отобрать «про царский обиход» лучших лошадей, записать их в специальные книги и запятнать, после чего наладить распродажу оставшихся и сбор «записных денег» с продажи.

28 сентября 1551 г. под бдительным контролем Степана ногайские гости начали продавать пригнанных лошадей, а уже 12 октября ногаи двинулись в обратный путь. «А проводит велено Байтерека с таварищи до украины Степану ж Сидорову, — отмечено было в ногайской польской книге, — да с ним детем боярским тем же, которые на встрече были»¹⁴². И снова назначение было с намеком, ибо проводы

послов были делом ответственным и небезопасным — в том же 1551 г. послы Юсуф-бия, «идучи с Москвы, долгою грабили», а затем, на самой границе, «царя и великого князя воевод, которые их провожали до украины, переграбили ж»¹⁴³. И надо полагать, что с обоими поручениями, дипломатическим и торговым, Степан Сидоров справился успешно, не допустив порухи царской чести, ущерба его казне и грабежей со стороны татар.

В 1552 г. Степан непременно должен был вместе с Иваном в составе его государева полка ходить сперва на «берег», а потом и за него, в погоне за крымским «царем» Девлет-Гиреем I, который, пытаясь помочь Казани, попробовал на прочность оборону крымской украины. А когда хан был вынужден убраться от Тулы обратно, Иван со своими полками ушел к Казани, и казанская эпопея, несомненно, может быть записана в послужной список нашего героя.

В 1553 г. мы снова видим Степана на южной украине, в знакомых местах, выполняющим ответственное поручение. Иван IV, последовательно продолжая политику своего отца по возведению крепостей на возможных путях выдвижения крымских татар и ногаев к русским рубежам, решил поставить город «в Шатцких воротех на Шате на реке». Ставить город было поручено сыну боярскому Борису Сукину, а «на бережении с людми» прикрывали строительство от внезапной атаки татар князь Д.С. Шестунов и Степан Сидоров. Возвведение будущего Шацка началось «с Николина дня вешнего» (9 мая), а завершилось к «Ыльина дни» (20 июля). Обращает на себя быстрота возведения крепости — не прошло и 2,5 месяца с начала ее постройки, как она уже была готова и в ней оставлен на «годованье» гарнизон с воеводами князем И.Ф. Мезецким и С. Лачиновым¹⁴⁴.

По возвращении из шацкой «посылки» Степан недолго пребывал в праздности — в октябре из «Нагаев» «выбежали» полоняники Карп Горлов «со товарищи», которые сообщили, что де «Исмаил мурза, Ахтотар мурза и иные мурзы Волгу перевезлися со многими людьми, а ждати им, перелезши Волгу, Исупа князя; а Исупу князю с теми со всеми людьми быти на царевы и великого князя украины». Весть о том, что Юсуф-бий снарядился в поход «на Резан-

скую украину, как Ока станет», сообщил из Ногайской орды и служилый татарин великого князя Сююндюк Тулусупов, добавив к этому, что Юсуф-де ведет с собой «всех людей своих сто тысяч да дватцать»¹⁴⁵. Естественно, что обеспокоенный Иван и бояре поспешили предпринять необходимые контрмеры — была составлена роспись полков с развертыванием их на Коломне. Туда собрался выступить и сам царь вместе со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и, естественно, вместе со своими дворянами (а значит, Степан Сидоров по царскому приказу также «всел в седло» и по размокшим осенним дорогам, проклиная Юсуфа и его ногаев, порысил к месту сбора). Сторожи в Поле и на «резанской украине» получили наказ «проводати про ногаиских людей», ногайских послов, незадолго до этого поехавших было с Москвы домой, было приказано вернуть обратно¹⁴⁶. К счастью, тревога оказалась ложной — прибывший из Шацка в Москву 29 ноября сын боярский Злоба Щепотев сообщил, что ногаи действительно идут, но это не рать Юсуфова, а посольство от Исмаил-мурзы, «а всех послов и гостей и их людей 400 человек, а лошадей с ними 3000». Вслед за Щепотевым в Москву прискакал служилый татарин Бахтеяр Бамаков, который «сказывал» Ивану, что-де Юсуф-бий действительно собрался ратью на «резанскую украину», но Исмаил-мурза отказался поддержать его в этом предприятии и «Юсуф деи за тем не пошел»¹⁴⁷. Собравшаяся было рать большей частью была распущена, и Степан вернулся в ставшее ему за эти 30 лет родным поместье и расседлал коня.

Но отпуск его и на этот раз длился недолго. Приступив в конце 40-х гг. к развязыванию казанского узелка, Москва не могла не заняться разрешением тесно связанного с казанским узелка астраханского. Крымские «цари» издавна посматривали в сторону Астрахани, полагая своей обязанностью присоединить астраханский «юрт» к своим владениям. Естественно, что это не устраивало ни самих астраханцев, ни кочевавших по соседству ногаев, ни тем более Москву. После того как крымский хан Сахиб-Гирей в 1546 г. взял и опустошил Астрахань, противоречия вокруг города в низовьях Волги обострились еще больше. В 7058 (1549/50) г. москов-

ские казаки, пользуясь анархией и хаосом в низовьях Волги, наступившими после похода Сахиб-Гирея, на время взяли Астрахань. Вскоре после этого скрывавшийся на Северном Кавказе астраханский хан Ямгурчи был челом Ивану, чтобы «ево государь пожаловал посадил опять на Астарахани». Иван удовлетворил просьбу незадачливого «царя», вынужденного уже который раз ударяться в бега, и, как говорилось в царском наказе отправленному с посольством в Великое княжество Литовское сыну боярскому Н.С. Сущеву, «ныне на Астарахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего»¹⁴⁸. Однако очень скоро Ямгурчи счел зависимость от Москвы унизительной для себя и завязал контакты с Крымом. Сменивший в результате дворцового переворота Сахиб-Гирея новый крымский «царь» Девлет-Гирей I, руководствуясь недвусмысленными намеками из Стамбула о желательности активизировать политику в Восточной Европе с целью не допустить чрезмерного усиления влияния Москвы в регионе¹⁴⁹, попытался вовлечь Ямгурчи и ногайского бия Юсуфа в антирусскую коалицию.

Заподозрив неладное, в Москве решили сменить Ямгурчи, благо и кандидат подходящий имелся под рукой — бывший астраханский хан Дервиш-Али, уже побывавший на астраханском столе в 1537—1539 гг., а ныне служивший Ивану и державший от него город Звенигород¹⁵⁰. В январе 1552 г. Иван принял Дервиш-Али и пообещал ему и ходатайствовавшему за своего «брата» Исмаил-мурзе, что он намерен астраханское дело «делати, сколко нам Бог поможет»¹⁵¹. И как только у московского государя оказались связанными руки после взятия Казани, на очередь встало астраханское «дело». Отправляя в январе 1554 г. своего посла Н.И. Бровцына в Ногайскую орду, Иван наказывал ему тайно передать Исмаил-мурзе, что де «твои (Исмаиловой. — В. П.) дружбы Дербыша царя на Астарахань отпустили», и не одного, а с воеводой князем Ю.И. Пронским «с таварищи со многими людми». Пронскому и Дервиш-Али было приказано: должен был передать нурадину тайный наказ Ивана Бровцын, «быти против Переволоки июня месяца 1 день. И ждать им есмя велели тебя (Исмаила. — В. П.) в том месте семь день»¹⁵².

Правда, выдержать первоначальные сроки выступления («как лед вскроется»), не удалось, и князь Пронский выступил из Нижнего Новгорода только в конце мая («в Петров пост»). Первым воеводой сторожевого полка этой судовой рати был Степан Сидоров¹⁵³. Примечательно, что в росписи воевод Степан был поставлен выше князя А.Г. Булгака Барятинского, назначенного вторым воеводой сторожевого полка. Князь, обиженный таким раскладом, был челом государю на Степана и первого воеводу передового полка Игнатия Вешнякова, однако Иван и бояре рассудили — в интересах дела «им быти без мест»¹⁵⁴. Наконец-то заслуги Сидорова получили признание. Пусть и невеликая рать, всего-то на три полка, но все же он получил назначение не в пример более «честное», чем прежде, и местнический спор был разрешен, в общем-то, в его пользу. Увы, это признание пришло к Степану лишь на закате его карьеры — на 80-м году жизни, когда ему служить оставалось всего ничего. И оставалось ему надеяться только на то, что его детям удастся по проложенному отцом пути пройти дальше.

Несмотря на существенную задержку по сравнению с первоначальным планом (на Переяловку русские вышли только 29 июня) и отсутствие Исмаил-мурзы (который «за-воевался» со своим братом Юсуфом), экспедиция Пронского увенчалась полным успехом. Разбив по дороге астраханскую судовую рать, русские полки вышли к Астрахани 2 июля и, «вылезчи ис судов, призыва бога в помощь, пошли к городу». Немногие остававшиеся в Астрахани жители бежали при приближении русских, и «взят град Асторохань июля в 2 день на праздник пречистыя владычицы нашей богородицы Положение честные ризы, иже в Лахерне»¹⁵⁵. Посадив Дервиш-Али на стол и оставив его в опустевшем городе под присмотром князя А. Барятинского и сына боярского П. Тургенева с детьми боярскими и стрельцами с казаками ото всех полков, сам Пронский со товарищи отправился в погоню за бежавшим Ямгурчи. Степан Сидоров со своими людьми был вместе с большим воеводой и его товарищем М.П. Головиным. 7 июля они настигли бежавших вслед за ханом астраханцев «вверх Уского Мочаку на Карайбулаке» юго-западнее

Астрахани, и «Божиим милосердием, а царевым великого князя счастием, многих людей побили, а иных живых поимали». Продолжая преследовать Ямгурчиевых подданных, Пронский, Головин и Сидоров со своими ратниками «дошли» конных и пеших астраханцев, побросавших свои «суды», у Белого озера, и снова «многих людей побили и полону русского много отполонили». От уже не чаявших спасения астраханцев к Проскому со товарищи приехал Кара-Иклеш-князь с челобитьем, чтобы «их (то есть астраханцев. — В. П.) царь князь великий пожаловал, побити и розвести не велел, а велел бы служить себе царю и великому князю и Дербыш-Алею царю, а они на том правду дадут, что им служить царю и великому князю прямо...»¹⁵⁶.

Устройство астраханских дел заняло у Пронского и его товарищей четыре недели, и 29 июля 1554 г., утвердив Дервиш-Али на астраханском столе окончательно, приведя хана и «всю землю Азъстораханськую» «к правде» и оговорив порядок взимания дани в пользу московского государя, князь и большая часть его воинства 29 июля повернули Волгой домой. Перед этим Пронский и полковые воеводы отправили в столицу сеунщиков с радостной вестью о победном завершении астраханской «посылки». Обращает на себя внимание тот факт, что если от большого и передового полков гонцов отправили все воеводы, то от сторожевого полка сеунщик был только один, отправленный Степаном Сидоровым, — его сын Дмитрий¹⁵⁷ Спустя два с лишним месяца, в октябре 1554 г., воеводы и отправленные вместе с ними Дервиш-Али послы прибыли в Москву «дал Бог, совсем здорово», и «государь их жаловал великим жалованием»¹⁵⁸.

И снова отдых Степана длился недолго. Отношения Москвы и Крыма оставались напряженными, и обе стороны готовились к новому раунду противостояния. Девлет-Гирей, не сумев оказать помощи Казани и спасти ее от завоевания Иваном IV, попытался продолжить борьбу за Астрахань. Преемник Ямгурчи Дервиш-Али недолго пребывал в верности данному им русскому царю слову. Весной 1555 г. астраханец вступил в тайные переговоры с крымским ханом, и Девлет-Гирей решил оказать ему поддержку, организовав вторжение в русские пределы. «Царь» рассчитывал

окончательно переманить Дервиш-Али в свой лагерь, а через него воздействовать на политическую ситуацию в Ногайской Орде, где бий Исмаил, союзник Ивана IV, вел борьбу со своими племянниками Юсуfovичами (их отца, своего брата, Исмаил убил в борьбе за власть). В случае успеха возникла возможность сколотить коалицию татарских юртов (три «сабли», по словам Ивана Грозного — «крымская», «ногайская» и «астраханская»), и, кто знает, смог бы в таком случае великий князь удержать Казань?

Ставки в игре были высоки, и Девлет-Гирей тщательно отнесся к планированию большого похода на Москву. Прежде чем начать кампанию, он постарался поддержать у Ивана и его советников видимость своей готовности продолжать мирные переговоры и «того же году (1555 г. — В. П.), месяца мая, прислал из Крыму Девлет-Кирей-царь гонца Ян-Магмета, а писал о дружбе, послал послов своих и великого князя посла Федора Загрязского отпустил, а царь бы князь великий к нему послал послов...»¹⁵⁹. Одновременно Девлет-Гирей распустил слух, что собирается совершить поход на адыгских князей¹⁶⁰. Однако в Москве не доверяли хану (а быть может, московские доброхоты в Крыму, недостатка в которых не было, сообщили Ивану и боярам о планах «крымского»?) и сами готовили хану сюрприз. Как обычно, с 25 марта «на первой срок» были назначены воеводы в крепости «от поля и по берегу от крымские стороны»¹⁶¹. На «берегу» же заблаговременно, как только чуть просохла земля и зазеленела первая трава, развернули оборонительную завесу — пятиполковая рать во главе с воеводами князем И.Ф. Мстиславским и М.Я. Морозовым заняла позиции по Оке в треугольнике Коломна—Кашира—Зарайск.

Но только лишь пассивным ожиданием нашествия и обороны в Москве на этот раз, судя по всему, решили не ограничиваться. Намереваясь «поустроить» крымского «царя», 11 марта Иван IV с боярами «приговорил» «послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарыщи...». Конечной целью похода, согласно Никоновской летописи и разрядным записям, был захват татарских табунов, что паслись на так называемом Мамаевом лугу на левобережье Днепра в его низовьях, и одно-

временно стратегическая разведка намерений крымского хана¹⁶². Но только ли в этом заключался замысел Грозного и его советников? Жаль, конечно, что участники тех событий не оставили нам своих записок, равно как и в недрах царских архивов не сохранилось подробного плана замышлявшейся кампании. Однако по разбросанным то тут, то там отрывочным свидетельствам можно предположить, что это лишь часть задуманного в Москве, а на самом деле готовилось нечто большее. В самом деле, в русских дипломатических бумагах того времени неоднократно подчеркивалось, что Шереметев руководил «ертаулом» (sic!)¹⁶³. Далее, что князь Курбский, характеризуя ертаул, отмечал, что это авангардный отряд, составленный из «избранных», лучших воинов¹⁶⁴. И то и другое наглядно подтверждается, если посмотреть на состав шереметевской рати. Так, в разрядных записях отмечалось, что вместе с Шереметевым в поход были отправлены «дети боярские московских городов выбором, кроме казанские стороны», а к ним были добавлены «северских городов всех и смоленских помещиков выбором лучших людей» (выделено нами. — В. П.) — всего 20 служилых корпораций-«городов», в том числе 11 московских «городов», представители государева двора, удела князей Мосальских и Старицкого удела, «выбор» от Смоленска и дети боярские северских «городов»¹⁶⁵. Вместе с послужильцами и кошевыми людьми детей боярских, стрельцами-казаками под знаменами Шереметева и его воевод в поход выступили порядка 10 тысяч чел.

Под стать «выбору» были и воеводы. Если не считать «товарища» Шереметева, второго воеводу большого полка, окольничего и оружничего Л.А. Салтыкова из старинного московского боярского рода Морозовых и предводительствовавшего старицкими детьми боярскими князя Ю.В. Лыкова из рода Оболенских, остальные воеводы, включая и самого Шереметева, были опытными военачальниками. Первый воевода передового полка, окольничий А.Д. Плещеев-Басманов, первый же воевода сторожевого полка Д.М. Плещеев и в меньшей степени второй воевода передового полка Б.Г. Зюзин¹⁶⁶, как говорится, собаку съели на «польской службе». Но на их фоне все равно выделялся второй воево-

да сторожевого полка — наш герой, поседевший на государственной службе 80-летний ветеран многих походов и кампаний!

По всему выходит, что «польской поход» Большого Шереметева был не простым набегом, а частью хитроумного плана, задуманного в Москве и имевшего своей целью заманить хана и его рать в ловушку. Рать Шереметева должна была выманить хана в Поле, связать его боем, а главные силы русского войска во главе с самим царем и его братом Владимиром Старицким должны были нанести по татарам сокрушительный удар. И дальнейший ход событий дает все основания полагать, что, если бы военное счастье оказалось на русской стороне, крымцам было бы нанесено такое поражение, от которого они долго не смогли бы оправиться. Но не будем торопиться, забегать вперед и посмотрим, как развивались события дальше.

По первоначальному плану сбор основных сил рати Шереметева должен был состояться в Белеве на Николин вешний день (9 мая), а вспомогательных сил из северских городов — тогда же в Новгород-Северском. Выступив из этих городов навстречу друг другу, Шереметев и командовавший северскими детьми боярскими почепский наместник, каширский сын боярский И.Б. Блудов должны были соединиться в верховьях рек Коломак и Мжи (юго-западнее нынешнего Харькова)¹⁶⁷ Однако сборы затянулись почти на месяц (почему? Уж не потому ли, что в Москве ждали вестей о подлинных намерениях хана?). Только на Троицкий день (в 1555 г. он пришелся на 2 июня) войско Шереметева наконец выступило и двинулось по Муравскому шляху на юг, к месту встречи с отрядом Блудова.

Опытный военачальник, И.В. Шереметев, по выражению Курбского, продвигался на юг, «имяще стражу с обонь боков зело прилежную и подъезды под шляхи...»¹⁶⁸ Темп марша был небольшой — расстояние от Белева до верховьев Коломака (примерно 470 км) было преодолено за 20 дней. Выходит, что в среднем в день не обремененные тяжелым обозом и артиллерией-«нарядом» русская конница и посаженные на конь стрельцы и казаки проходили по 20—25 км. Согласитесь — не похоже это на стремительный набег за добычей — перед нами обычный марш, сопряженный

ный с прощупыванием намерений противника и разведкой местности (столь крупные соединения русского войска в этих краях еще не бывали).

Что делал в это время хан? Собрав свое воинство, в конце мая Девлет-Гирей выступил в поход¹⁶⁹ Сколько с ним было людей — точно определить невозможно, ибо списков-дефтерей этого (как, впрочем, и оставшихся от других аналогичных мероприятий того времени) похода не сохранилось. Однако можно попытаться, опираясь на косвенные свидетельства, определить примерную численность ханского войска. Из описания битвы между полками Шереметева и татарами известно, что на стороне неприятеля была вооруженная огнестрельным оружием пехота и артиллерия (ханская гвардия, созданная по образцу и подобию султанского корпуса капыкулу), видимо, заимствованный у турок же вагенбург (в повозках которого на походе ехала ханская пехота и перевозились легкие пушки) и, само собой, конница, состоявшая из «дворов» самого хана и татарских «князей» и ополчения. Отборная его часть, выставляемая карачи-беками, главами знатнейших и влиятельнейших татарских родов (Ширинами, Мангытами, Аргынами и Кыпчаками), состояла из примерно 10 тысяч всадников. В случае же необходимости Ширины, в распоряжении которых находилось до половины всего татарского войска, могли поднять на конь до 20 тысяч воинов¹⁷⁰. Всего же можно оценить силы татарской рати максимум примерно в 30—40 тысяч человек, в том числе около 1 тысячи (или несколько менее) пехоты и несколько легких орудий (не больше двух десятков).

Обремененное большим обозом, татарское войско столь же медленно, как и полки Шереметева, двигалось на север, пока во вторник 18 июня не вышло к Северскому Донцу на участке между нынешними Змиевом и Изюмом. На следующий день оно широким фронтом (90 верст) начало «лесть» через Донец сразу в четырех местах — «под Изюм-Курганином и под Савиным бором и под Болыkleем и на Обышкине» (это косвенно свидетельствует о том, что татарское войско было достаточно многочисленным)¹⁷¹ На последней точке, Абышкином перевозе, действовавшая за Донцом,

«на крымской стороне», заблаговременно высланная в Поле станица сына боярского Л. Колтовского и обнаружила переправу неприятеля¹⁷². Станичный голова немедленно отправил гонцов с известием в Путивль и к Шереметеву, а сам с остальными станичниками «остался сметать сакмы всех людей (татар. — В. П.)...»¹⁷³.

В субботу 22 июня к И.В. Шереметеву, который к тому времени уже вышел к месту встречи с отрядом И. Блудова, «прибежал» станичник Иван Григорьев с сообщением от Л. Колтовского о переправе татар через Донец. Аналогичная весть была получена и от сторожи, что была послана в район Святых гор, находившихся в 10 верстах ниже по течению от места впадения Оскола в Северский Донец «с крымской стороны»¹⁷⁴. Для воеводы стало очевидным, что хан, выступив с войском из Крыма по Муравскому шляху, примерно 15—16 июня достиг развилики степных дорог в верховьях реки Самары и, повернув на восток, дальше продолжил марш по Изюмскому шляху¹⁷⁵. К тому времени, когда Шереметев получил известие о татарах, Девлет-Гирей уже успел продвинуться в северном направлении на 70—90 км и находился восточнее Шереметева примерно в 150 км. Не теряя времени, воевода приказал стороже «сметить сакмы», а сам, «призывая Бога на помощь», пошел к татарской сакме¹⁷⁶. Очевидно, что Шереметев с товарищами повернул назад и скорым маршем пошел обратно на север по Муравскому шляху к Думчеву кургану, у истоков Псела, «от Донца от Северского верст с пол-30...» (севернее нынешней Прохоровки в Белгородской области)¹⁷⁷.

Известия о том, что хан переправился через Северский Донец, достигли Москвы в пятницу 28 июня 1555 г. Ожидавший этой вести Иван немедля начал действовать. Командующий расположенной на «берегу» ратью боярии И.Ф. Мстиславский «с товарищи» немедленно был «отпущен» царем к своим войскам. Сам же царь начал собирать государев полк, отдав приказ явиться в Москву Владимиру Старицкому со своими людьми, а также «царю Казаньскому Семиону» со своими нукерами. В боевую готовность был приведен Коломенский кремль¹⁷⁸. Спустя два дня, 30 июня, выслушав донесение прискакавшего в столицу Л. Колтов-

ского, государь вместе с двоюродным братом, «царем» Семионом и «царевичем» Кайбулой во главе Государева полка и ертоула (им командовали два воеводы — И.П. Яковлев и И.В. Меньшой Шереметев) выступил из Москвы по направлению к Коломне¹⁷⁹ Во вторник 2 июля царь прибыл в Коломну, проделав за трое суток не меньше 110—120 км. Здесь, в треугольнике Коломна—Кашира—Зарайск, к этому времени сконцентрировались в ожидании новых вестей с Поля главные силы русского войска.

Это ожидание надолго не затянулось. Вечером 3 июля царю доложили, что крымский «царь» идет на Тулу. Казалось, повторяется сценарий трехлетней давности, и Иван наутро выступил по направлению к городу. Двигаясь скрым маршем, «того дни под Каширою государь Оку-реку перелез со всеми людми (то есть менее чем за день царь преодолел порядка 40—45 км. — В. П. Чуть ли не вдвое быстрее, чем обычно!) и передовым полком велел идти к Туле наспех...». Однако, едва царь «перелез» через Оку, как события начали разворачиваться с головокружительной быстротой. Доставленный «из Воротынских вотчины» татарский пленный показал на допросе, что хан, «идучи к Туле, поимал сторожей». Допросив их с пристрастием, Девлет-Гирей узнал от взятых языков, что Иван ждет его на Коломне, и повернул на Одоев. «И, не дошед до Одуева за тридцать верст, — продолжал татарин, — поимали на Зуше иных сторожей, и те ему сказали, что идет царь и великий князь на Тулу, и Крымской царь воротился со всеми своими людьми во вторник...»¹⁸⁰

Итак, хан явно намеревался уклониться от «прямого дела» с русскими, но Иван решил продолжить марш на юг, видимо рассчитывая, что, повернув назад, Девлет-Гирей наткнется на Шереметева, тот свяжет крымцев боем, и вот тут-то с севера на басурман навалятся главные силы русского войска. Но не прошло и нескольких часов, как к государю прибыли люди от Шереметева, рассказавшие ему о трагедии, случившейся днем ранее юго-восточнее Тулы.

Оказывается, приняв решение повернуть вслед за ханом, Шереметев и его воеводы полагали, «его (то есть Девлет-Гирея. — В. П.) в войне застать: нечто станет воевати и

ропустит войну, и воеводам было приходи на суволоку, а не станут воевати, и им было промышляти, посмотря по делу...»¹⁸¹ И на первых порах все развивалось так, как и предполагали воеводы. Хан, не догадываясь о своих преследователях, быстро шел на север. Приблизившись к русской границе (по нашим расчетам, это случилось примерно 26—27 июня где-то на реке Сосна, скорее всего там, где позднее будет поставлен город Ливны, в районе так называемого Кирпичного брода, что «выше города Ливен версты с 3»¹⁸²), Девлет-Гирей дал своему войску, по татарскому обычаю, отдых и здесь оставил свой обоз-кош вместе со значительной частью заводных коней, максимально облегчив свое воинство перед последним броском — как писал князь А. Курбский, участник тех событий, «обычай есть всегда Перекопского царя днищ за пять, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради...»¹⁸³.

Эта остановка стала роковой для многих татар и русских, разделив их на живых и мертвых. Шереметев сумел настичь неприятеля, и когда, оставив громоздкий обоз-кош, главные силы татар, поспешая, устремились на Тулу, он, посовещавшись со своими воеводами, решил атаковать вражеский лагерь. 1 июля посланные воеводой вперед головы Ш. Кобяков и Г. Жолобов (дети боярские с Рязани и с Тулы¹⁸⁴) с «детьми боярскими многими» взяли «царев кош» и вместе с ним богатую добычу. Согласно Никоновской летописи, в руки русских попало «лошадей с шестьдесят тысяч да ар-гомаков з двесте да восемьдесят верблюдов»¹⁸⁵.

Разобравшись с огромной захваченной добычей, Шереметев отправил часть ее на Мценск (видимо, вместе с Жолобовым), а другую — на Рязань (с Кобяковым), а сам 2 июля пошел вслед за ханом, который, судя по всему, все еще не подозревал о том, что происходит у него в тылу. Захваченные в кошу пленники показали, что Девлет-Гирей «пошел на Тулу, а ити ему наспех за реку за Оку под Коширою...»¹⁸⁶ Казалось, ловушка вот-вот захлопнется, и поражение хана неминуемо.

Увы, как это часто бывает на войне, победу от поражения отделяет всего лишь один шаг. Пока разгоряченные победой

русские мчались вдогонку за Девлет-Гиреем, некие, по словам Курбского, «писари», «им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского рода, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простого всенародства», «что было таити, сие всем велегласно проповедали» — Девлет-Гирей вот-вот будет наголову разгромлен, ибо на него надвигается сам Иван IV с главными силами русского войска, а Шереметев «над главою его идет за хребтом...»¹⁸⁷ От взятых пленных хан узнал о грозящей ему опасности. Прославившийся «великой ревностью к войне»¹⁸⁸, он молниеносно оценил ситуацию. От места впадения Плавы в Упу, где, очевидно, стояло в это время татарское войско, до Коломны, где находились главные силы русской армии, было около 180—200 км, и примерно столько же до захваченного Шереметевым коша. Значит, пришли к выводу хан и его окружение, есть в запасе несколько дней, чтобы нанести удар по Шереметеву, разгромить его, отбить хотя бы часть обоза и, главное, табунов, после чего, избегая столкновения с главными силами русского войска, отступить в Поле. И решение было принято — крымский «царь», ни секунды не медля, отдал приказ поворачивать назад, навстречу Шереметеву.

Для русских воевод это решение хана стало, судя по всему, неожиданностью. Немалая часть рати Шереметева (по сообщению Никоновской летописи, до 6 тысяч, то есть почти половина от названной летописью численности рати Шереметева¹⁸⁹) отделилась и отправилась, как было отмечено выше, перегонять захваченные табуны, а сам воевода с оставшимися ратниками двинулся по татарской сакме на север. В полдень (около 16.00) 3 июля, в среду, у урочища Судьбиши (в нынешней Орловской области, к северо-востоку от железнодорожной станции Хомутово) полки Шереметева столкнулись с татарскими авангардами. Какой была реакция русских воевод на известие о приближении татарского войска — сложно сказать, но на память приходит похожий практически один в один эпизод, случившийся ста годами раньше под Старой Руссой. Тогда, в феврале 1456 г., московские ратники, разграбив богатейший новгородский пригород, «с тою многою корыстью вси люди своя въпред себя пустиша, а сами главами своими, воеводы и

дети боярские, с малыми людьми, без конеи нелзе бытии им, поосташася...». И когда сторожи донесли, что на оставшихся в Русе и паковавших остатки награбленного москвичей надвигается новгородская рать, пышущая жаждой мести, ратникам великого князя ничего не оставалось, как принять бой, ибо «аще не поидем противу их (новгородцев. — В. П.) битися, то погибнем от своего государя великого князя, поне же корысть взяхом и воя с тем отпустихом, но лучше помрем с ними за правду своего государя и за их измену»¹⁹⁰

По всему, аналогичная русской ситуация сложилась и здесь, на поле под Судьбищами. Отпустив со взятой добычей немалую часть послужильцев и многих детей боярских, Шереметев и его воеводы оказались перед выбором — бежать с позором или принять бой. Крутой нрав молодого государя (а тогда Ивану было 25 лет) был им хорошо известен, да и честь — как-никак, а статус выборного сына боярского обязывал — не позволяла отступить без боя. Так и представляется картина, когда на совете в шатре Шереметева воеводы на повышенных тонах пререкаются и как Алексей Басманов (человек отчаянный и храбрый до безумия) и наш герой (которому не хотелось на склоне лет портить свою безупречную карьеру царской опалой и тем самым сорвать начавшееся было восхождение своих сыновей Григория и Дмитрия) требуют биться с татарами. Положимся на волю Божью, заявили воеводы, ибо «не в силе Бог, но в правде» и «пожежнет един тысячу, а два двигнета тму, аще бы не Бог отдал и Господь предал»¹⁹¹ Да и негоже было отступать, порушив весь хитроумно задуманный план, — ведь, по всему, государь с главными силами должен был быть в нескольких десятках верст.

Итак, решение начать «прямое дело» было принято. Отведя кош в дубраву, где стрельцы и казаки устроили засеку, воеводы выстроили своих людей и изготовились к бою. В клубах пыли на горизонте показались татарские полки, и вскоре началась «ознаменованная славой отчаянной битва» (Н.М. Карамзин).

На первых порах обе стороны не торопились вступать в «прямое дело» всеми силами. Татарское воинство сильно

растянулось на марше, хан с главными силами запаздывал, и неравенство сил было не настолько велико, чтобы русские были разгромлены сразу, одним ударом. Да и сама тактика как русских, так и татар не предполагала быстрого, единовременного натиска всеми силами и перехода к «съемному» (то есть рукопашному) бою. Сперва отдельные «розвецы» и небольшие отряды с обеих сторон начали «травиться», прощупывая намерения неприятеля и его готовность биться. «Травля» постепенно приобретала все больший и больший размах — по мере подхода все новых и новых «полков» татарские воеводы стали бросать в «дело» свежие силы, а русские воеводы не собирались им уступать. По установившемуся обычаю полки Шереметева «по чину» «учали, выходя из обозу, битися» сперва «лучным боем», закручивая перед дубравой смертельный «хоровод» (Tantz — как передал в своих записках латиницей использовавшееся русскими название этого маневра Герберштейн), а потом, с нарастанием ожесточения схватки, сходясь с неприятелем лицом к лицу. «И бысть сеча велия, друг друга за руце хватаху и сечахуся». В одной из таких рукопашных схваток Степан, лично водивший своих людей в бой, был ранен татарским копьем, но остался в строю.

С наступлением сумерек битва стала постепенно стихать. Удача в этот день оказалась на русской стороне. Татарские полки вступали в бой по частям, с марша, на уставших и измотанных конях, и конные сотни детей боярских, действовавших при поддержке стрельцов и казаков, по сообщению летописца, «передовой полк царев и правую руку и левую потоптали и знамя взяли Шириньских князей»¹⁹². Казалось, что победа вот-вот будет достигнута, несмотря на то что общий численный перевес был на стороне противника — ведь род Ширинов занимал в политической иерархии Крымского ханства особое, первое, место среди прочих татарских карачи-беев. Однако допрос пленных показал, что главные силы татар в бой еще не вступили — хан не успел подойти к полю боя. Обе стороны заночевали на поле боя, готовясь возобновить с утра сражение. Тогда же, с наступлением ночи, Шереметевым были посланы гонцы к Г. Жолобову и Ш. Кобякову с приказом срочно вернуться к глав-

ным силам. Но к утру в лагерь вернулось всего лишь около 500 ратников¹⁹³, остальные не решились оставить столь богатую добычу и продолжили гнать табуны к Мценску и Рязани. Снова на память приходит «дело» под Русой. Тогда воеводу Федору Басенку удалось вернуть большую часть отъехавших с добычей людей и в итоге выиграть битву. У Шереметева не получилось, и на следующий день это привело его к поражению. Но той ночью об этом думать никому не хотелось...

Под занавес первого дня сражения к месту битвы прибыл Девлет-Гирей с основными силами крымского войска, своей «гвардией» (в том числе мушкетерами-туфенгчи) и артиллерией. Выслушав доклады своих военачальников и показания пленных (как писал Курбский, «два шляхтича изымано живы, и от татар приведено их пред царя. Царь же нача со прещением и муками пытати их; един же поведал ему то, яко достояло храброму воину и благородному; а другой, безумный, устрашился мук, поведал ему по ряду: «Иже, рече, малый люд, и того вящее четвертая часть на кош твой послано...»¹⁹⁴), хан приободрился. Его расчеты оправдывались, и все было не так уж и плохо, как представлялось ему ранее. Действительно, если взять за основу летописное повествование о сражении, то 60 тысяч татар должны были противостоять 7 тысячам русских воинов. И даже если полагать, что летопись сильно преувеличила численность бойцов с обеих сторон, тем не менее совершенно очевидно, что на стороне татар теперь оказалось не только значительное численное превосходство, но и техническое — ведь Шереметев не располагал артиллерией, чего не скажешь о крымцах. Теперь то уж точно «царю» можно было рассчитывать на победу в схватке с русскими полками!

Ночь прошла в приготовлениях к решающей схватке. И с рассветом 4 июля (примерно между 5.00 и 6.00) татары выступили из своего лагеря и двинулись к расположению русских. И снова закрутился смертельный Tantz между русскими и татарами — конные сотни с той и другой стороны одна за другой налетали друг на друга, осыпали стрелами и время от времени вступали в рукопашный бой. Лучше вооруженные и защищенные отборные русские всадники,

к тому же прекрасно понимавшие, что у них нет иного выхода как или победить, или умереть, теснили татар, несмотря на их численное превосходство. Ожесточенность схватки все время нарастала. По словам хрониста Хурреми-челеби, «войско татарское потеряло дух и пришло в расстройство. Ханские сыновья калга Ахмед-Герай и Хаджи-Герай, пять сultanов в бесчисленное множество знатных и простых ратников мусульманских пали под ударами невёрных; совершенная гибель была уже близка...»¹⁹⁵. Примечательно, что связывал кризис в ходе сражения османский писатель прежде всего с усталостью лошадей, что и немудрено — лишившись большей части запасных лошадей и совершая в течение последних дней форсированные марши, татары действительно сидели на чрезвычайно утомленных лошадях, тогда как русские могли перед началом сражения сменить уставших коней на свежих.

Об ожесточенности схватки и о том, что перевес в ней на первых порах оказался на русской стороне, со слов очевидцев и участников сражения писал и А. Курбский. По его словам, русские ратники «так бишася крепце и мужественнее теми малыми людьми, иже все были полки татарские разогнали. Царь же един остался между янычары (очевидно, что под ними князь разумел тех самых ханских мушкетеров-туфенгчи. — В. П.): бо было с ним аки тысяща с ручницами и дел (пушек. — В. П.) не мало...»¹⁹⁶. Однако атака русских детей боярских, ободренных успехом, на позиции ханской гвардии, предпринятая в 8-м часу утра, была отражена. Взять татарский лагерь, укрепленный накануне кольцом из повозок и арб и окопанный рвом и частоколом из заостренных кольев¹⁹⁷, без поддержки артиллерии, силами одной лишь конницы, было невозможно. И русские всадники очень быстро убедились в этом, когда, опьяневшие победой, попытались на плечах бегущего неприятеля ворваться в татарский лагерь. Встреченные залпами туфенгчи и артиллерии в упор, они в беспорядке отхлынули назад. К несчастью, при этом был тяжело ранен и едва не попал в плен И.В. Шереметев, под которым был убит конь.

Неожиданное ранение русского полководца разом изменило весь ход битвы. «Татаровя ж, видевшее царя своего

между янычары при делех, паки обратишася; а нашим уже справа без гетмана помешалась...»¹⁹⁸ Верные люди спасли раненого Шереметева от плена и вывезли его с поля боя, но товарищ большого воеводы, оружничий Л.А. Салтыков, не имевший достаточного опыта вождения полков, растерялся и упустил управление войсками из своих рук. Конные схватки продолжились, и, по сообщению Курбского, противники бились еще почти 2 часа, но теперь перевес перешел на сторону татар. Сила и солому ломит, и около «пятово часу дни» (то есть в 10-м часу утра) русские были разбиты — «большую половину войска христианского разогнаша татаровя, овых побиша, храбрых же мужей не мало и живых поймано...». Те, кто не погиб или не был взят в плен, «з бою съехали, разметав с собя оружие» и порознь, врассыпную устремились на север и северо-запад, к Туле¹⁹⁹.

Однако не все дети боярские «обратишася на бег». Многоопытные в ратном деле окольничий А.Д. Басманов-Плещеев и С.Г. Сидоров не ударились в панику, сумели собрать вокруг себя часть своих людей и отступили в дубраву, где находились их коши. Здесь Басманов «велел тут бити по набату и в сурну играть» (как позднее писал английский дипломат Дж. Флетчер, русские «большие дворяне, или старшии всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля. Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по 8 барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки...»²⁰⁰).

На призыв Басманова и Сидорова «съехалися многие дети боярские и боярские люди и стрелцы» от разбитого большого полка (согласно летописи, от 5 до 6 тысяч, Курбский писал о 2 или больше тысячах), которые заняли в дубраве оборону («осеклися»). Трижды хан со своими полками при поддержке огня подтянутой к русской засеке артиллерии и мушкетеров («со всеми людми и з пушками и з пищалми») приступал к позициям Басманова и Сидорова и трижды был отражен. Во время этой героической обороны получил вторую рану «из затинной пищали по колену» наш

герой — татарский туфенгчи, заприметив русского всадника в богатых доспехах, ободрявшего своих ратников, сумел поразить его метким выстрелом. Рана оказалась тяжелой — массивная свинцовая пуля раздробила колено, и Степан был унесен его людьми в глубину обоза. Спустя несколько часов после этого хан, убедившись, что русские не намерены сдаваться и готовы биться до последнего, отказался от попыток разорвать засеку и добить остатки шерemetевской рати, с наступлением сумерек отдал приказ прекратить атаки и начать быстрый отход на юг, в Крым. На следующий день татары достигли реки Сосны и «перелезли» через нее, совершив 90-километровый марш менее чем за сутки. Кстати, характеризуя татарских коней-бахматов, французский инженер Г.-Л. де Боплан писал, что эти «плохо сложенные и некрасивые» кони необыкновенно выносливы и могут совершать переходы по 20—30 лье — то есть по 90—130 км в сутки²⁰¹. Очевидно, что хан гнал свое войско на юг на пределе физических возможностей коней, опасаясь преследования.

Но преследования не было. Иван, узнав от беглецов о поражении Шереметева, «пошел наспех к Туле, шел во всю ночь и пришел к Туле в субботу на солнечном восходе», то есть ранним утром 6 июля, «хотяще сразитися с бусурманы за православное христианство»²⁰². Здесь к нему прибыли тяжело раненный И.В. Шереметев и Л.А. Салтыков с частью войска, доложившие о результатах сражения с крымским «царем». Вслед за ними прибыли с остатками своих людей Д. Плещеев и Б. Зюзин. Общая картина стала более или менее ясной, однако, судя по всему, у царя еще оставались сомнения относительно намерений крымского хана. Поэтому он отправил двух воевод, князей И.И. Пронского-Турутая и Д.С. Шестунова, «за Дон на поле, и ходили по сторонам Дону за Непрядву до Рыходцких верховей...». Тем временем в воскресенье 7 июля в Тулу прибыли Басманов и тяжелораненый Сидоров «со всеми людми», от которых стало известно, что «уже, аки третий день, царь поиде к орде»²⁰³. Стало очевидно, что нового сражения не будет, равно как и преследовать «царя» бессмысленно, так как «промеж их (приходом Ивана с главными силами русского

войска к Туле и сражением при Судьбищах. — В. П.) четыре дни, а бой был от Тулы полтораста верст, и пришла весть от подъезщиков, что царь идет в одход наспех по семидесяти верст на день...»²⁰⁴. Можно сказать, что кампания закончилась. Но прежде чем повернуть домой, в Москву, Иван со своими советниками предпринял меры на случай возвращения части татар на «украину», оставил полки в Туле, Одоеве и Михайлове. После этого, дождавшись возвращения «подъезщиков» с Поля, Иван в тот же день 7 июля пошел с остальными силами обратно на Москву. Здесь, «жаловал государь воевод и детей боярских, которые бились с крымцами...»²⁰⁵.

Однако государево пожалование вряд ли могло сильно порадовать страдавшего от ран Степана и не спасло его от смерти. Спустя пять недель после битвы он скончался от ран в Москве, приняв перед смертью схиму²⁰⁶.

Небольшое послесловие к рассказу о судьбе рязанского «центуриона». Сыновья Степана Григорий и Дмитрий позднее были казнены (как считал Р.Г Скрынников) по делу боярина Федорова, но, что любопытно, сын Дмитрия Иван в октябре 1571 г. числился в свадебном разряде Ивана Грозного и Марфы Собакиной среди «царицыных детей боярских»²⁰⁷ Сын за отца не отвечает?

Очерк II

НЕ ОТ «КРАПИВНОГО СЕМЕНИ»: МАТВЕЙ ИВАНОВ СЫН ДЬЯК РЖЕВСКИЙ

Обычно, когда речь заходит о России XVI в. и о личностях, что творили русскую историю в этом столетии, первой перед глазами предстает титаническая фигура первого русского царя Ивана Грозного, которая своим мрачным величием затмевает все остальные. Но как бы не был велик в своих деяниях, добрых или злых, Иван Васильевич, совершая их, править страной, творить историю единолично он не мог. И к нему вполне приложимо известное высказывание — «король делает свита», и творил историю Иван Грозный, опираясь на тех, кто окружал его, кто выполнял его повеления, вел дипломатические переговоры, водил царские рати на врага, составлял законы — одним словом, занимался повседневной работой. Но и в этом случае, когда речь заходит о царском окружении, обычно имеют в виду фигуры первой величины, блиставшие на русском политическом небосклоне в эпоху Ивана Грозного, — А.Ф. Адашева, митрополитов Макария и Филиппа, князей И.Ф. Мстиславского и М.И. Воротынского, опричника А.Д. Басманова, бывшего товарища Ивана, а потом его непримиримого врага князя А.М. Курбского и других им подобных политиков, военных, церковных иерархов. Но были и фигуры второго плана, которые тем не менее отнюдь не были просто статистами. К их числу можно отнести и сына боярского Матвея Иванова сына Дьяка Ржевского, о жизненном пути которого и пойдет речь в этой статье.

Почему мы решили обратиться именно к этой, казалось бы, малозаметной исторической личности? Прежде всего потому, что его можно назвать классическим военным и по-

литиком (а при Иване Грозном всякий служилый человек по воле государя мог исполнять как роль воеводы, так и роль дипломата) как раз второго плана. Служба его на фоне служб родовитых аристократов и больших дьяков как будто и не видна, но от того не менее опасна и важна. Ведь именно Матвею Ржевскому довелось сыграть одну из заглавных ролей в предпринятом Иваном IV во второй половине 50-х гг. наступлении на Крым. Участие в этом масштабном мероприятии стало звездным часом карьеры Ржевского.

Есть еще одна причина, по которой мы обратились к личности Матвея Ржевского. Хотя ему и довелось принять участие в целом ряде важных событий той эпохи, однако о нем нет ни одной работы. Единственная публикация о воеводе, в которой была предпринята попытка реконструировать в общих чертах его биографию, датируется началом минувшего столетия. Речь идет о статье в «Русском биографическом словаре»²⁰⁸. Кроме нее, имя Ржевского как одного из многих русских военачальников той эпохи неоднократно встречается в работах, так или иначе касающихся русско-крымских отношений в 50-х гг. XVI в., а также в описаниях войн и походов времен Ивана Грозного и в ряде других работ²⁰⁹. Между тем сведений о воеводе (о его служебной карьере прежде всего) в источниках сохранилось достаточно много²¹⁰, что позволяет реконструировать не только его жизненный путь и даже сделать определенные выводы о личности Матвея Ржевского, рассказать, каким он был человеком.

Для начала несколько слов о происхождении нашего героя, поскольку, как уже было отмечено прежде, в московской Руси человек был ценен не столько сам по себе, сколько тем, к какому роду он принадлежал, какая кровь текла в его жилах, каким было его «дородство». И здесь необходимо отметить, что статус рода Ржевских, его положение среди других московских знатных семейств выглядел довольно двусмысленно. С одной стороны, фамилия, к которой принадлежал воевода, была древней и как будто не последней. Свой род Ржевские вели от смоленских князей, принадлежа, таким образом, к сильно размножившейся со времени образования Древнерусского государства княжеской династии Рюрикови-

чей²¹¹ Поэтому, кстати, мнение С.М. Соловьева, полагавшего, что «Иоанн, с малолетства озлобленный на вельмож, доверял более дьякам, как людям новым, без старинных преданий и притязаний; при нем дьяки заведовали не только письменными и правительственные делами, но являются даже воеводами, как, например, Выродков и Ржевский»²¹², неверно (на что обратил внимание еще автор биографии Ржевского в «Русском биографическом словаре»). Предки Матвея Ржевского служили московским князьям и их вассалам с XIV в. Так, Иван Ржевский был воеводой Дмитрия Донского, а некий Родион Ржевский упоминается среди воинов Дмитрия Ивановича в «Сказании о Мамаевом побоище»²¹³. Несколько позднее Семен Ржевский, начальный человек можайского князя Ивана Андреевича, был взят в плен литовцами после несчастливой для русских битвы при Суходрови в 1445 г.²¹⁴ Так что семейство Ржевских отнюдь не было «новым», но «нарочитым» и «родословным»²¹⁵.

С другой стороны, Ржевские очень рано, еще в конце XIV в. утратили княжеский титул. Более того, они, как отмечал А.А. Зимин, связали свою судьбу с Волоцким уделом и, сильно размножившись, «влились в общую массу дворовых детей боярских»²¹⁶. И все было бы ничего, если бы не одно но. После долгой службы в уделе, войдя с ликвидацией его в число государевых служилых людей, подняться «наверх» бывшим слугам уделных князей было очень и очень сложно, и семейство Ржевских не стало исключением из этого неписаного правила.

К середине XVI в. многочисленные представители рода Ржевских, исправно служивших московским государям и их родственникам, владели вотчинами и поместьями, если судить по записям в «Дворовой тетради» и актовым материалам, главным образом в окрестностях Волока, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Рузы и Ярославца²¹⁷. Матвей Иванов сын Дьяк Ржевский был записан в «Дворовую тетрадь» как сын боярский можайской служилой корпорации²¹⁸. Этот документ был составлен, как полагают многие исследователи, в самом начале 50-х гг. XVI в.²¹⁹ К этому же времени относится и первое упоминание о первой службе Матвея Ржевского. Речь идет о знаменитой летописной записи о

начале стрелецкого войска: «Того же лета (7058, то есть 1549/50 гг. — В. П.) учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии выборных стрелцов и с пищальем 3000 человек, а велел им жити в Воробьевой слободе, а головы у них учинил детей боярских... в другой статьи Дьяк Ржевской, а у него пищалников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской...»²²⁰

Две эти записи позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Увы, не сохранилось никаких свидетельств о времени и месте рождения Матвея Ржевского. Однако тот факт, что в конце 40-х — начале 50-х гг. он уже числится на государственной службе и под его началом отдана одна из шести первых стрелецких «статьей», говорит нам о том, что к тому времени ему было никак не меньше 20 лет, то есть он родился самое позднее в конце 20-х — начале 30-х гг. XVI в. (а скорее всего, раньше). Но и это еще не все. В летописи отмечено, что стрельцы, созданные по повелению Ивана IV были «выборными». В.И. Даль, раскрывая содержание этого термина, писал в своем «Толковом словаре живого великорусского языка»: «*Выборный*, отборный, самый лучший, выбранный; избранный...»²²¹ И многие исследователи, касавшиеся так или иначе проблемы создания стрелецкого войска, подчеркивали присущий ему на первых порах особый, элитарный, «гвардейский» характер²²². И тот факт, что начало над одной из новосформированных стрелецких статей было поручено М.И. Ржевскому, свидетельствует о том доверии, которое молодой царь испытывал к молодому же и, надо полагать, успевшему отличиться в казанских походах (что вероятнее всего) или в «малой войне» с татарами на «крымской украине» сыну боярскому (что менее вероятно, ибо в этом случае шансов попасть на глаза царю и выделиться из множества других детей боярских и дворян у Матвея было не в пример меньше). Заметим и еще одно достоинство Матвея Ржевского, выделявшее его из общей массы служилых людей. Судя по его прозвищу, Дьяк, он был человеком не просто грамотным (а о его грамотности наглядно свидетельствуют собственноручные «рукоприкладства» к поручным записям и данным грамотам), но еще и «книжным». Во всяком случае, его брат Юрий такого прозвища не удостоился.

«Книжность» Ржевского отнюдь не охладила его военного пыла и страсти к подвигам на поле брани, тем более что, как человек начитанный, вряд ли он не знал о «Поучении отца сыну», в котором старший наставлял младшего: «Сыну, аще на рать со князем поидаши, то с храбрыми наперед поиди, да роду своему честь наедеши, и себе добро имя. Что бо того лучши есть, еже пред князем оумрети...»²²³ Случай отличиться на новой должности «пред князем» и тем самым оправдать царское доверие ему скоро представился. Речь идет о третьей по счету, 1552 г., экспедиции Ивана IV против непокорной Казани.

К сожалению, разряда Казанского похода, подобного тому, какой остался от Полоцкого похода десятью годами позже, не сохранилось, и потому достаточно сложно составить представление о роли государевых стрельцов и их голов в этой грандиозной военной экспедиции, поставившей точку в истории Казанского «юрта». Тем не менее, опираясь на записи в «Государевом разряде», свидетельства частных разрядных книг и летописей, попытаемся реконструировать общую картину участия Матвея Ржевского и его стрельцов в этом походе.

Из летописных повестей о «Казанском взятие» следует, что в этой экспедиции приняли участие все шесть стрелецких статей, что к тому времени были на Москве. В летописных повестях о взятии Казани упоминаются стрелецкие головы со своими стрельцами Иван Черемисинов, Григорий Желобов (он же Пушечников), Федор Дурасов, Яков Бундов, Матвей Ржевский и Василий Прончищев (который был убит под Казанью, судя по всему, в конце августа 1552 г., и на его место заступил голова Иван Ершов)²²⁴. Покидали Москву они в разное время. «Статья» И. Черемисина ушла на восток первой — она участвовала в «посажении» на казанский стол касимовского «царя» Шах-Али (Шигалея), а потом входила в его конвой. Возможно, часть черемисиновских стрельцов стояла гарнизоном в Свияжском городке, при этом сильно пострадав от болезней, поразивших гарнизон крепости зимой — весной 1551/52 г.²²⁵ Остальные пять «статьй» покинули Москву весной 1552 г. Во всяком случае, в апреле этого года «отпустил государь воевод в судех на Свиягу и

велел дела своего беречь и себя, государя, дожидатца бояр и воевод князя Александра Борисовича Горбатого да князя Петра Ивановича Шуйского и иных воевод; а с нарядом государь отпустил боярина Михаила Ияковлича Морозова. Кроме того, тогда же на Каму были отправлены по приказу государя также «в судех» князь М.В. Глинский с окольничим И.И. Умного Колычевым, «а с ними дети боярские, и казаки, и стрелцы». Перед воеводами, возглавившими судовые рати, была поставлена задача «по всем перевозом по Каме и по Вятке» и на Волге расставить заставы из служилых людей разных чинов, с тем чтобы «войинские люди в Казань да и из Казани не ходили»²²⁶. В какой из этих судовых ратей был Матвей Ржевский со своими людьми и был ли он там вообще — сохранившиеся источники умалчивают. Мы же склоняемся к тому, что три «статьи», Г. Желобова, Ф. Дурасова и нашего героя, не были посланы вместе с князьями А.Б. Горбатым или М.В. Глинским, а покинули Москву позднее, в мае 1552 г. Именно тогда, согласно Никоновской летописи, Иван IV, расписывая полки, приказал сторожевому полку во главе с князем В.С. Серебряным и С.М. Шереметевым идти в Муром. Туда же, в Муром «в судех» был отправлен «царь» Шигалей, откуда бывший казанский «царь» был «отпущен» Иваном в Казань все также «в судех», а вместе с ним воевода князь П.А. Булгаков «с товарыщи», детьми боярскими и «многими» стрельцами. Позднее, когда Иван, заставив крымского хана Девлет-Гирея I поспешно отступить от Тулы, пошел на Казань, сторожевой полк он включил в состав своего, большого, полка, и из дальнейшего описания осады Казани можно сделать предположение, что эти три «статьи» входили именно в него²²⁷

Если наше предположение верно, то из Мурома «статья» Матвея Ржевского вместе со своим командиром выступила ориентировочно 14 июля 1552 г. 13 августа стрельцы Ржевского участвовали в торжественной встрече Ивана IV, прибывшего с главными силами русского войска в Свияжск. Спустя два дня большая часть русского войска, и люди героя нашего повествования, переправившись через Волгу на «казанскую сторону», начали готовиться к последнему переходу к стенам Казани и обложению города. 23 августа

1552 г «поиде государь к городу Казани», имея в авангарде ертаульный полк, «а с ним стрелцы и казаки пеши перед полкы; также пред всеми полкы головы стрелетцкие...»²²⁸ Так началась знаменитая последняя осада Казани, в которой новоучрежденным стрельцам Ивана IV пришлось пройти боевое крещение.

Матвей Ржевский со своими людьми принял активное участие во всех главных событиях казанской осады: возведении циркумвалационной линии вокруг города (согласно царскому приказу, каждый десяток русских ратников должен был подготовить по одной туре и каждый же ратник должен был иметь при себе кол для возведения тына — как римский легионер²²⁹). Естественно, за выполнение этого приказа отвечали своей головой начальные люди); отражении массированной вылазки казанцев из города вечером 26 августа²³⁰; в ожесточенном сражении с татарами на Арском поле 30 августа и в походе «на Арьское место и на острог», начавшемся 6 сентября и успешно завершившемся спустя несколько дней²³¹; в отражении большой вылазки казанцев из города в конце сентября, когда, возможно, Матвей Ржевский получил ранение («на том бою падоша от обоих, и сами воеводы многие уязвлены... такожде и головы стрелецкие и дети боярские многие ранены...»²³²); не говоря уже о повседневной боевой работе на передовых позициях («в закопех») и участии в последнем штурме²³³. И надо полагать, что Матвей Ржевский сумел подтвердить свое «добро имя». После взятия Казани его служебная карьера не сразу, но пошла в гору — храбрость и распорядительность стрелецкого головы, кровь, пролитая в боях с «неверными», не остались не замеченными государем. Правда, как обстояли дела у головы в первые годы после «казанского взятия», мы не знаем — документов об этом не сохранилось, и снова на страницах летописей, но уже на новом месте и в новом качестве Ржевский появляется три с половиной года спустя.

По сообщению летописи, «месяца марта (1556 г. — В. П.) привели языки крымские ко царю и великому князю из Рылска: ходил на Поле атаман Михалко Грошев да побил крымцов. И те языки сказывали, что крымской царь гонца к царю и великому князю против его гонца Юшка Мокшо-

ва не отпустил, а послу и гонцу нужу учинил, а сам наряжается со всеми людми, а хочет быти на весне рано на царя и великого князя украину».

Весть, полученная с границы, была, что и говорить, очень тревожная, и в Москве отнеслись к ней со всей серьезностью. Немедленно «по тем вестем» Иван Грозный приказал отрядить в степь Матвея Ржевского «ис Путимля на Днепр с казаки, а велел ему ити Днепром под улусы крымские и языков добывать, про царя проведати»²³⁴. Запись примечательна в двух отношениях — во-первых, она показывает, что Ржевский к 1556 г. оказался на «крымской украине», где ему доведется провести по меньшей мере полтора десятка лет, а во-вторых, характер записи позволяет предположить, что бывший (теперь уже бывший) стрелецкий голова весной 1556 г. («з благовещеньева дни»?) получил назначение наместником в пограничный Путивль. Это назначение, конечно, не было ссылкой или опалой — напротив, Путивль был одним из важнейших опорных пунктов Русского государства, его форпостом на южной границе, игравшим значительную роль в организации обороны государевой «украины» от «литовских» и «крымских» людей, а также местом «размена» русских и крымских посольств.

О круге его обязанностей на новом месте службы можно составить представление, обратившись к текстам грамот с наказами назначенным на «годование» воеводам — здесь и «дела земские и городовое строенье, и всякие городовые и острожные крепости, и тамги, и села, и о банех о устрое, и о всяких земских и ратных делах...» — забот у городового воеводы и наместника было более чем достаточно²³⁵. Прибыв на место с наказом «быти в городе и жити бережно, и дела царя и великого князя беречи по царя и великого князя наказу», воевода прежде всего должен был «взять» у своих предшественников «город и острог, и городовые и острожные ключи, и на городе и на остроге наряд, и в казне... прежней наказ, и указные грамоты, и всякие дела, и книги приходные и расходные, и сметные списки, и что на лицо денег, и в казне ж зелье, и свинец, и ядра железные, и нарядные и всякие пушечные запасы, и служивым всяким именные списки и десятни, и хлеб, рожь и овсе, и крупы, и

толокно, и полтевое мясо, и вино горячее, и меды кислые, и пресной мед, и всякие кормовые и питейные запасы», «да по тем списком дворян и детей боярских и всяких служилых людей пересмотреть всех налицо». Составив после всего этого роспись передаваемых дел и имущества, новый воевода должен был заверить его подписью сдающего дела, а другой аналогичный список, но за своеручной подписью, отдать предшественнику. После этого новый наместник вступал в должность, начиная «ведати» «город и посадских и служилых и уездных людей во всем».

Встав во главе города и уезда, новый воевода должен был (в нашем случае) при появлении слухов о приближении татар «по вестем от себя по городом посыпали в подъезды и для языков голов с сотнями. И у выходцов и у языков роспрашивать, сколько людей и каковы люди и куды на которые города идут. Да по тем вестем посыпали от себя ратных людей и велети им над ними, прося у Бога милости, промышляти, сколько Бог помочи даст. Да про то про все подлинно писати к бояром и воеводам и из языков лутчих для подлинных вестей присыпали наскоро на подводах». Если же неприятель подойдет к самому городу, то наместник должен был «сбирасти ратных людей с дворцовых сел с... уезда и с иных уездов, которые близко подошли, со всяким оружием, и укрепя осада и росписав по городу голов по местом и устроя с приходныя стороны наряд, и приказати город, кому всякими делы промышлять, а самому со всеми людми на тех людей ходить». Если же неприятель собирался подойти к городу в «великой силе», то воеводе предписывалось «сесть в осаду», «а на вылазку и для помочи к приступным местом написати за собою лутчих резвых людей».

Естественно, что предметом особой заботы городового воеводы должны были стать городские укрепления, «крепости», которые он должен был тщательно осмотреть и привести в порядок. «Рвы старые почистить и новые поделати, — отмечалось в наказах, — чтоб рвы были добре глубоки и круты», «крепости у города и у острога, которые погнили или какими иными делы порушились, и ему те крепости поделывать. А где крепостей не сделано, а по тамошнему делу они надобны, и... те крепости делати вновь».

И конечно же воеводе должно было внимательно следить, за развитием событий с тем, чтобы «изгоном ратные люди уезду и городу и острогу, и посаду какого дурна не учили», помогая в случае необходимости соседям посылкой от себя ратных людей.

На плечи воеводы ложилось также и поддержание порядка в городе и уезде, «в служилых и в посадских, и во всяких... людех... рассматривать, чтоб ни в ком шатости никаковы и лихих заводов и самоволства не было, и во всяких бы чинех никто никакими людми, кому бояря и воеводы не укажут, не владел. А где сведает в ком какое умышление или завод злой, или кто учнет в каком чине самоволство чинить или самоволством без боярского указу чем владеть, и... тех людей от того унимать, рассматривая по делу, как бы от того унять». При этом наместнику строжайше наказывалось, чтобы он и назначенные им люди, «головы добрые из дворян, кому мочно верити», коим «в судебне во всяких делех и управа им чинити безволокитно... прямо, а посулов и поминков не имати», а «по дружбе и по посулом никому ни в чем не норовити и по недружбе не мстити».

Естественно, воевода и назначенные им головы должны были бдительно следить за порядком в городе, «береженье от огня и от всякого лиха держати великое», по ночам «ездить возле города и голов от себя посылати, и по городу с фонарем от себя посылати». И в завершение инструкции-наказа воеводе предписывалось, чтобы он «о всяких земских и о ратных делах» действовал по данному ему наказу, и, что интересно, «посмотря по тамошнему делу, как будет пригоже», не забывая при этом «о всем подлинно о земском о всяком укрепленье писати подлинно... почасту», чтобы царю и великому князю «было ведомо» и его «ежечас без вести не держати»²³⁶.

Но вернемся к днепровской «посылке» Матвея Ржевского. Итак, отправившись по государеву указу «на Днепр» бывший стрелецкий голова, сам того не подозревая, оказался одним из главных действующих лиц в очередном витке русско-крымского противостояния, начавшемся в 1552 г «Посылка» бывшего стрелецкого головы, на первый взгляд имела достаточно ограниченный характер. Перед ним была

поставлена задача провести глубокую разведку и выяснить намерения хана на кампанию 1556 г., и как будто ничего более. Примечательно, что это назначение Матвея Ржевского не нашло отражения в разрядных записях — ни в официальном Государевом разряде, первая редакция которого была составлена как раз в 1556 г.²³⁷, ни в частных разрядных книгах. Но эта экспедиция имела далекоидущие последствия. Дело в том, что на волне послеказанской эйфории Иван Грозный и его советники стали вынашивать планы если не завоевания Крымского «юрта», то, по меньшей мере, возведения на бахчисарайский престол «своего» хана. Как писал Иван в 1555 г. новому бию Больших Ногаев Исмаилу, его царская мысль состоит в том, «чтоб мне крымсково самому ити, а вы б (то есть Исмаил. — В. П.) со мною послали детей своих и племянников. А с теми тысяч пять или шесть (воинов. — В. П.)...». И если бы это предприятие увенчалось бы удачей, продолжал московский государь, соблазняя Исмаила открывающимися перспективами, то «мы б Дербышева сына Янтемира царевича (сына астраханского «царя» Дервиш-Али. — В. П.) и ваших детей и племянников на том юрте (то есть в Крыму. — В. П.) оставили...»²³⁸. Но на пути реализации такого плана стояла сама природа — между владениями Ивана IV и «островом Кафы» (как назвал Крым в конце XV в. венецианец Иосафат Барбаро) лежали сотни верст безлюдной степи, защищавшей владения крымского хана от русских ратей лучше самых мощных рвов, валов и бастионов. И если Москва могла относительно легко достичь Казани и Астрахани по рекам, перебросив под их стены водой артиллерию, пехоту и все необходимые припасы, — как писал американский историк У. Мак-Нил, «московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки...»²³⁹, то с Крымом такой вариант не проходил. В середине 50-х гг. XVI в. надежной водной коммуникации, подобной волжской, обладание которой позволило бы русскому государю перебросить легко и быстро, без особых затрат и потерь, артиллерию, пехоту и необходимые припасы к самым владениям крымского «царя», у русских еще не было. А без нее всякие планы подчинения Крыма московской воле оставались несбыточными.

Но вернемся к экспедиции Матвея Ржевского. Действуя согласно царскому наказу, он «собрався с казакы да пришел на Псел-реку, суды поделал и пошел по наказу» «проповедати» намерения крымского «царя». Обращает на себя внимание фраза «суды поделал». Учитывая ограниченное время, которое было у нашего героя на строительство речных стругов, вряд ли отряд казаков в его подчинении был многочислен.

Сплавившись по полноводному Пселу до Днепра, а там относительно легко и безболезненно преодолев в половодье знаменитые пороги, Ржевский и его казаки спустились в низовья великой реки, к Мамаеву лугу, туда, куда в минувшем году должен был прибыть со своими людьми воевода И.В. Шереметев Большой в рамках начавшегося наступления на Крым. Отсюда в мае Ржевский прислал Ивану весть о том, что «выбежавшие» из Крыма полоняники показали — хан вышел на Конские воды со всеми своими людьми и готовится идти на «государеву украину». Эти сведения подтвердил и другой беглец из Крыма, путивлянин Д. Иванов²⁴⁰.

Эти новости имели далекоидущие последствия. Прежде всего доставленные сведения о намерениях хана привели в действие московскую военную машину. В диспозицию полков, заблаговременно расставленных на «берегу», вдоль Оки, были внесены изменения, а сам «царь и великий князь приговорил з братию и з бояры, что ити ему в Серпухов да туто собрався с людми да ити на Тулу и, с Тулы вышедши в Поле, дождатися царя и делати с ними прямое дело, как Бог поможет». 18 июня 1556 г. государь со своим двором, князем Владимиром Андреевичем и казанским «царем» Семионом выступил в Серпухов²⁴¹.

По прибытии на место Иван IV устроил большой смотр всего своего воинства, приказав воеводам и своему двоюродному брату «во всех местех смотрити детей боярских и людей их», «да уведает государь свое воинство, кто ему как служит, и государьское к ним по тому достоинству и жалование»²⁴². Надо полагать, царь остался доволен тем, что увидел лично, и тем, что ему донесли его воеводы, — и в самом деле «множество воинства учинишася», раз после этого смотра царь и бояре приговорили «ити за реку».

С целью провести рекогносцировку походного маршрута и присмотреть места для расстановки полков за Оку на реку Шиворонь, что южнее Тулы, был отправлен с отрядом воинов окольничий Н.В. Шереметев.

Тем временем, пока шли все эти приготовления, с юга поступили новые известия. Отправленные вниз по Дону служилые люди Данило Чулков и Иван Мальцев прислали девять пленных татаринов, взятых в плен под Азовом. Пленные показали, что Девлет-Гирей действительно собрался и вступил в поход на государеву «украйну» и выслал вперед своих разведчиков, которым удалось взять в полон «мужика в Северских вотчинах». Пленника допросили, и он рассказал, что Иван IV знает о намерениях хана и уже ждет его на берегу. «Прямое дело» с главными силами русских отнюдь не входило в планы крымского «царя», он и его советники еще не забыли прошлогодний урок, потому хан и отказался от своего первоначального намерения и решил, чтобы не возвращаться несолоно хлебавши домой, сходить за ясырем на Северный Кавказ «и с того сытым быть». Однако не дошел хан и до Азова, как к нему пришли известия о том, что-де «видели многих людей русских на Днепре к Ислам-Кирмену, и царь по тем вестям воротился в Крым». Прибывший 20 июня в Серпухов от черниговского воеводы И.И. Очин-Плещеева бежавший из плена черниговский сын боярский Моисей Дементьев (не из тех ли детей боярских, что попали в плен под Судьбищами?) уточнил сведения, сообщенные пленными крымцами. Оказывается, хан с весны шесть недель стоял на Овчих водах, ожидая сведений от своих разведчиков, а когда узнал, что русские ждут его, «поворотил со всеми людьми на Черкасы. И как пришел царь под Азов, и тут за ним ис Перекопи прислали, что царя и великого князя люди идут Днепром под Ислам Кирменю». Хан поспешил домой, куда и вернулся 16 апреля, отправив «мурзы дву или трех с малыми людьми языков добывать и про царя и великого князя проведывать»²⁴³.

Кем были эти «царя и великого князя люди», появление которых в низовьях Днепра вынудили хана отказаться от своих намерений и поспешно укрыться за укреплениями Перекопа? Ответ на этот вопрос в Москве (уже догадывав-

шиеся о причинах перемены в настроении хана) узнали 22 июня. В этот день «Дъяк Ржевской в Серпухов прислал к царю и великому князю з Днепра ис-под Ислам Кирмены дву казаков рославца да туленина Якуша Щеголева з грамотою; а в грамоте писал, что ходили на крымские места, а с ними черкасы и казаки, и улусы воевали, и под Іслам Кирменем и на Белогородцком поле и на Очаковском месте были, и посады пожгли»²⁴⁴. Оказывается, это его людей видели в низовьях Днепра и из-за их действий хан поспешно вернулся домой, опасаясь за свой улус. Дело в том, что Ржевский отнюдь не собирался ограничиваться просто сбorem разведывательной информации и наблюдением за действиями хана. Как видно из его послания, он с ходу перешел к активным действиям, всячески беспокоя татар и турок.

Причина такой его активности заключалась в том, что, как писал Ржевский царю, по дороге в низовья Днепра к нему присоединились два «черкасских» атамана, некто Млымский и Михайло Ескович, с 300 каневскими казаками. Получив такое неожиданное подкрепление, Матвей почувствовал себя способным на нечто большее, чем ему первоначально предписывалось, и принял решение выйти за рамки царской инструкции (что характеризует его как военачальника инициативного, обладающего суворовским «глазомером», то есть способным действовать по ситуации). Вместе с присоединившимися к нему «черкасами» Ржевский и его люди двинулись Днепром под Ислам-Кермен, где их уже ждали татары. Не ввязываясь с ними в бой, они отогнали у неприятеля коней и прочий скот, а потом пошли на Очаков, «и у Ачакова острог взяли и турок и татар побили и языки поимали». Погнавшийся было за ним очаковский санджак-бей «со многими людми» попал в устроенную Ржевским и казацкими атаманами засаду и понес большие потери от пищального огня. Под Ислам-Керменом Ржевского и его людей попытался было перехватить сын и наследник Девлет-Гирея калга Мухаммед-Гирей, оставленный отцом в его отсутствие в Крыму «на хозяйстве». Шесть дней Ржевский и казаки бились с татарами «пищальным боем», и у «царевича ис пищалей поранил и побил людей многих», после чего ночью отбил у калги «стада конские» и благополучно сумел оторваться от татар, уйдя вверх

по течению Днепра «по Литовской стороне». Кроме того, Ржевский сообщил, что хан не пошел на Русь, так как узнал о том, что его ждут царские полки, а его воинство сильно ослаблено моровым поветрием²⁴⁵.

Сведения, доставленные присланными от Ржевского гонцами, подтвердили взятые донским атаманом Михаилом Черкашениным под Керчью, окрестности которой атаман пограбил со своими молодцами, языки — турок и татарин, а также бежавшие из Крыма половяники князь Афанасий Звенигородский «да Верига Клешнин с товарыщи» (и снова, видимо, перед нами участники сражения при Судьбинах!). Все они утверждали, что на «украине» государевой «царю не бывати, а бережется царь Крымской на себя приходу от царя и великого князя»²⁴⁶.

В итоге 25 июня Иван Грозный дал отбой тревоге и, «на Поле не пошел», отозвал Н.В. Шереметева и, оставив на берегу воевод с ратниками «для малых людей приходу», уехал в Зарайск помолиться святому Николе Зарайскому в благодарность за избавление от нашествия иноплеменных.

Для крымского же «царя» беспокойства на этом не окончились. Дьяк Ржевский в сентябре вернулся в Путивль, на обратном пути побив и разогнав несколько мелких татарских отрядов («в станицах человек по сту и по полтораста, а с иными двесте, а с иными по пятидесят»²⁴⁷), на свой страх и риск решивших попытаться счастья в охоте за ясырем на государевой «украине». Взятые им с бою девять «языков» были присланы в Москву, где показали, что-де «крымской царь был в собраныи, а блюся приходу царя и великого князя и ныне людей роспустил, а сам пошел в Крым»²⁴⁸.

Подводя итоги рейда Матвея Ржевского в низовья Днепра весной — летом 1556 г., можно смело утверждать, что его действия, поддержанные украинскими казаками, имели большие последствия. Прежде всего, хан был вынужден отказаться от намерений совершить набег на «государеву украину» и укрыться в Крыму. Кроме того, появление русских служилых людей в низовьях Днепра способствовало тому, что черкасский и каневский староста князь Д.М. Вишневецкий перешел на службу к Ивану Грозному. Посланный князем атаман Михаил Еськович, ходивший вместе со Ржевским под Ислам-

Кермен и Очаков, был челом государю, «чтобы его (Вишневецкого, а вместе с ним и его казаков. — В. П.) государь пожаловал, а велел себе служить, а от короля из Литвы отъехал и на Днепре на Кортицком (на той самой знаменитой Хортице. — В. П.) острову город поставил против Конских вод у крымских кочевищ»²⁴⁹. Иван, естественно, не мог отказаться от такого шанса заполучить на свою службу знатного литовского аристократа и вместе с ним удобную базу для организации новых набегов на владения крымского хана и отправил на Хортицу своих детей боярских А. Щепотева и Н. Ртищева «с опасною грамотою и з жалованием». Ну а пока Михаил Еськович ездил в Москву, а потом возвращался обратно вместе с московскими посланцами, Вишневецкий со своими людьми 1 октября 1556 г. напал на Ислам-Кермен, «людей побил и пушки вывез к себе на Днепр во свой город»²⁵⁰.

И еще один очень важный момент. В конце 1556 г. в Москву прибыло из Крыма ханское посольство с купцами и отпущенными «на окуп» попавшими в плен в сражении под Судьбищами в 1555 г. русскими детьми боярскими. В своей грамоте, переданной Ивану гонцом, Девлет-Гирей писал, что-де «он всю безлепицу отставил, а царь бы и великий князь с ним помирился крепко, и послов бы промеж собою добрых послати, которые бы могли промеж их любовь зделати, и было бы кому верити»²⁵¹.

Причины такого миролюбия хана стали ясны после того, как царем была прочитана грамота русского посла в Крыму Ф. Загряжского. Он сообщал, что хан все лето просидел в своем улусе, ожидая нападения Ивана (оказывается, Девлет-Гирей очень болезненно воспринял одну только угрозу своему «юрту» со стороны насчитывавшего явно менее тысячи ратных людей отряда Ржевского), и просил помохи у турецкого султана Сулеймана I, но ее так и не получил. Более того. Вишневецкий взял у него Ислам-Кермен, а горский князь Сибок «з братьею», что приезжал в Москву бить челом в русское подданство, отнял у Девлет-Гирея два городка на Кубани. И если верить приехавшему в Москву «из Наган» царевичу Тохтамышу, двоюродному брату незадачливого казанского «царя» Шах-Али, который много лет провел в Кры-

му, часть татарской аристократии, недовольная неудачными действиями Девлет-Гирея, даже хотела возвести на трон Тохтамыша, убив «царя». И хотя хан раскрыл заговор и «уберегся», а Тохтамыш, спасая свою жизнь, бежал из Крыма, новость о разногласиях внутри крымской правящей элиты выглядела весьма многообещающей²⁵².

И наконец, *last but not least*. В январе 1557 г. к ногаям было отправлено большое посольство, перед которым была поставлена задача добиться принесения бием Исмаилом и его мурзами шертной грамоты Ивану и заключения союза, остирем направленного против Крыма. В частности, в на-казе послам говорилось, что Исмаил и его мурзы должны знать — «государя нашего дорога найдена х Крыму Днепром, и та дорога добре добра (выделено нами. — В. П.). Возможно ѿ государю нашему всякое свое дело над Крымом делати, как хочет» и что теперь дело только за взаимной договоренностью о походе против Девлет-Гирея²⁵³. Создается впечатление, что рейд Ржевского произвел на Ивана Грозного большое впечатление и, ободренный успехами бывшего стрелецкого головы, царь решил запустить наконец в действие «казанский» сценарий подчинения Крыма. Это впечатление еще более усиливается, если принять во внимание возведение в 1557 г. Псельского города на Пселе, располагавшегося примерно в 240 км южнее от Путивля. «Новый город на Псле» упоминается в разрядных книгах под 7066 (1557/58) г.²⁵⁴ Однако очевидно, что он был поставлен раньше, раз в этом году туда были назначены воеводы, и к тому же он упоминается в послании Сигизмунда II Девлет-Гирею I в мае 1557 г.²⁵⁵ Скорее всего, это место было примечено в 1556 г. именно Матвеем Ржевским во время его рейда в низовья Днепра. Обращает на себя внимание тот факт, что этот городок (и «замок» на Хортице) вызвал большую обеспокоенность и у хана, и у великого князя Литовского Сигизмунда II. Литовский правитель в своем послании хану указывал, что Псельский и Хортицкий городки не только препятствуют отношениям Литвы и Крыма, но еще и аналогичны тем городам, что ставили Иван III и Василий III на подступах к Казани, — намек более чем прозрачный!²⁵⁶ И снова подчеркнем, что все это стало след-

ствием активных действий Ржевского на Днепре, не побоявшегося взять на себя больше, чем предписывалось ему первоначально!

О том, где был Матвей Ржевский в 1557 г., мы не знаем. Можно лишь предположить, что, отбыв «годование» путевильским наместником, он осенью 1557 г. был назначен наместником «на Северу», в Чернигов. Здесь он пробыл недолго, и уже в начале 1558 г. мы видим его на новой службе. На страницах разрядных книг и летописей он появился в 1558 г. Не дожидаясь конца суворой зимы 1557/58 г. («зима та была стюдена, великие мразы во всю зиму, и не един день со оттеплеем не бывал, и снеги пришли паче меры, многие деревни занесло, и люди померли по деревням, и на путях также много народа кончашася»²⁵⁷), Иван Грозный 2 января 1558 г. отсылает в низовья Днепра «на Хартущу» (то есть на Хортицу) князя Дмитрия Вишневецкого. Вместе с ним отправилась туда же целая рать во главе с дворовым сыном боярским из Переяславля-Залесского Игнатием Заболоцким «з жилцы», рязанским дворовым сыном боярским Ширяем Кобяковым «з детми з боярскими», «да голов Даниила Чулкова да Матвея Дьяка Иванова сына Ржевского, да Ондрея Щепотева, Василья Тетерина, Михаила Евсково, Михаила Ондреева сына Павлова, Онофрея Лашинского, Петра Тантыкова, Микиту Сущова, Нечая Ртищева» «с казакы» и «с стрелцы». Князь А. Курбский писал позднее, что всего в поход «нарядили» 5 тысяч ратных людей, что достаточно правдоподобно, учитывая число голов и атаманов, отряженных в эту экспедицию. Перед князем и его людьми была поставлена задача «ити прямо, а во Псле... суды поделати и з запасы ити на Днепр. И велел государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи своего дела над крымъским царем»²⁵⁸. Очевидно, что эта рать двинулась по пути, проторенному Матвеем Ржевским в 1556 г., и не случайно наш герой был включен в ее состав — экспедиции был нужен опытный и энергичный человек, знающий местность и имеющий опыт весеннего сплава по Пселу и Днепру.

Так Ржевский стал участником большой игры, задуманной Иваном Грозным. Русский царь замыслил организовать серье́зную операцию против своего недруга, крымского хана, с

привлечением ногаев и кабардинцев. С этой целью тогда же, в январе 1558 г., из Москвы был отпущен посол кабардинского князя Темрюка Идаровича Канкыч Кануков с посланием, в котором князю Темрюку предлагалось, собрав своих людей, идти на помощь Вишневецкому. Бию Исмаилу царь отписывал в январе же, что собирается «промышляти сею весною» над Девлет-Гиреем, и призывал присоединиться к экспедиции Вишневецкого. Несколько позднее, в марте, отправляя к ногаям посла Елизария Мальцева, Иван передал вместе с ним грамоту Исмаилу, в которой писал, что «царь и великии князь их (то есть Исмаила и его близких. — В. П.) для обид послал на крымсково князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого со многою ратью. А велел ему засести на Днепре Ислам Кермень. И из Ислам Кермени велел ему крымскому царю недружбу делати». К этому царь добавлял, что «черкасом пятигорским велел есми на него (Девлет-Гирея. — В. П.) ж ити, памятуя свое слово, что нам на всякого недруга заодин быти». Естественно, что Исмаилу, по мнению Ивана, следовало присоединиться к Вишневецкому и горцам и хотя бы «детей своих и племянников и рать свою на крымсково» послать вместе с Ивановыми ратными людьми и «черкасами» «промышляти заодин»²⁵⁹ Кстати, забегая вперед, из этой переписки становится ясным, почему Иван отправил вместе с Вишневецким преимущественно вооруженных пищалями казаков и стрельцов — видимо, в Москве предполагали, что Темрюк и Исмаил дадут легкую конницу, а московские ратные люди и казаки Вишневецкого поддержат ее огнем.

Увы, этим планам русского государя не суждено было сбыться. Девлет-Гирей, оповещенный Сигизмундом II, что «Вишневецкий с помочью князя великого Московского з немалым войском вытягнул на поле»²⁶⁰, поспешил увести своих людей за Перекоп и сам сел в осаду, ожидая набегов русских ратных людей и казаков. В мае Вишневецкий писал царю, что он со своими людьми подошел к самому Перекопу «и сторожей побил за шесть верст от Перекопи, а люди ему встречю крымские не бывал ни един человек». Простояв под Перекопом ночь, во второй половине следующего дня Вишневецкий пошел на запад, к Днепру, «на

Тованьской перевоз» в 25 верстах ниже по течению от Ислам-Кермена, и здесь три дня ждал татар, но и на этот раз «крымцы к нему не бывали и не явливались». Огорченный этим, князь ушел оттуда на Хортицу, где встретился с Ржевским. Бывшему стрелецкому голове и путинльскому наместнику было поручено чрезвычайно важное и ответственное задание — пока Вишневецкий налегке устремился к Переяку, Матвей должен был доставить в низовья Днепра караван стругов с провиантом, «зельем» и всеми остальными необходимыми для автономных действий посланной против крымцев немалой рати.

Ржевский успешно справился с поставленной перед ним задачей и, после того как Вишневецкий, «перебрав людшек», отпустил домой с головой Онуфрием Ляшицким тех детей боярских, которые «потомилися» в тяжелом зимнем походе, остался вместе с князем. Последний, оставив «немногих людей, детей боярских да казаков и стрелцов», пошел «летовати в Іслам-Кирменъ», намереваясь отсюда совершать рейды «на Крымского улусы за Перекоп и под Козлец... сколько ему милосердный Бог поможет»²⁶¹.

Получив эти известия вместе с прибывшим в Москву 12 июня Онуфрием Ляшицким, царь отправил в низовья Днепра сына боярского Н.А. Карпова «ко князю Дмитрию Ивановичю... и к головам Игнатию Заболоцкому, Ширяю Кобякову, Диаку Ржевскому, Ондрею Щепотеву с своим жалованием з золотыми». Одобрав таким образом действия Вишневецкого и его начальных людей, тем не менее государь приказал Вишневецкому вместе с Заболоцким немедленно ехать в Москву, оставив в низовьях Днепра «в коем месте пригоже» голов Ш. Кобякова, Д. Ржевского и А. Щепотева, «а с ними детей боярских немногого да стрелцов», а также Д. Чулкова и Ю. Булгакова с казаками «промыслияти» над крымцами²⁶². Сегодня трудно разобраться, почему Иван отозвал Вишневецкого. Вызвано ли это было тем, что ему стало известно о том, что князь ведет переговоры с Сигизмундом о возвращении обратно на литовскую службу? Или же царь решил отозвать князя, желая привлечь на свою сторону Сигизмунда, явно не бывшего в восторге от попыток «московского» закрепиться в низовьях Днепра, —

кто знает? Ясно одно — после того как Вишневецкий отъехал к Москве, начальством над оставшимися в Ислам-Кермене русскими ратными людьми приняли на себя Ширяй Кобяков, Матвей Ржевский и Андрей Щепотев. Обращает на себя внимание тот факт, что Ржевский был назван вторым в этом списке, а поскольку, как уже было отмечено выше, он уже бывал в этих местах, то его мнение на военном совете было едва ли не решающим. И надо полагать, действия оставленных в Ислам-Кермене русских детей боярских, стрельцов и казаков были успешны — Девлет-Гирей и откочевавшие к нему отдельные ногайские улусы все лето и осень отсиживались в Крыму, не пытаясь выйти оттуда и атаковать русские рубежи. Лишь отдельные небольшие татарские отряды на свой страх и риск пыталась сходить за ясырем, но без особого успеха. Неудачей закончился и поход, предпринятый в конце 1558 г. калгой Мухаммед-Гиреем. Узнав при подходе к русским рубежам, что и сам царь не ушел «в Немцы» и на берегу по-прежнему стоят русские войска и страшные татарам князья Д.И. Вишневецкий и М.И. Воротынский да боярин И.В. Большой Шерemetев находятся на «украйне» — в Рязани, в Туле и в Калуге²⁶³, татары несолено хлебавши повернули поспешно назад, понеся большие потери из-за морозов²⁶⁴.

В следующем, 1559 г. черниговский наместник Матвей Ржевский принял участие в прогремевшей экспедиции окольничего Д.Ф. Адашева против Крыма. В феврале этого года по санному пути «отпустил царь и великий князь воевод своих на Днепр окончично своего и воеводу Данила Федоровича Адашева да воеводу Игнатья Григорьевича Заболотского да Ширяя Васильевича Кобякова, да голов стрелецких с стрельцами да голов з детми боярскими да атаманов с казаки», среди которых был и Матвей Ржевский. Перед 8-тысячной ратью, разделенной на три полка, большой, передовой и сторожевой (Ржевский был головой и помощником воеводы-передового полка И. Заболоцкого), была поставлена задача идти «в судех» «государево дело» «бересть на Днепре и промышляти на крымскыя улусы»²⁶⁵.

Эта экспедиция была частью большого плана Ивана Грозного по нанесению решительного удара по Крыму. К сожа-

лению, полностью реализовать свой замысел русскому государю не удалось, но Данила Адашев и его люди, в том числе и Матвей Ржевский, руководивший на этот раз, судя по всему, черниговскими детьми боярскими и их послужильцами, выполнили порученное им задание более чем успешно. До самого июля об Адашеве, Ржевском и их отряде в Москве не имели никаких известий. Но в этом месяце в Москву приехали с вестью-сеунчом от Данилы князь Ф.И. Хворостинин и сын боярский С. Товарищев. Они рассказали, чего добились, и в чем преуспели окольничий и его люди с того момента, как он отправился в набег на улусы крымского «царя». Поделав, как было приказано, «суды», Адашев со своей ратью по пути, разведенному ранее Ржевским, успешно сплавился вниз по Днепру и вышел к Очакову, где его люди взяли на абордаж турецкое судно «и турок и татар побили, а иных людей поимали с собою в вожи». Заполучив проводников, русские двинулись дальше «и пришли на Чюлю остров на море и тут на протокех другои карабль взяли и тех всех людей в вожи же с собою поимали». Следующим пунктом назначения стал «Ярлагаш остров (Джарылгач. — В. П.)», на котором русскими были взяты и побиты «многие верблюжия стада». Затем люди Адашева высадились на берег в 15 верстах от Перекопа и разделились на несколько отрядов (надо полагать, что это были преимущественно дети боярские — прирожденные всадники, и одним из этих отрядов командовал Матвей Ржевский). «И дал Бог повоевали и поимали многие улусы, — писал летописец, — и многих людей побили и поимали, и которые татарове собрався приходили на них, и тех многих ис пищали побили». После этого русские ратники отошли к своим кораблям, погрузили на них захваченные трофеи и отступили морем на «Озивек остров».

Девлет-Гирей, узнав о нападении «неверных» на его улус, поспешил вдогон за русскими, которые тем временем вернулись к Очакову. Здесь Адашев приказал отпустить всех взятых в плен турок, передав с ними очаковским аге и санджакбею, что он, Адашев, послан своим государем воевать с его недругом, крымским «царем», «а с Турским государем наш в дружбе и воевати его не велел». Турки беспрепятственно пропустили русский караван вместе со всем захва-

ченным полоном и освобожденными из крымского плена русскими и литовскими полонянниками, и далее путь Адашева лежал вверх по Днепру к Монастырскому острову — место, хорошо знакомое Ржевскому, Заболоцкому и Кобякову. Все попытки Девлет-Гирея атаковать русских «в тесных местех» не имели успеха — Адашеву и его людям удалось отбиться от татар.

Разбив лагерь на Монастырском острове, Адашев узнал от беглого полонянина Федора Ершовского, что крымский «царь», озлобленный безрезультатными шестинедельными попытками перехватить русских, хочет атаковать лагерь «неверных». Однако посланный в разведку сын боярский Нечай Ртищев, выйдя к месту, где хан разбил было свой лагерь (в 15 верстах от Монастырского острова), обнаружил, что того уже и след простыл. Оказывается, как только Девлет-Гирею стало известно о бегстве Ершовского, он поспешил снялся со стана и отступил в Крым²⁶⁶.

Адашев сообщил и еще одну приятную новость — Девлет-Гирей, разозленный непрерывными неудачами, «нагайских мурз в Крыму побил у себя многих, и Исуфовы дети (сыновья прежнего ногайского бия Юсуфа. — В. П.) от него побежали и утекли ко отцу (явная описка летописца — Юсуф был убит в междуусобице своим братом Исмаилом несколькими годами прежде. — В. П.)»²⁶⁷

Принесенные вести, если верить летописи, вызвали в Москве подлинное ликование. «Царь и великий князь, — писал летописец, — сиа слышав, Богу благодарение въздал, видев его неизреченные щедроты на роде крестьянском, възвестив митрополиту, веле молебная совершити. Преже бо сего от начала, как и юрт Крымской стал, как и в тот Корсунский остров нечестивые бусурманы въдворилися, русская сабля в нечестивых жилищех тех по се время кровава не бывала, ни труба прежде сего гласяще, православных воинство ззывающе, ныне же государя нашего у Бога прощением и мудрым крепким разумом и подвигом и невъместимое Христово чудо вместил; морем его царское воинство в малых челнах полтреши недели, якоже в кораблях, ходящее и корабли емлюще и воюючи, и воздух бо им по государевой вере к Богу служаше; и немножество воинь-

ства, на великую орду внезапу нападше и повоевав и мстя кровь крестианскую поганым, здорово отъидаша, и царь множества вой собрал, с крымцы и с нагаи в шесть недель ходя подле их берегом, не возможе им ничтоже зла воспретить»²⁶⁸. И в самом деле, случилось небывалое — русские напали на коренной улус крымского хана, чего и вправду доселе не случалось, побили многих крымских людей, освободили немало русских пленников и, в свою очередь, взяли богатый полон и вернулись обратно, и хан ничем не мог помешать им. Вдобавок крымский «царь» рассорился с ногайскими мурзами и лишил себя отменной ногайской конницы. И это тогда, когда крымская сила еще не восстановилась полностью от последствий мора и неудач предыдущих лет (за 2—3 года сделать это было нереально просто физически)! Разве это не повод для радости и больших торжеств? Правда, позднее Иван изменил свое мнение, но это уже другая история.

Царь щедро наградил победителей, послав на Монастырский остров к Даниле Адашеву со товарищи князя Ф.М. Лобанова-Ростовского «с своим жалованием, з золотыми»²⁶⁹. Уместно здесь привести свидетельство английского дипломата Дж. Флетчера. Он писал, что у русских «тому, кто отличится перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посыпает золотой с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и **это почитается самой большой почестью, какую только можно получить** (выделено нами. — В.П.)...»²⁷⁰. Между прочим, получается, что Матвей Ржевский, которому тогда было около или несколько больше 30 лет, дважды получил наградной царский золотой — ту самую большую почесть, которая заменяла в то время русским ратникам ордена и медали. Многие ли даже более высокопоставленные и родовитые воеводы того времени могли похвастать тогда такой наградой, тем более полученной дважды? И на наш взгляд, это как нельзя лучше свидетельствует о том, что Матвей Ржевский действительно был незаурядным военачальником.

Поход 1559 г., вопреки общепринятыму мнению, отнюдь не был последним в крымской эпопее Ржевского. В 1560 г. он снова был отправлен царем в низовья Днепра. Об это-

Иван Грозный писал в грамоте ногайскому бию Исмаилу, отправленной с послом П. Совиным. И снова, как и в предыдущие годы, отправка Ржевского на Днепр была частью большой игры Ивана IV, имевшей своей целью ослабить Крымское ханство. Царь писал бию, что его замысел состоит в том, что он отправляет «по сеи весне на Днепр наместника своего черниговского Диака Ржевского со многими людми да Тягрибердеи мирзу кипчака, которои к нам приехал служити из Крыму. А велели есмя им с Днепра крымскому царю недружбу делати, сколко им Бог поможет». Одновременно князь Вишневецкий с черкесскими князьями, перешедшими на службу к Ивану, были отправлены им в «Черкасы Пятигорские» «делать недружбу» Девлет-Гирею «с Черкасской стороны», а на Дон были посланы стрельцы с тем, чтобы, соединившись с отрядами ногайской конницы, напасть на владения крымского хана. При этом Иван подчеркивал, чтобы Исмаил «однолично безо всякого перевода сево лета над Крымом промышлял безотступно по тому, как есми к тебе свою мысль приказал», пока на дворе «пригоже» время для такой операции и «чтоб Вишневетцкого и Дьяково стоянье не безлеп было»²⁷¹ Примечательно, что позднее Иван писал бию, что дал однозначное указание Ржевскому, чтобы тот ждал Исмаила, если потребуется, даже и до самой зимы, что потом предпринять совместные действия против хана²⁷².

Однако, несмотря на все обещания, на все уступки и выполнение Иваном всех требований Исмаила, реального участия в наступлении на Крым ногаев русский царь так и не дождался. Ржевский напрасно прождал биевых мурз и не смог воспрепятствовать выходу татарских отрядов из-за перекопских укреплений в Поле и их набегам на «государеву украину». Во всяком случае, полное молчание русских источников о том, как действовали в этом году черниговский наместник и его люди, явно свидетельствует в пользу того, что немногочисленный отряд Матвея Ржевского каких-либо успехов на этот раз не добился.

Из разрозненных упоминаний в летописях и дипломатической переписке можно заключить также, что и в 1561 г. русские отряды продолжали оставаться в низовьях Дона и

Днепра. Во всяком случае, в апреле 1561 г. Иван сообщал Исмаилу и его мурзам, что он отдал приказ казакам на Дону беспокоить набегами улусы врага бия Гази-мурзы, а в низовья Днепра посланы опять же казаки «Крыма воевати»²⁷. Был ли во главе этих казаков Ржевский — увы, неизвестно. Судя по всему, к этому времени Иван уже основательно охладел к идеи продолжения войны с Крымом до победного конца и теперь его она, война, интересовала только как способ отвлечь внимание Девлет-Гирея от северного направления и от вмешательства в русско-литовские и русско-ливонские отношения. Во всяком случае, русское военное присутствие в низовьях Дона и Днепра постепенно стало сворачиваться, а в 1562 г. был срыт Псельский городок. Внимание Ивана Грозного переключается на запад, где началась очередная русско-литовская война, а планы покорения Крыма были отставлены.

Сам Матвей Ржевский тем временем оставался по-прежнему в Чернигове. Так, в декабре 1559 г. Иван Грозный отправил послание Сигизмунду II, в котором писал, что его наместник в Чернигове Дьяк Ржевский прислал к нему грамоту с описанием бесчинств, что учиняют литовские люди на русско-литовском пограничье (и, надо полагать, приложил к ней «обидный список», подобный тому, что был составлен полоцким воеводой князем А.И. Ногтевым-Сузdalским в аналогичном случае в 1571 г.)²⁷⁴.

Наместничество в Чернигове, пограничном городе, было делом хлопотным и беспокойным, требовавшим от служилого человека, поставленного блюсти здесь государев интерес, решительности, энергичности, бдительности, определенных дипломатических талантов — да мало ли каких еще знаний, умений и навыков, нужных пограничному воеводе. Надо полагать, что Матвей Ржевский успешно справлялся со своими обязанностями и царь не видел необходимости сменять его на протяжении нескольких лет. Во всяком случае, в 7070 (1561/62) г., с началом новой русско-литовской войны, он оставался в Чернигове «для осадного дела»²⁷⁵. И снова для того, чтобы представить себе обязанности Ржевского как осадного головы, обратимся к грамотам с наказами получившим аналогичное назначение служилым людям. Так, в апре-

ле 1560 г. Я.Н. Измайлов был извещен царским указом, что к нему направляется назначенный осадным головой Г.П. Денисьев и последний должен «быти и жити в Переяславле в осадных головах и стенной приказ, и наряд городовой, и пушки, и пищали, зелья и ядра, и всякий городовой наряд, и пушкорей, и писцалников ведать...»²⁷⁶. Надо полагать, что Иван Грозный не случайно оставил Ржевского в Чернигове тогда, когда сам он собирался с большей частью своего войска в поход на Полоцк. Наш герой как опытный пограничный воевода, и к тому же проведший несколько лет на должности черниговского наместника, был прекрасно осведомлен о ситуации, складывавшейся в этом регионе, и кому, как не ему должно было оставаться здесь, прикрывая это направление на случай каких-либо враждебных действий как со стороны литовцев, так и татар.

О том, как развивалась карьера Матвея Ржевского в 60—70-х гг., сведений сохранилось немного. Был ли он на первых порах по-прежнему наместником в Чернигове или каком другом городе — неясно. Во всяком случае, 14 сентября 1564 г. в Чернигов был назначен на «годование» пребывавший до того в Мценске Ф. Нагой²⁷⁷. Что же до Матвея Ржевского, то можно лишь с уверенностью предположить, что в апреле 1563-го и в марте следующего года он находился в Москве. Дело в том, что 20 апреля 1563 г. и 8 марта 1564 г. датируются поручные записи по князю А.И. Воротынскому и боярину И.В. Шереметеву Большому, и среди прочих поручителей присутствует и наш герой. Кстати, из этих грамот следует, что к тому времени он был весьма зажиточным служилым человеком — в обоих случаях он ручался 200 руб. — сумма, что и говорить, немалая, практически недоступная сыну боярскому средней руки²⁷⁸.

Примечателен и еще один факт, косвенно свидетельствующий о месте Ржевского в служилой иерархии того времени, — в первом случае из 102 князей и детей боярских, поручившихся за князя Воротынского, его фамилия стоит на 45-м месте, а во втором из восьмидесяти четырех — на 38-м месте²⁷⁹. Кроме того, судя по всему, Иван Грозный по-прежнему не терял Матвея из вида. Как надежному человеку, на которого можно положиться, он поручает ему в

сентябре 1565 г. вести на помошь своему тестю князю Темрюку Айдаровичу «черкасских казаков и стрелцов» «в сudeх» вместе с сыном Темрюка князем Мамстрюком по их «челобитью» «на черкасских князей, которые им (то есть, Темрюку и его сыну. — В. П.) непослушны, на кавардейских князей на Шопшука (Пшеапшоку Кайтукина. — В. П.) з братию да на Тазрита да на Майта»²⁸⁰.

Путешествие на Кавказ выдалось сложным и долгим. До начала зимнего ледостава Ржевский со своими людьми и горским князем не успел прибыть в Астрахань и был вынужден зазимовать «под Девичими горами на усть-Куньи». На место назначения судовая рать прибыла только в конце июня 1566 г. (на Рождество Иоанна Предтечи), соединившись с посланными «полем» конными детьми боярскими князя И.Д. Дашкова, и пробыла там до середины августа («Осожина дня»). Выполняя данное им поручение «беречи» князя Темрюка от «недругов его», И. Дашков и М. Ржевский со своими ратными людьми «черкасские места, Шапшуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов имали много». Попытки князя Пшеапшоки и его вассалов отомстить успеха не имели. «Многие собрався», «черкасские князи» «на князя Ивана Дашкова т на Матвея Дьяка с товарищи приходили и дело с ними делали (то есть между горцами и русскими было серьезное сражение. — В. П.)...», но были отбиты. Как писал летописец, «государьские люди черкас многих побили, а иных поранили». В конце октября 1566 г. Дашков и Ржевский со своими людьми благополучно вернулись в Москву²⁸¹.

После возвращения из кавказской «государьской посылки» Ржевский на четыре года снова «исчезает» со страниц летописей и разрядных книг. Можно лишь предполагать, что эти годы он, ветеран «малой» войны в Поле, провел на южной границе, на «крымской украине». Лишь в 1570 г мы встречаем Ржевского в качестве второго воеводы «в большом полку у наряду» в росписи «береговой» рати, выставленной на случай прихода «крымских воинских людей» по Оке²⁸². По завершении кампании, поздней осенью, после распуска «береговой» рати по домам, Матвей Ржевский, подобно другим служилым людям, боярам, детям боярским

и прочим, должен был вернуться в свою вотчину или поместье, «запас себе пасти на всю зиму и до весны и лошади кормить», готовясь к новой кампании и новому назначению. Поместье (или вотчина) его, кстати, находились, судя по всему, в Рузском уезде. Во всяком случае, в 7072 и 7073, соответственно, в 1563/64 и 1564/65 гг. он выступал в качестве послуха при заключении сделок о продаже вотчин именно в этом уезде²⁸³. Логично было бы предположить, что по крайней мере часть его земельных владений (а о том, что он был весьма зажиточным служилым человеком, мы уже писали выше) находилась именно здесь, а иначе зачем его приглашать свидетелем при заключении сделки?

Возвращаясь обратно к судьбе нашего героя, отметим, что долго ждать нового назначения ему и на этот раз не пришлось. В январе 1571 г. Иван Грозный приказал «боярину своему князю Михаилу Ивановичу Воротынскому ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полскии службы». Воротынский же, в свою очередь приступив к исполнению возложенного на него поручения, отписал дьяку Разрядного приказа А. Клобукову «со товарищи», чтобы те отправили грамоты «в города: в Путивль, и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру, и в иные в украинные города и в Северу по детей по боярских, по письменных по станичных голов и по их товарищев по станичников и по станичных вожжей и по сторожей» с требованием означенным служилым людям немедля прибыть в Москву на совещание по вопросу о реорганизации и совершенствовании пограничной и сторожевой службы на южной границе Русского государства²⁸⁴. С высокой степенью уверенности можно предположить, что Матвей Ржевский был также вызван в Москву как заслуженный ветеран «украинной» службы и принял участие в работе этого совещания и составлении знаменитого «Боярского приговора о пограничной и сторожевой службе»²⁸⁵. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что после завершения работы совещания Иван Грозный приказал «послати тех mest на поле, где головам для береженья стояти и сторожам на сторожах быти, досмотрити голов». И среди голов, что были назначены для этой инспекции «от крымские стороны», был и наш герой²⁸⁶.

Этот «досмотр» был успешно осуществлен, результатом чего стала новая роспись «польским» сторожам²⁸⁷ Более того, совершивших объезд Поля князя М. Тюфякина и М. Ржевского разыскал один из сторожей и сообщил им о том, что «пошел царь крымской на государевы украины» Прервав свой путь, Ржевский и Тюфякин «поспешили к украине с государевым делом» с этой чрезвычайно важной вестью. Не их вина, что воеводы на берегу не сумели должным образом использовать эту новость и отразить татарское нападение, закончившееся, как это хорошо известно, поражением русского войска на московских окраинах и грандиозным пожаром столицы²⁸⁸.

Неизвестно, участвовал ли Матвей Ржевский в обороне Москвы в мае 1571 г. от татар и в знаменитой Молодинской кампании лета 1572 г., в ходе которой крымцам было нанесено жестокое поражение и Девлет-Гирей был вынужден отказаться от попыток отобрать у Ивана Грозного Казань и Астрахань и сделать московского государя своим вассалом. Согласно разрядным записям, с «Филипова заговенья» (то есть с 14 ноября) 1573 г. и по 7084 (то есть 1576/77 г.) наш герой был наместником в Ряжске — опять на беспокойной южной границе!²⁸⁹ По устоявшейся к тому времени практике «схода» «украинных» воевод «по вестем» о появлении крымских «войнских людей» в 1574 г. Ржевский со своими людьми должен был войти в состав передового полка «украинной» рати, а сам ряжский наместник становился третьим воеводой этого полка. В случае же, если неприятель намеревался прийти на «государеву украину» в немалом числе, «украинные» воеводы со своими полками должны были влиться в «береговую» рать, и в таком случае Ржевский и его люди поступали в распоряжение воевод сторожевого полка князей В.Ю. Голицына и Д.М. Хворостинина, что стояли на Коломне²⁹⁰. Надо полагать, что в таком случае Матвей был бы одним из сотенных голов сторожевого полка. Что же касается обязанностей Ржевского как ряжского наместника, то об этом уже было подробно сказано выше, и потому возвращаться к этому еще раз мы не будем.

Ряжская служба Ржевского закончилась, надо полагать, в 1576 г., поскольку в 7085 (1576/77) г. он, дослуживший-

ся к тому времени до «чина» московского дворянина, находился в Москве, будучи прикомандированным к Стрелецкому приказу («на Москве в Стрелетцком приказе»)²⁹¹. Отсюда Матвей отправился в Полоцк, который и стал его последним назначением. Исполнять обязанности «товарища» воеводы так называемого «Стрелецкого города» князя Д.М. Щербатова он должен был «з благовещеньева дни» 7086 (25 марта 1578) г.²⁹²

Несколько слов о новом месте службы нашего героя. Полоцк, старинный русский город на реке Западная Двина, перешедший в свое время под власть литовских князей, был взят царскими войсками во время знаменитого «полоцкого взятия» в зимнюю кампанию 1562/63 г. «Полоцкое взятие» по размаху и значению ничуть не уступало падению Казани в 1552 г. или овладению русскими Смоленском в 1514 г. Этот успех царских ратей, предводительствуемых лично Иваном Грозным, произвел огромное впечатление на современников²⁹³. Несомненным был не только моральный эффект от этой победы, наглядно продемонстрировавший мощь русского оружия, но и военно-политический. Отнюдь не случайно падение Полоцка и заключение Люблинской унии 1569 г. между Польшей и Литвой связывались воедино уже в то время. Очевидным было и значение Полоцка как важного в стратегическом отношении пункта. Как отмечал В.Л. Королюк, «с переходом к русским Полоцка в их руках оказывался ключ к важнейшему для Прибалтики водному пути по Западной Двине; в устье которой была расположена Рига. Вместе с тем взятие Полоцка открывало для русской армии путь к столице Великого княжества Литовского — Вильне...»²⁹⁴. Добавим также к этому и тот факт, что вскоре после взятия Полоцка в титул Ивана IV вошло еще и определение Полоцкий²⁹⁵. Одним словом, Полоцк был такой «жемчужиной» в царском венце, расставаться с которой по доброй воле Иван Грозный не согласился бы ни при каких обстоятельствах. Точно так же ни Литва, ни Польша не согласились бы оставить город в руках московского государя, приложив все возможные усилия для того, чтобы вернуть его. И, учитывая, что ко времени получения нового назначения Матвеем Ржевским переговоры

между Москвой и Варшавой о заключении если не вечного мира, то, по крайней мере, длительного перемирия зашли в тупик, то вряд ли стоило сомневаться в том, что борьба за Полоцк не закончена и в ней предстоит новый раунд. Во всяком случае, Стефан Баторий, будучи уверен в скором возобновлении боевых действий против России, в сентябре 1577 г. писал виленскому каштеляну и жмудскому старосте Я. Ходкевичу, что рассматривает Смоленск и Полоцк как возможные цели предстоящего похода против Ивана Грозного²⁹⁶.

Надо полагать, что русский царь также исходил из того, что Стефан Баторий попытается овладеть Полоцком. Матвей же Ржевский, судя по всему, считался своего рода «экспертом» по применению артиллерии и стрельцов (о чем свидетельствуют его назначение на должность воеводы «у наряда» и неоднократное командование подразделениями стрельцов и казаков вкупе с пребыванием при Стрелецком приказе). И поскольку именно артиллерия и стрельцы с казаками должны были в случае осады Полоцка сыграть важнейшую роль, то это назначение вряд ли было случайным.

Что представляло из себя новое место службы Матвея Ржевского, каким был гарнизон Полоцка, как и чем он был вооружен? Во время осады зимой 1563 г. войсками Ивана Грозного город сильно пострадал, поэтому, покидая его вскоре после взятия, Иван наказал воеводам, остающимся на «годование», «город... делати... наспех, не мешкя, полое место, да и во всем городе изсматривати. Да которые места будет пригож поделати, и бояром и воеводам те места нужные велети поделати и покрепити, и землею насыпти, в котором месте как пригоже, чтобы было безстрашно. Да и ров около города изсмотрити и внутри города, да где будет надобе с приступных мест рвов старых почистити и новые покопати, посмотря по местом, для подкопу... Да и в остроге за Полотою бояром и воеводам изъездити и изсмотрити, и посметити, которые места выгорело, и то место велети заделати... накрепко, стены в три или в четыре, как будет пригоже, и землею насыпти, и подошевые бои и башни поделати для стенного бою, и рвы старые около стен поделати, а будет в котором месте пригож, рвы и новые по-

копати»²⁹⁷ Результаты проделанной воеводами работы хорошо видны из рисунков секретаря Стефана Батория Ст. Пахоловицкого, участника осады Полоцка в 1579 г., гравюр Я. Баптисты и описания Р. Гейденштейна²⁹⁸ Последний отмечал, в частности, что Полоцк состоял из трех частей — сильно укрепленного Верхнего замка (или Большого города русских источников. — В. П.), примыкавшей к нему Стрелецкой крепости (Стрелецкого города или Нижнего замка. — В. П.) и возведенного за рекой Полотой Заполотья, полоцкого посада. И, характеризуя качества города как крепости, Гейденштейн добавлял: «Полоцк — город, сильно укрепленный самой природой, а также и искусством, и ввиду своего пограничного положения весьма тщательно снабженный припасами, пушками, порохом и всеми военными снарядами, так как неприятель не мог сомневаться, что (в случае нашествия) ему придется выдержать первое нападение»²⁹⁹. Сам по себе Стрелецкий город, ведение над которым было поручено князю Щербатову и Ржевскому, занимал площадь примерно 6 га, был обнесен мощным валом с внутренним дубовым каркасом, поверх которого шел деревянный острог с 8 башнями, и рвом. Внутри города находилась еще одна мощная башня-донжон, оснащенная артиллерией³⁰⁰.

К сожалению, точная численность и состав полоцкого гарнизона неизвестны. Польский хронист М. Стрыйковский сообщает, правда, что «всех годных для боя и обороны замка московских людей было ровно 6 тыс.»³⁰¹, но входят ли сюда только дети боярские с их послужильцами, стрельцы, пушкари и казаки или же вместе с ними посчитаны и полоцкие посадские люди вместе с укрывшимися в городе крестьянами окрестных деревень — неясно. Во всяком случае, в 1571 г. помимо детей боярских с послужильцами «полотцкого архиепископа Антона» и разных городов (упоминаются дорогобужане, новгородцы, лучане), в Полоцке находились два стрелецких приказа («Дмитреева прибору Уварова» да «Плетенева прибору Чихачова»), один казачий («Григорьева прибору Бурцова»), и, возможно, казаки «Ратаева прибору Голянищева»³⁰². Кстати, о том, что стрельцов в Полоцке явно было больше, чем один «прибор», свиде-

тельствуют как разрядные записи, так и послание Батория осажденным с предложением капитулировать³⁰³ Об оснащенности Полоцка огнестрельным оружием можно судить по сведениям, что приводятся в хронике другого польского хрониста, М. Бельского, согласно которой после капитуляции в руки поляков попали 38 пушек, 300 гаковниц и почти 600 «долгих» ручниц³⁰⁴. Для сравнения — в отстроенном заново после взятия Полоцке Стефан Баторий оставил 27 пушек, 29 гаковниц и 1 смиговницу (многоствольную пушку), а гарнизон составлял 900 человек, в том числе 400 конных и 500 пеших, а также 19 артиллеристов³⁰⁵.

Но вернемся обратно к полоцкому походу Стефана Батория. Пока Матвей Ржевский осваивался на новом месте и входил в курс порученного ему дела, король Речи Посполитой заканчивал приготовления к открытию нового витка русско-польско-литовского противостояния. Потратив немало сил и энергии, он сумел успешно закончить войну с Данцигом, убедить могущественных магнатов и шляхту дать ему деньги на возобновление войны с московитами, уладить отношения с османами и крымскими татарами, набрать наемников и пр. В начале июля 1579 г. Баторий прибыл в местечко Свирь, где состоялся военный совет, на котором обсуждался вопрос — куда нужно нанести главный удар? Литовские магнаты предложили атаковать Псков, однако король высказал иное мнение. Атаковать нужно было прежде всего Полоцк, так как, по словам Гейденштейна, передавшего речь Стефана на совете, «этот город, расположенный у реки Двины, открывает легкий доступ в Ливонию и в Литву». Овладев Полоцком, продолжал Баторий, он мог бы не только перенести войну в пределы Русского государства, но и надежно прикрыть и Литву, и Ливонию от ответных нападений русских, тем более что, сохраняя за собой этот город, русские легко могли оказать как поддержку своим гарнизонам в ливонских городах и замках, так и совершать набеги на литовские поветы, угрожая даже самой столице княжества. Кроме того, возвращение Полоцка под литовскую руку открывало судоходство по Двине, «которой одной только держится Рижская гавань; плавание по ней много содействовало б охранению Ливонии и недопущению к ней

неприятеля». Король также подчеркнул и моральное значение взятия Полоцка — не прошло еще и двух десятков лет, как город попал в руки русских, и реванш за унизительное поражение в 1563 г. позволил бы вести войну дальше с большим подъемом. К тому же взятие этой сильно укрепленной крепости в самом начале войны подняло бы боевой дух королевского войска. Одним словом, дело было решено — король убедил совещавшихся в необходимости принять его предложение. Полоцк должен был стать первой целью войны.

Для боевых действий на главном направлении Стефан Баторий собрал значительные по тем временам силы. Списочный состав коронного и литовского войска составлял более 40 тысяч пехоты и конницы (в круглых цифрах — 28—30 тысяч конных и около 12 тыс. пеших воинов, в том числе около 18 тысяч наемного войска и 24 тысячи магнатских почтов и пословитого рушения). Точная численность артиллерийского парка в полоцкой экспедиции Стефана Батория неизвестна, но в 1578 г. планировалось взять с собой 67 орудий, в том числе 24 тяжелых и 12 мортир, а Г. Котарский дает цифру в 33 орудия, сопровождавших королевскую армию в Полоцком походе³⁰⁶. И хотя очевидно, что не все собранные Баторием «воинские люди» смогли принять участие в предстоящей осаде³⁰⁷, тем не менее явное превосходство в силах было на стороне поляков.

Для Ивана Грозного намерение напасть на Полоцк не стало неожиданностью. Еще в июне 1579 г. в Смоленск вернулся из Речи Посполитой гонец Андрей Михалков. Он отписал царю, что Стефан Баторий (Степан Обатур, как его называли русские) намерен вторгнуться в пределы России и напасть, с одной стороны, на Смоленск (что, кстати, было правдой — оршанский староста Филон Кмита, получив дополнительные силы, в конце лета—осенью 1579 г. регулярно совершил набеги на Смоленщину), а с другой — на Полоцк. Н.Н. Бантыш-Каменский датирует прибытие гонца 25 июня, но, видимо, эта дата ошибочна, поскольку в его работе падение Полоцка датируется 27 сентября, между тем, согласно русским источникам, «канун Семеня дня», то есть накануне 1 сентября³⁰⁸. Следовательно, о том, что По-

лоцк станет одной из главных, если не главной, целью наступления Батория, русскому царю стало известно по меньшей мере в первых числах июня 1579 г.

В преддверии возобновления боевых действий Иван и его советники, судя по всему, оценив перспективы предстоящей войны с Польшей, ранее в боевых действиях на востоке фактически не участвовавшей, свежей и полной сил и энергии, решили отказаться от «прямого дела» и перейти к оборонительной стратегии³⁰⁹. Расчет был на то, что Баторий, будучи вынужден брать многочисленные хорошо укрепленные и вооруженные русские крепости и замки в Ливонии и на пограничье, растратит время, деньги и людей, после чего можно будет или нанести контрудар, или возобновить мирные переговоры. На это решение повлиял и очевидный недостаток сил и средств, который испытывала Русская земля после многолетней непрерывной войны. Ни о каких 200 тысячах ратных людей, которые якобы собрал Иван для отпора Баторию³¹⁰, не может быть и речи. Такого войска у Ивана Грозного не было даже в самые лучше годы, а теперь, после более чем четвертьвековой войны — и подавно. Сколько ему удалось собрать войск — в разрядных записях есть достаточно точные указания. Согласно разряду от 1 июня 1579 г., в государевом полку, пяти других полках и наряде было «всево всяких людей 27 969 человек», в том числе 10,5 тыс. князей, дворян и детей боярских, 6 тысяч татар, мордвы и новокрещенов, 3,2 тысячи стрельцов и казаков, а также 4,5 тысячи даточных людей³¹¹. И это вся полевая армия, которую мог Иван Грозный выставить против войска, собранного Баторием! Остальные ратные люди несли «береговую» службу (поскольку в Москве знали о союзе между татарами и королем Речи Посполитой), охраняли столицу или были разбросаны по множеству городов, крепостей и замков в Ливонии, на «литовской Украине», в Поволжье и других местах.

Вместе с тем царь прекрасно понимал, что 3-тысячного гарнизона Полоцка явно недостаточно для успешного отражения попытки поляков и литвинов взять город³¹². Поэтому из Пскова в город была отправлена 40-фунтовая пищаль «Свиток», а 1 августа в Полоцк «на пособье» отправились

воеводы Б.В. Шеин, Ф.В. Шереметев, князья М.Ю. Лыков, А.Д. Палецкий и В.И. Кривоборский, «да с воеводами посланы дети боярские розных городов; да с воеводами же послан Юрьи Булгаков з донскими казаками; да з донскими же казаками послан голова Василий Кузмин Коровай»³¹³. Воеводам был дан наказ «одноконечно проитти в Полоцск, смотря по тамошнему делу... а будет государевым воеводам Борису Васильевичи Шеину с товарищи — и донским казаком в Полоцск проитти немощно, и им итти к Соколу и быть в Соколе»³¹⁴. Прорваться в Полоцк воеводам не удалось — Баторий и его военачальники, прежде чем обложить город и начать его «добыывать», постарались блокировать его и не допустить прорыва подкреплений к осажденным. Первые польские отряды появились в окрестностях Полоцка в последних числах июля 1579 г. — 16 июля Баторий устроил смотр своего войска в местечке Дисна, а на следующий день, узнав от своих разведчиков, что Иван Грозный отправил большой отряд пехоты и конницы на помошь полоцкому гарнизону, послал вперед часть литовской конницы, усиленной венгерской пехотой и конницей. Перед ними была поставлена задача — выйти к Полоцку и блокировать его, заодно расчистив путь для главных сил польской армии³¹⁵. Эту задачу они выполнили, 28 июля был взят Козьян, спустя 3 дня — Красный, а 4 августа — Ситно. Фактически Полоцк был окружен и отрезан от своих. Лишь небольшой отряд конных и пеших ратных людей (стрельцов — ?) успел незадолго до подхода литовцев и венгров проскользнуть в Полоцк³¹⁶. Командовавший подошедшими к городу польскими войсками виленский воевода Н. Радзивилл отправил к осажденным королевское послание с предложением сдаться, на что был получен недвусмысленный отказ. Полоцкие воеводы вывели своих ратных людей из крепости и, выстроив их в боевой порядок, наглядно показали, что готовы к бою, после чего отступили обратно за укрепления³¹⁷.

Спустя неделю после взятия венграми Ситно под Полоцк с главными силами своего войска прибыл сам Стефан Баторий. С его прибытием началась настоящая осада крепости. После долгих споров было принято решение, что венгры нач-

нут рыть шанцы и «добывать» Заполотье, немцы — Стрелецкий город, где находился Матвей Ржевский, ну а поляки и литовцы начали осадные работы против Верхнего замка — Большого города.

12 августа венгры, установив на поспешно возведенных батареях артиллерию, обстреляли слабо укрепленное Заполотье, в котором начались пожары. По решению воевод посад был оставлен и сожжен, а его гарнизон вместе с жителями перешел в Большой город³¹⁸. После падения Заполотья главные усилия осаждающих были направлены на овладение Большим городом, поскольку Стрелецкий город, как полагал Баторий, после взятия полоцкой цитадели, попадет в его руки без особого сопротивления. Надо полагать, что это не осталось незамеченным русскими воеводами, и большая часть гарнизона Стрелецкого города была переведена в цитадель на помощь ее защитникам. Был ли вместе с ними Ржевский или же он остался оборонять Стрелецкий город — мы не знаем. Увы, опубликованные польские источники ничего не сообщают о распределении обязанностей между русскими воеводами во время обороны Полоцка, а документы полоцкой воеводской канцелярии, если и уцелели после штурма, попали в руки неприятеля и, быть может, до сих пор лежат необнаруженные где-то в польских или шведских архивах. Мы же знаем лишь, что гарнизон и жители Полоцка отчаянно оборонялись, да так, что польский король в своей реляции о взятии города был вынужден подчеркнуть, что оборона Полоцка «показала, насколько московиты превосходят все прочие народы мужеством и пылом в защите крепостей»³¹⁹. Интересная деталь, характеризующая настроения полоцких воевод и гарнизона в начале осады, содержится в отчете о поездке в королевский лагерь под осажденным городом Д. Германа, данцигского ратмана. Он писал, что в ответ на требование Батория открыть ворота московские воеводы передали ему, что «ключи (от Полоцка. — В. П.) в руках великого князя, и если его королевское величество хочет отворить их (ворота. — В. П.), то пусть попробует».

Казалось, Полоцк сумеет устоять перед натиском превосходящих сил неприятеля. Бомбардировка города не давала результата, точно так же оказались безуспешными¹¹

применение каленых ядер, и попытки охотников с факелами в руках поджечь стены и башни города. Непрерывные дожди, разоренная и пустынная местность, постоянные стычки с русскими отрядами из Сокола, нападавшими на неприятельских фуражиров, начавшиеся болезни — все это способствовало росту уныния в королевском войске, особенно среди наемников-немцев. Шанцы и лагерь последних особенно сильно страдали от обстрела и вылазок из Стрелецкого города³²¹. Кто руководил ими — неизвестно, но можно предположить, что здесь не обошлось без Ржевского — старый и опытный воин, он вряд ли бы пассивно отсиживался за валами и палисадами, прекрасно понимая, что только активная оборона имеет шанс на успех.

Перелом в сражении наступил 29 августа. Отчаявшись быстро взять Полоцк правильной осадой, Баторий «ввиду столь тяжких отовсюду затруднений» созвал 28 августа военный совет. Большинство высказавшихся на совете военачальников держались того мнения, что в сложившейся ситуации остается единственный выход — «оцепив кругом город, со всех сторон всеми войсками попробовать сделать единовременный приступ». Однако Баторий отказался принять этот план, так как был уверен — если штурм провалится, поскольку, по словам Гейденштейна, «в случае неудачи этого плана, на который все возлагают последнюю надежду, не оставалось бы ничего другого, как только отступить, ибо всякая надежда тогда была уничтожена»³²². Действительно, в условиях, когда укрепления Полоцка не были еще разрушены, такой штурм имел много шансов закончиться полным провалом и большими потерями для штурмующих. В конце концов было решено попытаться еще раз зажечь при помощи факелов и прочих горючих веществ часть стены Верхнего замка. Утром следующего дня, когда тучи рассеялись, дождь прекратился и впервые за много дней выглянуло солнце, множество охотников ринулось из расположения неприятеля к стенам города, и они наконец сумели зажечь участок стены и одну из башен Большого города на мысообразном выступе над Полотой.

Этот пожар оказался роковым. Полоцкий гарнизон, не взирая на продолжающийся сильный обстрел со стороны

неприятеля, пытался потушить пламя, однако огонь продолжал распространяться и затих лишь к вечеру. Большой участок стены выгорел дотла, открыв доступ противнику вглубь города, и в образовавшейся брешь вечером вспыхнула отчаянная рукопашная схватка между защитниками города и жаждавшими добычи неприятельскими солдатами. Пока одни дети боярские, стрельцы и казаки дрались на пепелище с неприятелем, другие под прикрытием артиллерийского огня поспешили возводили новую линию укреплений за прогоревшим участком, рассчитывая не допустить прорыва обороны и взятия крепости.

После ожесточенного боя венгры и полки были вынуждены отступить. Казалось, эта неудача могла стать роковой — в лагере неприятеля началось уныние, поляки и венгры взаимно обвиняли друг друга в том, что именно их действия стали причиной поражения. Тем временем полочане, заделав на скорую руку брешь, попытались восстановить остатки башни и стен, сильно пострадавших в пожаре 29 августа. Когда Баторию сообщили об этом около полуночи 30 августа, он приказал немедленно начать новую атаку с целью не дать защитникам города восстановить разрушенное. После ожесточенного боя русские были отброшены назад, за возведенную накануне перемычку, венгры сумели поджечь башню, над восстановлением которой трудились полочане, и ошанцеваться на непосредственных подступах к валу Большого города. Новый пожар длился всю ночь и нанес большой урон укреплениям Верхнего замка. Серьезные потери понес и гарнизон города, пытавшийся под сильным обстрелом из пушек и гаковниц с трех сторон заделать брешь и потушить пламя. Венгры же тем временем сумели подвестиaproши к возведенной русскими перемычке.

Наступил критический момент осады, и здесь не выдержали нервы у рядовых защитников крепости. Не видя поддержки со стороны засевших в Соколе воевод, неся большие потери и одновременно получая раз за разом предложения Стефана Батория о сдаче, они взбунтовались и потребовали от полоцкого архиепископа Киприана и воевод вступить в переговоры с неприятельским командованием. Гейденштейн писал, что Киприан и воеводы (и Ржевский в том числе)

«одни только отговаривали от сдачи и настаивали, что лучше умереть, нежели отдаться живыми в руки неприятелей». При этом польский историк отмечал, что воеводы уже пытались взорвать пороховые запасы в Полоцке, похоронив себя и гарнизон под руинами несдавшейся крепости, но были удержаны от этого самоубийственного шага своими людьми³²³

Получив отказ со стороны воевод, полоцкие ратные люди отказались повиноваться своим начальникам и отправили послов к Баторию договариваться о сдаче. Воеводы и архиепископ заперлись в полоцком кафедральном соборе Святой Софии. Тем временем посланцы от гарнизона договорились о сдаче. Король предложил полочанам на выбор — кто пожелает, может поступить к нему на службу, а кто не захочет — может вернуться в Россию. Воеводы (поименно перечисленные в победной королевской реляции) были приведены к нему, отданы под надзор литовскому подскарбию Л. Войне, а по прошествии нескольких дней были отправлены в заключение в Вильно³²⁴. Здесь следы Матвея Ржевского теряются — о его дальнейшей судьбе ничего не известно. В конце 1579 г. он был еще жив, поскольку гонец от короля Речи Посполитой Богдан Проселок, прибывший к Ивану Грозному, доставил среди прочих бумаг также список взятых в плен русских воевод и начальных людей, заявив при этом, что король отпустил часть из них, в том числе и Матвея Ржевского, к Ивану, но они сами не захотели ехать в Россию³²⁵. Видимо, как следствие этого известия (представляется, что русские воеводы стали разменной монетой в политических интригах польского короля — во всяком случае, среди отпущенных им якобы русских военачальников, отказавшихся вернуться на родину, Б.В. Шеин и М.Ю. Лыков были убиты во время штурма Сокола, и кто может поручиться, что остальные воеводы, в том числе и Матвей Ржевский, действительно отказались вернуться к Ивану), в разрядных книгах появилась запись, отражающая эмоции, обуревавшие царя после получения им известия о падении Полоцка: «Тово же году (7087/79 г. — В.П.) июля в день пришол польской и литовской король Стефан Обатур к государеву городу х Полотцку со многими людьми, а с ним пришли литовские люди, и ляхи, и волынцы, угры, кияне, подоляне, немцы пруские, немцы

свийские, и курлянские, и римские, и многих земель с королем были люди... И король стоял под Полоцким 4 недели и Полоцк взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы: и как голов и сотников **побили**, и воеводы королю и город здали, а сами били челом королю в службу, з женами, и з детьми, и с людьми, и стрельцами»³²⁶.

Складывается впечатление, что Иван, пытаясь вызволить любыми путями из польско-литовского плена своих воевод³²⁷, полоцких начальных людей среди тех, кто заслуживал скорейшего освобождения из заточения, не рассматривал. Во всяком случае, в переписке Ивана Грозного с Баторием упоминаются взятые в плен под Кесью (Венденом) воеводы князья П. Хворостинин, М. Гвоздев и дьяк А. Клобуков (которых царь был готов обменять или выкупить за 1800 рублей), однако, по словам царя, Баторий отписал в ответ, что-де «под часом военъным не пригодится вязней выпускать». В итоге они, как и ряд других воевод (например, Ф. Шереметев, пытавшийся бежать из осажденного неприятелем Сокола, но попавший в руки поляков), вернулись домой, скорее всего, лишь после заключения мира³²⁸. Много позднее, уже после завершения войны, подpisания мира и смерти самого Ивана Грозного его сын Федор Иоаннович с укоризной писал, обращаясь к Стефану, что он отпустил всех «польских и литовских людей, и угорских, и немецких» «даромъ безъ окупу и безъ отъмены». Польский же король, по словам Федора, «наших пленных людей лучших никого к намъ даромъ не отпустил, а отпустилъ к намъ только молодых детей боярскихъ и стрелцовъ, и пашенныхъ мужиковъ немного, а за лучшихъ полонениковъ, за прежнихъ и за последнихъ, поимал у насъ великие окупы, денгами взял пятдесят четыри тысячи рублей, опрочь того, которые въ розно окуплены на великие ж окупы»³²⁹. Может быть, среди этих выкупленных «великим окупом» пленных воевод и начальных людей был и Матвей Ржевский, но это лишь предположение. Так или иначе, больше никаких известий о стрелецком голове и воеводе ни в русских, ни в польских источниках пока не найдено. Вернулся ли старый и заслуженный воин домой или умер в литовском плenu — об этом история умалчивает.

Очерк III

ВОИН, ДИПЛОМАТ, ПРИДВОРНЫЙ, ОПРИЧНИК: ИВАН СЕМЕНОВ СЫН ЧЕРЕМИСИНОВ

«Того же лета (7058—1549/50 г. — В. П.) учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии выборных стрелцов и с пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе»³³⁰ Так писал неизвестный русский книжник о создании стрелецкого войска, которое наряду с поместной конницей стало своего рода «визитной карточкой» московского войска, и среди командиров-голов, что встали во главе первых шести стрелецких «стостей»³³¹, он назвал Ивана Семенова сына Черемисинова. О нем и пойдет речь дальше.

Чем был обусловлен наш интерес к этой, казалось бы, незначительной исторической фигуре? На этот вопрос можно ответить по-разному. С одной стороны, И.С. Черемисинов, если его сравнивать со своими товарищами — первыми стрелецкими головами, выделяется на их фоне самой успешной, пожалуй, карьерой. И не случайно В.Б. Кобрин назвал его «весьма опытным воеводой и дипломатом»³³². С другой — говоря о военной карьере нашего героя, не трудно заметить, что Иван Черемисинов, как Степан Сидоров и Матвей Ржевский, действительно «муж наилепчайший», «в полкоустроениях искусный». Его военная биография, послужной список, является наглядной демонстрацией выдвинутого нами тезиса относительно того, кто именно был «ядром» легионов Третьего Рима. И потому биографии таких «центурионов», как Черемисинов, представляют для изучения русского военного дела той эпохи не меньший, если не больший, интерес, чем жизнеописания военачальников первого ранга.

Однако, увы, именно такой интерес нельзя считать удовлетворенным, поскольку внимание историков, как правило, сконцентрировано на более значимых исторических фигурах — к примеру, если говорить об эпохе Ивана Грозного, то на самом царе и на персонажах из его ближайшем окружении, «толпой стоящих у трона». Из-за них такие личности, как Черемисинов, не видны, теряются на общем фоне. Вот и выходит, что, если возникает желание познакомиться поближе с его биографией, то, по большому счету, ее нет. Есть лишь небольшая статья в «Русском биографическом словаре», небольшая заметка В.Б. Кобриня, которая была использована В.Н. Глазьевым и, пожалуй, все³³³, если не считать разбросанных в исторических сочинениях то тут, то там упоминаний о сыне боярском. Между тем в источниках сохранилось немало сведений о служебной карьере И.С. Черемисинова, особенно в 50-х гг., когда ему действительно довелось сыграть чрезвычайно важную роль и как военачальника, и как дипломата³³⁴. И на основании этих материалов можно попытаться, и, на наш взгляд, не без успеха, реконструировать в общих чертах жизненный путь боярского сына средней руки, сумевшего выбиться если и не в люди, то, во всяком случае, выделиться из общей плотной массы рядовых, незнатных и недостаточно «дородных» дворян и детей боярских Русского государства середины XVI в.

Фамилия Черемисиновых, по словам В.Б. Кобриня, «малознатная», хотя и «родословная»³³⁵. По преданию, род Черемисиновых-Карауловых происходил от выходцев из Золотой Орды³³⁶. Некий Федор Черемисин был убит в памятном для москвичей Белевском сражении 1437 г.³³⁷, и упоминаемый в «Бархатной книге» Семен Черемисин, возможно, был его братом и, во всяком случае, близким родственником. Первоначально вотчины Черемисиновых находились, очевидно, в Костромском уезде³³⁸. Впоследствии, по мере дробления вотчин (процесс их мельчания описан отечественным исследователем С.З. Черновым на примере эволюции вотчинного землевладения в Волоке Ламском в XIV — начале XVI в.³³⁹), представители фамилии выбрались за пределы уезда (как это сделали, к примеру, дети Федора Чер-

мисина Василий и Федор, обменявшие отцовскую вотчину на села в Ростовском уезде³⁴⁰). Наш герой в середине XVI в. имел земли в Сузdalском уезде и был записан вместе со своим братом Федором и сыном Деменшем в Дворовой тетради по Суздалю, а также занесен в Тысячную книгу как сузdalский сын боярский третьей статьи³⁴¹ К этому стоит добавить, что в 1550 г. Иван Черемисинов стал одним из первых стрелецких командиров.

Итак, в начале 50-х гг. XVI в. наш герой записан в Дворовую тетрадь, «тысячник» и стрелецкий голова. Надо ли еще раз говорить о том, что на фоне тысяч и тысяч рядовых детей боярских, о которых мы не знаем порой ничего, кроме имени и прозвища, которые всплывают в актовых материалах и тут же исчезают навсегда из поля зрения историков, это был очень неплохой результат для не отличающегося «добродством» московского служилого человека? Попытаемся сделать некоторые предположения относительно жизни Ивана Черемисинова до этого момента. Прежде всего, хоть мы и не знаем точно, когда он родился, тем не менее можно утверждать, что он появился на свет в семье сына боярского Семена Васильева сына Черемисинова и жены его Елены, возможно, в селе Петрово Городище в Сузdalском уезде (которым Черемисиновы пользовались по меньшей мере с конца XV в.³⁴²) никак не позднее самого начала 20-х гг. XVI в., а скорее всего, и раньше. Иначе, если бы будущий «тысячник» и стрелецкий голова родился позже, он не успел бы так продвинуться вверх по служебной лестнице — чтобы стать головой «выборных стрелцов» и попасть в список «лучших слуг» и обзавестись сыном. Думается, что здесь не обошлось, с одной стороны, без заслуг самого Ивана Черемисинова, сумевшего отличиться перед лицом самого царя в предпринятых им в конце 40-х гг. не слишком удачных казанских экспедициях, а с другой стороны, свою роль сыграли и «службы» его отца Семена. О последних нам, увы, ничего не известно, но они, судя по всему, обеспечили Ивану лучшие, чем у сотен других отпрысков провинциальных служилых семейств, стартовые позиции.

Так или иначе, но Иван Черемисинов был замечен еще более молодым царем и попал пусть не в ближний круг его

окружения, то, во всяком случае, оказался в поле зрения государя. И теперь ему предстояло доказать своей службой, что его выдвижение не было случайностью, «наехать» «роду своему честь» и «себе добро имя», и не только честь и имя³⁴³ И надо сказать, это ему вполне удалось, благо возможностей отличиться в то время было предостаточно.

Приняв решение в конце февраля 1550 г. прекратить второй, оказавшийся снова неудачным, поход на Казань, Иван IV тем не менее не отказался от намерения подчинить своей воле казанцев. Призвав «к себе» «царя Шигалея и воевод своих и казанских князей, которые были с ним у города у Казани» и «учял советовати» с ними, где бы ему, царю и великому князю, «поставити... град Казанского для дела и тесноту бы учинити Казанской земли»³⁴⁴. Место для этого городка было примечено заранее, и с апреля 1551 г. работа закипела. Дьяк Иван Григорьев сын Выродков был отправлен с детьми боярскими «церкви и города рубити и в судех с воеводами на них вести», затем вниз по Волге отправилась судовая рать во главе с незадачливым казанским «царем» Шигалеем (Шах-Али), а с Нижнего Новгорода в набег («изгоном») на Казань отправился князь П.С. Серебряный, «а с ним дети боярьские и стрельцы и казаки». Надо полагать, что перед князем и отправленными ему на помощь с Мещеры атаманам Елке и Северге (Баскаковым, позднее погибнет во время третьей казанской экспедиции в 1552 г.³⁴⁵) с 2,5 тысячи казаков была поставлена задача отвлечь внимание казанцев от строительства города Свияжска.

Ранним утром («на первом часу дни») 18 мая 1551 г. князь Серебряный с частью своей рати внезапно объявился под стенами Казани и атаковал казанский посад. Как писал летописец, князь «побил многих людей, и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили; а великого князя детей боярьских на том бою убили Михаила Зачесломского да двух Стромиловых, да жива взяли сотцкого стрелетцкого Офоню Скоблева; да стрелцов человек с пятдесят и взяли и убили и потонуло»³⁴⁶. Судя по всему, в этом набеге стрельцы получили первое

боевое крещение, и не подлежит сомнению, что атака казанского посада не обошлась без Ивана Черемисинова и его людей. Во всяком случае, в синодике Архангельского собора поименно названы 15 стрельцов «Ивана Черемисинова», что «под Казанью потонули и побиты»³⁴⁷ Самое же главное — набег судовой рати князя Серебряного позволил главным русским силам беспрепятственно доплыть до Круглой горы на месте впадения реки Свияги в Волгу, сгрузить с «великих лодий белозерских» «град древяны» и, предварительно расчистив место от леса, к 30 июня 1551 г. «поставить» город. Этот новый город-крепость, в строительстве которого приняли участие Иван Черемисинов и его стрельцы, стал базой для организации нового и оказавшегося последним русского наступления на Казань³⁴⁸.

В течение всего лета 1551 г. государевы стрельцы частью находились на Волге, Каме и Вятке «по всем перевозам», а частью стояли гарнизоном в «Свияжском городе». В августе отряд стрельцов сопровождал вместе с другими русскими ратными людьми «царя казанского Утемишу-Гирея с матерью с Сююнбек царицею», и вполне возможно, что именно стрельцам статьи Ивана Черемисинова была поручена эта ответственная миссия (во всяком случае, конвоем командовал князь П.С. Серебряный, и он мог взять с собой тех, кто уже хорошо зарекомендовал себя в походе и боях под его началом, на кого он мог положиться в этом сложном и опасном деле)³⁴⁹. Но если участие стрельцов Черемисинова в сопровождении знатных пленников в Москву не более чем предположение, то сомнений относительно того, что они вместе с городецкими «князьями и мырзами и казаками» сажали Шигалея «на царстве Казанском», практически нет. Летопись сообщает, что 16 августа 1551 г. «поехал царь Шигалей на царство в Казань, а с ним по государеву наказу бояре его Юрьи князь Михаилович Голицын да Иван Иванович Хабаров да дьяк Иван Григорьев Выродков... Да с царем же в Казань поехало триста человек городецких князей и мырз и казаков, да двести стрелцов з двема сотцкими царя и великого князя, а жили все у царя на дворе»³⁵⁰. Исполняя достигнутую перед этим договоренность, новый казанский «царь» приказал освободить всех

русских пленников, находившихся в Казани, общим числом 2,7 тысячи, что и было сделано на следующий день (всего же, как сообщают летописи, из казанского плена освободилось 60 тысяч русских людей). После этого бояре отправили в Москву к Ивану IV гонцов, Данилу Адашеву и нашего героя (следовательно, участника этих событий), с вестью-сеунчом о том, «что дал бог, дело его поделалося по его царскому наказу». 28 августа Адашев и Черемисинов прибыли в Москву и были приняты государем. Вне всякого сомнения, гонцы были щедро награждены царем, но, надо полагать, для Ивана Черемисинова более важным была даже не награда, а сам факт участия в этой «посылке». Это позволяло ему надеяться на благосклонность государя по отношению к пусты и разменявшему четвертый десяток лет, но энергичному стрелецкому голове, отличившемуся в очередной казанской экспедиции и доставившему царю радостную новость о победе. И судя по всему, надежды сына боярского оправдались, и довольно скоро.

После приема у царя Иван Черемисинов вернулся обратно в Казань и снова принял команду над стрельцами, охранявшими (и наблюдавшими) за Шигалеем, оказавшись в самой гуще политической борьбы и интриг при «царском» дворе³⁵¹. Ситуация в столице ханства тем временем оставалась крайне напряженной. Шигалей не пользовался авторитетом у казанской знати и духовенства, и его положение было чрезвычайно двусмысленным. Идти на выполнение всех требований русского государя означало для Шигалея утратить остатки влияния в Казани, а пойти на поводу у оппозиции неизбежно привело бы к потере доверия со стороны Ивана, и тогда за судьбу казанского «царя» никто не дал бы и ломаного гроша³⁵². Дело дошло до того, что Шигалей, использовав добытые русскими сведения о пересылке между ногаями и казанскими «князьями», недовольных правлением московского ставленника, пошел на крайние меры. 14 ноября в Москву прибыли гонцы из Казани от русского представителя при «царе» князя Д.С. Палецкого, который писал, что-де «казаньские люди Бибарс с братиесю и мъногые князи казаньские ссылаются на царя в Нагаи, а сами хотели царю убить и боярина великого князя князя

Димитрия убити же, и царь ся у них того поведал дополна». В ответ Шигалей пригласил заговорщиков к себе на пир и «велел побить у себя на пиру». Часть заговорщиков была перебита касимовскими татарами из окружения Шигалея, а часть — стрельцами Черемисинова «на цареве дворе», после чего стрельцы перебили «по подворием» противников незадачливого казанского «царя», не приглашенных на пир. Всего же, сообщал в Москву князь, «убил царь Бибарса-князя з братиею, Кадышь-багатыря, Карамышь-улана, а всех убил князей и уланов и мырз того дни и назавтрие семьдесят человек»³⁵³.

Резня, устроенная Шигалеем с использованием стрельцов Ивана Черемисинова, отнюдь не укрепила его позиций. Князь Палецкий, покидая Казань в конце 1551 г., оставил нашего героя «с его стрелци» (весь прибор — 500 бойцов³⁵⁴) «царя беречи от казанцов и государя безвести не дръжати», и очень скоро в Москву стали поступать сведения о том, что противники Шигалея отнюдь не собираются складывать оружия и готовят на весну переворот. В Казань из Москвы спешно отправился царский гонец с грамотой Шигалею и, естественно, Черемисинову, с наказом «жить бережно от казанцов»³⁵⁵ Однако ситуация в «Казанском юрте» продолжала оставаться крайне напряженной, борьба «прокрымской» и «прорусской» партий не прекращалась, равно как и сношения с ногаями³⁵⁶, и, поскольку Шигалей явно не пользовался поддержкой казанцев — даже тех, кто придерживался московской ориентации, то дальнейшее промедление с принятием экстраординарных мер, скорее всего, закончилось бы печально. Казань, как это уже было неоднократно, могла снова оказаться вне русской сферы влияния, и этого в Москве допустить никак не могли. Поэтому здесь вздохнули с облегчением, когда в январе 1552 г. оставшиеся в русской столице после учиненного Шигалеем убийства виднейших казанских аристократов приехавшие еще в октябре 1551 г. послы «Муралей-князь да Костров-князь да Алемердин-азий» «били челом» Ивану, «чтобы государь пожаловал, царя Шигалея свел с Казани, а дал бы им наместника боярина своего». Примечательно, что послы подчеркивали, что Шигалей настолько был ненавистен ка-

занцам, что ему, Ивану, достаточно только убрать стрельцов Черемисинова из охраны «царя», чтобы тот сам сбежал из Казани, и тогда город и вся «земля Казанская» примет царских наместников³⁵⁷

Шах-Али, оказавшись в чрезвычайно двусмысленном положении, не стал дожидаться, пока его или убьют сами казанцы, или «сведет с царства» присланный из Москвы боярин, и решил сыграть на опережение. «Те же зимы (7060/52 г — В. П.), марта 6, в первую неделю святого Поста, выехал царь Шигалей ис Казани на езеро рыбы ловити, а с ним многие князи и мурзы казанцы и городецкие и все пятьсот стрелцов великого князя»³⁵⁸. Действительно, Иван Черемисинов и его стрельцы были единственной опорой незадачливого казанского «царя», и он с ними практически не расставался ни на час, вполне обоснованно опасаясь за свою жизнь. И хотя сегодня можно только догадываться о том влиянии, какое имел Черемисинов в Казани, совершенно очевидно — его роль во всех этих событиях была далеко не последней и оставалась значимой и в последовавших за бегством Шигалея из Казани переменах.

Вернемся к «казанской истории». Выбравшись за стены своей непокорной столицы, Шигалей объявил казанским «князем и мурзам», что он намерен ехать к Ивану, а их берет с собой в качестве заложников, после чего в сопровождении своего двора и стрельцов Черемисинова направился в Свияжск. Похоже, что сидевший там воеводой князь С.И. Микулинский был заблаговременно оповещен Черемисиновым о намерениях Шигалея, поскольку летопись сообщает, что в тот же день князь отправил в Казань двух казаков с царскими грамотами. В этих грамотах говорилось, что, идя навстречу казанскому члобитью, царь и великий князь «сводит» Шигалея со стола, ставит наместником в «Казанской земле» князя С.И. Микулинского и предлагает казанцам присягнуть на верность ему, Ивану. «Лучшие люди» казанские ответили согласием, и 7 марта в город отправились находившиеся в Свияжске «князья» Чапкун Отучев и Бурнаш в сопровождении Ивана Черемисинова «с тем словом, на чем на Москве князи государю били челом и на чем в Свияге Чапкун и Бурнаш правду давали». Вечером того же

дня Микулинский получил от Черемисинова весть, что «вся земля Казанская государеву жалованью ради, правду дают, и к боярам едут лутчие люди»³⁵⁹.

8 марта 1552 г. Черемисинов вернулся в Свияжск, сопровождая казанских «лутчих людей», но оставался здесь он недолго и вечером того же дня поскакал обратно в Казань «досталных людей их (казанцев. — В. П.) к правде приводити и того смотрити, нет ли какова лиха». Ночью стрелецкий голова отписал Микулинскому, что все идет своим чередом, как было договорено, «никоторого лиха нет, царицу отпускают, двор опоражнивают, а сельские люди, дав правду, и по селам розъезжаются», и потому можно отправить в Казань «лехкой кош с ествою» с охраной, чтобы можно было приготовиться к приезду царских наместника и воевод³⁶⁰. Однако прошло всего несколько часов, и все резко переменилось. Что же случилось?

Утром 9 марта 1552 г. князь С.И. Микулинский со товарищи выехал из Свияжска и направился в Казань, где Черемисинов готовил ему встречу и завершал приведение казанцев к присяге на верность Ивану IV. Не доехавшая до города, Микулинский отпустил вперед себя по их просьбе «князей» Ислама и Кебека вместе с мурзой Алике Нарыковым. Последние, вихрем прискакав в город, огорошили встретивших их казанцев вестью, что-де царские воеводы намерены город разорить, а его жителей всех побить. Но весть, сообщенная приехавшими татарскими аристократами, произвела эффект взорвавшейся бомбы, «люди замешалися... иные на себя доспех кладутъ»³⁶¹. Черемисинов, у которого не было под рукой его стрельцов, не сумел остановить начавшийся мятеж и взять ситуацию под свой контроль. Видимо, начавшиеся волнения застали его вне ханского дворца, где находились приехавшие накануне 8 детей боярских с их людьми да 70 казаков, сопровождавших кош. Голова покинул Казань и поспешил навстречу воеводам, медленно ехавшим к городу.

Узнав от нашего героя об измене казанцев, князь Микулинский со товарищи попытались решить дело миром, однако возглавивший новое казанское правительство «князь» Чапкун Отучев (тот самый, что был одним из авторов про-

екта смещения Шигалея и установления личной унии Казани и Русского государства) не пошел на соглашение. Воеводы повернули назад, в Свияжск, и с этого момента новая война стала неизбежна.

Вместе с воеводами вернулся в Свияжск к своим стрельцам и Иван Черемисинов. Впереди его и его людей ожидали тяжелая весна и лето 1552 г., заполненные постоянными стычками с казанцами и поддержавшими их «горними людьми». Ситуация осложнялась еще и тем, что в Свияжске вспыхнула эпидемия цинги, «и язвами многие померли, и иные мрут и болны лежать дети боярские и стрелцы и казаки»³⁶², и, надо полагать, от эпидемии досталось и стрельцам Черемисинова. Но самого стрелецкого голову «немочь великая» не тронула, и в июле он с теми из своих людей, что не умерли и не болели, ходил в составе рати князя С.И. Микулинского на «горних людей». Последние русскими ратными людьми были побиты, «воеводам добили челом, государя правду дали и к городу Свияжскому пошли и з женами и з детми»³⁶³.

13 августа 1552 г. стрельцы Черемисинова вместе со своим головой встречали прибывшего в Свияжск с главными силами русского войска Ивана IV. Интересно — участвовали ли Иван Черемисинов в совещании, которое устроил царь по прибытии в Свияжск с Шигалеем, своим братом и воеводами на предмет того, как действовать дальше³⁶⁴? Конечно, формально у стрелецкого головы не хватало «дородства», чтобы присутствовать на этом собрании высших русских военачальников. С другой стороны, кто, как не Черемисинов, достаточно опытный и знающий служилый человек, проведший почти год в Казани, лучше всех знал ситуацию в городе, характер его укреплений и прочие детали казанского быта, и эти его знания очень могли пригодиться в планируемых действиях по овладению столицей татарского государства? Но, не имея возможности подтвердить участие головы в совещании, оставим это и перейдем к описанию участия Черемисинова и его стрельцов в осаде и штурме Казани русскими войсками — пожалуй, самой яркой странице в биографии нашего героя.

К сожалению, разряд Казанского похода, подобный тому, какой остался после похода Полоцкого или похода Ива-

на Грозного в Ливонию в 1577 г., не сохранился. Поэтому точно реконструировать обстоятельства участия стрельцов приказа Ивана Черемисинова в осаде и взятии татарской столицы нельзя, можно лишь сделать некоторые предположения, включив их в общее описание действий русских войск на ближних подступах и под валами Казани. Скорее всего, наш голова и его люди были включены царем в Большой полк и в его составе, переправившись 16 или 17 августа через Волгу «на Казанскую сторону», совершили переход к устью реки Казанки, где 20 августа 1552 г. завершилось сосредоточение главных сил русского войска перед последним броском на Казань³⁶⁵. Этот переход осуществлялся в тяжелых условиях, «бе тогда время дождиво и воды в реках велики». Участник похода князь А.М. Курбский вспоминал, что на преодоление 20 верст от места переправы до Казанки русским потребовалось трое суток, «бо тамо не мало рек, еже впадают в Волгу; препровожашеся чрез мосты и гати, которые были пред нами показали казанцы»³⁶⁶.

23 августа, когда стало ясно — казанцы не сдадутся без боя, русское войско выступило к Казани. Накануне Иван созвал военный совет, на котором была составлена диспозиция будущего обложения города и разосланы приказы по полкам, среди которых был и такой: «в всей рати приготовили на 10 человек туру да всяк человек бревно на тын уготовал» для того, чтобы быстро возвести контрвалационную линию вокруг Казани, отрезав ее от внешнего мира. Обращает на себя внимание и еще один царский приказ: «без его царьского веления и в полках без воеводского веления никто бы не ездил травитися к городу, дондеже время приспеет; и завещает государь сиа великым словом грозным; да не дерзко сътворят дело, дондеже утвердит крепости около града»³⁶⁷ Теперь же, когда все приготовления к началу осады были сделаны, полки пришли в движение, а с ними «стрельцы и казаки пеши перед полки; также пред всеми полки головы стрелетцкие, а с ними их сотцкие, всякой своим стом (то есть сотней. — В. П.) идет»³⁶⁸. Выходит, что выдвижение полков на назначенные им по диспозиции места проходило под прикрытием вооруженных огнестрельным оружием стрельцов и казаков, игравших роль авангар-

да³⁶⁹ И видимо, уже 23 августа стрельцам Черемисинова пришлось вступить в бой, когда казанцы попытались сделать вылазку и атаковать шедших в первых рядах стрельцов и казаков Передового и Большого полков³⁷⁰. 26 же августа четыре стрелецких приказа, в том числе и приказ нашего героя, вместе со спешенными послужильцами детей боярских и казаками под общим началом второго воеводы Большого полка князя М.И. Воротынского приступили к возведению «большой крепости» «против Царевых ворот, Арских и Талыковых и Тюменских»³⁷¹.

Казанцы отнюдь не собирались отсиживаться за стенами крепости сложа руки, пока русские возводили бы шанцы и батареи. Как писал русский летописец, «как пошли (люди Воротынского. — В. П.) к городу, и казанцы вылезли многие люди конные и пешие, и обоим, христианом и татаром, биющееся крепце на много время, и из пушек по граду и по воротам безъпрестани биюще и стрелцы из пищалей, также и з города ис пушек и из пищалей стреляху и бысть сеча велия и приужастна». Русским удалось отразить вылазку татар и после того, как они «вбisha» неприятеля обратно в город, «сташа головы стрелетцкие, стрелцы и головы з боярскими людми и казаки по рву града и стреляхуся ис пищалей и из луков». Воротынский, действуя под прикрытием огня стрельцов и казаков, со своими людьми быстро установил заранее заготовленные туры «за 50 сажень от города», засыпал их землей, после чего отдал приказ «головам всех людей отвести к турам и перед турами веляше стрелцом и казаком против города закопатися во рвы». Бой, однако, на этом не закончился, и на протяжении всей ночи стрельцы и казаки вместе с боярскими людьми отражали контратаки казанцев, стремившихся разрушить возведенные русскими полевые фортификации³⁷². Удача тем не менее сопутствовала не им, а русским, и наутро 27 августа утомленный и обескураженный упорным сопротивлением русских стрельцов и казаков неприятель отступил. После этого Иван IV приказал боярину М.Я. Морозову, которому было поручено командование «большим нарядом», то есть осадными «великими» и «огненъными пушками» «Кольцо», «Ушатая», «Змей Свертной», «Змей Летячей» и др., уста-

новить их на позициях, подготовленных людьми М.И. Воротынского³⁷³ Пушки заняли свои места и открыли канонаду, «побиваху многих людей из наряду», а стрельцы Черемисинова и их товарищи вместе с казаками, сидя в «закопех», «не даваще на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша» из пищалей и луков³⁷⁴

Последующие дни осады прошли для Ивана Черемисинова и его стрельцов в рутинной, но от того остававшейся тяжелой и опасной работе — постепенного подведения апрошней ко рвам, перестрелках с неприятелем и отражении его вылазок, направленных на срыв осадных работ³⁷⁵ Видимо, стрельцы Черемисинова посменно со стрельцами других приказов несли службу и в установленной царскому приказу в первых числах сентября дьяком И. Выродковым против Царских ворот «баште» (деревянной осадной башне. — В. П.) со «многим нарядом», «полуторными пищалими и затинными» (по сообщению Курбского — 10 «дел» и 50 гаковниц³⁷⁶), с которой «стрельцы с пищалми многие» «стреляли в город по улицам и по стенам градным и побивая многие же люди»³⁷⁷ Надо полагать, что без стрельцов Черемисинова и его самого не обошлись во время экспедиции 30 августа против казанского «князя» Япанчи, засевшего со своими людьми в Арском лесу и беспокоившего русских своими набегами³⁷⁸.

4 сентября стрельцам Черемисинова сильно досталось во время отражения большой вылазки казанцев, сопровождавшейся атаками людей Япанчи. Как раз в этот день ратники князя М.И. Воротынского подвели туры к самому краю рва между Арскими и Царскими воротами, «и по государеву велению приидоша стрельцы и казаки и головы з боярскими людьми и ста по рву и бьющеся велми». Однако преодолеть ров шириной 3 сажени и глубиной 7 саженей стрельцам, казакам и спешенным послужильцам не удалось из-за отчаянного сопротивления казанцев. Около полудня, в обеденное время, заметив, что многие русские «разыдошася ясти», татары внезапно высыпали во множество «изо рву, изо всех нор, из-за тарасов внезаапу» и атаковали позиции осаждавших. Немногочисленные находившиеся за турами стрельцы и казаки были опрокинуты и отступили, и,

как писал Курбский, татары «всех наших далеко от дел (пушек. — В. П.) отогнали были». Лишь после того, как прибыли подкрепления, ратникам Воротынского удалось отбить отчаянную вылазку неприятеля³⁷⁹.

Ответом на эту вылазку стал большой поход против зашедшего в Арском остроге князя Япанчи. И поскольку действовать русским предстояло в лесу, на пересеченной местности, то в большую трехполковую рать под началом князя А.Б. Горбатого были включены и стрельцы. И надо полагать, в эту рать были командированы и сотни от приказа Черемисинова. 6 сентября русские войска взяли Арский острог, после чего 10 дней подвергали опустошению «Арскую сторону». Примечательно, что во время выдвижения русских полков к острогу и последующего его двухчасового штурма снова, как и в первые дни казанской осады, «пеши стрельцы и казаки» «напред полки пошли», поддерживая стрельбой из пищалей (стрельцы) и луков (казаки) действия спешившихся детей боярских и их послужильцев³⁸⁰.

После возвращения рати князя Горбатого из похода прошло еще две недели, заполненные напряженной работой по подготовке решающего штурма Казани. 30 сентября были взорваны подкопы, подведенные под «тарасы», возведенные татарами у сильно поврежденных к тому времени огнем русской осадной артиллерии Царских и Арских ворот. «И взорвало тарасы и с людми казанскими на высоту великую, и с высоты бревна падоша в город и побиша множество татар», — писал летописец³⁸¹. Изготовившиеся к штурму стрельцы, казаки и спешившиеся дети боярские со своими людьми под прикрытием артиллерийского огня пошли вперед, «заметали ров у города Казани хвостом з землею» и, преодолев ожесточенное сопротивление казанцев, взобрались «на стены градные и ворота града и в башню града от Арского поля». Иван IV и его советники, не ожидавшие такого успеха и не приведшие заранее в готовность к общему штурму все полки, решили отвести назад людей Воротынского и присланного ему в помощь окольничего А.Д. Басманова. Однако воеводы и головы (и, надо полагать, Иван Черемисинов в их числе) отказались отдавать взятые после упорной рукопашной схватки позиции. Напротив

тив, они поспешили укрепиться на них, «крепкими щиты заставитися и туры засыпать землею» и, «седяще на граде два дни и две нощи, ожидая приступу»³⁸².

Успех, достигнутый ратниками Воротынского и Басманова, ускорил наступление развязки. Иван IV приказал готовиться всем к общему приступу, намеченному на воскресенье, 2 октября 1552 г. — «и очищатся вси и у отцов духовных исповедаются, достойны же благодати сподобятся: приближи бо ся день, вънеже пити общая чаша всем»³⁸³. Неизбежность последнего «пира» стала очевидной после того, как казанцы в очередной раз отвергли предложение царя сложить оружие и выдать тех, кто развязал войну, нарушив достигнутые весной договоренности о мирном разрешении конфликта. И снова обращает на себя внимание тот факт, что согласно составленной накануне решающих событий диспозиции стрельцы под началом своих голов и казаки вместе с боярскими людьми должны были идти во главе штурмовых колонн, прокладывая дорогу спешенным детям боярским: царь «напред велел приступати со всех сторон атаманом с казакы и головам з боярскими людми да головам с стрелцы; и как, даст Бог, люди у города будут и на стенах, государь велел помогати другим воеводам изо всех полков з детьми боярскими»³⁸⁴.

И вот настало утро 2 октября — дня, когда исход длившегося более столетия противостояния Москвы и Казани должен был окончательно разрешиться. Ратные люди русских полков изготовились к атаке, ожидая сигнала, который должен был возвестить о начале штурма. Спустя час после восхода солнца прозвучал сперва один, а потом второй, еще более мощный взрыв — взорвались заложенные в подкопы под казанскими валами бочки с порохом³⁸⁵. «Абие якоже сильный гром грянул, и велми земля дрогну и потрясeseя... — писал русский летописец, — и страшна убо зренiem земля яко тма являшеся, и на великую высоту восходяще, и многие бревна и людей на высоту возметающе...»³⁸⁶. И еще не успела рассеяться гарь и дым, поднятые взрывами, как «поиде воинство царьское со всех стран на град». Если наши предположения верны, то стрельцы прибора Черемисинова со своим головой пошли на штурм или в районе Арских, или

Царевых ворот. Преодолев упорное сопротивление казанцев, русские ворвались на улицы Казани и после кровопролитных рукопашных уличных боев обратили татар в бегство. Уцелевшие защитники города попытались прорваться из пылающей Казани через северные Елбуги ворота, но здесь были встречены ратниками полка Правой руки и почти все были перебиты или взяты в плен. Лишь немногим удалось укрыться в лесу. Взятый город подвергся разграблению и опустошению — царь повелел перебить всех «ратных» казанцев «за измену их», взяв в плен только женщин и детей, а все имущество жителей отдал своим воинам в награду за их труды. «А побитых во граде толико множество лежаша, — описывал летописец мрачный «пейзаж после битвы», — яко по всему граду не бе где ступити не на мертвых; за царевым же двором костры мертвых лежаше с стенами градными ровно, рвы же на той стороне града полны мертвых лежаша, и по Казань по реку, и в реке, и за рекою по всему лугу мертвии погани лежаша»³⁸⁷

Итак, 2 октября Казань пала, Казанское царство вошло в состав Русского государства, а Иван IV мог теперь именовать себя «царем казанским». По слухам «казанского взятия» по возвращении царя в столицу в Москве прошли трехдневные торжества и «жяловал государь бояр своих и воевод и дворян и всех детей боярских и всех воинов по достоянию, шубами многоцветными своих плеч, бархаты з золотом, на соболях, и купки, иным же шубы и ковши, иным шубы и кони и доспехи иным ис казны денги и плащие». Значимости свершившегося события соответствовал и размах, с которых Иван одарил своих служилых людей, — согласно летописи, за три дня «роздал государь казны своим по смете казначеев за все денгами, и платья и судов, доспеху и коней и денег, оприч вотчин и поместий и кормлений, 48 000 рублей»³⁸⁸. В сохранившихся источниках нет сведений о том, как именно были пожалованы за свои ратные подвиги во время осады и штурма Казани Иван Черемисинов и его люди, но в том, что они получили заслуженное «царское жалованье», нет никаких сомнений. Рядовые стрельцы, по тогдашнему обычаю, получили серебряные «новгородки» (начальные люди) и «московки» (рядовые

стрельцы). Сам же стрелецкий голова, как недостаточно «дородный», вряд ли, конечно, сподобился шубы с царского плеча или «фрязского купка», но вот коня, доспех и совершенно точно «денгу золотую» получил за свою ратную службу всенепременно³⁸⁹

О том, что происходило с нашим героем в первые годы после взятия Казани, сведений не сохранилось. Однако же осмелимся предположить, что он и его стрельцы остались на гарнизонной службе («на годовании») в Казани вместе с другими детьми боярскими, стрельцами и казаками под началом воевод князей А.Б. Горбатого и В.С. Серебряного, будучи поселены в одной из стрелецких слобод (в 1566 г. их было две)³⁹⁰ В казанской писцовой книге, датируемой 1566 г., сохранилась роспись стрелецких караулов, согласно которой караульную службу несли посменно по 50 стрельцов³⁹¹ И если он оставался там, то можно предположить также, что Иван Черемисинов со своими людьми принял участие в успешном походе в конце 1553 — начале 1554 г. на отказывавшихся подчиниться власти посаженных в Казани Иваном IV воевод жителей «луговой стороны и арьских мест», за который он также мог быть награжден «денгой золотой»³⁹². Надо сказать, что служба в Казани была в то время чрезвычайно сложной и опасной, о чем свидетельствует такой яркий пример — в конце февраля 1553 г. «казанские люди луговые изменили», отказались платить ясак, а сборщиков ясака, прибывших к ним из Казани, убили. Наказать мятежников казанские воеводы отправили стрелецкого голову Ивана Ершова и казачьего атамана Василия Елизарова, но мятежники сумели наголову разгромить оба отряда, убив, по сообщению летописи, «пол 400 стрелцов да пол 500 казаков». Не прошло и двух недель после этого, как мятежники во главе с «Зензейтом и Сарый богатырем со товарищи» напали на отряд во главе с воеводой Б.И. Салтыковым и также наголову разбив его, побив на месте 36 детей боярских, 50 их людей, 170 «горных людей», выступивших вместе с воеводой, а самого Салтыкова и еще 200 ратников взяли в полон³⁹³.

Отсюда, из Казани, Иван Черемисинов отправляется вниз по Волге в Астрахань, где ему довелось во второй раз стать одним из главных действующих лиц в разыгравшейся

драме подчинения власти усиливающейся день ото дня Москвы еще одного татарского юрта — Астрахани. По взаимной договоренности с ногайским бием Исмаилом, достигнутой еще осенью 1553 г. (тогда Исмаил бы еще нурадином, вторым лицом во властной «вертикали» в Ногайской Орде) Иван IV обязался отправить рать против астраханского хана Ямгурчи с тем, чтобы, сбросив его с астраханского стола, посадить на нем «царя» Дервиш-Али³⁹⁴. Последний ранее уже сидел в Астрахани, но потерял власть и бежал сперва к ногаям, а потом в Москву, где его пожаловали Звенигородом за службу московскому государю. В апреле 1554 г. трехполковая рать во главе с воеводой князем Ю.И. Шемякиным Пронским отправилась сажать Дервиш-Али на астраханский трон. В состав рати входили, помимо детей боярских дворовых и «розных городов выбором», также казаки и стрельцы³⁹⁵, но были ли среди них Иван Черемисинов со своими людьми, неизвестно. Обращает на себя внимание, что среди участников похода назван был Григорий Желобов³⁹⁶, один из первых стрелецких голов и также участник казанской эпопеи. Возможно, он и его стрельцы и были в составе рати князя Шемякина Пронского. Черемисинов же со своими людьми оставался в Казани, поскольку ситуация в завоеванной казанской земле оставалась неспокойной.

Поход завершился успехом — Ямгурчи бежал из Астрахани, русские воеводы посадили на освободившемся столе Дервиш-Али, после чего покинули город, оставив в нем «годовать» (и одновременно наблюдать и за Дервиш-Али, и за ногаями) голову П. Тургенева, «а с ним стрелцов и казаков»³⁹⁷

Однако, как и в случае с Казанью двумя годами ранее, попытка Ивана (поспешившего включить именование себя царем Астраханским в свою титулатуру³⁹⁸) установить свой протекторат над татарским юртом посредством возведения на его трон вассального хана не имела успеха. Трения между московскими воеводами и Дервиш-Али начались уже вскоре после того, как хан, отразив попытки Ямгурчи вернуться в Астрахань, почувствовал себя на троне более уверенно. Пытаясь обрести большую независимость от Москвы, Дервиш-

Али решил опереться на поддержку крымского хана и Юсуфовичей, сыновей ногайского бия Юсуфа, убитого Исмаилом в ходе борьбы за власть. И вот осенью 1555 г. дело дошло и до открытого столкновения между Дервиш-Али и московским «резидентом» при ханском дворе Л. Мансуровым³⁹⁹. Дело явно шло по печальной памяти казанскому сценарию, и эти опасения подтвердились весной 1556 г., когда Л. Мансуров прислал в Москву гонца с грамотой. В ней русский посланник сообщал об измене Дервиш-Али и новом нападении хана и его людей на отряд Мансурова, который понес при этом большие потери (150 человек из 500)⁴⁰⁰

Получив это известие, Иван IV вспомнил об Иване Черемисинове (и, надо полагать, не случайно — вспомнив о его действиях в Казани при Шигалее и время осады Казани). Летописец сообщал, что в марте 1556 г. государь «отпустил» «в Асторохань голову стрелецкого Ивана Черемисина с его стрелцы да Михаила Колупаева с казаки, да с вятчаны велел идти Федору Писемскому; да послал государь в прибавку голову ж стрелецкого Тимофея Пухова сына Тетерина с его стрелцы, да с вятчаны Федора Писемского, да с ними атаманы многие с казаки»⁴⁰¹. Разрядные записи уточняют это известие — согласно им, с вятчанами двинулся в поход младший брат Ивана Черемисина Федор⁴⁰². И поскольку наш герой в первый раз появляется в разрядных записях, да еще и был поименован первым воеводой пусть и небольшой, но все же самостоятельной рати, то выходит, что в 1556 г. он впервые добился, как тогда говорили, «именной службы». Для не отличавшегося «дородством» сына боярского средней руки это был серьезный карьерный успех!

Перед воеводами была поставлена недвусмысленная задача — как писал Иван Исмаилу, «велел есми им (то есть Черемисинову и Колупаеву. — В. П.) Дербыша царя убить, а астараханских людей всех велел есми розогнati того для, чтоб вперед вам от них лиха никотого не было. А Ивану и Михаилу велели есмя жити в Астарахани дела своего и вашего беречи», поддерживать дружеские отношения с Исмаил-бием и его союзниками, оказывать им всемерную помощь и поддержку в борьбе с врагами ногайского бия, под

которыми подразумевались, конечно, прежде всего Юсуфовичи и поддержавшие их ногайские мурзы⁴⁰³

Кстати, относительно размеров подчиненного Черемисинову войска в источниках ничего не сообщается, но можно попытаться представить, сколько примерно могло быть вместе с ним людей в «судовой» рати, ушедшей вниз по Волге принуждать Дервиш-Али к повиновению. Из летописных и разрядных свидетельств следует, что под началом Ивана Черемисинова оказались по меньшей мере два стрелецких прибора и один казачий, то есть до 1,5 тысячи ратников. К ним стоит добавить вятчан Федора Черемисинова — а их могло быть около 1 тысячи (во всяком случае, для Полоцкого похода шестью годами позже с Вятки должно было выступить против государевых недругов 500 бойцов и еще 25 пищальников, и это было «вполы прежнего наряду», да и в летописи говорится, что вятчан возглавляли по меньшей мере два атамана⁴⁰⁴). Одним словом, можно полагать, что под началом нашего героя было порядка 2,5 тысячи ратных людей — сила по тем временам немалая, и к тому же вооруженная по меньшей мере наполовину огнестрельным оружием и имевшая пусть и небольшой, но собственный «наряд» (как мы уже отмечали выше, судя по всему, с самого начала при стрелецких приборах была своя артиллерия). Для сравнения — весной 1555 г. ногайский бий Исмаил просил у Ивана Грозного прислать ему в помощь «дватцать пищалников (sic!), да три пушечки и стрелцы хто стреляет из них»⁴⁰⁵. А под началом Черемисинова было «пищалников» явно больше 1 тысячи, да и «пушечек» порядка десяти! Можно также попытаться представить, сколько стругов был в экспедиции Черемисинова — англичанин А. Дженкинсон сообщал, что его корабль сопровождали два струга с 50 русскими стрельцами, следовательно, если принять среднюю вместимость русского струга за 25 человек, то рать Черемисинова перевозили по меньшей мере 100 стругов⁴⁰⁶. И если мы примем во внимание эти факты, то дальнейшее развитие событий уже вовсе не представляется таким уж невероятным.

Дервиш-Али, понимая, что его переход на сторону крымского хана не останется безнаказанным, молил Девлет-Ги-

рея I о помощи. Своими силами хан не рассчитывал отбиться от русских — в его распоряжении было всего лишь несколько сотен профессиональных воинов⁴⁰⁷, а на ополчение из рядовых астраханцев надежды было мало. Крымский «царь» отправил на помощь своему новоявленному союзнику некоего «Атман-Дувана» (Осман-Дувана?) с 700 всадниками и 300 своими «янычанами» «с пищалми», «да и пушки прислал на брежение Асторохани»⁴⁰⁸. Однако даже с ханской помощью Дервиш-Али не рассчитывал отразить русское наступление. Поэтому, когда ханской ставки достигли известия о том, что к городу приближается русская судовая рать, и когда стало известно, сколько на стругах плывет русских ратных людей, астраханский «царь» решил не испытывать судьбу и последовал примеру Ямгурчи. А тут еще накануне подхода рати Черемисинова «приходил на царя Ляпун отаман с товарищи и поимал многие улусы, княгини и девки, жонки и робята, а людей побил многих»⁴⁰⁹. 14 сентября, в праздник Воздвиженья, который Иван Грозный отмечал в Троице-Сергиевом монастыре, к нему прибыл гонец от Черемисинова и его товарищей. Воеводы сообщали государю, что-де «пришли они в Асторохань, а город пуст, царь и люди выбежали», потому они заняли ханскую столицу и «город зделали крепок», и, «укрепившись» в городе «как безстрашно сидеть», пустились на поиски хана, стремясь выполнить царский наказ «убити» Дервиш-Али. Нашли беглого «царя» Ф. Писемский и Т. Тетерин со своими казаками и стрельцами и, атаковав ночью лагерь хана, «побили в улусах у него многих людей». Попытки уцелевшего в ночной схватке хана взять наутро реванш были отражены русскими ратниками, которым удалось после боя, длившегося целый день, достичь без особых потерь Волги и на стругах отойти к Астрахани⁴¹⁰.

Потерпев неудачу, Дервиш-Али попытался выиграть время и вступил в переговоры с Иваном Черемисиновым, ссылаясь на то, что он-де «изменил государю неволею» и потому он бьет Ивану Грозному челом в том, чтобы «государь бы ему милость оказал». На первых порах переговоры как будто имели успех, и, как сообщал в Москву Черемисинов, «царь» со всей «своей землей» «правду дал», что

«им ехати во град и служити царю и великому князю», и в знак своих добрых намерений в обмен на 15 «жонок» из числа взятых в Астрахани полонянников отпустил русского посланника А. Тишкова, посланного ранее к Исмаил-бию и попавшему в плен к его врагам⁴¹¹.

Не доверяя хану, Черемисинов и его товарищи продолжали укреплять занятую ими Астрахань, одновременно «по Волге стрелцов и казаков разставили и отнели всю волю у нагай и у астороханцев рыбные ловли и перевозы все»⁴¹². И предосторожность Черемисинова оказалась ненапрасной. Спустя полторы недели после первого гонца, 23 сентября 1556 г., в Троицу прискакал другой, с новой грамотой от нашего героя, в которой тот сообщал царю, что Дервиш-Али нарушил свое обещание и под давлением крымского воеводы Осман-Дувана и Юсуfovичей, сыновей покойного ногайского бия, «шерть свою изменил»⁴¹³.

Стало очевидно, что заставить Дервиш-Али соблюдать ранее достигнутые договоренности не получится, равно как и оставить его на астраханском троне. И здесь уже не важно, получилось ли так случайно, или же в Москве с самого начала вынашивали планы покорения Астрахани, а вся затея с посажением на астраханский стол Дервиш-Али носила демонстративный характер, — важно другое. Теперь, когда присоединение Астрахани к Русскому государству стало фактом, необходимо было как можно быстрее стабилизировать ситуацию вокруг города и прочно утвердить здесь русское присутствие и влияние. И надо полагать, дипломатические таланты Ивана Черемисинова, подкрепленные немалой военной силой, должны были сыграть немаловажную роль. И судя по тому, как развивались события дальше, Иван Грозный не ошибся в выборе первого астраханского воеводы (поскольку все предыдущие русские «агенты» при астраханском дворе все же не обладали теми правами и возможностями, что Черемисинов).

В разрядных записях сохранились сведения о том, что «Иван (Черемисинов. — В. П.) и Михайла (Колупаев. — В. П.) сели в Астарахани и город зделали земляной, а жили в Астарахани два года». Обращает на себя внимание длительность «годования» Черемисинова в «астраханском юрте»,

равно как и возведение им и его людьми «земляного города» — до Черемисинова «было в Астрахани два города плетены в комышу да насыпаны землею»⁴¹⁴. Понятно, что такое примитивное укрепление было под силу взять даже татарам, которые не любили заниматься осадами (кстати, Юсуфовичи это наглядно продемонстрировали, вынудив Мансурова покинуть этот «земляной в комышу» городок). Теперь же укрепления Астрахани представляли собой более серьезное препятствие и оплот русского влияния в Нижнем Поволжье и на северном побережье Каспия. Кстати, сохранилось пусть и лаконичное, но все же сделанное очевидцем описание Астрахани, отстроенной Черемисиновым и Колупаевым. В июле 1558 г. в ней побывал английский путешественник и дипломат А. Дженкинсон, который писал, что «город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу, с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также окружен земляным валом; строения дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые»⁴¹⁵.

Опираясь на возведенную крепость и имея под рукой немалую рать, Иван Черемисинов энергично принялся наводить порядок во вновь приобретенных землях. Прежде всего новому астраханскому воеводе нужно было вернуть разбежавшихся в результате бурных событий последних лет, войн и набегов астраханских «черных улусных людей» на их прежние кочевья, гарантируя им защиту московского царя — а их, этих людей, было немало. Согласно летописи, когда в 1554 г. Дервиш-Али был посажен на астраханский стол, хану и Ивану Грозному «правду дали» «а зсторожанские люди Ишим князь, Алей Князь, Куратклеш князь и иные многие люди», «князья и мырзы» общим числом пятьсот, «Енгуват азей пришел, а с ним многи молы и азеи и всяких 3000 человек», не считая 7000 «черных людей»⁴¹⁶. И с этой задачей Черемисинов, судя по всему, справился. Во всяком случае, в ноябре 1556 г. новый гонец от астраханского воеводы сообщал Ивану Грозному, что-де «черные люди асторожанцы приходят к Ивану и к Михаилу и биют челом и правду царю государю дают, чтоб их государь пожаловал, велел жити по-старому у города у Асторожани и дань дава-

ти, и вины бы им государь пожаловал, отдал, казнити их не велел», потому как «они черные люди» не виноваты, поскольку «водил их царь и князи неволею, а иных астороханцев розвели нагаи в то время, как бегали от царя и великого князя». Помимо этого, к Ивану прибыли посланцы от горских князей, «ис Шамахеи, ис Шевка и с Тюмени» с предложениями установить мирные отношения и торговлю, и, рапортовал воевода царю, к тем князьям он, Иван, со своим товарищем отправил-де «служивых татар по государеву царя и великого князя наказу»⁴¹⁷ Иван IV, заинтересованный в том, чтобы как можно быстрее и прочнее закрепить низовья Волги за Москвой, одобрил действия воевод, заявив о своем желании «астраханских черных людей» «жаловать и беречи»⁴¹⁸.

Энергия, с которой Черемисинов принялся за закрепление России в этом регионе, не могла не оказать воздействия на позицию Юсуfovичей, тем более что Черемисинов принял самое непосредственное участие в переговорах сыновей покойного бия с русскими дипломатами и своим дядей Исмаилом, новым ногайским бием: «А писали Иван да Михайло, что Исуфовы дети Юнос-мурзы да Алеи Исмаилу князю дабили челом и с Іваном да с Михаилом помирися и правду царю и гоударю дали на том, что им служити царю и великому князю, как Исмаил князь, и неотступными быти и до своего живота и у Асторохани кочевати, а лиха никакова не учинити»⁴¹⁹. Результатом этих переговоров стало выступление Юсуfovичей против Дервиш-Али. Последний татарский астраханский «царь» был ими наголову разбит, потерял присланные ему крымским «царем» пушки (которые сыновья Юсуфа доставили в Астрахань и предъявили Черемисинову как свидетельство своей победы и знак верности московскому государю) и бежал в Азов, а оттуда отправился в хадж в Мекку⁴²⁰ Помимо перехода Юсуfovичей на сторону русского государя, не только астраханцы⁴²¹, но и многие «добрые» ногаи «великого неустройства для» изъявили желание перекочевать под Астрахань под руку царских воевод, рассчитывая здесь обрести покой от многих неурядиц и голода, опустошивших в предыдущие годы Ногайскую Орду. В итоге, как писали Черемисинов и Колуша-

ев Ивану Грозному в мае 1557 г., «и кочевали и зимовали ногаи под Астараханью и торговали во всю зиму в Астара-хани поволно и полюбовно»⁴²².

Сложные и непростые отношения складывались у Черемисинова с Исмаил-бием и ногайскими мурзами, которые приняли его сторону. Конечно, царь неоднократно подчеркивал свое расположение бию и в переписке с ним писал, что им отданы Черемисинову соответствующие указания помочь Исмаилу и его союзникам и ратью (стрельцами и «нарядом»), и посылкой «хлебново и естовново запасу». Однако, памятуя о переменчивом нраве татар и самого Исмаила (который пытался одно время вести самостоятельную игру), Иван Грозный вовсе не был рад перспективе усиления позиций Исмаила в Ногайской Орде — слабый и зависимый от него бий был намного предпочтительнее, нежели сильный. Надо полагать, что помимо инструкций оказывать содействие Исмаилу Черемисинов и его товарищ получили и иные — не слишком усердствовать в этом содействии. И астраханские воеводы, блудя государев интерес, вели себя по отношению к Исмаилу и его мурзам достаточно независимо, вызывая тем самым недовольство с их стороны. Так, Иван Черемисинов, восстановив торг в Астрахани и взимая с пришедших на него «гостей» пошлины, в жесткой форме отказал Исмаилу в его претензиях на две трети взимаемых денег, заявив бию: «Не дам дей тебе ни пула без государева ведома, пошли дей о том ко государю». Отказался Иван выдавать бию и взятый им астраханский полон, не говоря уже о том, что астраханские воеводы потребовали (и, судя по всему, добились выполнения своих требований) от Исмаила вернуть им всех русских пленников. Более того, жаловался бий царю, Иван ногаев, что ушли от него, не возвращают по требованию бия обратно, «тех наших людей татар емлет» и «оманывает их: яз дей вас стану кормити». В итоге бий, оскорбленный таким пренебрежительным к нему отношением со стороны «худородного», по его мнению, русского воеводы, потребовал у Ивана осенью 1557 г. сменить Черемисинова и прислать «доброво боярина», «да тому человеку накажи, чтобы с нами гораздо говорил» (sic!)⁴²³.

Не желая обострять отношения с Исмаилом, который был нужен Ивану Грозному для участия в наступлении на Крым, царь в январе отписал бию, что он опалился на Ивана и, «как Бог даст, весна придет, и мы его с того юрта сведем часа того. А на его место пришлем иново доброво боярина»⁴²⁴. С началом навигации 1558 г. на Волге в Астрахань на смену Ивану Черемисинову и его товарищу был отправлен Иван Выродков, дворецкий угличский и калужский, еще один герой казанского «взятия»⁴²⁵. Большего Исмаилу добиться не удалось, да и с самим Выродковым ему тоже пришлось несладко, так что бий поздней осенью 1558 г. даже писал Ивану, что де «Иван Выродков много лиха делает. А на Ивана Черемисинова погневался есми немногого тово для, что мне ис таможново доходу не давал». Сравнив на деле достоинства вновь присланного воеводы с теми, которыми обладал предыдущий, Исмаил взмолился, «что ныне на усть Волги быти пригож Иван Черемисинов», поскольку он знает татарский язык и потому пускай царь «на весне вборзе прислал Ивана ж Черемисинова»⁴²⁶.

Однако Иван не стал снова отправлять Черемисинова в Астрахань, а нашел ему иное применение. Уже в марте 1559 г. мы видим нашего героя первым среди приставов, которые должны были встречать литовское посольство В. Тышкевича «на Дорогомилове, от дворов посадских с перестрел», а затем охранять и сопровождать их в самой Москве⁴²⁷. Годом позже, в феврале 1560 г., согласно летописи, «отпустил царь и государь и великий князь по челобитью кабардинских князей и по неправдам шевкаловым воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарищи на Шевкал и на Тюмень»⁴²⁸.

Надо полагать, этот выбор царя не был случайным. И в самом деле, кому, как не Ивану отправляться туда? Он не только знал татарский язык, но за два года пребывания в должности астраханского воеводы основательно погрузился в хитросплетения местной политики, сумел установить нужные связи, создать разведывательную сеть и заиметь осведомителей⁴²⁹. И, судя по всему, этой экспедиции придавали в Москве большое значение, ибо она была частью плана Ивана Грозного и его советников по обузданию крымской опасности. Вряд ли было случайным совпадение отправки в

1560 г. русских ратных людей на Дон, где годом ранее был поставлен воеводой И.М. Вешняковым городок, в «Черкасы» «на государство» князя Д. Вишневецкого, а против шамхала Тарковского, врага союзников Ивана Грозного кабардинских князей, Черемисинова с ратными же людьми⁴³⁰. Отметим также, что шамхал укрывал у себя Юсуповичей, и Исмаил-бий жаловался Ивану по этому поводу⁴³¹. Одним словом, поводов для того, чтобы воспользоваться по отношению к шамхалу «дипломатией канонерок», хватало. И набег Черемисинова должен был продемонстрировать ему, что не стоит конфликтовать ни с Темрюком, ни с Исмаил-бием. А еще шамхал должен был сильно подумать, прежде чем предпринимать какие-либо шаги по сближению с Крымом: теперь, когда Астрахань и устье Волги под властью русского государя, длинная рука Москвы легко могла дотянуться и до его владений и столицы.

Судя по всему, бывший астраханский воевода успешно справился со своей задачей. Прибыв со своими людьми в Астрахань к началу лета, Иван Черемисинов взял с собой в дополнение к своим стрельцам и казакам «асторожанских людей» и на стругах спустился вдоль западного побережья Каспия к югу с целью атаковать «Шавкальского князя». Путь вниз по Волге и далее морем из Астрахани до Тарков, резиденции шамхала, занимал около шести дней⁴³². По прибытии на место Черемисинов приказал высадить десант и, видимо, лично возглавил его в походе на Тарки, находившиеся в двух верстах от берега. Шамхал уже ждал их, засев в укреплениях города. О внешнем виде Тарков можно судить по описанию, сделанному в самом начале XVII в. Согласно этому описанию, Тарки «изстари бывал город каменной, стоит на горе; а та гора поотошла от больших гор к морю гребенем, и по ней лес большой, а вверх ее сажен с 30, и ныне на той горе на само верху стоит башня каменная и с тое башни мочно очищать из наряду до моря и на все стороны. А с одну сторону у той горы от моря залом каменной, самородной, а под заломом внизу от верху сажен з 20 и болши стоит на той же горе двор шевкалов, полаты каменные и избы. Да туто ж с одново края позади шевкалова двора башня другая каменная да городище старое. З дву

сторон горы стена была каменная... А ниже шевкалова двора на самом низу мечет каменая». Сам же город был не большой — в начале XVII в. около 300 дворов⁴³³.

Из этого описания следует, что Тарки вовсе не были такой уж сильной крепостью, подобной той же Казани, и, находясь в достаточно труднодоступном, укрепленном самой природой месте, могли служить более или менее надежной защитой только против горцев, не имевших в достаточном количестве огнестрельного оружия и тем более «наряда». Противостоять же русским стрельцам и казакам, бравшим не такие крепости, Тарки не могли. Понимал это и шамхал, поэтому, по словам летописца, «шалкаской князь царя и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул». Русские астраханцы заняли город, разграбили его и сожгли, после чего со взятым полоном и награбленным имуществом Черемисинов и его люди вернулись обратно к берегу, где и ждали струги, беспрепятственно погрузились в них и вернулись в Астрахань «со всеми людми здорово»⁴³⁴.

По возвращении таркинского похода Ивана Черемисина нова ждала новая служба, «именная». «В лето 7070», то есть в 1561/62 г., он был первым воеводой «на годованый» в городке Белом на русско-литовской границе⁴³⁵. Увы, даже при отличном служебном списке и большом опыте как воождения полков в бой, так и дипломатической работы выдвинуться на первые роли в военной иерархии Русского государства таким людям, как Иван Черемисинов, в то время было невозможно. Даже не всякий боярин или окольничий из старой, веками служившей московским государям фамилии мог тогда стать полковым воеводой⁴³⁶, что уж там говорить о детях боярских. Сотенный голова, городовой воевода (и то, как правило, в небольшом городке где-нибудь на «украине») или, в лучшем случае, воевода при «наряде» или рати «лехкой» или «плавной» — вот тот потолок, выше которого сын боярский, даже из весьма приличной семьи, прыгнуть не мог. Чтобы изменить такое положение, было недостаточно даже воли самого Ивана Грозного.

Все это может быть отнесено и к судьбе героя нашего повествования. В начале 60-х гг. XVI в., разменяв давно

пятый десяток лет, Иван Черемисинов, при всех его знаниях и талантах, не мог рассчитывать на дальнейший карьерный рост в русском войске того времени. И в подтверждение этого можно привести еще один факт из биографии нашего героя — в январе 1561 г. его снова можно было увидеть среди приставов, что встречали литовских послов в Дорогомилове на московской окраине, «от посадских дворов с перестрел»⁴³⁷ Конечно, встречать иноземных послов на окраине Москвы и далее пребывать вместе с ними в столице дело более почетное, нежели ехать за ними на «украину» и сопровождать их оттуда к сердцу Русского государства, но все же это не то, совсем не то, что было раньше, когда Черемисинов был астраханским воеводой и в его руках были жизнь и смерть сотен и тысяч людей. Однако царь не забыл своего верного слугу и, памятуя о его службах на Волге, вспомнил о нем, когда начал собираться в поход против великого литовского князя Сигизмунда II на Полоцк: «сентября 28. (1562 г. — В. П.) царь и великий князь велел бытии на зимнюю службу с собою готовым с годовых служб... з Белой — Ивану Семенову сыну Черемисинову»⁴³⁸.

Полоцкий поход 1562/63 гг. стал одной из самых крупных, если не самой большой военной экспедицией, предпринятой в годы правления Ивана Грозного. Сравниться с ним могут, пожалуй, лишь казанское «взятие» 1552 г и «выход» самого Ивана на «берег» весной 1559 г. Специального, полноценного исследования истории взятия Полоцка первым русским царем пока нет, хотя этой страницы русской истории неоднократно в большей или меньшей степени касались практически все крупные отечественные историки, занимавшиеся историей России времен Ивана Грозного. Не останавливаясь подробно на перипетиях этого грандиозного военного предприятия, посмотрим, как и в какой роли участвовал в нем Иван Черемисинов. Согласно разрядным записям, на этот раз он находился в свите государя, будучи назначен «за государем ездити». Таких «флигель-адъютантов» было 11 человек, в том числе такие известные по летописям и разрядным записям личности, как князь И.П. Шуйский, Ф.А. Басманов, Ш. Кобяков, И. Блудов, Ф. Вокшерин. Возглавлял их князь П.А. Горбатый⁴³⁹

Как оказался наш герой в такой заслуженной компании — можно лишь догадываться. Предположим, что тут сыграло свою роль особое отношение царя к Черемисинову, служба которого прошла на его глазах. Сделать его воеводой Иван Грозный не мог — слишком много родовитых аристократов претендовало на эту должность, поставить во главе сотни детей боярских заслуженного ветерана было бы для него недостойно, а вот причислить к своей свите, пожалуй, было в самый раз.

Возвращаясь обратно к истории Полоцкого «взятия», отметим, что на этот раз военным знаниям и опыту Ивана Черемисинова применения не нашлось, так как знатоков осадного дела хватало и без него. Иван Грозный решил использовать Черемисинова на другом поприще, памятуя о его успешной деятельности в качестве «переговорщика» в бытность его начальником охраны при Шигалее и воеводствования в Астрахани. И вот тут произошел весьма интересный и вместе с тем загадочный эпизод — в источниках по-разному описывается участие Ивана в переговорах с полоцкими начальными людьми. Одна версия, благоприятная по отношению к Черемисинову, содержится в частных разрядных книгах, а другая, в которой на первое место выдвигается будущий опричник М. Безнин, — в официальном летописании. Итак, рассмотрим обе версии и попытаемся найти «золотую середину», памятуя о том, что истина, как правило, находится между крайностями.

Для начала немного хроники Полоцкого похода. 30 ноября 1562 г. Иван Грозный вступил из Москвы на «свое дело и на земское». Полоцкая эпопея официально могла считаться начавшейся, хотя ратные люди давно уже находились в движении, стягиваясь в места, назначенные для сбора вдоль литовско-русской границы. Марш главных сил русского войска к цели был долгим и тяжким — масса ратных людей, «наряд», посоха и обоз с трудом прордирались по единственной заснеженной дороге. Однако, несмотря на все трудности, в последних числах января 1563 г. царские полки вышли наконец к Полоцку и приступили к его обложению. Сам государь прибыл 30 января, а на следующий день начались осадные работы, которые шли всю первую

неделю февраля. Кольцо осады постепенно сжималось, русская артиллерия приступила к бомбардировке полоцкого посада и замка. 8 февраля полоцкий воевода Ст. Довойна приказал оставить посад, предварительно подпалив его. Сидевшие в шанцах против посада дети боярские со своими послужильцами, стрельцы и казаки, как писал летописец, «палися на полотцких животех», то есть попросту не выдержали зрелица гибнущей добычи; на которую они так рассчитывали, и полезли в пылающий острог, завязав бой с жолнерами Довойны. Иван, пристально наблюдавший за развитием событий, приказал «тех людей поберечи и людей из острогу выслати», что и было исполнено⁴⁴⁰.

Последующие несколько дней прошли без особых происшествий — русские продолжали вести осадные работы и устанавливали на позициях подтянувшуюся к тому времени тяжелую осадную артиллерию. 10 февраля полочане попытались сделать вылазку, но были «вбиты» обратно в замок, а на следующий день по приказу царя русские заняли посад и установили туры и батареи в непосредственной близости от полоцкой цитадели. Дни литовского Полоцка были сочтены, надежд на то, что великий литовский гетман Н. Радзивил Рыжий сумеет если не заставить русских отступить, то, по крайней мере, прорвёт блокаду, у полочан не осталось. К вечеру 14 февраля бомбардировка Полоцка русской артиллерией достигла своего апогея. «Во многих местах у города стену пробили и ворота Великие выбили, — так оценивались результаты ее работы в разрядных записях, — и с обломков людей литовских сбили, а в городе многих людей из норяду побили». И поскольку неприятель продолжать отказываться сложить оружие, Иван Грозный «о вечерне» отдал приказ воеводам, «чтоб они стрелцом велели городовую стену в местах в пяти и во шти зажечь, в которых местах будет пригоже часы за три или за четыре до света»⁴⁴¹. Надо полагать, пожары, которые надлежало зажечь стрельцам, должны были стать сигналом к началу общего штурма Полоцка. Однако Довойна не стал дожидаться, когда начнется приступ, прекрасно понимая, чем он закончится. «Часа за два до света» он дал знать русским воеводам, что намерен сложить оружие и отворить ворота

Полоцка. Вечером 15 февраля 1563 г. царские воеводы князья В.С. Серебряный и П.И. Горенский с 12 тысячами детей боярских и стрельцов вошли в город и ~~начали~~ приводить его в порядок, подготавливая торжественный въезд Ивана Грозного в свою «отчину», который и состоялся спустя три дня, 18 февраля 1563 г.⁴⁴²

Какую же роль во всех этих событиях сыграл Иван Черемисинов? Обратимся сперва к летописи, поскольку Ю.В. Анхимюк привел веские доводы в пользу того, что именно летописная повесть о взятии Полоцка легла в основу записей в частных разрядных книгах, повествующих об этой странице русской военной истории⁴⁴³. Согласно тексту Лебедевской летописи, 5 февраля полоцкий воевода Ст. Довойна отправил к воеводам Большого полка князьям И.Д. Бельскому и П.И. Шуйскому парламентеров шляхтичей Я. Быстрицкого и В. Грибунова, а также писаря Л. Гарабурду. Посланцы просяли воевод сообщить Ивану Грозному, чтобы тот отдал приказ прекратить огонь «и срока бы дал, а пан Довойна хочет царю государю кликать и бити челом».

Царь откликнулся на предложение полоцкого воеводы, направив на переговоры с его людьми своего «флигель-адъютанта» Ивана Черемисина и сына боярского Василия Розладина. Выслушав предложения полоцкого воеводы, Черемисинов отправился к Ивану Грозному, сообщив тому, что-де полоцкие посланцы «бьют челом царю и великому князю... чтобы им царь и велики князь милость показал на крестьяны, розлитие крове крестьянские велел бы унти, а дал бы срока не неделю, а пан Довойна, со всею землею умысля, царю и великому князю хочет бити челом»⁴⁴⁴. Увы, за пересылками и разговорами прошло немало времени, дело шло к ночи (Черемисинов прибыл к царю «часа за два до вечера»), потому государь приказал прекратить канонаду до утра (правда, тут же отдав другой приказ — продолжать осадные работы и завершить постановку тур вокруг Полоцка).

Утром следующего дня Черемисинов был отправлен царем обратно к стенам Полоцка на встречу с В. Грибуном и Л. Гарабурдой. Последние заявили, что полочане бьют челом государю и просят перемирия до вторника «того для,

что в городе многие люди, и со всеми с теми людми переговорити и уложити, как им бити челом государю, занеже деи, пане, то дело великое, не уговоряся со всеми людми, того дела делати нелз». В итоге и суббота прошла в бесплодных разговорах и пересылках, дело же не сдвинулось ни на йоту. Иван, начиная терять терпение, согласился дать Довойне срок на размышления до утра воскресенья 7 февраля⁴⁴⁵.

Воскресным утром Черемисинов снова, как и накануне, стоял под стенами полоцкого острога, ожидая ответа Довойны. И снова, как и прежде, В. Грибун и Л. Гарабурда стали «бить челом» царскому посланцу, «чтобы государь пожаловал, дал им сроку до вторника». Царь, заподозривший неладное (он пришел к выводу, что Довойна, вступив с ним в переговоры об условиях сдачи, просто тянет время, надеясь на помощь со стороны Радзивилла), отправил якобы от своих дворовых воевод боярина И.П. Яковли и князя П.И. Горенского сына боярского М. Безнина, дозорщика и ясоула из своей свиты поторопить переговорщиков. Безнин, приехав, заявил буквально следующее (создается впечатление, что перед нами чуть ли не дословная запись его слов): «Прытко будет с полотцкими людми дело и они бы делали ранее, а не будет дела, и они розъехалися и государевым бы делом промышляли; а государеве рати без дела про что томитися»⁴⁴⁶.

И вот на этом месте начинаются расхождения между летописным повествованием и разрядной повестью. Согласно летописи, переговоры между русскими и литовскими представителями закончились тем, что посланцы Довойны договорились все же о продлении перемирия «до утра до понедельника», с тем чтобы «тое ночи пан (то есть Довойна. — В.П.) со всеми людми переговорит и на чем уложат, и завтра паны из города к воеводам из города выедут». Надо полагать, что царь согласился на такой шаг, хотя для него и было очевидно стремление полоцкого воеводы потянуть время, по той простой причине, что «большой наряд» был еще на подходе и прибыл только к вечеру воскресенья 7 февраля, а без него поставить жирную точку в истории осады Полоцка было сложно⁴⁴⁷.

На утро же понедельника М. Безнин, прибывший под стены полоцкого острога, встретился с В. Грибуном, который заявил, «что де люди многие, а мысльми своими шатаются; иные люди бити челом хотят, а иные не хотят, и просил срока на неделю», после чего по Безнину «учали из города из наряду стреляти». Царский посыпец поторопился вернуться в царскую ставку, где и доложил о результатах переговоров, после чего Иван приказал начать обстрел города и острога из прибывших пушек и мортир «большого наряда»⁴⁴⁸.

Так выглядит официальная версия переговоров между представителями Ивана Грозного и Довойны. Как можно заметить из этого описания, Черемисинов, игравший на первых порах ведущую роль в этих неготициациях, с 7 февраля был оттеснен на второй план, а потом и вовсе (по крайней мере, такое складывается впечатление при чтении летописного текста) отстранен от ведения переговоров. Однако иначе обстоит дело в разрядной повести. Вернемся обратно в 7 февраля 1563 г., к тому моменту, когда в разговор между Черемисиновым и Грибуном вмешался царский посыпец. Безнин, как мы помним, потребовал быстрее завершать разговоры и дать ответ — «да» или «нет». В ответ он услышал от Черемисинова буквально следующее: «Вы, молодцы молодые, смышляете битися; и ты поеди прочь, а дай нам с Лукашом поговорити; а крестьянской крови про что литися, нечто бы дело зделалося без крови»⁴⁴⁹

Интересный поворот сюжета. Д.М. Володихин, автор биографии М. Безнина, анализируя разрядную версию переговоров, писал, что при ее чтении «создается впечатление, что мудрый Черемисинов одернул не в меру горячего Безнина, к тому же унизив его званием «молодца молодого» по сравнению с собой, старшим», подчеркнув при этом, что «возвеличивание Черемисинова, к тому же идущее за счет унижения Безнина, который действовал по воле командования и самого царя, выглядит неестественно». Потому-то историк пришел к выводу, что именно Безнин приложил руку к составлению заготовки, что легла в основу будущей официальной версии полоцкой осады, а вот кто-то из рода Черемисиновых постарался впоследствии отредактировать

разрядную версию, «исправляя негативное впечатление от его (Безнина. — В. П.) деятельности»⁴⁵⁰

Соглашаясь с такой реконструкцией взаимосвязи текстов (поскольку для нас это не принципиально), зададимся все же вопросом — а как на самом деле обстояло дело? Какой сценарий развития событий выглядит более реалистичным и имел место быть на самом деле? И если внимательно перечитать еще раз обе версии, то складывается впечатление, что разрядная повесть все же точнее отражает перипетии переговоров. Почему? Прежде всего отметим, что, как указывал Б.М. Клосс, есть две версии относительно времени создания Лицевого свода, из которого летописная повесть о взятии Полоцка попала в Лебедевскую летопись, — конец 60-х гг. и вторая половина 70-х — начало 80-х гг. XVI в.⁴⁵¹ Ни в том ни в другом случае Иван Черемисинов никак не мог иметь отношения к редактированию текста летописи — в первом случае потому, что он, судя по всему, еще не был в опричнине, а во втором по той простой причине, что наш герой умер примерно в конце 1573—1574 г. Но это косвенный довод, и к тому же довольно зыбкий. А вот другой довод представляется более весомым. Для начала сравним карьеру и статус Черемисинова и Безнина. Иван к 1563 г. был на государевой службе по меньшей мере почти два десятка лет и хотя по объективным причинам не мог подняться на вершину московского военно-политического Олимпа, тем не менее сделал блестящую для людей его круга и происхождения карьеру. В его служебном списке и должность одного из первых стрелецких голов, и «казанская» служба, и астраханская «посылка», и экспедиция на Кавказ. Черемисинов за эти полтора с гаком десятилетия не раз оказывался в эпицентре важнейших событий и политических интриг и по праву мог считаться одним из опытнейших и искушенных царских воевод и дипломатов.

А что же Безнин, что он мог бросить на чашу весов против черемисиновских авторитета и опыта? Да по большому счету ничего. До Полоцкого похода он не занимал никаких серьезных должностей и его служба была, как говорится, «не видна». Будучи занесен в «Дворовую тетрадь» и в «Ты-

сячную книгу», на страницах разрядов он появляется в качестве сотенного головы лишь в 1559 г., да и в полоцком разряде его должность уступала по весу той, что занимал Черемисинов. К тому же складывается впечатление, что Безнин пусть и ненамного, но все же был моложе, чем Черемисинов. Поэтому вовсе не кажется такой уж невозможной эта история, что рассказана в разрядной повести. И в самом деле, умудренный военным и дипломатическим опытом, рано поседевший на государевой службе царский «флигель-адъютант» ведет сложные переговоры, и тут в разговор встремляется молодой да ранний Безнин и пытается диктовать Черемисинову и его контрагентам, как и о чем дальше вести разговор.

Реакция Ивана в таком случае была вполне очевидна — он одернул не в меру прыткого ясоула и поставил его на место (Безнин не забыл про этот эпизод и потом постарался отыграться при составлении летописи), твердо держа ход переговоров в своих руках. И тот факт, что перемирие в итоге было продлено до утра понедельника 8 февраля, то есть еще на сутки, говорит о том, что все же действия Черемисинова, а не Безнина были в конце концов одобрены царем, и, следовательно, разрядная повесть выглядит более реалистичной, нежели летописная версия. Ее мы и будем дальше придерживаться, отметив, правда, что нельзя исключить и такой поворот сюжета — Иван Грозный, натура артистичная, разыграл перед литовцами спектакль с «плохим» (Безнин) и «хорошим» (Черемисинов) «следователями», стремясь добиться желаемого результата без применения крайних мер.

Но вернемся обратно к разрядной повести. Согласно ей, утром 8 февраля царь отправил Ивана Черемисинова к стенам Полоцка узнать, что надумали паны. Ответ был неблагоприятный — В. Грибун заявил, что о сдаче речи быть не может и нужно еще время, хотя бы неделя, чтобы Довойна мог дать окончательный ответ. В ответ же на слова Ивана, что-де «вчера, есля били челом, а хотели свое дело свершено учинить, а ныне хотите слов своих переменити», Грибун заявил, что «с чем де меня из города паны выслали, и яз то и говорю»⁴⁵². Произнеся их, литвин повертил коня и

скрылся за закрывшимися воротами, а по Черемисинову сделали несколько выстрелов из пищалей с крепостной стены. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений в том, какова позиция Довойны и стоит ли ждать, когда он капитулирует. Когда же вскоре после того, как обстрелянный из пищалей Черемисинов вернулся в царский шатер, заполыхал полоцкий посад, подожженный жолнерами полоцкого воеводы, и началась поспешная эвакуация его жителей в замок, последние надежды на относительно мирный исход развеялись окончательно. Иван Грозный решил пустить в дело «последний довод королей».

И *ultima ratio regis* оказался убедительнее, чем все слова, произнесенные до этого. После того как 9 февраля заговорили пушки «большого наряда», исход осады стал очевиден. Сосновые городни и башни полоцкого замка не выдержали мощного огня русской артиллерии, и Довойна решил капитулировать. И снова, как и неделей раньше, в переговорах об условиях сдачи Полоцка активную роль сыграл Иван Черемисинов. Утром 15 февраля Довойна, не дожидаясь начала штурма города, дал знать царским воеводам о своей готовности сложить оружие. Дальше события пошли по нарастающей. К городу были снова посланы В. Разладин, И. Черемисинов и М. Безнин с требованием, «чтоб из города вышел владыка Арсеней Полоцкой, и Давоин воевода, и дворяне, и все лучшие люди, и рохмистры, и полковники, и город бы государю здали, и государьская к ним милость будет». Спустя час царские посланцы вернулись, сообщив, «что владыка Арсеней Полоцкой из города вышел к воеводам со кресты и собором. А Давоин воевода и дворяне, и все лучшие люди просят у государя милости, чтобы государь милость показал, розводу им не учинил и отпустил бы их в свою землю»⁴⁵³.

Выслушав челобитье полочан, Иван Грозный отправил с ответом обратно Черемисинова, которому «велел говорить: только не выйдет из города Давоин воевода и дворяне, и все лучшие люди, и стрелба в город не перестанет». И чтобы подстегнуть полоцкого воеводу и его советников, сделав слова своего посланца более весомыми, царь приказал продолжить обстрел города, мешая полочанам тушить пожары.

Прошел еще час, и Довойна с «лутчими людми» вышел из Полоцка. Иван Грозный послал к ним Черемисинова, приказав тому препроводить Довойну, Арсения и иных полочан, вышедших из города «в свой шатер в большой». И спустя еще час «Иван Черемисинов со владыкою и з Довоином и с королевскими дворяны к государю приехали».

В дальнейших событиях наш герой, судя по всему, уже не играл сколько-нибудь значительной роли — и без него хватало тех, кто желал вкусить славы полоцкого «взятия». Можно лишь предположить, что Иван Черемисинов среди «всего воинства» присутствовал на аудиенции, которую дал Иван Грозный Довойне, Арсению и их свите в тот же день 15 февраля⁴⁵⁴. Кстати, с Двойной, Быстрицким и Грабурдой нашему герою довелось встретиться еще раз в декабре 1563 г., когда Черемисинов присутствовал при встрече литовских послов во главе с Ю. Ходкевичем с полоцкими пленниками «в большой в набережной полате» в Москве⁴⁵⁵.

Говоря об участии Ивана Черемисинова в Полоцкой кампании, нетрудно заметить, что в ней он участвовал уже не как воин, а как дипломат, и, судя по всему, в дальнейшем его карьера развивалась на дипломатическом поприще и при царском дворе. Так, годом позже взятия Полоцка, в феврале 1564 г., Черемисинов ездил по царскому поручению в Калугу, где находился задержанный в ожидании размена послов крымский посол Джан-Болды, и доставил его обратно в русскую столицу, а потом присутствовал на приеме посла Иваном Грозным⁴⁵⁶. К этому времени Иван уже достиг чина думного дворянина («дворянин, который в Думе») — пожалуй, высшего чина, которого мог добиться в то время человек с его родословной и заслугами⁴⁵⁷. И похоже, что в думные дворяне Черемисинов был пожалован царем за его заслуги в Полоцком походе. Правда, затем в карьере Ивана происходит непонятный сбой. С учреждением опричнины его младший брат Федор был сразу записан в ряды опричников, а вот Иван почему-то нет. Более того, им было утрачено поместье, село Петрово Городище в Сузdalском уезде, которым он и его отец Семен владели больше 100 лет. Оно отошло к записанным в опричнину князьям С.И. и Т.И. Вяземским⁴⁵⁸.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 7070 (то есть в 1566/67) г. Иван подписал данную грамоту на свою вотчину, село Адамцево в Юрьевском уезде, Спасо-Евфимьеву монастырю «по своих родителях по Семене Васильевиче Черемисинове, во иноцах Серапионе, и по своей матери Олене, и по брате по своем Василье (интересно, в этой грамоте Иван называет брата Василием, хотя по остальным документам он зовется Федором. — В. П.), и по себе, по Иване... по себе и по своих родителях впрок без выкупа в вечное поминанье безконечных ради благ наслаждения». При этом наш герой оговорился, что «дал есми ту вотчину в Спасов монастырь после своего живота. А докуде яз жив, и жити, и пахати то сельце мне, Ивану»⁴⁵⁹. Чем вызван этот шаг Ивана Черемисинова — остается только гадать. Опасался ли он царской опалы или серьезно заболел и потому, чувствуя приближение смерти, решил заблаговременно побеспокоиться о спасении души — кто знает? Кстати, история с Адамцевым позволяет сделать некоторые выводы относительно имущественного положения думного дворянина. Эту вотчину Черемисинов купил в 7064 (1555/56) г. у А.Д. Басманова за 400 (sic!) рублей и в придачу дал продавцу еще и коня⁴⁶⁰ Для сравнения — в 1557 г. четверть ржи стоила в Суздальском уезде 40 московских денег, а в Москве годом ранее — 22 деньги. Соответственно, это равнялось 20 и 11 коп., следовательно, за 400 руб. и коня можно было купить или 2 тысячи, или 3,6 тысячи четвертей ржи, а на это количество зерна могли прокормиться в течение года 83 или 150 человек. Надо полагать, что покупка вотчины Черемисиновым стала результатом его «казанской» службы — трофеев, взятых тогда, ему хватило на то, чтобы расплатиться за столь ценное приобретение. Интересно, для сравнения — отец Ивана Семен в апреле 1541 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь размером 49 рублей 31 алтын и 4 деньги⁴⁶¹ Сумма, которую отдал монахам на помин души Семен, на порядок уступала той, которую передал Иван, да и сам «некруглый» ее размер позволяет предположить, что старший Черемисинов явно был не слишком богатым человеком. Так что, если наше предположение верно, можно ут-

верждать, что успешная карьера Ивана сопровождалась ростом его материального достатка.

Но вернемся обратно к нашему герою. Несколько слов о его личной жизни. К сожалению, пока в нашем распоряжении нет никаких сведений о том, когда женился Иван Черемисинов и кто была его жена. Мы знаем лишь, что у Ивана было два сына — старший Деменша, о котором мы уже упоминали, и младший Демид, который родился не позднее начала 50-х гг. Это следует из того, что в январе 1571 г. Демид Черемисинов приезжал в Новгород по приказу государя забирать собранную посредством правежа казну⁴⁶². Надо полагать, что безусому юнцу не поручили бы столь ответственного и важного задания, значит, можно смело предположить, что к тому времени ему было не меньше 20 лет, а в браке его отец состоял по меньшей мере еще на лет пятнадцать больше.

И снова о карьере Ивана Черемисинова. Ему удалось пройти невредимым через бури второй половины 60-х гг. и, судя по всему, когда Иван Грозный после новгородского похода решил «укрепить» свежими кадрами опричнину, он вспомнил о своем верном слуге. Иван Черемисинов стал одним из первых, кто был тогда вписан в ряды «кромешников» в качестве пополнения. Во всяком случае, уже в мае 1570 г. он присутствовал среди прочих «дворян, которые живут у государя з бояры» на заседании земской и опричной боярских дум, когда обсуждался вопрос о полоцких рубежах. Примечательно, что в списке опричных думных дворян Черемисинов был третьим, предшествуя Василию Грязному и самому Малюте Скуратову⁴⁶³. Правда, спустя меньше чем через полгода непорядок был исправлен — в разрядной росписи государева похода на берег навстречу наступающему с юга по донесениям сторожей крымскому «царю» Девлет-Гирею Иван Черемисинов, сопровождавший Ивана среди прочих «в стану у государя дворян», оказался пятым, позади Василия Грязного и Малюты Скуратова⁴⁶⁴.

Вообще, начало 70-х гг. оказалось для Черемисинова чрезвычайно насыщенным событиями. Нет, он больше не вседает в седло и не водит царские рати на супостатов — его служба проходит при дворе, в непосредственной близи.

сти к государю, о чем свидетельствуют постоянные упоминания его имени рядом с самим Малютой Скуратовым. И, находясь в ближнем окружении царя, Иван выполняет разного рода царские поручения, прежде всего дипломатические — встречает послов, сопровождает их к государю, участвует в переговорах и пр. Так, в декабре 1570 г. Черемисинов доставил крымских гонцов, минуя Москву, в Александрову слободу, затем в январе 1572 г. вместе с Малютой Скуратовым присутствовал на переговорах со шведскими послами, а месяцем позже участвовал в переговорах с Девлет-Гиреевым посланцем Джан-Мухаммедом наряду с Малютой Скуратовым и дьяком Андреем Щелкаловым⁴⁶⁵

Нельзя исключить также, что Иван Черемисинов сопровождал царя в неудачной для русского воинства кампании 1571 г. когда Девлет-Гирей сумел выйти к самой Москве и сжечь ее, опустошив на обратном пути уезды к югу от столицы. Но если это не более чем предположение, то совершенно точно Черемисинов «явили» царю крымского гонца Девлет-Килдея в июне 1571 г. в селе Братошино на том самом памятном приеме, о котором потом рассказывали легенды и на описании которого стоит остановиться подробнее⁴⁶⁶. Спалив Москву и разбив русские полки, Девлет-Гирей попытался ковать железо, пока оно горячо, и навязать Ивану Грозному те условия мира, которые были ему нужны. При этом хан не остановился перед прямыми оскорблениями в адрес Ивана, полагая, что тот не сможет ему ответить. В своем послании «московскому» крымский «царь» так и писал, что он-де искал встречи с Иваном, «и было б в тебе срам и дородство, и ты б пришел против нас и стоял», ну а раз «московский» не решился вступить на «прямое дело» с ханом, значит, у него, у Ивана, нет ни чести, ни достоинства⁴⁶⁷ Потому совсем неудивительной выглядит дерзость татарского посла, который, по сообщению английского дипломата и купца Дж. Горселя, передававшего ходившие по Москве рассказы о том приеме, заявил: «послан-де он, посол, своим господином «узнать, как ему пришлось по душе наказание мечом, огнем и голодом, от которого он посыпает ему избавление (тут посол вытащил грязный острый нож), — этим ножом пусть царь перережет себе горло».

Московский же летописец добавлял к этому, что Иван Грозный, принимая послов, «нарядился в сермягу, бусырь да шубу боранью и бояря. И послом отказал: “Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал! Все де мое царьство вышленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!”...»⁴⁶⁸.

Б.Н. Флоря комментируя эти живописные подробности переговоров, сомневался в их достоверности, поскольку, как он указывал, они не подтверждаются материалами посольских книг. Однако историк сам же несколькими строками ниже писал, что «переговоры оказались для царя тяжелым испытанием...» и что татарские посланники фактически безнаказанно могли позволить себе оскорблять его, православного царя, главу всего православного мира. И это, продолжал историк, «было для Ивана IV глубочайшим унижением, забыть и простить которое он никак не мог»⁴⁶⁹. И как в таком случае могли сохраниться в официальной приказной документации детали этих переговоров, столь оскорбительные и унизительные для Ивана? Учитывая же характер царя, мы отнюдь не считаем возможным не доверять рассказам о том, как проходила встреча Ивана Грозного с татарскими послами.

В памятном для русского оружия 1572 г., когда русским полкам под началом князя М.И. Воротынского удалось на голову разгромить Девлет-Гирея, Иван Черемисинов сопровождал государя в его новгородской поездке. Накануне же решающих событий царь в начале июля отправил «на берег перед царевым приходом к бояром и воеводам и ко всей рати московской и новгородской с своим государевым жалованым словом и з денежным жалованьем князь Осипа Михайловича Щербатово Оболенского, да Ивана Черемисинова, да думново дьяка Ондрея Щелкалова. И князь Осип Щербатой государевым словом бояром и воеводам и всей рати говорил, что государю служили: «А государская милость к вам будет и жалованье; и поехали к государю...»⁴⁷⁰ Инспекционный характер этой поездки не вызывает сомнения, равно как и стремление Ивана приободрить засидевшихся и притомившихся от вынужденного безделья ратных людей государевым жалованьем и обещаниями будущих милостей и наград. И то, что среди посланных в этот чрез-

вычайно ответственный момент был Черемисинов, свидетельствует о том доверии, которое испытывал царь к нему в это время.

Но эта служба оказалась для Ивана предпоследней. Последний раз в документах имя нашего героя можно встретить в росписи государева похода зимой 1572/73 г. под Пайду, где он был назван первым среди тех дворян и детей боярских, кто должен был «в стану у государя спати в головах, у ношных в сторожей быти им же, а с ними расписаны стольники и стряпчие, и жильцы»⁴⁷¹. Черемисинов по-прежнему оставался в числе приближенных царя, но дни его были уже сочтены. Судя по всему, по возвращении из похода под Пайду Иван Черемисинов умер. Во всяком случае, в 7083 (1574/75) г. сын Ивана Демид «взял» у Спасо-Евфимьевого монастыря то самое село Адамцево, что завещал на помин своей души монахам его отец почти десять лет назад⁴⁷². К сожалению, когда, где и при каких обстоятельствах закончил свой век (а умер Иван Черемисинов, разменяв шестой десяток лет, что для сына боярского того времени был достаточно почтенный возраст), где упокоилось его бренное тело — неизвестно. Можно лишь предположить, что похоронен он был в Спасо-Евфимьевом монастыре, куда он в свое время сделал вклад на помин своей души.

Очерк IV

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ: СТРЕЛЕЦКИЙ ГОЛОВА, МОНАХ-РАССТРИГА И ДВОРЯНИН ЕГО КОРОЛЕВСКОЙ МИЛОСТИ — ТИМОФЕЙ ИВАНОВ СЫН ПУХОВ ТЕТЕРИН

В 1583 г., чувствуя приближение своей смерти, Иван Грозный приказал своим дьякам и подьячим выписать «из государевых книг имена и прозвания опальных людей разных городов, поминати их по государеве цареве и великого князя грамоте на литиях и на литоргиях и на понахидах в церквях божиях по вся дни». В длинном перечне опальных и казненных по указу грозного царя его слугами обращает на себя внимание длинный список имен под одной и той же фамилией — «Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий да Иев, да Василий, да Михайла, да дети их 5 человек — девять человек дети Гундоровы Тетерина, Осип Тетерин» и чуть дальше среди казненных упомянут еще один Тетерин — Ширяй и его сын Василий⁴⁷³. По существу, просекся целый род служилых людей, и на это обратил взгляд князь А.М. Курбский в своей «Истории о князе Московском», не очень жаловавший своим вниманием не отличавшихся «породой» служилых людей средней руки. Он дополнил короткую запись в синодике рядом деталей, отметив, что среди прочих казненных по царскому приказу был «муж разумный и во священных писаниях искусный, з детками погублен и братиею их, Василем и Григорием, глаголемыми Тетерины; и других стрыев и братии их немало всеродне погубити повелел со женами и з детками их»⁴⁷⁴.

Так печально закончилась история рода Тетериных, царская опала на которых обрушилась еще в начале 1565 г., когда с учреждением опричнины в завоеванные казанские земли были сосланы 11 представителей этой фамилии⁴⁷⁵. За

что же царь так жестоко обошелся с Тетериными, в чем была их вина? Отечественный исследователь, один из крупнейших специалистов по истории России эпохи Ивана Грозного, Р.Г. Скрынников связывал казнь Тетериных с розыском по делу боярина И.П. Федотова и расправой с заподозренными в участии в земском заговоре, о существовании которого до сих пор спорят историки⁴⁷⁶ Конечно, исключить такую связь нельзя, но за что Тетерины пострадали тремя годами ранее? И тут необходимо вспомнить о еще одном представителе рода, брате казненного Осипа Тетерина Тимофея. Вряд ли стоит сомневаться, что его судьба и печальная история рода Тетериных тесно взаимосвязаны, но как? Об этом и о Тимофее Тетерине, который, возможно, стал злым гением (а ведь все могло оказаться совсем иначе) для прочих своих родственников, и пойдет речь дальше.

Памятуя о том, что на Москве в те времена статус человека и его положение в обществе определялись прежде всего его «породой», несколько слов о родословной Тимофея Тетерина. Он и его многочисленные родственники про исходили из стариинного сузdalского рода, служившего сузdalско-нижегородским князьям по крайней мере с начала XV в.⁴⁷⁷ Еще на заре правления Василия II Темного некий Павел Григорьев сын Тетерин был послухом у данной грамоты княгини Марии Нижегородской⁴⁷⁸, что говорит само за себя — не всякого допустят быть свидетелем при со ставлении княжеской грамоты. Впоследствии, судя по всему, Тетерины сделали правильный выбор и вовремя перешли на службу великим московским князьям. При Иване III их карьера пошла в гору, поскольку Василий Борисов сын Тетерин — заметная персона при дворе Василия III. Первое упоминание его имени в документах датируется апрелем 1508 г., когда Василий Тетерин в качестве «судного мужа» участвовал в судебном разбирательстве по земельной тяжбе князей Данилы и Давыда Кемских со своей теткой княгиней Анной Кемской⁴⁷⁹. Прошло 7 лет, и мы видим Василия Тетерина дьяком в Новгороде, где он описывает Шелонскую пятину, а потом встречает послов императора Максимилиана I Якоба Ослера и Мауренбурга Штеллера⁴⁸⁰ Первый дипломатический опыт пошел Василию впрок, и годом поз

же, в 1516 г. он был отправлен с посланием от Василия к императору, имея наказ по дороге завернуть к тевтонскому магистру, вынашивавшему планы заключения союза Москвой против Литвы⁴⁸¹

Вернувшись из дальней поездки с посланием от императора к Василию, Василий Тетерин снова окунулся в водоворот дипломатических интриг. В феврале—марте 1517 г. он участвовал в переговорах с прибывшим в Москву посланником тевтонского магистра Дитрихом Шомбергом, в апреле—июле — присутствовал на переговорах с имперским посланником Сигизмундом Герберштейном (да-да, тем самым, который оставил чрезвычайно интересные записки о Московии времен Василия III и задал тон всей последующей европейской *Rossica*)⁴⁸². И надо полагать, что Василий III был доволен службой своего дьяка, раз в 1520 г он среди прочих думных людей подписывает «приговор боярской» по итогам судебного разбирательства о краже, являясь к тому времени одним из немногих думных дьяков отца Ивана Грозного⁴⁸³.

Достигнув чина думного дьяка, Василий Тетерин сделал отличную для служилого человека его происхождения карьеру и тем самым обеспечил хорошие стартовые позиции для своих сыновей. Здесь, пожалуй, уместно будет привести высказывание А.А. Зимина. Историк, анализируя жизненный путь дьяков Василия III, писал, что разные по своему происхождению, они в те десятилетия постепенно образуют своеобразную корпорацию, передавая свои профессиональные навыки по наследству. Но не только профессию получали в наследство дети дьяков Василия III. «Конечно, — продолжал историк свою мысль, — пребывание при дворе несло за собой не одни только блага. Скорый на гнев Василий III за малейшую провинность отстранял от должности провинившихся дьяков... Понимая переменчивость судьбы, дьяки стремились обеспечить своих детей и родичей в годы фавора. Большинство их получало в наследие от своих чиновных отцов землю в поместье или вотчину, вливаясь в состав привилегированной части господствующего класса». Запомним эти слова — они пригодятся нам потом, когда речь пойдет о Тимофеев Тетерине, равно как и еще одну

мысль А.А. Зимина, которая звучит так: «Значительную часть земель дьяки покупали, что свидетельствует о наличии у них достаточных средств, «прилипавших» к их рукам во время ведения судебных процессов и административных дел»⁴⁸⁴. Кстати, о земельных владениях Тетериных. С.В. Стрельников отмечал, что данные топонимики, гидронимики и некоторые актовые материалы позволяют предположить, что по крайней мере часть вотчин Тетериных находилась в южной части Ростовского уезда⁴⁸⁵.

После этого небольшого, но представляющегося важным для характеристики той эпохи отступления от основной темы вернемся к детям Василия Тетерина. Таковых мы знаем четырех — Иев, Ширяй, Селиван и Иван по прозвищу Пух⁴⁸⁶. Старший, Иев, владелец села Якиманского в Сузdalском уезде, судя по всему, избрал для себя «стратилатскую» стезю. К сожалению, о его жизни мы знаем немного. Благодаря разрядным записям известно, что в 7055 (1546/47) г. он ездил гонцом в Литву, в 1551 г. он был в новопостроенном Свияжске городничим и «в приказе» в Казани в 1556 г. К этому времени он был уже пожилым человеком. Во всяком случае, в «Дворовой тетради», составленной, видимо, в 50-х гг. XVI в., против имени Иева стоит пометка «стар», но в 1560 г. он был еще жив⁴⁸⁷. Отметим также, что, судя по сохранившимся актам, Иев Васильев сын Тетерин был зараженным человеком (вспомним высказывание А.А. Зимина, приведенное выше, проливающее свет на возможные источники его состояния!). С.Б. Веселовский отмечал, что в 1547 г. он дал Троице-Сергиеву монастырю за себя и жену Фетинью вклад в 100 рублей на вечное поминание⁴⁸⁸, в 1549 г. купил за 450 рублей (более чем приличная сумма по тем временам, когда хороший боевой конь оценивался в 4—5 рублей, а комплект из «пансыря немецкого, шолома шамахейского, да наручей, да наколенок, да батарлыков, навоженных золотом да серебром» стоил 10 рублей⁴⁸⁹) сельцо Лысцово с тянувшими к нему 7 деревеньками и 11 пустошами в Ростовском уезде. Шестью годами позже он выгодно перепродал эту вотчину князю М.В. Глинскому уже за 500 рублей⁴⁹⁰.

Другой сын Василия Тетерина Селиван погиб в 1552 г. во время третьей Казани и был занесен в государев синодик

«убиенных во брани»⁴⁹¹ Третий, Ширяй, как уже было отмечено выше, был казнен в 1568 г. Увы, добавить к этому больше нечего — это практически все, что знаем о них.

Иначе дело обстоит с Иваном Пухом, который, как и его отец, выбрал карьеру придворного дьяка и, кажется, не прогадал. Уже в 1526 г. он, будучи еще совсем молодым человеком, принимает участие в организации церемонии бракосочетания Василия III (кажется, тут не обошлось без отцовской руки). Следующий раз мы встречаем его спустя 10 лет уже в качестве ямского дьяка⁴⁹². Прошло еще два года, и в августе 1538 г. Иван Пух Тетерин отправляется вместе с сыном боярским Игнатием Ивановым сыном Ялонтовым в Казань послом к «царю» Сафа-Гирею. И хотя из текста летописи как будто следует, что Иван не попал тогда в Казань, однако, судя по последующим известиям из татарской столицы, выходит, что он все же оказался там. Будучи при дворе «царевны» Ковгоршад, в марте 1542 г. Иван Пух прислал своего человека с грамотой от «царевны», в которой та писала государю о том, «чтобы князь великий с царем похотел миру»⁴⁹³ В 7055 г. (то есть в 1546/47 г. — В. П.) он уже в России и выступает послухом (свидетелем) при утверждении меновной грамоты Ф.А. Чулкова с игуменом Троице-Сергиева монастыря Ионой, причем в списке дьяков-послухов он записан прежде Ивана Выродкова, прославившегося спустя несколько лет при строительстве Свияжска и взятии Казани⁴⁹⁴.

1547 г. вообще оказался для Ивана весьма насыщенным важными событиями. В январе этого года он неоднократно упоминается в числе участников свадебной церемонии юного Ивана IV, а в декабре того же года выступает в числе поручителей по князю И.И. Пронскому в его верности. Надо полагать, что дьяк был достаточно богатым человеком, чтобы быть записанным в число 35 поручителей, обязавшихся заплатить в случае побега или отъезда князя громадную по тем временам сумму в 10 тысяч рублей⁴⁹⁵.

В последний раз Иван Пух упоминается в документах под 1549 г., когда он присутствовал на свадьбе князя Владимира Андреевича Старицкого⁴⁹⁶. Что было с ним после — неизвестно, но для нас важнее другое — именно в 1549 г. ему

а смену приходит главный герой нашего повествования, Тимофей Иванов сын Пухов Тетерин, наследник дьяка, но ошедший не по стопам деда и отца, не ставший «крапивным семенем», а выбравший, как его дядья Иев и Селиван, арьеру «стратилата».

Несколько слов об историографии и источниках проблемы. Тимофей Тетерин, в отличие от Матвея Ржевского ли Ивана Черемисинова, прославился все же не столько атными подвигами, поскольку его военная служба, начавшись вполне удачно, быстро прервалась, а на ином поприще. Иодобно князю А.М. Курбскому, он перешел на сторону великого литовского князя и польского короля Сигизмунда II, отом служил его преемнику Стефану Баторио, воевал в ядах королевского войска против русских и стал адресатом одного из посланий Ивана Грозного, и именно в этом качестве он и вошел на страницы исторических сочинений. Иправда, в отличие от того же Курбского (может, в силу воей незначительности по сравнению с родовитым и плодовитым на писания князем-эмигрантом) Тимофей остался историческим персонажем второго плана (но все же более звестным, чем многие другие русские аристократы и дети боярские, совершившие побег или «отъезд» в Литву в те эды). Но даже это для историка лучше, чем ничего, — при Иване Грозном детей боярских было много, очень много, олько под Полоцк с государем в 1562 г. их отправилось ез малого почти 20 тысяч, и о скольких из них мы знаем ольше, чем просто имя и прозвище? А о Тимофеев все же звестно побольше, хотя его слава и не такая, как у Матвея Ржевского, старого служаки, или Ивана Черемисинова, потерявшего саблю и потертое седло царского «воинника» на еро и витиеватые речи дипломата, — хлеб перебежчика, аким бы он ни был белым, всегда отдает горечью.

Но все же второразрядность дает о себе знать. Конечно, мы не можем сказать, что судьба Тимофея совсем уж не интересовала историков — человек, к которому испытывал ткровенную неприязнь и которому посвятил отдельное положение сам Иван Грозный, не мог не остаться незамеченным. Если перелистать многочисленные сочинения, в которых рассматривается эпоха Ивана IV, то имя Тимофея так

или иначе появляется на их страницах. Достаточно взять в руки, к примеру, третью книгу «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева или работы, посвященные эпохе Ивана Грозного, написанные пером таких признанных знатоков той эпохи, как А.А. Зимин или Р.Г. Скрынников⁴⁹⁷. Но в этих работах фигура Тимофея Тетерина проходит мимоходом, как одного из многих второстепенных действующих персонажей той давней исторической драмы, главными героями которой были конечно же фигуры более значимые — цари, короли, императоры, папы и им подобные «звезды первой величины». Несколько более подробно касается биографии нашего героя В.Н. Глазьев, но и у него описание жизни Тетерина дано лишь контурно, в одном ряду с другими стрелецкими головами эпохи Ивана⁴⁹⁸. Еще одну попытку реконструировать жизненный путь сына дьяка и внука дьяка сделал белорусский историк А.В. Мартынюк⁴⁹⁹. Однако и его очерк очень короток, и ряд загадок, связанных с жизнью Тимофея Тетерина, остался нераскрытым. Несколько лет назад к биографии Тимофея обратился К.Ю. Ерусалимский, посвятивший русским эмигрантам в Великом княжестве Литовском несколько своих работ и диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук⁵⁰⁰. Тем не менее ряд вопросов все еще остается дискуссионным, и потому, использовав все имеющиеся в нашем распоряжении источники (разрядные книги, летописи, которые, кстати, содержат больше всего сведений о карьере Тимофея Тетерина, дипломатические документы и конечно же эпистолярное наследие Ивана Грозного и самого «Тимохи»)⁵⁰¹, попробуем и мы рассказать свою версию биографии одного из «центурионов» Ивана Грозного, нарисовав портрет нашего героя на фоне эпохи.

Точная дата, когда в семье Ивана Пуха Тетерина родился сын, названный при крещении Тимофеем, неизвестна. Однако, исходя из того, что его первая зафиксированная в документах «служба» относится к осени 1549 г., можно предположить, что он появился на свет в самом начале 30-х гг. XVI в., но никак не позднее 1533—1534 гг. И тогда выходит, что Тимофея практически одногодок Ивана Грозного и существенно моложе Матвея Ржевского и Ивана

Черемисинова. Поверстанный в 15 лет на государеву службу, юный Тетерин очень скоро оказывается на страницах разрядных книг, и где — рядом с самим Иваном IV, столь же юным! Запись в разрядной книге гласит, что «генваря в 23 день (1550 г. — В. П.) царь и великий князь, положа упование на бога, пошел на свое дело и на земское из Нижнегородска в Козани», и в царской свите, «у коня», среди прочих молодых детей боярских был и Тимофей Тетерин⁵⁰². Надо полагать, что на это место он попал благодаря стараниям своего отца, который попытался, и не без успеха, обеспечить своему отпрыску хороший старт (отметим, что, судя по тому, что, поскольку сам Иван Пух не попал ни в число тысячников, ни в Дворовую тетрадь, он умер до осени 1550 г.). Правда, в этом походе царское войско не сыскало себе славы, ибо, когда русские полки подступили к Казани 12 февраля и начали осаду, «пришло в то время верное нестроение, ветры сильные и дожди великие и мокрота немерная, и вперед ко граду приступати за мокротою невозможно и ис пушек и ис пищалей стреляти не мочено (что и неудивительно, так как за «немерной мокротой» фитильные замки пищалей напрочь отказывались работать, да и порох неизбежно отсырел. — В. П.)...». В результате, простояв под стенами Казани полторы недели и потерпев неудачу во время попытки взять татарскую столицу приступом, русские повернули обратно, чтобы не потерять «наряд» и обоз из-за надвигающейся распутицы и тем самым не превратить неудачу в катастрофу⁵⁰³.

Первое боевое крещение Тимофея Тетерина оказалось не слишком впечатляющим. Вместо героических подвигов юному сыну боярскому пришлось вдоволь хлебнуть, и в прямом смысле тоже, «прелестей» походной жизни и бивуаков в поле сперва на снегу (тех самых, о которых с удивлением писал пораженный неприхотливостью царских «воинников» англичанин Р. Ченслер (Ченслер ли?)): «Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин отгребает его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство

воинов великого князя за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы. Однако такая их жизнь в поле не столь удивительна, как их выносливость, ибо каждый должен добыть и нести провизию для себя и для своего коня на месяц или на два, что достойно удивления. Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду»⁵⁰⁴), а потом под дождем сверху и талой водой снизу. Да и сама война не задалась — ни громких побед, ни добычи, ни славы и чести, одни лишь грязь и кровь. Правда, вряд ли Тетерин рубился с казанцами под стенами Казани и ходил на приступ, однако изнанку войны он прочувствовал на себе сполна. Но, как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж. Выбрав карьеру «стратилата», нужно было принимать как должное все, что было с ней связано, и, встав на этот путь, нужно было идти по нему дальше.

И вот тут возникает первая загадка, и даже не одна, в жизни нашего героя. Почему сын и внук дьяка не пошел по их стопам? Почему первое боевое крещение не обескуражило его, напротив, сподвигло на продолжение службы государю не пером, а саблей? Точный ответ на эти вопросы мы вряд ли когда-либо узнаем, но кажется, что Тимофея отличался некой авантюрной жилкой и пошел не в своего отца или деда, а в дядю Иева. И тут напрашивается предположение, что именно бравый дядюшка сыграл не последнюю роль в выборе юным Тимошкой жизненного пути. Так и представляется картина, когда во двор к своему брату Ивану Пуху приезжает на побывку младший брат на горячем коне, опоясанный дорогой саблей, окруженный верными слугами, а вечером за столом он рассказывает о своих ратных подвигах, как со своими однополчанами рубился со «злыми татарами» на берегах Оки в холодное лето 1541 г.! А почему бы и нет? Ведь тогда на «берег» собралась большая и лучшая часть русского войска, и почему бы Иеву там не оказаться среди «многих людей и нарядных», «кутазинков и аргумачников» государева двора — разве его отец, дед нашего героя, не пристроил бы своего отпрыска на ратную службу при государевом дворе? И как 10-летний мальчишка внимал этим рассказам с горящими глазами, и какое неизгладимое впечатление оставили они в его душе! А ведь

детские впечатления самые яркие, самые запоминающиеся! Кстати, нельзя исключить, что именно Иев стал первым, и хорошим, учителем юного Тимофея в ратной науке, и в свите Иева наш герой совершил первые выезды на государеву службу на «берег» против крымцев или ходил на Казань⁵⁰⁵. Так это было или не так, мы не знаем, но зато мы знаем, что было дальше.

Как шла служба нашего героя после возвращения из «казанского невзятья»? Заслуги его отца и поддержка со стороны дяди Иева, явно не последнего человека среди царских «воинников», обеспечили сузdalьскому сыну боярскому «Тимошке Пухову сыну Тетерина» сперва попадание в состав «Избранной тысячи», учрежденной Иваном IV в октябре 1550 г., по третьей статье с земельным жалованием в 100 четей. Затем Тимошка был внесен в «Дворовую тетрадь», составленную в 1551/52 г., но уже как можайский сын боярский. Кстати, если судить по «приписке» Тимофея к другому городу, ему удалось, в отличие от многих других тысячников, сменить поместье с сузdalьского на расположеннное поближе к Москве можайское. И следовательно, к нему не относится вывод, сделанный А.А. Зиминым относительно неудачи с попыткой испомещения «Избранной тысячи» в московской округе⁵⁰⁶. Складывается впечатление, что родился Тимошка если и не с серебряной, то уж, во всяком случае, не с обычной деревянной ложкой во рту!

Как развивалась «стратилатская» карьера Тимофея дальше? Вряд ли третья Казань обошлась без него, однако, не имея на руках документального подтверждения этому предположению, не будем заострять наше внимание на взятии Казани осенью 1552 г., а посмотрим, что было после этого чрезвычайно важного события. И здесь стоит отметить, что при чтении летописей и разрядных книг создается четкое и недвусмысленное впечатление, что в конце 40-х — первой половине 50-х гг. XVI в. «казанский» фронт для русских был главным. Трижды Иван IV ходил на Казань, прежде чем его ратники взяли татарскую столицу. Однако падение Казани 2 октября 1552 г., как оказалось, вовсе не означало, что автоматически власти Москвы покорится вся Казанская земля. И теперь московским воеводам приходилось регу-

лярно, порой по несколько раз в год, ходить походами на усмирение непокорных казанцев. И новая, «именная», служба сына Ивана Пуха оказалась связана именно с этими постказанскими походами.

В сентябре 7063 (1554/55) г., стремясь подавить непрекращавшиеся мятежи в «подрайской» Казанской земле, Иван IV принял решение отправить туда очередную рать — «послал государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии воевод своих в казанские места черемисы воевать на луговую сторону». Рать собралась немалая — во Владимире под началом «большого» воеводы князя И.Ф. Мстиславского три полка да еще три полка во главе с И.П. Яковлевым Хироном — в Галиче⁵⁰⁷ Помимо детей боярских, казаков, стрельцов и служилых татар, в рать было решено отрядить и даточных из северных уездов. Собирать их в один из тамошних городов, в Соль Галицкую, и был отправлен Тимофей Тетерин. К этому времени он получил повышение — за пять лет, прошедших со временем его отмеченной в источниках первой службы, он поднялся из рядовых, пусть и приставленных к царскому коню, детей боярских до начального человека, «сотника», ибо под его началом должно было собраться 100—120 ратников. Что именно было написано в царском указе, который получил Тимофей, неизвестно, но его содержание можно представить по более поздней записи, составленной в аналогичном случае спустя 8 лет. Очевидно, что перед молодым сыном боярским была поставлена задача набрать людей, чтобы они были «на конях в саадацах... собою добры и молоды и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазди, и на ртах (лыжах. — В. П.) ходить умели, и рты у них были у всех, и наряду б у них был саадак или тул с луком и з стрелами, да рогатина или сулица, да топорок»⁵⁰⁸.

Вместе с набранными в Соли Галицкой ратниками наш герой был обязан явиться, надо полагать, в Галич. Здесь, поступив под начало воеводы И.П. Яковли Хирона, он и его люди вместе с другими государевыми служилыми людьми должен был присоединиться к главным силам во Владимире и оттуда по первому снегу «с Николина дни осеннева» (6 декабря) выступить в поход на «Луговую сторону на изменников на черемису»⁵⁰⁹. В этой связи отметим, что С.Б. Весе-

ловский ошибся, отметив в своей справке о Т. Тетерине, что тот был поставлен начальным человеком над сольвычегодскими татарами, — разрядные книги не оставляют сомнений о том, куда был послан Тимошка и над кем он был поставлен⁵¹⁰

Поход на умиротворение непокорных луговых черемисов завершился успехом. Храбрые, но неорганизованные, они не могли противостоять закаленному в боях и походах царскому войску и были разбиты. В феврале от Мстиславского к царю прибыл посланец, сын боярский Д.Г Плещеев, который привез с собой воеводскую «отписку». В ней большой воевода «со товарищи» рапортовал Ивану Грозному, что, выполняя царский наказ, пришли они со всею ратью «в волость в Вошлу», а оттуда он, Мстиславский, отправил воеводу Яковлю Хирона «с товарыщи» «в Ветлугу и в Рутны» и, надо полагать, вместе с Яковлей ушел с сотней своих сольгаличан Тимофей Тетерин. «И Иван ходил по многим волостем и воевал, — продолжал Мстиславский, — и пришел к ним в Ошлу дал бог здорово». Две недели царские воеводы подвергали беспощадному опустошению и разорению земли луговой черемисы, «многих людей поимали и побили», после чего «вышли на Волгу да х Казани ходили и назад шли Волгою же, и пришли ко государю дал бог здорово». Правда, отметим, что, несмотря на поражение, черемисы вовсе не собирались складывать оружия. Буквально через несколько дней после того, как пришла весть о победе, одержанной Мстиславским, в Москву прискакал гонец из Казани. Он сообщил, что «луговые люди» пришли войной на «арских людей», и те с большим трудом при поддержке государевых стрельцов отбились, после чего 700 арских людей «на ртах» под началом Ф. Баскакова сами сходили набегом на луговых, «пришли безвесно, повоевав, людей побили и в полон поимали и животину побили и пришли дал бог здорово»⁵¹¹.

Но в этих событиях Тимофей уже не участвовал. Он уже был в Москве, где его ожидало новое повышение по службе. Надо полагать, царь остался доволен его службой в зимнем походе на черемису и потому назначает его стрелецким головой. Неясно, правда, был ли Тетерин поставлен во

главе новосформированного приказа или же возглавил один из старых, из первых шести, должность головы которого освободилась (выбор был — Василий Прончищев был убит под Казанью в 1552 г., Матвей Ржевский отправился в Путинль воеводствовать, Григорий Пушечников тоже, судя по всему, перестал быть стрелецким головой). Во всяком случае, некий оставшийся неизвестным англичанин, побывавший в Москве зимой 1557/58 г., писал, что на царский смотр 12 декабря 1557 г. «в хорошем порядке» вышли 5 тыс. «аркебузиров» (то есть по меньшей мере 10 приказов по 500 человек. — *В. П.*)⁵¹², так что возможны оба варианта.

Возглавив стрелецкий «прибор», новоиспеченный стрелецкий голова сразу направился на войну — на «Северо-западный фронт», туда, где его карьера продолжила взлет и где она спустя несколько лет неожиданно прервалась.

Новая война, в которой принял участие Тетерин, началась давно, еще в 1554 г., с усилившихся набегов шведов на пограничные русские земли. Как писал позднее Иван IV шведскому королю, «твои люди, перелезчи за старой рубеж: за Саю реку и за Сестрею реку и за иные записные рубежи в перемирных грамотах, земли пашут, и сена косят, и рыбы ловят, а людей наших бьют и грабят, а называют наши земли твоими землями». Аналогичная ситуация складывалась и на далеком Севере, откуда тамошние жители и монахи Печенгского монастыря Святого Николая также жаловались на самоуправства, грабежи и убийства со стороны подданных шведской короны⁵¹³. Русские тоже не давали спуска шведам, и, как писал летописец, «задоры учинились многие с обе стороны». Новгородский наместник князь Д.Ф. Палецкий попытался было решить дело миром, отправив своих людей к шведскому королю Густаву I Вазе. Но, увы, до переговоров дело даже и не дошло — доехав до Выборга, русские послы были остановлены, поскольку Густав, настроенный воинственно, «не похотел с наместники ссылаться да выборским наместником не велел пропущати к себе посланников ноугородцких»⁵¹⁴.

Боевой настрой Густава объяснялся достаточно просто. Его не устраивали новые границы, установленные между

Россией и Швецией по договору 1537 г., его не устраивал его статус — по тому же договору, согласно старой традиции, он, король, должен был сноситься с русским государем через посредничество новгородских наместников; вести о контактах англичан с русскими также не привели его в восторг, поскольку Густав давно уже с тревогой наблюдал за попытками Москвы расширить свои международные связи и привлечь себе на службу европейских специалистов, в особенности сведущих в военном деле. Одним словом, Густаву все не нравилось, а тут как раз как будто складывалась благоприятная ситуация — Иван IV, казалось, плотно увяз в татарских делах, враждя с ханом Крымским и воюя в Поволжье. Развив бурную дипломатическую деятельность, склоняя к союзу против России ту же Англию, Данию, Польшу и ливонцев, Густав начал готовиться к войне, стремясь использовать благоприятный момент⁵¹⁵

В Москве с тревогой наблюдали за развитием событий на северо-западной границе — царю, занятому разрешением казанской и астраханской проблем и борьбой за влияние среди ногаев, было не с руки ввязываться в еще одну войну на другом конце его огромной державы. Поэтому он в августе 1554 г. отписал Палецкому, наказав тому и его товарищам, чтобы те «сыскали», «отчево задор учинился: съ ево сторону или с немецкую?», а также «велел тово беречь накрепко, чтоб одноконечно в Немцы войною не ходили великого князя люди, ни татьбою»⁵¹⁶. Однако было уже поздно — Густав вел дело к войне, взаимные набеги не прекращались, «люди по рубежу многие ссорилися на обе стороны: почали быти убивства и грабежи многие, и немцы приходя почали села жечь и детеи боярских убивати, и гостей у себя многих задержали, не отпустили»⁵¹⁷. Попытки разрешить проблему переговорами снова не имели успеха. Отправленная же Палецким по царскому указу в январе 1555 г. экспедиция И. Бибикова, получившего приказ «ити на Выборской уезд, а велели им над немцами учинити потомуж, как они над нашими людми чинять, а за грабежи бы свои взяли гораздо вдвое и втрое», потерпела поражение⁵¹⁸, став, в свою очередь, хорошим поводом для ответных действий шведов.

В результате в сентябре 1555 г. «малая» война на гра-
нице переросла в «большую» — не дожидаясь выступления
орденцев, обнадеживавших короля вестями о готовности
выступить против русских не только своей ратью, но и по-
ляков, Густав «послал воину воеводу своего Якова Багу
со многими людьми к Орешку»⁵¹⁹.

Экспедиция Якова Багге по тамошним меркам была
весьма масштабной — как писал летописец, «пришол
Яков от Выбора сухим путем на конех и пешие с ним, а в
бусех с моря Невою пришли в то же время с нарядом мно-
гие э люди к Орешку же»⁵²⁰. Однако засевший в Орешке
воевода П.П. Головин сдаваться был не намерен. Три не-
дели Баггеостоял под стенами Орешка, обстреливая
крепость и рассылая по округе свои отряды, беспощадно
опустошавшие окрестности. Гарнизон Орешка не сидел на
месте, устраивая вылазки, а со стороны Кипенского по-
госта Копорского уезда шведов тревожили воеводы князь
А.И. Ногтев Сузdalский и З.И. Очин Плещеев со своими
людьми. «И воеводы на них приходили, — писал летопи-
сец, — князь Андрей да Захарья, в загонех у них (то есть
у шведов. — В.П.) побивали да взяли у них бусу одну, —
на ней было полтораста человек да четыре пушки, — и
людей всех побили и поимали, а не утек у них никто ис той
бусы». Попытки шведов переправиться через Неву и опу-
стошать русские села и деревни «на Ноугородской сторо-
не» были отражены воеводой С.В. Шереметевым. В итоге
Багге был вынужден свернуть свой лагерь, снять осаду и
начать отход к Выборгу. Русские воеводы немедленно «со-
шлись», не дожидаясь, пока соберутся все, кто был на-
значен в их войско с новгородских земель, и, «устроя»
трехполковую рать, устремились в погоню за неприятелем,
но без особого успеха⁵²¹.

Пока под Орешком разворачивались все эти события, Иван IV решил ударить кулаком по столу: «Ноября в 9 день
царь и великий князь послал на свийские немцы к Выбору
воевод своих боярина князя Петра Михайловича Щенятева
да боярина и намесника из Великого Новагорода князь
Дмитрия Федоровича Палецкого и иных бояр и воевод». Рать собралась немалая — шесть полков с двенадцатью во-

водами, «наряд», пешие даточные люди, казаки и стрельцы городов «литовской украины», новгородских пригородов карельских городков, татары служилые, казанские, горо-ецкие, «полк» бывшего казанского «царя» Шигалея, мещеряки. На усиление этой рати царь послал и 205 стрельцов рибора Тимофея Тетерина под началом своего головы⁵²².

26 декабря 1555 г. русское войско выступило из Новгорода на Выборг. На подступах к нему после жестокого боя был разбит шведский отряд, пытавшийся остановить русских, после чего русские полки вышли к Выборгу. Неизвестно, участвовал ли наш герой со своим прибором в этомражении, но вот в том, что в последующих событиях он выиграл немаловажную роль, сомнений нет — не так уж ного случаев, когда на страницы русских летописей и разядных книг попадали в то время дети боярские средней уки. Тимофей же попал, и как! Окружив город, «большие» оеводы велели «нарядному» воеводе князю Г.В. Путятину ачать обстрел Выборга, а содействовать им должен был имофей Тетерин со своими людьми. Памятая о том, что од Казанью в 1552 г. развертывание полков и установка аряда шли под прикрытием стрельцов, шедших в авангарде русского войска, надо полагать, что и здесь Тетерин со воими «огненными стрелцами» также шел впереди всех, ища себе чести, а князю славы». «И стояли под городом оеводы три дни, — писал летописец, основываясь, видимо, а присланной в Москву 7 февраля 1556 г. от воевод по-едной «отписке»-сеунче, — из города вылазити прямо на олкы не дали, побивали из наряду и ис пищалей»⁵²³. И кто, ак не Тимофей Тетерин и его стрельцы были среди тех, кто побивал» «свийских немцев», пытавшихся устраивать вы-азки из осажденного Выборга? И совершенно очевидно, то в этом сеунче среди прочих имен отличившихся в этом спешном походе, в ходе которого «большие» воеводы кня-ья П.М. Щеняцев и Д.Ф. Палецкий со товарищи разгромили шведские войска, обложили Выборг и, дотла разорив го окрестности в радиусе до 100 верст, «многое множество оимали полону; купили полон в гривну немчин, а девка в ять алтын»⁵²⁴, было названо и имя нашего героя как одноду из отличившихся на царевой службе «воинников», «по-

бивавших» государственных ворогов «лучным и огненным боем и кто к которому бою навычен».

Война с Густавом Вазой закончилась победой, но отды-
вернувшихся из похода на «свийских немцев» со славой и
надо полагать, с немалой добычей Тимофея Тетерина и его
людей продолжался недолго. Толковые и опытные ратные
люди и их командиры были тогда нарасхват, и долго в без-
действии они не были. 5 марта 1556 г. «прислал Леонтий
Мансуров (посланный ранее в Астрахань наблюдать за по-
саженным там русскими ханом Дервиш-Али. — В. П.) с Вол-
ги с Переволоки служивых татар да своих людей, а писал то
же, что Исмаил (ногайский бий. — В. П.): Дербыш-царь
изменил и тех князей, кои служили прямо царю и великому
князю, Бигулу с товарыщи, побил; и к нему приступали три
дни со всеми людми»⁵²⁵. Ивану IV и его советникам стало
ясно — ставка на то, что посаженный русской саблей и пи-
щалью на астраханский трон Дервиш-Али будет послушным
вассалом Москвы, провалилась, и нужно принимать конт-
меры, пока крымский «царь» Девлет-Гирей не перехва-
тил инициативу окончательно и не закрепился в Астрахани
«всерьез и надолго». С окончательным разрешением «астра-
ханского» вопроса оказалась связана очередная «именная»
служба Тимофея.

Итак, в марте 1556 г., как сказано в разрядной книге:
Иван Васильевич «послал воевод своих Ивана Черемисина
да Михаила Колупаева со многою ратью, а писменных голов
с ними было: Федор Писемской да Тимоха Тетерин». Лето-
пись же к этому добавляет, что «Тимофеи Пухов сын Тете-
рин» отправился в долгое (около двух месяцев — англича-
нин А. Дженкинсон в 1558 г. покинул Нижний Новгород
19 мая, а в Астрахань прибыл 14 июля) плавание вниз по
Волге не один, а со своими «стрелцы» «промышляти своим
делом, как его милосердныи бог подаст»⁵²⁶. Сколько было
стрельцов с Тимофеем — неизвестно. В зимнем походе на
«свийских немцев» их участвовало двести — явно полови-
на прибора, поэтому можно предположить, что с Тетеринным
к Астрахани отправилась другая половина прибора, хотя
нельзя исключить, что Москву покинул весь прибор в пол-
ном составе.

«Промысление» оказалось, как уже мы писали ранее, успешным. Дервиш-Али не стал дожидаться, пока до него доберется длинная рука Москвы, и бежал из Астрахани, предварительно устроив в ней пожар. Русские заняли опустевшие дымящиеся руины города, наскоро возвели «город крепок» и бросились в погоню за ханом-беглецом. Спустившись вниз по Волге, русские вышли в Каспийское море и, продвигаясь вдоль берега, нашли место высадки Дервиш-Али через пять дней плавания. Высадившись на берег, царские ратные люди «суды все Астороханские поsekли и пожгли, а людеи не дошли: пошли на берег далече». Видимо, опасаясь за судьбу оставленной с малым гарнизоном Астрахани, начальник экспедиции Иван Черемисинов повернул с основными силами назад, приказав «плавным головам» Федору Писемскому и Тимофею Тетерину продолжить поиск. «И сошли царя от берегу верст з двадцать и пришли ночью на царя и побили в улусех у него многих людеи, — бесстрастно сообщал летописец, — и на утро собрався Дербыш царь с мурзами с нагаискими и с крымцы и со всеми асторохонцы и бились с ними до Волги идучи весь день»⁵²⁷

Давайте отвлечемся на время от лаконичной летописной заметки и попытаемся представить, как все было на самом деле, и что тогда останется от бесстрастности? Вряд ли русские казаки и стрельцы совершали марш в конном строю — струги, на которых они плавали, были небольшими, кони в них поместиться не могли, следовательно, марш к лагерю хана и отступление обратно ратники Писемского и Тетерина совершали, скорее всего, в пешем строю (если только не разжились лошадьми во время ночного нападения на ханский бивуак). И вот, скрытно подойдя к татарскому кошу, разведав местность и наметив план действий, с наступлением темноты казаки и стрельцы под началом своих голов начали осуществлять то, что сегодня назвали бы «спецоперацией», — ведь перед ними была поставлена задача ни много ни мало, а ликвидировать Дервиш-Али. Под покровом ночи были сняты татарские дозорные, после чего русские с нескольких направлений ворвались в неприятельский лагерь, сея смерть. Казалось, в возникшей панике и суматохе задача вот-вот будет решена, но хану удалось ускользь-

знуть. И когда Писемскому и Тетерину стало ясно, что Дервиш-Али сумел уйти, перед ними встало еще более сложная задача — как в пешем строю отступить за двадцать верст к берегу моря к своим судам, погрузиться на них и унести ноги от разъяренных ночных нападением татар?

И эту задачу русским решить удалось. Целый день, отбивая «лучным и огненным боем» стремительные налеты татарской конницы (а ее, судя по всему, поддерживали своим огнем присланные Девлет-Гиреем крымские мушкетеры-тюфенгчи), казаки и стрельцы Писемского и Тетерина шли к берегу. И они смогли, невзирая на палившее солнце, жажду, численное превосходство неприятеля (сколько людей было с «плавными головами» — при любом раскладе никак не больше тысячи, а скорее всего, намного меньше, несколько сот) дойти до своих стругов «дал бог здорово» и отплыть в Астрахань. С чем можно сравнить этот «анабазис», настоящее «львиное отступление»? На память приходит отступление дивизии генерала Неверовского под Смоленском в августе 1812 г. (хотя такое сравнение и хромает, учитывая разницу в условиях, в которых приходилось действовать Неверовскому и Тетерину). Одно очевидно — такой подвиг под силу был только опытным, закаленным во многих походах и сражениях воинам под руководством энергичных, бесстрашных и толковых начальных людей, одним из которых и был наш герой. Видимо, уроки дяди и участие в казанских походах и «свийской войне» не прошли для него даром, и во время астраханской экспедиции его способности командира раскрылись в полной мере.

По возвращении из астраханской «посылки» Тимофей Тетерин продолжил службу в качестве стрелецкого головы. До конца 1557 г. он, судя по всему, находился со своими людьми в Москве. В декабре 1557 г. его прибор вместе с другими (всего 5 тыс. стрельцов) принял участие в ежегодном смотре-учении (о котором мы уже упоминали выше), на котором присутствовал неизвестный английский дипломат. Он оставил подробное описание этого смотра, которое стоит привести целиком (сопроводив пояснениями) именно в силу его уникальности — перед нами редкое, чуть ли не единственное свидетельство современника, позволяющее

при внимательном прочтении узнать многое о стрельцах Ивана Грозного.

Итак, что писал англичанин, оставшийся неизвестным. «12 декабря (1557 г. — В. П.) его императорское величество (Иван IV — В. П.) и его двор на резвых малорослых испанских (надо понимать, ногайских или татарских бахматах. — В. П.) и турецких (аргамаках. — В. П.) лошадях, убранство которых было богато изукрашено золотом и серебром, прибыли на поле в добром порядке. На его императорском величестве было богатое платье и алая шапка, унизанная не только жемчугом, но и большим количеством больших и дорогих драгоценных камней. Его дворяне, ехавшие перед ним по трое в ряд (в оригинале текста сказано «по трое и трое». — В. П.) в добром порядке, были все в парчовом платье, и перед ними в добром же порядке по пяти в ряд (и снова в оригинале звучит фраза «по пять и пять в ряд». — В. П.) шли 5 тысяч аркебузиров (дипломат конечно же имел в виду стрельцов. — В. П.), неся свою аркебузу в левой руке, а в правой фитиль, и в таком порядке они вышли на поле, где была расставлена вышеупомянутая артиллерию (которой английский дипломат восхищался несколькими строками ранее. — В. П.).

Перед тем как его императорское величество прибыл на поле, на нем был воздвигнут надежный помост из небольших бревен длиною в четверть мили (примерно 400 м. — В. П.), и примерно в шестидесяти ярдах (несколько больше 50 м. — В. П.) от бревенчатого помоста были установлены глыбы льда два фута толщиной и шесть футов высотой (примерно 0,6 на 1,8 м. — В. П.) на всю длину помоста. И как только его императорское величество прибыл на поле, аркебузиры вышли на помост, где выстроились в порядке (учитывая, что стрельцы были вооружены фитильными пищалями, для перезаряжания которых и стрельбы нужно было достаточно места, обычные интервалы между стрелками в шеренге составляли тогда порядка 1 м⁵²⁸, то 5 тысяч стрельцов должны были быть построены глубиной не менее 10 шеренг. — В. П.). И когда его императорское величество занял свое место, откуда он мог видеть заряженную и изготовленную к стрельбе артиллерию, аркебузиры

начали палить по линии ледяных мишеней, как будто они были в бою или сражении, и не прекращали огня до тех пор, пока не разрушили ее до основания.

После того, как они (стрельцы. — *В. П.*) отстрелялись из аркебуз, они (надо полагать, московские пушкари. — *В. П.*) произвели несколько залпов зажигательными снарядами (не о них ли писал в послании турецкому султану Сулейману I казанец Шериф Хаджи Тархани, повествуя о той самой неудачной казанской экспедиции, в которой принимал участие юный Тимофей Тетерин: «Эти снаряды снаружи опоясаны железом, внутри кованой меди положены белая нефть и сера, соединены и укреплены малюсенькие ружья, приведенные в готовность положенной дробью из 4—5 свинцов, и ими стреляли темной ночью, словно «как дождевая туча с неба. В ней — мрак, гром и молния». И искры в воздухе, что вылетали по ночам из огненного снаряда, можно было бы сравнить с упавшими разом звездами и планетами»⁵²⁹ — *В. П.*) в воздух, что было очень приятно для глаз. И после этого они начали стрелять из небольших медных орудий начиная с самых малых и так переходили ко все большим и большим, пока не выпали из самых больших. Завершив стрельбу, они перезарядили их (пушки. — *В. П.*) снова, и так палили из них три раза подряд в том же порядке, начиная с самых маленьких и завершая самыми большими. И замечу, что, прежде чем они закончили стрельбу, два сруба самое меньшее 30 футов (примерно 9 м. — *В. П.*) толщиной, которые они обстреливали, несмотря на то что эти срубы были изготовлены из толстых бревен и набиты землей, были разнесены вдребезги. После окончания этого торжества император покинул поле и отправился домой в том же порядке, в каком он прибыл сюда. Артиллерийские стрельбы устраиваются каждый год в декабре в том порядке, в каком он был описан»⁵³⁰.

После этого смотра Тимофей со своими людьми спорил направился в Новгород, где в это время собиралась немалая рать для похода на Ливонию «воевать немецкие Ливонские земли... для маистрова неизправления и орцыбискупля и всяя Ливонские земли неисправления»⁵³¹. Начиналась самая Ливонская война, которая стала роковой для на-

шего героя (впрочем, и не только для него одного). И прежде чем продолжить рассказ о судьбе Тимофея Тетерина, несколько слов о том, как «зачиналась» эта трагедия.

Ливонская война (или, как, по нашему мнению, стоило бы ее назвать — война за Ливонское наследство, ибо в таком случае название этого конфликта лучше всего отражает его внутреннюю сущность) по праву считается одним из ключевых событий русской истории. Длившаяся (согласно давней историографической традиции) четверть века, с 1558 по 1583 г. (а по нашему мнению, и дольше, с 1555 по 1595 г., включая в себя несколько военных конфликтов, связанных друг с другом), она оказала огромное воздействие и на русское государство, и на русское общество, и не случайно. «Правление Ивана раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагодатной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом — была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам (хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно. — В. П.). Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патrimonиальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...» — писал британский историк Дж. Хоскинг⁵³². С этим утверждением можно спорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно — молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя груз. Стремление выиграть Ливонскую войну, которая быстро переросла свои локальные рамки, при продолжении противостояния с Крымом, обострение которого приходится как раз на время правления Ивана Грозного, ускорило наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического кризиса (связанного не в последнюю очередь с ухудшением природно-климатических условий, существенно усложнивших ведение сельскохозяйственных работ, и не только на Руси).

Его последствия, усугубленные рядом ошибок, допущенных при правлении преемников Ивана Грозного, полностью преодолеть так и не удалось, и в начале XVII в. произошел взрыв, поставивший страну на грань гибели.

Но, как ни странно, полноценного исследования по истории Ливонской войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии, по существу, до сих пор нет. Исследованию подвергались отдельные страницы ее истории, но попытка составить из отдельных фрагментов мозаики целостное полотно практически не было. Единственной отечественной работой, в которой была сделана такая попытка, является вышедшая более полустолетия назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научнопопулярный, чем научный, характер⁵³³. Действительно, есть все основания согласиться с мнением петербургского историка А.И. Филюшкина, который с горечью писал, что «среди войн, которые вела Россия на протяжении своего существования, Ливонская — одна из самых незнаменитых»⁵³⁴.

И вот в этой одной из самых незнаменитых из знаменных войн России предстояло принять участие стрелецкому голове Тимофею Тетерину со своим прибором. История Ливонской войны (или, как весьма обоснованно предположил А.И. Филюшкин, Балтийских войн⁵³⁵), как это обычно бывает, началась задолго до того, как прогремели первые залпы пушек. И снова процитируем А.И. Филюшкина, который писал, что «в середине XVI века сошлись несколько факторов, из-за которых передел балтийского мира стал неизбежен». Это и упадок немецких рыцарских орденов, обосновавшихся в Прибалтике и Пруссии, и стремительное ослабление некогда могущественного союза северогерманских городов — Ганзы, и освобождение из-под власти Дании Швеции с Норвегией, и стремление Польши и Литвы, объединенных личной унией распространить свою власть и влияние на орденские владения, и желание России поставить под свой контроль отложенную веками систему посреднической торговли, которую вели прибалтийские города, обеспечив тем самым себе беспрепятственный доступ на рынки Северной Европы и к западноевропейским технологиям, прежде всего военным и, как это принято сегодня

говорить, «двойного назначения». «Все эти желания и чаяния всех стран Балтийского региона предполагали одно и то же: Ливонский орден должен прекратить существование и послужить во благо других государств своими территориями, городами, деньгами и прочими ресурсами и богатствами», — завершал свою мысль историк⁵³⁶. Ослабевшая, раздираемая внутренними противоречиями и смутой Ливонская конфедерация (назовем ее так, поскольку, помимо ордена, здесь важную роль играл рижский архиепископ и епископ Дерпта) уже не могла противостоять желанию соседей по-лакомиться ею и была обречена.

Эскалация конфликта разворачивалась постепенно, но неумолимо, шаг за шагом наращивая темпы. В 1551 г. истек срок очередного русско-ливонского перемирия, однако переговоры о подписании нового соглашения начались только в 1554 г. Они закончились тем, что перемирие было продлено на 15 лет при условии, что ливонцы не будут препятствовать транзитной торговле и проезду иностранных специалистов, приглашенных служить московскому государю, восстановят православные церкви, что были разрушены в ходе Реформации в ливонских городах, не будут заключать союз с Литвой и Польшей против России, и, *last but not least*, выплатят Москве немалую, «со всякие головы по гривне по немецкой», «юрьевской дани»⁵³⁷.

Между тем еще в 1552 г. король Польши великий князь Литовский Сигизмунд II обговорил со своим вассалом герцогом Пруссии Альбрехтом Гогенцоллерном (кстати, последним магистром Тевтонского ордена, в 1525 г. ловко приватизировавшим прусские владения Тевтонского ордена и присягнувшим на верность отцу Сигизмунда уже в качестве новоиспеченного прусского герцога) план захвата Ливонии, чтобы та не досталась московитам. И при первой же возможности Сигизмунд попытался реализовать этот план. Вмешавшись на стороне своего ставленника рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского во внутривильонскую так называемую «войну коадъюторов» 1556 г. (которая стала де-факто очередной, наряду с русско-шведской войной, фазой войны за Ливонское наследство), он навязал ордену Позвольский мир⁵³⁸.

Среди его статей были две в особенности задевавшие интересы Москвы — согласие ордена на союз с Польшей против Москвы и обязательство ордена содействовать Польше в недопуске в Россию иностранных специалистов. И здесь уже не так уж и важно, полагали ли в Москве факт заключения этого договора тем самым *casus belli*, что открыл путь к войне, или нет. Позвольские соглашения и открытое вмешательство Польши и Литвы в ливонские дела, проволочки ливонцев с выплатой той самой «юрьевской дани», усиливавшаяся внешнеторговая блокада Русского государства (это отдельная история, еще не нашедшая своего историописателя) — все это, да и не только это, делало войну неизбежной. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Ивана Грозного, стали переговоры, проходившие в Москве в декабре 1557 г. между ливонскими послами и представлявшими русскую сторону окольничим А.Ф. Адашевым и дьяком И.М. Висковатым.

Переговоры эти проходили в достаточно напряженной обстановке — Адашев и Висковатый настаивали на выполнении условий соглашения 1554 г., тогда как ливонцы всячески старались уменьшить размеры дани, которую они были готовы выплатить. Иван демонстративно поигрывал «мышцей бранной», и, надо полагать, вряд ли случайно англичанин, о котором мы писали выше, оказался на ежегодном смотре московской артиллерии и стрельцов. Правда, ливонские послы на самом смотре не присутствовали, но были осведомлены о нем. Как писал член посольства Т. Хернер, расставшись с Адашевым и Висковатым, он и другие члены посольства, возвращаясь на выделенное им московское подворье, обратили внимание, что «перед царским дворцом сидело на конях множество военачальников Г. Вел. Князя. Вслед за нами отправился в поле на коне Вел. Князь, сопровождаемый огромной толпой стрельцов; наш же пристав не позволил нам смотреть на Вел. Князя и его толпу, но понуждал (нас) ехать прямо на подворье. После сего через час времени Вел. Князь приказал открыть пальбу из больших и малых орудий, которая продолжалась целый день»⁵³⁹.

Гром пушек, которому незадачливые ливонские послы внимали на протяжении целого дня, вкупе с известиями о

ом, что на границе Ливонии собралось огромное московское войско (по словам Висковатого — не много и не мало, целых 200 тысяч⁵⁴⁰), был более чем недвусмысленным напеком о тех печальных перспективах, которые ожидали в ченъ скором будущем скупых ливонцев, отказывавшихся латить по предъявленному счету. И выходит, что Тимофеи Тетерин и его стрельцы стали, сами того не осознавая, частью большой дипломатической (и не только) игры.

Сбор рати «на мастера Ливонского и на всю землю Ливонскую» начался еще в ноябре 1557 г., когда Иван Грозный отправил в Новгород воевод во главе с князем М.В. Глинским и Д.Р. Юрьевым, «людей с воеводами со всеми ноугоцкими и псковскими всеми и из московских городов выбором многих», а также бывшего казанского царя Шигалея двух татарских «царевичей» Кайбулу и Тохтамыша, с татарами, черемисой и даже «черкасских князей Ивана Мааша а з братиею» — воистину нашествие «двунадесят языков»!⁵⁴¹ Интересно сравнить то, как описывали эту рать сами ливонцы, с теми сведениями, что сохранились в русских документах. Согласно донесениям с мест и показаниям пленных, они ценивали численность царского войска примерно в 21—23 тысячи людей, в том числе 3 тысячи татар и 1 тысяча пехоты, большей частью на конях. Тяжелой артиллерии у русских не было, лишь 3 дюжины telhakenn или göge (гаковниц, егих орудий, фальконетов?), вооружение воинов составляли копья, луки и сабли, а в качестве защиты многие имели ольчуги.

Согласно же русским разрядам, войско, собравшееся в оход против ливонцев из Пскова, состояло из пяти полков Большого, Передового, Правой и Левой рук и Сторожевого) од началом 10 воевод, под которыми «ходили» 38 сотенных олов (соответственно 13, 8, 7 и по 5), а также упоминавшихся выше татар, черемис и «пятигорских черкас». В войско были включены по меньшей мере два стрелецких приюра — Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева⁵⁴². Эти ведения, при сравнении их с данными Полоцкого разряда 562/63 г., позволяют примерно представить, какой была численность царской рати. Так, в том же Полоцком походе частвовало почти 400 выборных дворян и около 3,3 тысячи

новгородских и псковских детей боярских и «земцев»⁵⁴³, что практически один в один совпадает с числом «сотенных» голов в рати М.В. Глинского и Д.Р. Юрьева! И если считать, что каждый из них привел в среднем одного послужилца и одного кошевого, то только «русский» компонент конной рати составлял порядка 7—7,5 тысячи бойцов и до 3,5—4 тысяч обозников-кошевых. Впрочем, выборные дети боярские могли выставить и больше — достаточно посмотреть результаты смотра 1556/57 г., зафиксированные в так называемой «Боярской книге». К примеру, Русин Данилов сын Игнатьев был «в Немецком походе 64 (то есть в 1556 г. против шведов. — В. П.) сам в доспесе; людей его 4 (ч), в них (ч) в доспесе, (ч) в тегиляе», Степан Федоров сын Нагаев «в Немецком походе людей его 4 (ч), в них 1 (ч) в доспесе, а 3 (ч) в тегиляех», Ждан Андреев сын Вешняков — «в Немецком походе людей его 7 (ч), в них 5 (ч) в доспесех, 2 в тегиляех», Федор Левонтьев сын Соловцов — «в Немецком походе людей его 4 (ч), в них 3 в доспесех, а (ч) в тегиляе; да с Федором же 2 сына его — Иванко в доспесе да Данилко в тегиляе»⁵⁴⁴.

К московским, новгородским и псковским детям боярским и дворянам необходимо добавить 3 тысяч татар (под Полоцком около 4 тысяч человек), и это число, названное русским пленным, отнюдь не представляется преувеличенным. Остались еще до 1 тысячи стрельцов (два названных выше прибора — если они выступили в поход в полном, а не половинном, как в кампанию против шведов, составе) и, возможно, некоторое количество казаков. В итоге мы выходим на примерную численность русской рати в 12—14 тысяч «сабель» и «пищалей» и еще около 4—5 тысяч в обозе — в сумме до 18 или около того тысяч людей во всей царской рати (по верхней планке). Одним словом, если ливонцы и преувеличили численность московского войска, то ненамного⁵⁴⁵.

Отметим, что вряд ли выбор стрельцов Тетерина для ливонской «посылки» был случаен — сам Тимофей к тому времени был уже опытным командиром, и, надо полагать, на хорошем счету у Ивана Грозного. Его бойцы имели опыт подобных походов и взаимодействия с легкой иррегулярной

поместной и татарской конницей. Но теперь им предстояло померяться силой с новым неприятелем.

Задача, которая была поставлена царем перед воеводами, посланных наказать ливонцев за их «неисправленье» (опять-таки согласно показаниям пленных), была проста — «*þeppen, morden, rauben*» (или, попросту говоря, жечь, убивать, грабить). Об этом же писал, к примеру, и ливонский хронист Б. Рюссов, автор «Ливонской хроники»: «Московит (то есть Иван Грозный. — *B. P.*) начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев; он хотел только доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание, и запретил также своему военному начальнику осаждать какую-либо крепость». Да и князь А.М. Курбский (кстати, здесь, в Ливонии, в январе 1558, в первый раз пересеклись пути Тимофея Тетерина и князя, и кто знает, не завязались ли здесь их отношения, не стал ли тогда молодой и честолюбивый стрелецкий голо-ва «человеком» Курского?) также прямо указывал на то, что он и его воины получили приказ «не градов и мест добывать, но землю их (ливонцев. — *B. P.*) воевати»⁵⁴⁶. И если к этому добавить сведения о составе и структуре московской рати, то на фоне всего этого несколько странно звучит мнение, высказанное А.И. Хорошевич, которая писала, что «задуманный с огромным размахом, поход разбился о подводные камни внутриполитических разногласий, которые сопровождали Ливонскую войну на протяжении почти всего ее хода»⁵⁴⁷ Нет, речь шла именно о «продолжении политики иными средствами», о, говоря словами Б.Н. Флори, «военной демонстрации», «которая должна была принудить орден отказаться от своей политики саботажа»⁵⁴⁸. Отпуская свою рать «в зажитье» в богатые ливонские земли, царь рассчитывал одним выстрелом убить двух зайцев — дать своим небогатым и свирепым детям боярским, и тем более новым подданным, татарам, прекрасную возможность разжиться «животами» и пленниками, а непонятливым ливонцам наглядно продемонстрировать, что худой мир лучше доброй ссоры и что лучше заплатить требуемую с них сумму, чем терпеть разорение и опустошение. А в том, что царские ратники отнюдь не намерены церемо-

ниться с государевыми ворогами, могли убедиться псковичи еще в конце 1557 г., когда поход еще только-только начинался. Как писал псковский летописец, «князь Михаил (Глинский. — В. П.) людьми своими, едоучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни Псковьски земли грабили и живот секли, да и дворы жгли христианьския»⁵⁴⁹. И если уж на своей земле царские «воинники» вели себя как во вражеской, то как бы они действовали «за рубежом», когда их никто и ничто не сдерживало? Справедливости ради отметим, что поведение немецких ландскнехтов в той же Ливонии было примерно таким же, как детей боярских и уж тем более татар на Псковщине⁵⁵⁰.

Но вернемся же обратно к описанию зимнего 1558 г. похода русских войск в Ливонию и той роли, какую в нем сыграл Тимофей Тетерин и его бойцы. Русско-татарский огненный смерч пронесся преимущественно по землям Дерптского епископства, краем задев владения собственно ордена и рижского архиепископа, и носил, по словам А.И. Филюшкина, «специфический характер», поскольку воины Ивана Грозного «не брали городов и замков (да и сложно было это сделать, не имея *grosen geschutze*, тяжелой артиллерии. — В. П.) но картинно осаждали их, жгли и грабили посады, разоряя округу». За время двухнедельного рейда, по словам историка, было сожжено и разграблено около 4 тысяч дворов, сел и мыз⁵⁵¹. Ливонские власти не смогли противопоставить русским ничего равнозначного. Тот же Курбский писал (а в походе он был первым воеводой Сторожевого полка), что за все время, пока они «воевали» «землю Ифлянскую», неприятель «нигдедже опрошася нам битвою»⁵⁵². В лучшем случае небольшие ливонские отряды, осмеливавшиеся покинуть свои замки и города, побивали отдельные мелкие русские и татарские «загоны», брали немногих пленных, и поспешно укрывались обратно за стенами и башнями, не решаясь вступать в бой с главными силами московской рати. Там же, где они пытались сделать это, их ожидал сокрушительный разгром, как это было под Дерптом или городком Фалькенау (руssкие называли его Муков)⁵⁵³.

Но это все было потом, а пока, перейдя русско-ливонскую границу под Псковом 22 января 1558 г., царское во-

иество разделилось. Главные силы во главе с князем Глинским и «царем» Шах-Али двинулись на Дерпт-Юрьев на северо-запад, обходя Чудское озеро, а часть сил была отряжена на запад и юго-запад. Этой «лехкой» ратью командовали князья В.И. Барбашин и Ю.П. Репнин, а также Д.Ф. Адашев. Помимо татар, «черкас пятигорских» и некоторого числа русских детей боярских, в нее вошли также стрельцы и казаки, которые, надо полагать, должны были поддерживать огнем действия легкой иррегулярной конницы на тот случай, если неприятель попытается контратаковать. И скорее всего, именно здесь и действовали на первых порах Тимофей Тетерин со своими бойцами. И действовали они, надо сказать, успешно, подвергнув опустошению владения ордена и рижского архиепископа, приковав к себе внимание магистра и архиепископа и не позволив им окказать помощь епископу Дерпта, на которого обрушился главный удар. Летописец, опираясь на воеводские «отписки», потом писал, что «князь Василий и князь Юрий и Данило воевали десять ден», и «у Нового городка (Нейгаузен. — В.П.) и у Керекепи (Кирумпэ. — В.П.) и у городка Ялыста (Мариенбург, под которым русские объявились 23 января. — В.П.) да у городка у Курслова (Зоммерпален. — В.П.) да у Бабия городка (Улцен. — В.П.) посады пожгли и людей побили многих и полону бесчислено множество поимали». За 10 дней «лехкая» рать Барбашина, Репнина и Адашева опустошила местность «подле Литовской рубеж, вдоль на полтораста верст, а поперег на сто верст» — можно только удивляться той скорости, с которой действовали русские и татары (которым, впрочем, было не привыкать к такого рода «работе»)!⁵⁵⁴

Завершив свою опустошительную деятельность в этом районе, русско-татарская рать повернула к северу, на соединение с главными силами под Дерптом, и «сошлися с царем и с воеводами под Юрьевом дал бог здорово». Сурошая зима для них — по словам псковского книжника, «зима была тогда гола без снегу с Рожества христова, и ход был конем ноужно грудовато»⁵⁵⁵, — вовсе не была помехой. Сбравшись воедино под Юрьевом-Дерптом, русские полки в течение трех дней беспощадно опустошали его окрестности,

после чего переправились через Эмбах и двинулись дальше к северу, «направо к морю». Как писал летописец, воеводы «воину послали по Ризской дороге и по Колыванской и воевали дороги за пятьдесят верст, а до Колывани з тридцать» (11 января русские отряды добрались до Везенберга. — В. П.).

Держа главные силы в кулаке, Глинский, Юрьев и Шах Али медленно катились огненным валом в северном направлении, рассылая во все стороны мобильные отряды. В одном из них, отправленном к городу Лаису, где, по сообщениям пленников, была «большая збеж», был и Тимофей Тетерин со своими людьми: «Под Лаюс город посылали голов стрелецких Тимофея Тетерина да Григория Кафтырева, а с ними их сотские с стрельцами, да голов с детми боярскими Михаила Чеглокова да Семенку Вешнякова да Федора Ускова и Татар и Черкас и Мордву». Из этого перечня видно, что под Лаис отправился примерно 4-тысячный русский отряд (около 1 тысячи стрельцов, 500—600 русских детей боярских и до 3 тысяч татар, мордвы и «пятигорских черкас»). Стрельцы Тетерина и Кафтырева были, надо полагать, посажены на кони, чтобы не отставать от легкой русско-татарской конницы, и шли, как это было во время той же третьей Казани, в авангарде «лехкой» рати с тем, чтобы поддержать огнем конницу, если вдруг она наткнется на противодействие ливонцев. Однако и на этот раз противник не рискнул вступить в «прямое дело». 5 февраля 1558 г. «головы под город пришли, — писал летописец, — а посад пожгли и побили многих людей; убили болши трех тысяч, а поимали множество полону и жеребцов и всякие рухледи»⁵⁵⁶. Можно только представлять, какая трагедия, разыгравшаяся под стенами Лаиса, скрывается за этими сухими летописными строками, явно заимствованными из официального воеводского отчета о проделанной работе! Война в те времена — дело чрезвычайно жестокое и беспощадное и по отношению к мирному населению — совсем не рыцарское. И еще — обращает на себя внимание тот факт, что в перечне начальных людей «лехкой» рати, посланной к Лаису, Тетерин назван первым, и выходит, что он, скорее всего, и возглавлял ее (а значит, и ответственность за резню, учиненную под Лаисом, ложится прежде всего на него).

В середине февраля 1558 г. русское войско пересекло границу южнее Нарвы, переправившись через Нарову по Козьему броду «выше города Ругодива», «и люди царя и государя дал бог все с воеводами вышли здорова, — писал летописец, — а государевых людей убили под Курсловом в воротех Ивана Ивановича Клепика Шеина да в загонех иных местех пяти сынов боярских да стрелцов десять человек да трех татаринов да боярских человек с пятнадцать, а иные люди дал бог здорово». С вестью-сеунчом об успешном окончании похода в Москву поспешили от больших воевод и от «царя» гонцы — два татарина, «князь Канбаров Мангит да Семев-мурза Кият», а от Глинского и Юрьева — князь В.И. Барбашин и наш герой. Для Тимофея это была большая удача — не зря он старался в этом походе, и не только сумел неплохо разжиться «животами» и «всякой рухледью», но и, как особо отличившийся, завоевал право явиться перед Иваном Грозным с приятной новостью! 20 февраля гонцы были приняты царем, и он конечно же не оставил прибывших без награды. Но не награда была важна для нашего героя, а сам факт того, что он предстал перед государем и засвидетельствовал лично свое служебное рвение (да, и не стоит забывать о том, что запись о том, что Тимофей приезжал к царю с сеунчом, была внесена в разрядные книги⁵⁵⁷). И Иван IV не забыл молодого (а было ему тогда не больше 30 лет) стрелецкого голову, тем более что этот сеунч оказался для Тимофея первым, но не последним.

А возможность отличиться снова и снова представилась Тетерину очень и очень скоро. Внушение, которое сделали царские воеводы ливонским «лучшим людям», было как будто воспринято надлежащим образом. Все надежды ливонцев на помощь извне не оправдались — никто не шевельнул и пальцем, чтобы помочь несчастным, и в марте 1558 г. в Вольмаре собрался ландтаг, на котором обсуждался вопрос — где взять деньги, чтобы заплатить требуемую Иваном Грозным сумму. Деньги со скрипом удалось собрать, и в конце апреля новое посольство отправилось с собранными талерами в Москву, надеясь умиротворить разгневанного московита (как писал в своем отчете упоминавшийся

ранее И. Гофман, узнав о том, что предыдущее посольство, вопреки всем обещаниям, денег не привезло, «великий князь разгневался на них и в великой ярости стал рвать на себе одежду и сказал обоим посольствам, не считают ли они его за дурака...»⁵⁵⁸).

Однако достичь согласия не удалось и на этот раз — чудесным образом собранные 60 тысяч талеров, пока они добрались до Москвы, усохли до 40 тысяч, и вдобавок ко всему резко обострилась обстановка вокруг Нарвы, где в январе не прекращались взаимные набеги и перестрелки. К событиям под Нарвой мы вернемся ниже, тем более что Тимофей Тетерин и его стрельцы сыграли в них далеко не последнюю роль, а пока завершим историю с посольством. Когда послы прибыли в Москву, было уже поздно. Мало того, что они не привезли всей требуемой суммы, так еще и Нарва пала, ситуация переменилась, и поскольку «верить у них (послов. — В. П.) нечemu: на чем правду дают, в том во всем лжут, и будет похочет маистр, и он бы сам да и бискуп, сами за свои вины били челом и дань положили и на всю свою землю», то, как писал русский книжник, «отпустил государь послов безделных»⁵⁵⁹. Плавно и незаметно для всех война, начатая сперва с очень и очень ограниченными целями, стала разрастаться, вовлекая в себя новые и новые стороны, пока не превратилась в большой конфликт, принесший неисчислимые беды и несчастья, на фоне которых резня под Лайсом стала всего лишь одним из многих эпизодов растянувшегося на несколько десятилетий великого кровопролития.

Но тогда, весной 1558 г., об этом не догадывался никто из тех, кто принимал участие в разворачивающихся все стремительнее и стремительнее событиях. Все еще было впереди, и Тимофей Тетерин, окрыленный царской милостью, еще не знал, что его блестящей карьере в очень скором времени придет безвременный и бесславный конец. Не в силах прозреть будущее, он со своими людьми отправляется под Нарву.

Обстановка здесь складывалась к тому времени очень и очень напряженная. Еще в январе — начале февраля 1558 г. ставивший в 1557 г. «усть Руганы и Неровы реки на море

ля бусного приходу заморских людей в Ноугородцкой земле от Ивана города десять верст» город князь Д.С. Шестулов со своими людьми и охочими «торонщики» «повоевал и овыжег» нарвскую округу⁵⁶⁰ В отместку нарвский фогт й. фон Шнелленберг приказал обстрелять ивангородский посад, на что его воеводы, знавшие о том, что в Москве вот-вотолжны начаться переговоры с ливонцами, не отвечали, но тписали Ивану Грозному, что-де «немцы из Ругодива на Іванегороцкой посад стреляют из наряду, а они не смеют без арева государева ведома»⁵⁶¹ Царь в марте отправил еще дну рать из Пскова и Изборска опустошать орденские земли, а в Ивангород послал дьяка Шестака Воронина с грамоой, в которой велел тамошним воеводам «изо всего наряду трелять в Ругодив»⁵⁶². Получив разрешение, ивангородские оеводы князь Г.А. Куракин и И.А. Бутурлин немедля притутили к возведению шанцев у Нарвы и начали обстрел города. Испытав на себе мощь русской артиллерии, ругодивцы осле девятидневной перестрелки запросили двухнедельного перемирия и получили его.

Тем временем, пока ландтаг в Вольмаре решал, что делать, а престарелый магистр В. Фюрстенберг уговаривал ивонских «лучших людей» предпринять поход на Ивангород, ситуация вокруг Нарвы, несмотря на перемирие, продолжала накаляться. Сейчас уже трудно разобраться, кто иноват в эскалации конфликта — как обычно, обе стороны обвиняли друг друга в нарушении перемирия. Однако Иван Грозный, терпение которого иссякало, в ответ на очедную воеводскую отписку, что-де ругодивцы «через опасную грамоту стреляют и роздор делают, а сами сроку упростили на две недели, а всю две недели из наряду стреляют и юдей убивают», приказал воеводам «стреляти изо всего аряду по Ругодиву»⁵⁶³. Получив разрешение, воеводы 1 апреля 1558 г. возобновили обстрел Нарвы «изо всего наряду, с прямого бою, и з верхнево, камены ядры и вогнеными». город был буквально завален русскими снарядами — в ные дни в Нарве падало до 300 каменных и иных ядер, в эм числе бомбы весом почти в 10 пудов. К тому же очень коро иссякли и запасы провианта и фуража в Нарве, да и ткуда им было взяться, если окрестности города были опу-

стошены, а ввезти припасы было неоткуда и не на что — нарвская казна была пуста, и даже наемным кнектам и рейтарям платить было нечем⁵⁶⁴. Помощи ждать было неоткуда, и 11 апреля 1558 г. нарвский бургомистр И. Крумгаузен со товарищи «выехали» из города и «били челом ивангородским воеводам, «чтобы им государь милость показал, вины им отдал и взял в свое имя, а за князыца (то есть за Шнелленберга. — В. П.) оне не стоят, воровал к своей голове, а от маистра они и ото всей земли Ливонской отстали»⁵⁶⁵. Жившим посреднической торговлей нарвским бургераам, к тому же не видевшим реальной поддержки ни стороны других ливонских городов (прежде всего Риги и Ревеля), ни со стороны магистра, перспектива быть полностью разоренными, а то и убитыми, была не по нраву. Потому они и решили перейти в подданство Ивану Грозному, отправив послов в Москву договариваться об условиях перехода.

Пока нарвские послы во главе с бургомистром добирались до русской столицы, Иван IV, получив весть о том, что «ругодивцы» готовы признать его власть, отправил в Ивангород воевод боярина А.Д. Басманова и Д.Ф. Адашева с «детми боарскими ноугородцами Вотцкие пятины» да стрельцами под началом голов А. Кашкарова и Т. Тетерина. Воеводам было предписано «быти в Ругодивех, а солжут (нарвияне. — В. П.), и им (воеводам. — В. П.) велел делом своим и земским промышляти, сколько милосердый Бог поможет». Задачу царь поставил перед Басмановым со товарищи, что и говорить, непростую. Нарва была сильной крепостью, рассчитывать на то, что магистр по-прежнему будет безучастно взирать на то, как русские бомбардируют город и принуждают «ругодивцев» к капитуляции, было опасно. Сил воеводам было выделено немного — для пения гарнизонной службы в Ругодиве достаточно, а вот для правильной осады и штурма, даже с учетом гарнизона в Ивангороде — маловато. Почему? Посчитаем. В Полоцком походе четырьмя годами позднее Водская пятина выставила около 850 детей боярских и своеzemцев, что вместе с послужильцами могло составить в лучшем случае порядка 1,2—1,4 тысячи бойцов. Вряд ли у Басманова было их больше, чем в том памятном государевом походе, а скорее

всего, даже и меньше, учитывая, что новгородцы только что вернулись из зимнего похода на Ливонию. Добавив к «воцким» детям боярским 500 стрельцов двух приборов (надо полагать, что другая половина осталась нести городовую службу в северо-западных русских городах — в том же Пскове или Изборске), получаем, что под началом Басманова было самое большее до 1,5 тысячи ратных людей, а с ивангородцами вряд ли больше 2 тысяч⁵⁶⁶. Так что пожилому (а к тому времени Басманову было уже за сорок, что по тем временам было немало) и заслуженному воеводе приходилось рассчитывать только на опытность своих начальных людей и их подчиненных, изрядно поднаторевших в ратном деле (не всех, правда, ибо новгородцы, давно всерьез не воевавшие, отличались меньшей боеспособностью, чем служилые московских «городов»). А уж чего-чего, а ратных умений и навыков у того же Тетерина к тому времени было не занимать! Да, и еще одна деталь этой посылки обращает на себя внимание — Тетерин снова оказывается в одной рати с Данилой Адашевым.

Прибыв на место, Басманов и Адашев сперва отправили в Нарву «сказать государьское жалованье», однако «ругодивцы», прия в себя после памятной бомбардировки, «соглаши», ответив русским воеводам, что-де они не посыпали своих послов к русскому государю с тем, чтобы «от маистра отстати». Заподозрив неладное, Басманов отправил за реку «сторожи за Ругодивом по Колываньской дороге» наблюдать за действиями противника⁵⁶⁷ И предусмотрительность воеводы, как оказалось, была отнюдь не лишней. Причина, по которой нарвские бургеры решили, что достигнутое ранее предварительное соглашение их ни к чему не обязывает, была более чем очевидна. Феллинский комтур Г Кетлер, сбрав конное ополчение Харриена и Вирланда (областей к западу от Нарвы) и присоединив к нему рижских и ревельских кнехтов с артиллерией, подступил к Нарве, разбив 20 апреля лагерь в нескольких милях от города. Русские летописи сообщают, что под началом Кетлера было до 1 тысячи конницы и 700 кнехтов, ливонские дают цифру вдвое меньшую, 800 человек при нескольких орудиях⁵⁶⁸, и эта цифра в свете последовавших событий представляется более точной.

1 мая Кетлер попытался провести в Нарву подкрепление. Ему удалось уговорить ревельских и рижских княхтов, распущенных было «на вольные хлеба» их нанимателями по причине отсутствия (или нежелания платить?) денег от правиться в Нарву, где им, как пообещал будущий магистр, будет заплачено невыданное жалованье. И чтобы русские не смогли помешать задуманному, Кетлер приказал своей коннице атаковать русские сторожи. 500 харриенских и вирландских всадников попытались опрокинуть наблюдавшие за действиями неприятеля сотни детей боярских под началом голов А.М. Бутурлина, П. Заболоцкого и И.Ш. Замыцкого⁵⁶⁹. Басманов решил отвести их обратно за реку, и пока сотни «учали возитца ниже Ругодива пять верст» пятьсот стрельцов Андрея Кашкарова и Тимофея Тетерина получили приказ, «чтобы сторожей стоптати не дати и отвести бы сторожей к собе за реку»⁵⁷⁰, выдвинуться к переправе и не дать ливонцам разбить переправляющуюся русскую конницу по частям. И эта задача, поставленная воеводой перед Тетериным и Кашкаровым (не здесь ли связалась дружба двух стрелецких голов, которая потом сыграла большую роль в их дальнейшей судьбе?), была блестяще выполнена. Как писал летописец, «немцы нарядились в Ругодив отпустили, а сами конные и пешие пришли к перевозу на Офонасья с товарищи; а всего осталось на их стороне, которые не успели перевезти, человек сорок, а немец пришло на них человек с тысячю и конных и пеших; и Бог милосердие свое показал: побили немец многих и гоняли пять верст по самой Ругодив, а взяли у них тридцати трех человек»⁵⁷¹.

В описании этого боевого эпизода обращают на себя внимание несколько деталей. Прежде всего, по всему выходит, что Басманов решил использовать закаленные стрелецкие приборы в качестве арьергарда-«отвода», перед которым была поставлена задача, говоря языком разрядных документов, «отнять» отступающие под натиском неприятеля конные сотни, дать им возможность оправиться и отойти в порядке. Эта сложная задача обычно поручалась наиболее опытным, проверенным, надежным войскам, в высокой боеспособности которых командование не сомневалось⁵⁷².

А теперь о другом, даже более интересном, чем предыдущее, — из описания боя напрашивается предположение, что «отвод» русских конных сотен был хитроумным маневром, рассчитанным на неопытность горячих харриенских и вирляндских парней. Видя, что русские бегут (и как тут не вспомнить слова англичанина Р. Ченслера, который писал, что русские-де, в отличие от цивилизованных европейских воинов, не привыкли сражаться «правильным» образом и любят атаковать внезапно, из засады!⁵⁷³), они бросились преследовать московитов и напоролись на залповый огонь возникших как из-под земли стрельцов (см. описание смотра в декабре 1557 г., которое было приведено ранее). Последствия предугадать было нетрудно — стрельцы успешно «отняли» у ливонцев свою конницу, а та, перестроившись, контратаковала смешавшегося и обескураженного неприятеля и погнала его прочь, рубя и беря в полон отставших и лишившихся коней эстляндцев. И если наше предположение верно, то вряд ли стоит сомневаться в том, что такой маневр проделать могли только хорошо обученные, опытные воины, понимавшие друг друга и своих начальных людей, что называется, с полуслова, и что взаимодействие русской стрелецкой пехоты и поместной конницы было на высоте.

Урок, преподанный водскими детьми боярскими и стрельцами Тетерина и Кашкарова Кётлеру и его людям, несомненно, сказался спустя полторы недели. Ободренные полученной помощью, нарвские бургеры и гарнизон окончательно решили отказаться от прежних договоренностей. Обстрел Ивангорода из нарвской артиллерии был возобновлен, русские не замедлили ответить, и, в конце концов, 11 мая в Нарве вспыхнуло несколько пожаров. Пламя было настолько сильно, что в полдень его заметили в лагере Кетлера в 4 милях (примерно в 30 км) от города, и, как писал ливонский хронист С. Хеннинг, тут в лагерь прибыл гонец из Риги, сообщивший, что в городе сильный пожар и что есть опасность нападения русских. Кетлер приказал поднимать свое воинство по тревоге и, взяв с собой несколько небольших орудий, выступать к Нарве. Однако с наступлением темноты доблестные «мужи» Харриена и Вирланда настоя-

ли на том, чтобы повернуть назад, опасаясь ночной атаки. А тут еще прибыла весть от начальника авангарда, что-де он находится в полукилометре (немногим более 3,5 км) от города и опасность как будто миновала — он располагает надежными сведениями, что вспыхнувший был огонь потушен. Как писал Г.В. Форстен, осуждая действия орденского военачальника, «хладнокровие Кетлера и других рыцарей было поразительным; приблизившись к городу на полмили, они со значительным количеством военных сил до конца оставались праздными зрителями падения Нарвы и не сделали даже попытки предупредить его»⁵⁷⁴. Но с другой стороны, Хеннинг прямо писал, что поворот назад был сделан по требованию ополчений Харриена и Вирланда. Они же испытали на себе прежде того остроту русских сабель и меткость русских пищалей и, надо полагать, не особенно стремились проверить, есть ли у московитов еще порох в пороховницах, не затупились ли их сабли и не ослабли ли тетивы на их луках.

Причина же, по которой пожар в городе был потушен, стала ясна Кетлеру и его комтурам утром следующего дня, 12 мая, когда в его лагерь прибыли нарвские кнехты и беженцы. Из их сбивчивых и противоречивых рассказов следовало, что с началом пожара (а обвиняли в нем некоего цирюльника Кордта Фолькена) московиты «переправились на лодках и плотах, подобно рою пчел, на другую сторону, взобрались на стены и, так как нельзя же было в одно и то же время и пожар тушить, и врага отражать, то жители и убежали в замок, а город предоставили неприятелю». Русские же потушили пожар и начали готовиться к штурму замка⁵⁷⁵. Русские же летописи дополняли этот рассказ рядом интересных подробностей. По их сведениям, Басманов, заметив начавшийся в городе пожар, послал в Нарву парламентеров, которым наказал напомнить бургераам, «на чом били челом государю, чтобы на том слове стояли и государю добили челом; и их в город пустили». Ответом был отказ выполнить прежние обещания, после чего Басманов повел своих людей на штурм: «в Рузкие ворота велели приступати головам стрелецким Тимофею да Ондрею (Тетерину и Кашкарову. — В. П.) с стрельцами, а в Колываньские воево-

да Иван Ондреевич Бутурлин да с ним головы з детми з боярскими». Переправившись на подручных средствах через Нарову, стрельцы Тетерина и Кашкарова во главе со своими головами сломили сопротивление неприятеля и, открыв Русские ворота, впустили в город Басманова и Адашева с отборными сотнями поместной конницы. Тем самым исход битвы был решен, а когда через Ревельские ворота в Нарву ворвались люди Бутурлина, остатки нарвского гарнизона и бургеры с семьями укрылись в Вышгороде. Здесь, в нарвской цитадели, за ее укреплениями они надеялись отсидеться до подхода Кетлера с его людьми⁵⁷⁶.

Тем временем занявшие Нарву стрельцы и дети боярские начали осваиваться в городе. Пожары мало-помалу были потушены — как писал ливонский хронист Ниенштедт, «чтобы тем легче можно было овладеть замком, который хотя с наружной стороны и был довольно сильно укреплен, но со стороны к городу был не так хорошо защищен» (вот и выходит, что авангард Кетлера, подойдя к Нарве, убедился в том, что пожара нет, ну а раз так, то и причин для беспокойства нет, и, поскольку береженого Бог бережет, повернул назад с известием, что все в порядке), взятые с боем неприятельские пушки русские пушкари и стрельцы Тетерина и Кашкарова развернули против Вышгорода и присоединили их «голоса» к «хору» ивангородской артиллерии. Тогда же один из ивангородских веевод, П.П. Заболоцкий, слывший немецким «доброхотом», обратился к «немцам» с предложением сложить оружие. Он пообещал тем, кто не желает быть подданным русского государя, отпустить восвояси со всеми «животами» и семьями, тем же, кто решит остаться, — компенсировать ущерб, отстроить дома и пр. Ответом на его предложение, согласно сообщению пережившего штурм и короткую осаду Нарвы гауптмана рижских кнехтов Вольфа фон Зингегофа, стали слова «отдают только яблоки и ягоды, но никак не господские и княжеские дома»⁵⁷⁷

Засевшие в цитадели остатки гарнизона Нарвы и успевшие перебраться под защиту ее стен и башен бургеры надеялись на помощь воинства Кетлера, однако, как уже было показано выше, надежды их оказались тщетными — спасе-

ния с той стороны не было. Между тем канонада продолжалась — как писал русский летописец, русские «воеводы приступали до вечера со всех сторон и из наряду с Іваня города и из Ругодива из их же наряду стреляли по Вышего роду». Запасов в цитадели было всего ничего, боеприпасов оставалось всего на полчаса стрельбы. И когда вечером 11 мая к воротам Вышгорода снова подошел нарвский бургомистр Бартольд Вестерманн, выступавший посредником в переговорах между русскими воеводами и запершимися в цитадели гарнизоном, и предложил капитулировать, на этот раз «прислали немцы бити челом, чтобы воеводы пожаловали их, князьца выпустили и с прибылными людми»⁵⁷⁸

После кратких переговоров соглашение было достигнуто. И снова дадим слово летописцу — по его словам, царские «воеводы князьца и немец выпустили, а Вышегород и Ругодив Божиим милосердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прошением и правдою его взяли, и с всем нарядом и с пушками и с пищальми и з животы с немецкими (согласно Лебедевской летописи, в Нарве было взято «пушек больших и меньших 230», ливонский хронист Реннер же, напротив, уполовинивает эту цифру, сообщая, что в руки русских попало 3 *falkunen* и 2 *falkeneten* из Риги и собственно нарвских 3 *falkunen*, 28 *kleine stocke*, 3 *quarter slangen*, 42 *dobbeide haken* и 36 *teelnaken*, итого 117 пушек и всяких *haken*-гаковниц. Правда, русский летописец делает оговорку «и с пищалми», то есть можно предположить, что в 230 записаны были не только артиллерийские орудия всех калибров, но и ручное огнестрельное оружие. — В. П.); а черные люди добили все челом и правду государю дали, что им быти в холопех у царя и у великого князя и у его детей вовеки»⁵⁷⁹

Итак, утром 12 мая 1558 г. русские войска заняли всю Нарву целиком. В Москву немедля были отправлены сеульщики с радостной вестью, получив которую Иван Грозный «к воеводам и ко всем детям боярьским послал со своим жалованием»⁵⁸⁰ Надо полагать, что Тимофея Тетерина, стрелыцы которого сыграли отнюдь не последнюю роль в нарвском «взятии» и имя которого в очередной раз было озвучено в победной реляции воевод, и на этот раз не остался без цар-

ской награды. И выходит, что молодой, не достигший еще 30-летнего возраста сын боярский меньше чем за 10 лет сделал блестящую для человека своего происхождения и статуса карьеру и был на хорошем счету у государя. И это было только начало, поскольку война только началась, и возможностей отличиться снова и снова у бравого стрелецкого головы неизбежно должно было оказаться предостаточно.

Так и вышло, причем очень скоро, не прошло и нескольких недель после «нарвского взятия». Легкость, с которой царские воеводы овладели Нарвой, и явная неспособность ливонцев противостоять Москве, по мнению многих историков, способствовали резкой перемене намерений царя относительно Ливонии, которая, судя по всему, в глазах Ивана превратилась в «большого человека», и нужно было, не теряя времени, застолбить свою, и лучшую, долю в его наследстве. Как писал А.И. Филюшкин, со взятием Нарвы «перед Иваном Грозным открылись новые волнующие перспективы. Он осознал, что, захватив города, порты и крепости Ливонии, он получит гораздо больше, чем какую-то дань»⁵⁸¹. Дальнейшая эскалация конфликта стала неизбежной — прибывшее вскоре после падения Нарвы в Москву новое ливонское посольство, по словам летописца, встретило неласковый прием. Привезенные им деньги Иваном принятые не были, посланы было ответствовано, как уже было сказано выше, что их словам веры нет, пускай теперь сам магистр и рижский архиепископ бьют государю челом, вымаливая прощение, государь же за их «неисправление» велел своим воеводам «над ыными городаы промышляти, tolко им бог поможет», почему дальнейшие переговоры не имеют смысла. «Безделные послы», понурив головы, ни с чем поехали назад, и Б. Рюссов, подытоживая результаты всех этих поездок, с горечью писал, что теперь «ливонцы начали жалеть, что так долго промедлили с деньгами. Но тогда уже нечего было делать»⁵⁸².

Тем временем Иван IV, стремясь ковать железо, пока оно горячо, «для большово дела» отрядил «к Сыренску (Нейшлоссу. — В. П.) и к иным городом немецким» свою рать во главе с одним из своих лучших полководцев псковским воеводой князем П.И. Шуйским. Судя по всему, ро-

спись полков готовилась в спешке, экспромтом, потом войско собиралось постепенно и в бой вступало также постепенно, по частям. Первым в «большое дело» ввязались посланные из Нарвы на Сыренск Д.Ф. Адашев и П.П. Заболоцкий. В состав их «полка» вошел со своими людьми и Т. Тетерин (его прибор, надо полагать, составил ядро гарни, зона теперь уже русского Ругодива. Кстати, стоит обратить внимание, что Тетерин снова действует в одной команде с Д. Адашевым!). Выслав вперед конные сотни новгородских детей боярских и «князеи казанских Кострова и Бурнаша и товарыщи», которым приказал «дороги от Колывани и от Риги позасечи для маистрова приходу», сам Адашев с главными силами двинулся непосредственно к Сыренску. Стрельцы же Тетерина вместе с нарвским «нарядом» под началом дьяка Шестака Воронина, опытного артиллерийского эксперта, на стругах на веслах и бечевой тем временем выгребали против течения Нарвы.

3 июня немногочисленная рать Адашева (судя по летописным сведениям, за исключением отосланных на Колыванскую и Рижскую дорогу людей, кроме стрельцов Тетерина, а их вряд ли было больше двух сотен, под рукой у Адашева было три сотенных головы и, следовательно, порядка 500—600 детей боярских и их послужильцев) появилась под стенами Нейшлосса и приступила к осадным работам — по словам летописца, русские «наряд ис судов выняли и туры поставили». 5 июня осадные работы в целом были завершены, «туры круг города изставили и наряд по всем туром разставили, а стрелцов с пищалми пред турами в закопех поставили. И учили по городу стреляти изо всего наряду ис пищалеи по воином»⁵⁸³. В этот же день из Новгорода к осаждающим на помощь пришел воевода князь Ф.И. Троекуров «с немногими людми» (кстати, Реннер, описывая осаду Нейшлосса, полагал, что русских было аж 15 тысяч — то ли у страха были глаза велики, то ли ливонский хронист полагал, что московиты, как и полагается истинным варварам, побеждают только числом, а потому и завысил безбожно численность русской рати — бог весть).

Прибытие Троекурова стало последней соломинкой. Сыренский фогт Дирих фон дер Штейнкуле решил не дожи-

даться, пока русские пушки пробуют бреши в старых стенах Нейшлосса, после чего свирепые московитские дети боярские и стрельцы полезут на штурм, и сдался на третий день после начала канонады⁵⁸⁴. «Июня в 6 день князец Сыренской воеводам добили челом, — писал русский летописец, — из города выпросился не со многими людми, а животы ево и доспехи и наряд весь городовой воеводы понимали, а князца выпустили обыскав, безо всякого живота». 7 июня русские вступили в Нейшлосс, воеводы отправили в Москву новый победный сеунч, а Тимофей Тетерин мог рассчитывать на очередную царскую награду, ибо умелые действия его людей ускорили падение еще одной орденской крепости. И надо полагать, его ожидания оправдались, ибо в летописи сказано, что, обрадованный полученной вестью, царь «благодарение воздал и молебны велел пети и со звоном. А воеводам послал со своим з золотыми столника своего Григория Колычова»⁵⁸⁵.

Отдых нашего героя и его стрельцов продолжался недолго. Оставив часть своих бойцов в Сыренске в качестве гарнизона, Тетерин с остальными отправился в Псков в составе отряда Д. Адашева «на сход» с большим воеводой князем П.И. Шуйским. Последний собирал там большое войско для того, чтобы по царскому наказу «ити к Новугородку Немецкому и х Костру и к Юрьеву и промышляти, сколько милосердый Бог поможет». Под началом большого воеводы было пять полков с 47 сотенными головами (около 8—9 тысяч детей боярских) и по меньшей мере два стрелецких головы, А. Кашкаров и Т. Тетерин, со своими людьми (приборы их явно были неполными и хорошо, если вместе насчитывали до полутысячи стрельцов). Примечательно, что один из первых историков этой войны, Т. Бреденбах, определил численность царской рати ни много ни мало, а в 80 тысяч человек⁵⁸⁶.

15 июня 1558 г. полки Шуйского подступили к Нойхаузену-Новгородку, важной пограничной крепости Дерптского епископства. Командовавший гарнизоном Нойхаузена Йорг фон Икскюль отказался сложить оружие и сдать замок неприятелю. Русский летописец отмечал, что «билися немцы добре жестоко и сидели насмерть». И снова, как под

Нейшлоссом, главную роль во взятии Нойхаузена сыграл русские пушкари и стрельцы. Когда стало ясно, что ливонцы не намерены сдаваться, «воеводы велели головам стрелецким Тимофею Тетерину да Андрею Кашкарову туры поставить близко города и наряд подвинути к городу» (летописец описывая осаду Нойхаузена, явно пользовался воеводской «отпиской» или сеунчем, официальным рапортом о том, как был взят этот ливонский город). Под прикрытием мощного артиллерийского огня (С. Хеннинг писал, что звуки канонады под Нойхаузеном были слышны в окрестностях замка Кирумпэ, где разбил свой укрепленный лагерь Фюрстенберг и дерптский епископ Герман со своими немногочисленными рыцарями и кнектами) стрельцы Тетерина и Кашкарова «туры поставили у города у самово» и после того, как русские пушкари «из норяду збили стрелню (башню. — В. П.), а города (то есть стены. — В. П.) розбили много», пошли на приступ. Немецкие кнекты были сбиты со стен и отброшены в цитадель Нойхаузена, которая подверглась мощному обстрелу из пушек и пищалей. И поскольку Реннер уверенно говорит, что город был взят русскими в результате предательства, надо полагать, что Икскуль не стал дожидаться кровавой резни, которая неизбежно воспоследовала бы за новым штурмом, отбивать который у него было ни сил, ни желания (поскольку стоявший в одном переходе от Нойхаузена Фюрстенберг не сдвинулся с места все время осады замка, предприняв всего лишь одну вылазку 17 июня из своего лагеря) и договорился о сдаче⁵⁸⁷

30 июня русские вступили в Нойхаузен, отпустив остатки его гарнизона восьвояси (и по дороге они были ограблены подчистую). Воеводы же, «устроя Новгородок и люден в нем оставя хотели идти с маистром и з бискупом битца, искаль над ними дела государева и земского сколко милосердый бог поможет». К царю же были отправлены с сеунчем князь Б. Ромодановский, Е. Ржевский и Ф. Соловцов, и «к воеводам государь з жалованьем з золотыми послал Игнатию Заболоцкого»⁵⁸⁸. И так как очевидно, что, как было отмечено выше, летописная запись явно основана на официальной воеводской реляции об одержанной очередной победе, Иван Грозный снова услышал о том, что его старый

«знакомый» Тимошка Тетерин опять отличился, умело руководя стрельцами во время осады Нойхаузена, и тем самым немало поспособствовал новой русской победе. И поскольку «за Богом молитва, а за царем служба не пропадет», то новые ратные подвиги стрелецкого головы не остались без государевой награды, и один из тех «золотых», что вез с собой И. Заболоцкий, должен был достаться Тетерину.

Падение Нойхаузена открыло дорогу русским к сердцу Дерптского епископства и к самому Дерпту, и они не замедлили туда явиться. 6 июля передовые отряды рати Шуйского объявились под замком Варбек, что неподалеку от Дерпта, который был взят без сопротивления. В лагере Фюрстенберга царил разброд и шатание, и магистр не рискнул вступать со своим деморализованным воинством в бой с русскими, свернул лагерь и начал отступление. Во время беспорядочного отхода его арьергард был растрепан отравленным вдогон воеводами А.И. Шеиным и Д.Ф. Адашевым «яртоулом», которым командовали Б. Колычев и Т. Тетерин, и подоспевшими к нему на помощь сотнями Передового полка. По словам псковского летописца, «наши за ним ходили, и многих догоняя били немец», а составитель Львовской летописи к этому добавлял, что «ертаулы за ним (за немецким арьергардом. — В. П.) гоняли верст с пятнадцать и немногих людей угонили и побили, а телеги и жеребцы многие поимали»⁵⁸⁹. Тем временем главные русские силы продолжали сушей и водой (по Чудскому озеру) наступать на Дерпт-Юрьев. И вот 8 июля перед глазами дерптцев открылась величественная и ужаснувшая их картина. Как писал Э. Краузе, участник тех событий, «широким фронтом неприятель тремя большими густыми колоннами (Бреденбах в очередной раз не поспешил и исчислил количество русских в 300 тысяч. — В. П.), прикрываясь несколькими сотнями гарцующими врассыпную всадников, наступал на нас»⁵⁹⁰.

Подступив к городу, русские приступили к осадным работам. По словам летописца, «как пришли воеводы к Юрьеву и наряд из судов выняв и стрельцы у города перед турками закопалися и з города немцов збили». Важную роль, которую в осаде Дерпта сыграли немногочисленные (sic —

именно так характеризует их число Крузе. — В. П.) стрельцы Тетерина и Кашкарова, отмечает и Крузе. Именно на их плечи (еще раз подчеркнем, что всего их было не больше пятисот, а скорее всего, и меньше) легла главная тяжесть осадных работ и повседневная боевая работа в «закопех» «перед турами». Попытки дерптцев делать вылазки не имели успеха. Стрельцы, псковская посоха и послужильцы детей боярских упорно, невзирая на сопротивление неприятеля, рыли траншеи, возводили шанцы и батареи под доставленную водой из Нарвы артиллерию (Крузе упоминает 6 медных мортир, метавших в город ядра и зажигательные снаряды *feuerbelle* — уж не те ли, о которых писал казанец Шериф Хаджи Тархани, а также несколько *grossen stüken geschütz*. Реннер пишет о 8 *kartouwen* (картаунах), 2 *grote fuirmorsers* (больших огнеметательных мортирах) и «других больших и малых пушках», *andern geschutte klein und groth*. Другой немецкий источник пишет, что в шанцах русские установили 14 *slangen* и *kartowen*⁵⁹¹). 11 июля русская артиллерия начала бомбардировку, «стреляющее, ово огнистыми кулями, ово каменными»⁵⁹².

Положение Дерпта очень скоро стало безнадежным. «А из наряду били шесть ден, — писал русский летописец, — и стену городовую розбили и в городе из наряду многих людей побили». Неизвестный пскович добавлял к этому, что «мало воеводы постояли, только изготовили пристоуп и постреляли в город ис кривых поушок (тех самых мортир, о которых писали Крузе и Реннер? — В. П.)...»⁵⁹³. Решимость русских была очевидна, среди горожан не было единодушия, ряды его защитников редели от русского огня и дезертирства. Надежды же на деблокаду не было, ибо Фюрстенберг в ответ на просьбы о помощи, по словам Ниенштедта, отвечал, что он «сердечно сожалеет о печальном состоянии города и высоко ценить твердость епископа и поченной общины; он весьма не одобряет поступок дворян и ландзассов, покинувших своих господ, что, конечно, впоследствии послужит им к позору. Он (магистр) желает, чтобы другие оказали такое мужество, на какое только способен человек, для защиты славного города. Но несмотря на все его сожаление, он видит, что ему не удастся в настоя-

щее время оказать сопротивление такому громадному, как то он узнал из всех разведываний, войску, какое находится теперь у врага, но, впрочем, он будет усердно молиться милостивому Богу за них, и день и ночь думать о том, как бы набрать побольше народа для войска»⁵⁹⁴.

Что оставалось делать епископу Герману в этой ситуации? Положиться на милость Господню да молитвы магистра и ждать, пока русская артиллерия пробьет брешь в стене (а в том, что она это сделает, и сделает достаточно скоро, сомнений не было), после чего «свирепые и дикие» московские дети боярские и стрельцы пойдут на приступ (отразить который гарнизон Дерпта не мог) со всеми вытекающими отсюда последствиями? Или же последовать примеру Нарвы, Нейшлосса и Нойхаузена, сдаться на милость победителя, тем более русский большой воевода, князь Шуйский, еще до начала осады предлагал епископу добровольно принять подданство московского государя? И епископ сделал выбор — как писал псковский летописец, «бискоуп и немцы посадники воеводам князю Петроу Ивановичу с товарищи град Юрьев здали по мирному советоу, июля в 20 день, на том, что им житии по старине, и с царевыми и великого князя наместники соудити судиям их, и из домов их и из града не извести»⁵⁹⁵. Первыми в город вступили, если верить Ниенштедту, русские стрельцы. Как писал ливонский хронист, Шуйский вперед отправил несколько сотен своих *leibschützen*, а другой воевода занял стрельцами рыночную площадь и прилегающие к ней улицы⁵⁹⁶. Надо полагать, что это было сделано не только потому, что стрельцы Тетерина и Кашкарова сыграли важную роль в осаде и падении Дерпта, но еще и потому, что они были более дисциплинированы и управляемы, чем дети боярские и их послужильцы.

В сдавшемся городе русские взяли богатую добычу. Так, согласно Лебедевской летописи, «пушек взяли больших и меньших пятсот пятьдесят две пушки» (Реннер называет еще большее число — 700 *stucke geschutte klein und gross*, а рижский хронист сообщает, что помимо нескольких *slange* и *kartowe*, русские захватили 120 пушек *gegaten valkeneten* и множество другого *gegaten und gesmedet schutte*), не счи-

тая всякого рода «животов». Б. Рюссов (конечно, не сколько преувеличивая ради красного словца) писал, что «невозможно описать, сколько сокровищ взял московит в этом городе деньгами, серебром и золотом, и всякими драгоценностями и уборами от епископа, каноников, дворян и бояр геров. От одного лишь дворянина, по имени Фабиана Тиценгузена, московит взял более 80 000 талеров чистыми деньгами»⁵⁹⁷ Ради таких трофеев стоило постараться! Не не только взятой добычей запомнился Дерпт Тимофею Тетерину — Шуйский со товарищи отправил в Москву сеундиков, князя Б.В. Серебряного и нашего стрелецкого голову, так что по прибытии в Москву 25 июля и аудиенции у государя Тимофея за добрую весть, как это было в обычном, был пожалован царским жалованием.

Как развивалась карьера Т. Тетерина в последующие недели и месяцы — увы, ни разрядные книги, ни летописи сведений не сохранили. Можно лишь догадываться, что наш герой со своими людьми после падения Юрьева вошел в состав гарнизона города. Вряд ли он ходил с ним в остальные походы против ливонцев в том же 1558 г. и 1559 г. — стрельцов было немного, они были разбросаны по многим взятым замкам и городам и нужны были для их обороны. В последний раз Тимофея Тетерина в «стратилатском чине» можно встретить в конце 1559 г. во все том же Дерпте. Ободренный заключенным соглашением с королем Польши и великим князем Литовским Сигизмундом II о взятии ливонских земель под свою защиту, сменивший Фюрстенберга на посту магистра ордена Г. Кетлер, не дожидаясь окончания срока заключенного весной 1559 г. перемирия с Москвой, поздней осенью того же года перешел в контрнаступление. Как показали взятые русскими сторожами пленные «маистр и арцыбискуп (архиепископ рижский Вильгельм. — В. П.)» решили «итти им к Юрьеву и стояти у Юрьева зима вся: не взяв, от Юрьева прочь не ити»⁵⁹⁸.

Момент для нападения был выбран удачно. Понадеявшись на заключенное перемирие, Иван Грозный распустил большую часть своих ратей по домам, и воеводы в занятых ранее ливонских городах могли рассчитывать лишь на «годовавшие» в них немногочисленные гарнизоны. 18 ноября 1559 г.

Кетлер и рижский коадъютор герцог Христофор Мекленбургский со своим воинством объявился перед Юрьевом. Юрьевский воевода князь А.И. Катырев-Ростовский сумел не допустить магистра к вверенному ему городу ближе чем на одну версту. Понятно, что при таком раскладе Кетлер мог пустить в дело лишь немногую часть имевшейся у него артиллерии (по сообщению Реннера — 2 kartouwen, 3 halve kartouwen, 3 feltslangen, 2 fuirmosern и 3 quarter slangen). Однако ее стрельба со столь большой для того времени дистанции была неточной и недостаточно эффективной. Ответный же огонь Юрьевской артиллерии не позволял немцам шанцеваться в непосредственной близи от городских укреплений, и к тому же гарнизон города не отсиживался за стенами, а совершил вылазки. Крупнейшая и кровопролитнейшая из них состоялась 24 ноября. Тогда, по сообщению летописца, навстречу подступившему было к городу магистру со своими людьми «вылезли на него дети боярские конные из города и стрельцы (надо полагать, что среди них были и подчиненные нашего героя, и вполне возможно, что он сам участвовал в этой вылазке, командуя стрельцами. — В.П.), убили у маистра из пищалей и дети боярские, человек со сто, а стрельцов государевых убили тритцать с человеком да двух сотников стрелецких»⁵⁹⁹.

Безуспешное «стояние» даже не под стенами, а на виду у Дерпта, да еще в условиях, когда «беспута была кроме обычая на много время», да такая, что ехать «невозможно было ни верхом, ни в санях», как и прежде, привело к разногласиям в немецком лагере. Сам магистр хотел отказаться от бесцельного пребывания под Дерптом и попытаться совершить набег в глубь занятой русскими территории, перенеся боевые действия в псковские земли, тогда как коадъютор и его дворяне настаивали на продолжении осады. Спор разрешился сам собой, когда отправленные по приказу Ивана Грозного «стрельцы многие» (по сообщению Реннера — 1 тысяча) прошли в Юрьев. 29 ноября Кетлер и Христофор Мекленбургский снялись с лагеря и отступили к Фалькенау (Мукуву), «городом и людем государевым не сотворили зла ничтож» (о чем писал, к примеру, и Б. Рюссов)⁶⁰⁰. Князь Андрей трижды отправлял вдогонку за «маистровыми» людьми из

Юрьева своих ратных, потрепавших отступающих немцев, и в третьей «лехкой» рати одним из голов был Тимофей Тетерин (надо полагать, со своими стрельцами). Он и его товарищи «дошли последних людей (ливонцев. — В. П.) да их побили, а живых взяли двадцать три человека». Сведения, сообщенные языками, оказались чрезвычайно важны — согласно им, «маистр» решил осадить Лаис, который обороняли 100 детей боярских и 200 стрельцов. Отправив им на помощь 100 стрельцов под началом друга Тимофея стрелецкого головы А. Кашкарова, юрьевский воевода сумел не допустить падения Лаиса и, более того, сорвать все планы Кетлера. Как писал Рюссов, «маистр подошол к Лаису, осадил этот замок, построив батареи и окопы, обстреливал его и два раза ходил на приступ, но оба раза проиграл. В этих двух приступах убито несколько сот отборных княхтов и ревельский гауптман Вольф фон Штрасборг. Так как подошла зима и не было счаствия, маистр и герцог снова отступили со стыдом и позором. Ратники, по неблагоприятности счаствия и недостатка в деньгах, рассердились и разошлись». Московский же летописец дополнил это описание новыми красками. Согласно воеводскому сеунчу, который доставил в январе 1560 г. в Москву А. Кашкаров, «приходил маистр к Лаюсу со многими людми немецкими с нарядом, и поставя туры, бил из наряду по городу и розбил город до основания на пятнадцати саженях; и приступал по два дни всеми людми в розбитое место и к иным местам, и Божим милосердием и государя нашего православного царя правдою побили у маистра многих людей и поимали в городе доспехи и всякое ратное оружие многое поимли, из города из наряду розбили у маистра две пушки; и пошел маистр от Лаюса прочь с срамом, а людем государевым ничтож зла не сотвори»⁶⁰¹.

Участие в обороне Дерпта от войск магистра и рижского архиепископа зимой 1559 г. стало последним известным боевым эпизодом в послужном списке Тимофея Тетерина на царской службе. Можно лишь предположить, что наш герой со своими стрельцами оставался в Юрьеве и в следующем году и принял участие в большом походе русской рати в Ливонию в мае — августе 1560 г.⁶⁰² Однако доказать это невозможно при том состоянии источников, которыми

мы располагаем на сегодняшний день. Ясно только одно — по прошествии определенного времени после этого Тетерин попал в немилость. Однако, когда именно Иван Грозный опалился на удачливого до того времени стрелецкого голову и что послужило причиной опалы и крушения его блестящей, отмеченной многим государевым жалованием карьеры, — до сих пор вызывает споры историков. Сохранившиеся свидетельства об опале Тетерина и его побеге в Литву только запутывают и без того темную историю.

Начнем расследовать эту детективную историю, пожалуй, с анализа слов самого царя. Иван спустя почти два десятилетия писал папскому посланнику иезуиту А. Поссевино, выступавшему посредником в переговорах между русским монархом и королем Речи Посполитой Стефаном Баторием, что «Курбский и Тетерин не для нашего окрутенства побежали, для своего злодейства, что были они на наш живот помыслили, и мы хотели их за их измену казнити, и они от тово побежали; а Тимоху были есмя и пожаловали, а велели есмя его постричь по своему закону»⁶⁰³.

Казалось бы, ответ на вопрос из царского послания очевиден — Тетерин «проходил» по одному «делу» вместе с князем Курбским как его «подельник», и эта связь как бы очевидна, если учесть, что пути Курбского и Тетерина неоднократно пересекались во время первой, собственно ливонской, фазы Ливонской войны. Однако доказать это невозможно при нынешнем состоянии источников, равно как и то, что Тетерин как командир юрьевских стрельцов был связан с не очень удачной деятельностью Курбского в роли юрьевского наместника весной 1563 — весной 1564 г.⁶⁰⁴ Но если это было, то в таком случае опала Тимофея должна была случиться весной 1564 г. (и не связана ли она была с расследованием обстоятельств побега Курбского к Сигизмунду?).

В пользу того, что царский гнев обрушился на Тимофея весной 1564 г. и как будто был связан с делом Курбского, косвенно свидетельствует послание Тетерина новому наместнику «Вифлянские земли» боярину М.Я. Морозову. Последний был послан «на годованье» в Юрьев в 7072 г. (очевидно, сразу после того, как в Москве стало известно

о бегстве 30 апреля 1564 г. в Литву прежнего юрьевского наместника князя Курбского)⁶⁰⁵. К этому посланию мы сице вернемся (поскольку есть сомнения относительно его датировки 1564 г.), а пока отметим, что при его чтении встает вопрос — почему Тимофей обратился именно к Морозову, выбрав его своим адресатом? Потому ли, что он сел в Юрьеве, городе, с которым Тетерин сроднился? Или же потому, что стрелецкий голова успел побывать под его началом некоторое время, прежде чем вскрылись его связи с беглым князем, после чего он был пострижен в монахи и сослан?

Конечно, можно предположить также, что царская опала, обрушившаяся на Тетерина, была связана с опалой на А. Адашева (тем более что наш герой по службе неоднократно находился во время все той же Ливонской войны под началом брата временщика Данилы. Кстати, в том самом знаменитом походе 1560 г. приняли активное участие и Алексей, третьим воеводой Большого полка, и Данила, первым воеводой «у наряду»⁶⁰⁶). Сам Иван в своем первом послании Курбскому писал, что, «сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники, милостиво гнев свои ученили: смертные казни не положили, но по розным местам розослали»⁶⁰⁷. При сопоставлении этого отрывка с предыдущим и с ливонским этапом в карьере Тетерина как будто напрашивается вывод о том, что успешный стрелецкий голова, связавшись с Данилой Адашевым и рассчитывая при его помощи продвинуться еще выше по карьерной лестнице, поставил не на ту лошадку. Слишком долго Тимофей находился в отрыве от двора и в итоге допустил роковую ошибку, оказавшись в итоге в Антониеве-Сийском монастыре на Двине как «человек» Данилы Адашева. В таком случае Тетерин попал в опалу в 1560 г. (или в октябре 1562 г., вместе с князем Д.И. Курлятевым, также постриженным в монахи «за великие изменные дела»)⁶⁰⁸. Кстати, в 1559 г. после взятия Дерпта Курлятев был назначен юрьевским воеводой и пути боярина и Тетерина тогда неизбежно пересеклись⁶⁰⁹).

Есть и еще одна версия, которую подробно рассмотрел Р.Г. Скрынников. Видный историк отмечал, что в царском архиве (в 223-м ящике) среди прочих дел хранилось дело

об отправке «на Двину в Сейской монастырь Тимохи Тетерина з Григорьем Ловчиковым». В другом ящике (197-м) хранились грамоты, что привез к Ивану во время осады Полоцка отправленный еще в конце лета 1562 г. в Стокгольм к шведскому королю гонец Василий Гундоров сын Тетерин, родственник Тимофея⁶¹⁰. Исходя из этого, историк логично предположил, что если бы Тимофей оказался к тому времени в опале, то вряд ли царь отправил бы Василия со столь ответственным поручением, и, значит, опала стрелецкого головы относилась ко времени после Полоцкого «взятия»⁶¹¹.

Сопоставив все эти сведения и версии, рискнем выскаться в пользу еще одной. Представляется, что опала Тетерина, возможно, была связана все же с делом Курбского и имела место в мае 1564 г. Что-то связывало князя и стрелецкого голову, и эта связь стала роковой для Тимофея. Похоже, правда, что отношения князя и нашего героя не были настолько близки, чтобы Тетерин лишился головы — видимо, сыск по делу о бегстве бывшего юрьевского наместника показал, что «вины» Тимофея не так велики, чтобы вынести в отношении его приговор: «Повинен смерти!» Осмелимся даже предположить, что на первых порах Иван полагал, что Тетерин был сообщником Курбского и помогал тому бежать. Однако затем, разобравшись, царь сменил гнев на милость и «за неполное служебное соответствие» приказал постричь оплошавшего стрелецкого голову (за которым к тому же водился грешок связей с кланом Адашевых) в монахи в дальнем монастыре, куда он и был отправлен под конвоем будущего опричника Г. Ловчикова. А вслед за Тимофеем с учреждением опричнины в казанскую ссылку отправились как неблагонадежные и его родственники.

Остается еще один вопрос — когда же Тетерин бежал в Литву: тогда же, в 1564 или 1565 г., как принято считать⁶¹², либо позже? Можно, конечно, попытаться связать ссылку Тетериновых в Казань с бегством нашего героя — он «перелетел» на сторону старого недруга Ивана, а государь за это наказал его родственников. Можно также предположить, что для столь энергичного и деятельного служаки пострижение в монахи стало сильнейшим ударом. Слова

лихого поэта-гусара Д. Давыдова о том, что «полусолдат, у кого есть печь с лежанкой, жена, полдюжины ребят, да щи, да чарка с запеканкой!», явно были не про Тимофея Тетерина! Про него другие: «Я люблю кровавый бой, я рожден для службы царской! Сабля, водка, конь гусарской, с вами век мне золотой!» Ведь он был еще не старый (а было ему тогда около тридцати или чуть больше лет), и что ожидало его теперь — прозябанье и, по существу, медленная смерть вдали от боевых друзей, от «золотого века»? Могла ли бурная натура стрелецкого головы принять такую судьбу? Конечно же нет! И новоиспеченный инок Тихон решил рискнуть — пан или пропал, чем такая жизнь, лучше смерть, если его замысел не удастся. Верный слуга Тетерина, некто Поздячко, сумел связаться со старым товарищем и сослуживцем Тимофея, Андреем Кашкаровым, с которым наш герой бок о бок несколько лет служил «службу государеву цареву зимнюю и летнюю, полевую и береговую, и посылошную». Кашкаров, видимо начальствовавший над стрельцами в том же Юрьеве (или каком-либо другом ли-вонском городке), остался верен старой службе и сумел организовать побег Тимофея в Литву. Об этом свидетельствует сыскное дело «Ондрея Кашкарова да Тимохина человека Поздячка, что они Тимохиным побегом промышляли», хранившееся во все том же царском архиве⁶¹³.

Но эта лихо закрученная гипотеза основана на весьма шатком основании — на психологическом портрете человека, жившего четыре с гаком столетия назад. А если эта тонкая конструкция неверна — что тогда? А что, если попытаться ответить на вопрос о том, когда и почему бежал Тетерин в Литву, используя иной подход? Попробуем и посмотрим, что получится.

При сопоставлении событий конца 60-х — начала 70-х гг. невольно напрашивается предположение о взаимосвязи серии тайных посланий Сигизмунда II, адресованных видным московским боярам, отправленных в 1567 г. (Иван Грозный подозревал Курского в том, что он был одним из инициаторов этой интриги); ряда неудач, что потерпели русские полки в том же году; пресловутого «земского заговора» того же года (по обвинению в участии в котором, по мнению

Р.Г Скрынникова, «всеродне» были казнены многочисленные Тетерины), дискуссия о котором не прекращается уже не десятилетие; переговоров Ивана Грозного о получении убежища в Англии; внушительной военной экспедиции, собранной Сигизмундом осенью все того же 1567 г. на русско-литовской границе, и внезапного отказа Ивана от вторжения в Ливонию тогда же. И тут же вспоминаются обвинения Ивана в адрес Сигизмунда, что тот полагается в войне не на ратное искусство, а на «украд и измену». И напрашивается вопрос — а не участвовал ли Тимофей Тетерин каким-либо образом во всех этих событиях? Не был ли он замешан в тайных интригах Сигизмунда, не переписывался ли он с кем-либо из родственников и сослуживцев и не контактировал ли, будучи посредником, с эмиссарами из-за кордона? Сегодня об этом трудно судить однозначно, но, учитывая, что среди беглецов Тетерин был далеко не самым знатным и высокопоставленным, но регулярно упоминается в документах того времени как один из виднейших изменников, такое предположение вовсе не выглядит таким уж необычным и невозможным в принципе.

Ну а если Тетерин был замешан в «земском заговоре» и имел контакты с Курбским, то тогда его побег в Литву вполне может быть отнесен к концу 1567 — началу 1568 г., когда началось следствие по делу боярина Федорова, и Тимофей не стал дожидаться, пока оно доберется до него. И если наше предположение верно, то тогда все встает на свои места. Явление при дворе Сигизмунда II бывшего стрелецкого головы, а ныне монаха-расстриги имело эффект взорвавшейся бомбы. Следы произведенного нашим героем фурора сохранил немецкий авантюрист Г. Штаден. Передавая слухи, он писал, что Тетерин, *ein hackenschüzen heupttman*, «в камилавке явился к королю (Сигизмунду II Августу. — В. П.)...»⁶¹⁴. Согласимся с тем, что обычный стрелецкий голова вряд ли удостоился бы королевского приема — не того полета птица, а вот сподвижник Курбского и участник заговора против тирана — почему бы и нет? В пользу этого предположения косвенно свидетельствует тот факт, что в мае 1568 г. (sic!) король пожаловал Тетерина немалыми землями⁶¹⁵, и это при том, что четвертым артикулом III раздела Литовского стату-

та 1566 г. Сигизмунд обязывался «именей кгрунтовъ и вся кое маेनости» «заграницникомъ и постороннимъ и жадномъ иному, давати записовати и ни которымъ способомъ отдаляти не маемъ»⁶¹⁶. Между прочим, раньше бежавшим в Литву русским детям боярским земли не давались — Сигизмунд «жаловал» их «натурой», продовольственным пайком и деньгами на карманные расходы. Например, в 1566 г четыре «москвитина», Василь Левонкович, Булат Михайлович, Иван Кузмич Лихачов и Степан Матвеевич Сыривков, перебежавшие на литовскую сторону, были отправлены в замок Кобрин, и тамошний каштелян получил королевское указание выдавать им «на чверт року» (на квартал. — В. П.) бочку жита, бочку солода, полбочки крупы и столько же гороха, свиную полть, пуд соли и на рыбу и свежее мясо копу грошей, не считая натурального жалованья на их служебников и коней⁶¹⁷

Так или иначе, случилось ли это в 1564/65 или 1567/68 гг., в жизни Тимофея Тетерина начался новый, литовский этап его биографии, в общем неплохо задокументированный. Его карьера на новой службе, как отмечал изучавший «литовский» этап его биографии К.Ю. Ерусалимский, развивалась, судя по всему, вполне успешно. «Дворянин его королевской милости»⁶¹⁸ сумел войти в доверие сперва к Сигизмунду II, затем Стефану Баторио и сохранить королевское расположение и при Сигизмунде III. Служба новым сеньорам была ими высоко оценена — Тимофей стал богатым землевладельцем в Упитском повете, не считая иных земельных владений, пожалованных ему Сигизмундом II. При этом, что характерно, в начале 1585 г. бывший стрелецкий голова был поименован минским кастеляном и упитским державцем Я.Я. Глебовичем «добрый» человеком и «заслуженным» слугою Речи Посполитой, а спустя четыре года его несовершеннолетние дети, Федор и Тимофей (родившиеся уже в Литве, где Тимофей женился вскоре после своего побега), получили право наследования полученных их отцом по королевской милости земель⁶¹⁹. Эти расположение и право передать пожалования по наследству были завоеваны Тетериным не только самим фактом побега, но и верной службой польско-литовским монархам и пером, и мечом. Так, в

1571 г., возвращаясь из Литвы, русские послы, «князь Григорий Мещерской со товарищи», привезли «подлинной список литовских вестей», в котором, помимо всего прочего, о «государском изменнике» Тимохе Тетерине говорилось, что-де ему и его товарищам А.Ф. Кашкарову (кто этот Кашкаров — уж не тот ли стрелецкий голова, сослуживец Тетерина, помогший ему бежать? Логично было бы предположить, что Кашкаров, памятуя о горячем нраве Ивана Грозного, не стал дожидаться «сыска» и тоже бежал. Этому отождествлению мешает одно обстоятельство — Курбский писал, что Иван казнил Андрея Кашкарова, хотя, впрочем, учитывая, что князь Андрей весьма вольно обходился с фактами, это не такое уж и большое препятствие) и Х. Валуеву «именьишко подаваны от вифлянские границы, а приезжи к старосте жемотцкому и на службу с ним ходят»⁶²⁰. И, судя по размерам пожалованных Сигизмундом Тетерину земельных владений (около 1 тысячи десятин земли только в Упитском повете — далеко не каждый знатный московский аристократ в те времена мог похвастать таким количеством земли!), «выправовати на службу военную» новоиспеченный «дворянин его королевской милости» должен был с немалым отрядом своих людей.

Правда, отметим, что конкретных сведений о военной службе Тетерина Сигизмунду и его преемникам сохранилось немного. Так, Иван Грозный в своем послании Стефану Баторию в 1581 г. писал, что король в 1579 г. явился под Полоцк «со многими землями и с нашими израдцами, с Курбским и з Заболоцким и с Тетериным и с ыными нашими израдцами ратью». И участие Тетерина в Полоцкой кампании 1579 г. Стефан подтвердил в ответной грамоте царю⁶²¹. Однако намного большую известность получил другой эпизод с его участием, произошедший во время продолжавшейся Ливонской войны и запомнившийся своей дерзостью и лихостью и русским, и иностранцам, и история эта заслуживает отдельного и подробного рассказа.

Итак, по порядку. В 1569 г. Иван Грозный, отправляя послание своему врагу Сигизмунду III, писал тому, что его подданные «князь Олександр да князь Иван Полубенские, пришедчи некрестьянским обычаем... сослався с

нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригородок во псковской в Избореск с нашими изменники въехали и город Избореск... засели». Эту же идею царь развел и дополнил в своем наказе посланцу в Речь Посполитую Ф.И. Мясоедову, который должен был на вопрос о Изборской оказии ответствовать вопрошающему следующими словами — мол, «государя вашего (то есть Сигизмунда. — В. П.) люди, сознавая с изменники, украдом въехали в город, и государь наш послал бояр своих и воевод, и, Божию милостию, государевы бояре и воеводы город Избореск взяли ко государеве вотчине ко Пскову по старине, как преж того было псковской пригородок; государя вашего люди не умеют имати силою, и ни емлют изменою да украдом, а государь наш, надеясь на Бога, да емлет воинским делом (sic! Весьма примечательное место в наказе! — В. П.)...». Псковский летописец, не называя имен и фамилий государевых изменников, дополнял царские слова — «Литва взяша Избореск оманом, впрошалися отпритчию, генваря в 11 день». И наконец, упоминавшийся ранее немецкий авантюрист Г. Штаден вставил в картину еще несколько важных деталей, отчего она заиграла новыми красками. Согласно его рассказу, «губернатор польского короля Сигизмунда в Ливонии Александр Полубенский отправился в путь с 800 поляками, переодетыми в опричных. При нем было, однако, трое русских бояр, бежавших от великого князя: Марк Сарихозин и его брат Анисим, третий звался Тимофей Тетерин и был ранее в Москве у великого князя стрелецким головой». И, продолжая свой рассказ, немец отмечал, что Полубенский якобы-де подъехал к воротам Изборска и «сказал воротному сторожу: «Открывай, я из опричнины!» Ворота тотчас же открыли. Так поляки захватили врасплох Изборск, удерживали его не более четырнадцати дней»⁶²²

Что же мы имеем, проанализировав эти свидетельства? Картина, которая предстает перед глазами после прочтения этих свидетельств современников, что и говорить, впечатляющая. Морозная январская ночь, заснеженная дорога, длинная колонна всадников в черном, колеблющееся пламя факелов, освещавших их путь, темная громада стен и башен Изборска, предстающая перед ними, и литовский князь, ко-

торый в сопровождении немногих людей подъезжает к воротам города и стучит в них рукоятью сабли, требуя от воротников открыть ему, государеву посланцу, въезд в Изборск. Сонные сторожа, открыв окошко, спрашивают у него, кто таков, и слышат в ответ, что он из опричнины. Это не вызвало у них подозрений. Почему? Быть может, в Изборске ждали отряд опричников? Или дежуривший в воеводской избе один из казненных по обвинению в измене подьячих (согласно синодику Ивана, за «измену» были казнены двое изборских подьячих, С. Рубцов да П. Лазарев, человек Рубцова Оглобля да двое псковичей, А. Шубин и Е. Герасимов) успокоил воротников — мол, свои, чего ждете, люди и кони замерзли, открывайте!⁶²³ Сегодня это уже не узнать. Ясно только одно — ворота были приоткрыты, Полубенский и его брат с немногими окружавшими его людьми въехали в них, перебили стражу и впустили в город остальных своих людей. Город был взят, в плен попали изборский воевода А. Нащокин, городовой приказчик И. Рудак Перхуров и ямской дьяк А. Иванов (вернувшись домой летом 1569 г.).

Какую же роль сыграл во всем этом Тетерин? Операция, задуманная Полубенским, не могла не понравиться «дворянину его королевской милости» и экс-стрелецкому голове — лихая, с ярким налетом авантюризма, она живо напомнила ему его молодость, ночной набег на лагерь незадачливого астраханского царя Дервиш-Али 13 лет тому назад. И без помощи Тетерина и братьев Сарыхозиных Полубенскому было бы сложно осуществить свой замысел. Нельзя исключить такой возможности, что они, и в особенности Тимофея, имея знакомых в Изборске (воеводы приходят и уходят, а дьяки и в особенности подьячие остаются), могли договориться с ними о поддержке при осуществлении смелого замысла. Да и разговаривали с воротниками, скорее всего, Тетерин и Сарыхозины — кому, как не им, были известны порядки, бывшие в ходу в пограничных гарнизонах? Кстати, их говор не мог вызвать подозрений у сторожей — как никак, они же природные русаки, в отличие от литвина Полубенского. Но, увы, это не более чем наши предположения, а как дело обстояло на самом деле, сегодня мы уже не узнаем, а жаль — сюжет, достойный того, чтобы стать ос-

новой авантюрного романа или приключенческого фильма про «рыцарей плаща и кинжала»!

Кстати, изборская история глубоко запала в душу Ивану, и он долго не забывал о ней. Отправляясь в 1577 г. в поход отвоевывать свою вотчину, «Лифлянскую землю», Грозный напомнил А. Полубенскому, как тот, «не имея храбрства (снова тот же мотив, что и в наказе Мясоедову. — В. П.), взял еси искрадом наша вотчины Пскова пригородок Избореск, как еси поругалъся, отступив от крестьянства, церкви божии и священства образом». Спустя несколько месяцев, взяв князя в плен, царь снова напомнил ему, как тот в свое время, будучи вольмарским старостой, «совершал частые кровопролития, нападая на юрьевские города, людей моих обижал и Изборск с изменниками моими разстрigoю Тетериным и Сарыхозиным взял; но Бог тебе не помог, за то, что ты чудному Миколе глаза колол, церкви ограбил, имущество их отнимал и огнем жег». И Тетерина царь в послании, написанном в том же 1577 г. (возникает вопрос — а не стало ли это письмо результатом пленения Полубенского? — В. П.), уколол сравнением его поведения тогда, в 1569 г. и сейчас, в 1577 г. 8 лет назад, писал царь, ты, Тимофей-Тихон, «росстрига богатырь, Изборск изменою взял», а теперь, когда он, Иван, сам явился в свою «отчину Лифлянскую землю», «чево для ныне за Двину в Литву побежал, а ни в котором стрелнице не удержанялся?»⁶²⁴.

Кстати, это письмо Ивана, адресованное «ростриге богатырю», стало своеобразным ответом на послание самого Тимофея боярину М. Я. Морозову, о котором уже говорилось ранее. Обычно его датируют летом 1564 г.⁶²⁵, однако осмелимся предположить, что оно появилось на свет позднее, после того, как Морозов, отбив у поляков Изборск, отписал Полубенскому грамоту, назвав в ней Тетерина и Сарыхозина изменниками (во всяком случае, контекст ответного послания Тимофея позволяет сделать такое предположение)⁶²⁶. Письмо, надо сказать, преинтересное. Прежде всего, Тимофей-Тихон напрочь отмечает обвинение в измене. Экстремецкий голова и монах-расстрига, объясняя мотивы своего побега, писал, что он бежал «по многих нестерпимых муках и по наругани ангельского образа», а потому боярину

должно быть совестно обвинять его в измене: «Ты, господи-
не, убийся бога, паче гонителя и не зови православных кри-
стьян, без правды мучимых и прогнанных, изменниками»
(и здесь напрашивается предположение — а что, если Тете-
рин бежал в Литву не в 1564 г., а позднее, в конце 1567 или
в начале 1568 г., когда узнал о начавшемся сыске по делу
о земском заговоре и о казни своих родственников и стал
всерьез опасаться за свою жизнь? Или же казнь Тетериних
стала следствием бегства Тимофея-Тихона?). И далее быв-
ший инок ехидно отмечал, что-де «твое, господине, чесное
Юрьевское наместничество не лутчи моего Тимохина черне-
чества», поскольку служба Морозова несет ему только одни
расходы и долги и никакой чести. Одним словом, «не спеши,
в стрельне сидя шестой год, хвалитися! (любопытный, кстати
говоря, пассаж со стороны Тимофея — на что он намекает?
Уж не на 1564 ли год, когда Морозов сменил беглого Курб-
ского на посту юрьевского воеводы? — В. П.)...»⁶²⁷ И ведь
как в воду глядел наш герой — прошло несколько лет, и
Морозов был казнен Иваном (и, если доверять Штадену, вы-
ходит, что в том числе и за злоупотребления, допущенные
воеводой в бытность его юрьевским наместником)⁶²⁸.

И еще один интересный мотив проскальзывает в послании
беглого стрелецкого головы — он заслуживает того, чтобы
его привести полностью. «Есть у великого князя новые вер-
ники: дьяки, — обращаясь к Морозову, писал Тетерин, —
которые его половиною кормят, а другую половину собе ем-
лют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопъстве не
пригожалися, а ныне не токмо землею владеют, но и голова-
ми вашими торгуют». С одной стороны, довольно странно
слышать эти слова из уст дьяческого сына, дед и отец кото-
рого возвысился над многими детьми боярскими и разбогател
благодаря именно верной службе государю первом, но не ме-
чом. Явно Тимофея кривит здесь душой, и невольно возни-
кает вопрос — почему? С другой же стороны, схожие моти-
вы звучат в писаниях А.М. Курбского⁶²⁹ И поскольку связь
между Курbsким и Тетериным в Литве существовала, то
нова напрашивается еще одно предположение — а не об-
уждал ли князь с беглым бывшим стрелецким головой по-
следние новости с бывшей родины и свои тексты?

Возвращаясь от анализа содержания письма Тетерина Морозову, отметим, что при чтении документов той эпохи складывается впечатление — для Ивана Грозного «измена» и побег Тетерина стали сильным ударом. По подсчетам К.Ю. Ерусалимского, в польских и литовских источниках тех времен упоминается по меньшей мере 800 «москвитинов»⁶³⁰. Однако царь интересовался судьбой и ролью, которую они играли при королевском дворе, лишь немногих из них, и экс-стрелецкий голова был в числе тех немногих «избранных», кого Иван не оставлял вниманием до самой своей смерти. В пользу такого предположения косвенно свидетельствует тот интерес, который Иван Грозный проявлял к судьбе Тимофея. Судя по царским наказам своим дипломатам и его переписке с Сигизмундом II и Стефаном Баторием, Тетерин, и, очевидно, далеко не в последнюю очередь благодаря своей ревностной и успешной службе новым сенаторам, считался в Москве одними из виднейших изменников. Его имя обычно шло третьим в переписке после Курбского и еще одного видного эмигранта, потомка смоленских князей В.С. Заболоцкого, а после смерти последнего перешло на второе место⁶³¹.

Судьба Тетерина и его карьера при дворе Сигизмунда, а потом Стефана Батория живо интересовала царя, и он регулярно наказывал своим послам и гонцам, ездившим в Литву и Речь Посполитую, узнавать «про государьских изменников, про Курбского и про Володимеря Заболотцкого и про Тетерина с товарыщи, в котором они обычее при короле, и к которым радным паном которой прихож, и что их служба королю, и нет ли от них которого лихого умыщения про государевы украины?». При встрече же с кем-либо из «государьских изменников» послам следовало отвечать столь излюбленными Иваном «кусательными словесами» — мол, «с изменником что говорити? А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем, а Бог милосердие свое государю свыше подает на враги победу, а вашу измену разрушает». И далее царь требовал, чтобы его посланцы больше не говорили ничего, а шли прочь от перешников, да и то разговаривать достойно им было лишь с Курбским да «радными» (а Тетерин, с точки зрения Ивана,

явно относился к числу последних), «а с худым того не говори, худому изляв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь»⁶³².

Почему? Какие струны в душе грозного царя сумел затронуть Тимофея-Тихон, что государь постоянно вспоминал о нем? Может, ответ скрывается в упоминавшемся выше письме, которое отправил Иван Грозный Тимохе-Тихону из Вольмара в 1577 г. (кстати, из всех изменников, бежавших в Литву, только Курбский и Тетерин удостоились царских посланий!). Обращаясь к «росстриге-богатырю», Иван напомнил Тимохе, «каковы еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина, коли первое с маистром наши люди виделися в нашей отчине Лифлянской земле»⁶³³. Напрашивается ответ — царь с особым чувством вспоминал те славные времена, когда он, еще молодой, полный сил и энергии, окрыленный великими замыслами, шел от одного успеха к другому, от одной победы к другой и казалось, никто и ничто не может остановить его в реализации великих замыслов. И столь же молодой и энергичный стрелецкий голова был не только вестником об этих победах, но и верным сподвижником государя, его «мышцей бранной». И быть может, та, с одной стороны, ирония, а с другой — разочарованность, что просматриваются в этом послании, связаны с тем, что Иван разочаровался в Тимофееве, возлагая на него большие надежды, — Федот оказался не тот, не оправдал царских чаяний. И быть может, побег Тетерина (вместе с изменой Курбского) стал одним из тех поводов, что привели царя к идее учреждения опричнины. Кстати, как уже было отмечено выше, родственники Тимофея-Тихона стали одними из первых жертв опричнины, лишившись своих земельных владений, будучи сосланными в Казань.

Но вернемся обратно к литовской странице биографии Тимофея Тетерина. С окончанием в 1582 г. Баториевой войны и со смертью Ивана Грозного в жизни «дворянина его королевской милости» наступил этап относительного спокойствия. В новые походы под королевскими знаменами ходить теперь было не нужно, однако хлопот в повседневной жизни хватало — тут и хозяйство, и воспитание двух сыновей, и присмотр за слугами, которые так и норовили сбежать, да не с пустыми руками (свидетельством чему мо-

гут служить неоднократные заявления Тетерина в Упитский земский суд на беглецов), и тяжбы с воинственной и злой памятной местной шляхтой. Тимофеем сам был не промах, спуску своим недругам не давал, а за его спиной и «служебники» чувствовали себя вольготно. Несколько характерных примеров из жалоб, занесенных в судебную книгу Упитского земского суда. Так, в апреле 1585 г. боярин вдовы князя Курбского Сигизмунд Утнemer подал жалобу на Тетерина, обвинив его в захвате земель, принадлежавших крестьянам княгини. В мае того же года некий Станислав Кулешевский, служебник мозырского хоружего Яна Ловейки, привнес жалобу на Тимофеева человека Николая Яновича, обвинив того в нанесении побоев и грабеже. Спустя три месяца сам Тетерин подал в суд жалобу на двух своих «выростков», Валентина Круницкого и Гришко Москвитина, обвинив их в том, что они «прочь утекли и немало речей занесли и зашкодили коней двое... перстень золотой с каменьем жабинцом». В июле 1586 г. Тетерин жаловался на захват его «застенка» в Вешеканском войтовстве врядниками троцкого воеводы Яна Глебовича, а в сентябре того же года сам Тетерин «отличился», совершив наезд на одно из имений пана Яна Зарецкого. В марте же 1587 г. некий Авгуштын Шимкович жаловался, что по приказу Тетерина его служебник Ян Мартинович «перед вороты дому его (Шимковича. — В. П.) в поли Раюнах невинъне пограбил волы два оремые, коровы две, овец пятеро, гусей 12, коз две, подсвинков осмеро»⁶³⁴.

Одним словом, жизнь наступила хотя и как будто мирная, однако же, очень и очень беспокойная — скучать Тимофею давно разменявшему к тому времени уже пятый десяток было некогда, и, перефразируя немного слова поэта, «покон ему только снится». А тут еще очередное бескоролевье, наступившее после смерти благодетеля Тетерина Стефана Батория, и, видимо, опасаясь за свое положение и «маетности» Тимофея решил на всякий случай прозондировать почву на предмет возможного возвращения обратно в Россию, вступив в переписку с Москвой. В 1587 г., писал Б.Н. Флоря, Тетерин и М. Сарыхозин (да-да, тот самый, вместе с которым экс-стрелецкий голова ходил «искрадом» братъ Изборск

который считался при Иване Грозном одним из опаснейших «государьских изменников»), рассчитывая на избрание королем Речи Посполитой сына Ивана Грозного Федора, «советовали русским послам, чтобы «рать государева в Смоленску была наготове, а сам бы государь хотя в Можаеск вышел со своим двором». По их словам, эта военная демонстрация была нужна для того, чтобы литовским магнатам «страшно было». В противном случае трудно ждать успеха, поскольку «паны королевские города и села по себе розымали» и боятся их потерять в случае избрания царя (то есть Федора Иоанновича. — В. П.)...»⁶³⁵.

Однако эта предосторожность оказалась напрасной — бескоролевье закончилось, а новый король, Сигизмунд III Ваза, как уже отмечалось выше, не оставил своим благосклонным вниманием нашего героя, так что вопрос о переезде отпал сам собой. Между тем за всеми этими хлопотами незаметно подкралась старость, болезни, и в первых числах июня 1593 г. (до 19 июня, когда была составлена «за желаньем и прозьбою» назначенного завещанием почувствовавшего приближение смерти экс-стрелецкого головы, монах-расстриги и дворянина его королевской милости опекуном его детей пана Я. Девочки опись имущества в имении «небощика славное памети его милости пана Тимофея Тетерина» Малуне⁶³⁶) наш герой завершил свой бурный жизненный путь.

Очерк V

«ЖАЛОВАТИ ЕСМЯ СВОИХ ХОЛОПЕЙ ВОЛЬНЫ, А И ҚАЗНИТИ ВОЛЬНЫ ЖЕ...»: ГРИГОРИЙ ИВАНОВ СЫН КАФТЫРЕВ

Судьбы начальных людей эпохи Ивана Грозного, происходивших из неродовитых служилых семей, складывались по-разному — кто-то, как Иван Черемисинов, достигнув немалых карьерных высот, благополучно умирал в своей постели (но таких было меньшинство); кто-то, как Матвей Ржевский, упорно продвигаясь вверх, терял все и вся, потерпев неудачу на поле брани; а кто-то, успешно стартовав, оказывался замешан в политических интригах, которыми так богато было то время, и, поставив не на ту лошадку, попадал в опалу. И хорошо, если опальному удавалось переждать царский гнев — в дальней вотчине ли, в монастыре ли или же укрывшись от царской немилости за границей по примеру Тимофея Тетерина, переметнувшегося на сторону врагов Ивана Сигизмунда II или Стефана Батория. Тех же, кому не повезло, могла ожидать иная, печальная участь — пополнить длинный перечень тех, кто «живот свой скончаша», был внесен в государевы «сенники князей и боляр и прочих людей опальных». Среди тех, кто был записан в 1583 г. в синодик опальных, был и стрелецкий голова Григорий Иванов сын Кафтырев, казненный вместе со своими сыновьями Леонтием и Брехом по делу о заговоре в земщине весной 1568 г.⁶³⁷ Вряд ли, конечно, стрелецкий голова, отличившийся при взятии Астрахани и успешно сражавшийся с ливонцами на начальном этапе Ливонской войны, мог полагать тогда, в 50-х гг. XVI в., в самом начале своей служебной карьеры, что его ожидает такой печальный конец, тем более что и начиналась она, карьера²,

более чем удачно. Но обо всем по порядку, и для начала, по традиции, кратко коснемся историографии проблемы и источников.

Увы, к сожалению, приходится констатировать, что историки стороной обходят вопросы, связанные с жизнеописаниями людей, подобных нашему герою. И это несмотря на то, что их биографии, как уже отмечалось в начале этой работы, представляют интерес порой даже больший, чем фигур первой величины, «больших» воевод. В чем причина такого пренебрежения? Один из ответов на этот вопрос представляется достаточно простым. Состояние источников по XVI в. плачевно. «Худородные» служилые люди, из среды которых происходили московские «центурионы», попадали на страницы официальных летописей, разрядных и посольских книг в исключительных случаях. Государственные архивы (и прежде всего главный для нас — архив Разрядного приказа) пострадали очень сильно, и до наших дней дошли лишь жалкие обрывки насчитывающей тысячи и тысячи документов приказной документации. Сильно пострадали монастырские архивы, но еще сильнее — домашние дворянские архивы. Вот и выходит, что при попытках реконструкции биографий начальных людей среднего уровня вопросов порой возникает больше, чем ответов, и при отсутствии четких ответов приходится выстраивать конструкции, основанные на предположениях, допущениях и аналогиях. Тем не менее при всех трудностях сохранившиеся разбросанные в самых разных и порой неожиданных местах (прежде всего летописи⁶³⁸, посольские книги⁶³⁹, актовые материалы, монастырские вкладные и кормовые книги с синодиками, родословцы и пр.) сведения порой позволяют достаточно четко обрисовать основные вехи жизненного пути и служебной карьеры некоторых таких «центурионов». Одним из них и был наш герой, названный выдающимся знатоком русской истории XVI в. С.Б. Веселовским «выдающимся военачальником своего времени»⁶⁴⁰ Правда, забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, мэтр Погорячился, причислив нашего героя к числу «выдающихся военачальников» времен Ивана Грозного, хотя сомневаться в профессионализме и воинских умениях Григория не приходится — его карьера тому свидетельством. Ну а теперь,

после такого краткого вступления, вернемся по традиции родословию Григория Кафтырева.

Упразднив в 1682 г. местничество, царь Федор Алексеевич и Боярская дума решили не только заново отредактировать «Государев родословец», но и завести отдельно еще одну родословную книгу для тех «старых же и честных родов», кто при «блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея России самодержца» «были в послах и в посланниках, и в полках, и в городех в воеводах; и в знатных посылках, и у него великого государя в близости, а в родословной книге родов их не написано»⁶⁴¹. В течение нескольких последующих лет не сколько сот (историки называют разные цифры — от 600 и более) дворянских семей подали в Разрядный приказ в Москве свои родословные росписи, приложив к ним массу грамот и актов, подтверждающих давность происхождения их рода. Среди прочих подали свою роспись и дворяне Кафтыревы, и вот что было сказано в ней относительно древности рода и его родоначальника: «Лета 6749 (в 1241 г. — В. П.) году во дни благоверного и христолюбивого вел. гос. князя Александра Ярославича Невского, который победил на Неве реке Нестора Влегела, короля Римского, и к нему, в. кн. Ал-дру Яросл-чу Невскому, на удел ево в Нижней Новгород выехал Узлы Мурза Ягорович, кн. Кафимской земли, от изгнания царя Серпъского из вотчины своей Кафы; а от Узлы Мурзы пошли Кафтыревы»⁶⁴².

К этой родословной росписи были приложены и две грамоты, переписанные с более древних актов. Одна из них была выдана великим князем Василием Дмитриевичем то ли в 1394 г., то ли в 1424 г. некоему Ивану Кафтыреву. В этой жалованной и несудимой грамоте великий князь жаловал Ивана льготами (по княжескому слову, с крестьян, что сумел бы привлечь вотчинник в свои владения, «не на добед мая дань и писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная никоторая пошлина») по той причине, «что его земля в Костромском уезде в Оседцком стану, и те де земли у него нынечка опустели мором и межениною вымерли, а иные розошлися» (справедливости ради отметим, что есть определенные сомнения в подлинности этой грамоты, высказанные

В.Б. Кобриным)⁶⁴³. Кстати, Осецкий стан Костромского уезда стал чем-то вроде «родового гнезда» семейства Кафтыревых, и землями в нем они владели еще в конце XVII в.⁶⁴⁴ Другая грамота, выданная в апреле 1511 г. от имени Василия III, была адресована Федору Васильеву сыну Кафтыреву, внуку Ивана Кафтырева. В ней великий князь жаловал своего верного слугу наместничеством в городке Орлов на Вятчине, повелев «всем людям тое волости чтить его и слушать»⁶⁴⁵. Ростраль также сообщала, что у Федора было два сына, Никита и Иван, а у них, в свою очередь, также было по два сына — соответственно Леонтий и Федор и Яков с нашим героям.

Теперь попытаемся извлечь необходимую нам информацию из этих документов и из тех актов, что оказались недоступны Кафтыревым в конце XVII в. Прежде всего отметим, что отечественный историк М.Е. Бычкова, исследовавшая историю создания поданных в Разрядный приказ в конце XVII в. родословных росписей, отмечала, что «легенды, особенно описывающие выезд предка из Орды, характерны именно для росписей XVII в. и сопоставимы с другими родословными материалами того же времени. Потомки в прошлом рядовых семей, служивших вне Москвы, опираясь на записи летописей, создавали **красочные легенды** (выделено нами. — В.П.) о своем происхождении, чтобы удревнить и облагородить своих предков»⁶⁴⁶. Стоит ли после этого говорить о том, что никакой Узлы-мурза в Нижний Новгород при Александре Невском не приезжал (да и зачем ему это делать, в 50-х то годах XIII в., вскоре после того, как Батыево нашествие разорило Русь, а Орда была сильна и могучая?), а вся эта история была придумана каким-нибудь бойким на перо подьячим по заказу потомков нашего героя, нуждавшихся в «облагораживании» своего рода?

С другой стороны, зачем Кафтыревым нужно было придумывать историю с приезжим мурзой, если согласно приложенным к родословной росписи грамотам выходило, что их род служит московским государям по меньшей мере с начала XV в.? Может, дело в происхождении самой фамилии, выглядевшей не слишком «благородно»? Ведь, как писал выдающийся знаток русской истории того времени

С.Б. Веселовский в своем «Ономастиконе», «каптырь — черное покрывало на камилавку»⁶⁴⁷, и, следовательно, можно предположить, что род Кафтыревых имел какое-то отношение к духовенству? Или же потомкам нашего героя было ведомо, что среди их предков были дьяки или подьячие? Во всяком случае, сохранилась костромская купчая середины XV в., писанная неким Степаном Кафтыревым⁶⁴⁸. Кстати, послухом при заключении этой сделки выступал другой представитель рода Кафтыревых — некий Василий. Но то ли гордыня, то ли спесь, то ли еще какое-то чувство — но в конце XVII в. потомкам Григория Кафтырева происхождения от рядовых костромских вотчинников, живших два с половиной столетия назад, показалось недостаточно, и они решили, следуя моде, украсить свое родословное древо развесистой клюковой про некоего кафинского (кафимского?) мурзу.

Но позволим себе усомниться в точности росписи, ибо даже сохранившихся отрывочных актов и других документов начала XVI в. достаточно для того, чтобы поставить под вопрос сообщаемые ей сведения. Синодик Переславского Успенского Горицкого монастыря, датируемый 10—20-ми годами XVII в., среди прочих поминаемых называет последовательно нескольких представителей рода Кафтыревых (в синодике они названы Каптыревыми): Павла, Никифора, Василия (не тот ли это Василий, который был послухом в упомянутой выше костромской купчей?) и Данилу (напрашивается предположение, что Данила был сыном Василия)⁶⁴⁹. И как тут не вспомнить духовную грамоту костромского боярского сына Семена Матафтина, датируемую 10—20-ми годами XVI в., в которой упомянут Нелюб Степанов сын Кафтырев и брат его Семен, за которым числился долг Матафтину деньгами и зерном. И не был ли Нелюб и Семен сыновьями дьяка Степана Кафтырева?

Однако еще интереснее выглядит упоминание Матафтыным среди прочих Кафтыревых Ивана Данилова сына, который должен был ему «рубль денег по кобале»⁶⁵⁰. Направляется предположение, что этот Иван был сыном того самого Данилы, что был упомянут в синодике Горицкого монастыря, и этот Иван Кафтырев в отличие от Федора был

довольно известной личностью. Во всяком случае, когда в 1504 г. Иван III пожаловал своего сына Юрия городом Кашином, именно Ивана Данилова сына Кафтырева отправил он «городу Кашину з городом с Ростовом розъезд учинити» в 1504 г.⁶⁵¹ Выходит, что Иван Кафтырев уже в начале XVI в. служил великому князю и был у него на виду. Не потерялся Иван и при наследовавшем Ивану III Василии III. Он снова выступает в роли государева посланца-землемера, а в 1525 г. выступил в роли послуха при заключении сделки о продаже вотчины между братьями Корсаковыми и Даниловым Переславль-Залесским монастырем⁶⁵². Отметим также, что сохранившиеся грамоты позволяют утверждать, что Кафтыревы были в родстве не только с Матафтиными, но через последних — с родом Полевых.

Но вернемся к Ивану Данилову сыну Кафтыреву. Из тех данных, которыми мы располагаем, напрашивается вывод — именно он и был отцом нашего героя. Конечно, полной уверенности в этом у нас нет, но есть ряд моментов, позволяющих утверждать это с высокой степенью вероятности. Для начала — что мы знаем о Григории Кафтыреве, прежде всего о начале его биографии?

Увы, год его рождения нам неизвестен. Попытаемся определить примерно, когда он мог появиться на свет, исходя из тех скучных сведений о начале его служебной карьеры. Известно, что в 1550 г. Григорий вместе со своим братом Яковом был внесен в знаменитую Тысячную книгу как сын боярский третьей статьи, коему полагалось поместье в Московском уезде в 100 четвертей земли, а также записан в Дворовую тетрадь, составленную несколько позже Тысячной книги⁶⁵³. Сомнительно, что Григорий мог оказаться в числе тысячников сразу после верстания, следовательно, он попал в число «избранных», скорее всего отличившихся на поле брани. А где он мог поратоборствовать, да так, чтобы юный царь мог заприметить столь же юного, но смелого и бесшабашного сына боярского? Только в походах на Казань, которые предпринял Иван вскоре после того, как венчался на царство! Отсюда можно сделать вывод, что родился Григорий Кафтырев не позднее второй половины 20-х — самого начала 30-х гг. XVI в. Обращает на себя внимание и такой

факт — в Дворовую тетрадь и в Тысячную книгу Григорий записан как переславский сын боярский.

Теперь обобщим эти сведения. Выходит, что родился Григорий не позднее конца 20-х — начала 30-х гг. XVI в., у него было поместье в Переславском уезде, он был записан в дворовые дети боярские и в тысячи — это сразу выделяло нашего героя на фоне тысяч и тысяч рядовых детей боярских, от которых «не осталось порой и имен». Теперь о совпадениях в биографиях Ивана Данилова сына Кафтырева и Григория. По времени полностью исключить возможность, что именно Иван был отцом Григория, нельзя. Дальше, у Ивана Кафтырева, судя по всему, было поместье именно в Переславском уезде. Наконец, поскольку и Иван III, и Василий III поручали ему выполнение ответственных поручений, следовательно, его служба была на виду у великого князя, при его дворе.

И если наше предположение верно, то тогда картина складывается и все встает на свои места. Будучи дворовым сыном боярским, «аргумачником и кутазником», Иван Кафтырев вписал своих сыновей (а их у него было по меньшей мере трое — Меньшик, Григорий и Яков) в число дворян великого князя. Тем самым у Григория, в сравнении с рядовыми городовыми детьми боярскими, изначально были неплохие стартовые позиции. Конечно, в силу своего «ху-дородства» (похоже, что в XVI в. о своем происхождении от «кафимского мурзы» Кафтыревы еще не догадывались) Григорий не мог претендовать на должность полкового воеводы, но стать головой ему было легче и проще, чем остальным служилым людям. Необходимо было лишь окажаться в нужное время в нужном месте и проявить должную сноровку и рвение — за Богом молитва, а за царем служба не пропадет. И, судя по всему, так все и получилось. Григорий, следуя советам из «Поучения отца сыну», сумел в первых казанских походах Ивана IV «роду своему честь наехать, а собе добро имя». И когда в 1550 г. «учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии выборных стрелцов и с пищалей 3000 человек», то в числе тридцати первых «выборных» стрелецких сотников («а у всяких у ста человек сын боярской»⁶⁵⁴), судя по всему, по-

пал и юный Григорий Кафтырев. Первый, и очень успешный, шаг в своей карьере он сделал — ведь при изучении биографий первых стрелецких начальных людей складывается четкое и недвусмысленное впечатление, что молодые головы и сотники «огненных стрелцов», одногодки Ивана, были его выдвиженцами, опорой молодого царя, его руками, глазами и ушами. Им он доверял и не боялся поручать выполнение ответственных, чрезвычайно важных и иногда щекотливых поручений, и стрелецкие начальные люди, облеченные доверием царя, порой в буквальном смысле вершили судьбы царств и царей.

Исходя из всего вышесказанного можно с достаточно высокой степенью уверенности предположить, что стрелецкий сотник Григорий Кафтырев принял участие в знаменитой кампании 1552 г., закончившейся падением столицы Казанского ханства и ознаменовавшей начало нового этапа в отношениях между Москвой и осколками Золотой Орды. Стрельцы в этой кампании приняли самое активное участие, полностью оправдав свое звание «выборных» бойцов. Видимо, отличился в этом походе и Григорий, ибо спустя три года мы видим его уже на новой должности — стрелецкого головы. Наделенный чрезвычайными полномочиями, он отправляется со своими людьми в Астрахань. Но прежде чем перейти к астраханской странице биографии нашего героя, несколько дополнительных штрихов к его облику. Сохранилась купчая, датируемая 7602 (1553/54) г., составленная по случаю продажи Андреем и Матреной Борисовыми детьми Ступишина своей вотчины в Нерском стане Переславского уезда боярину Ивану Васильевичу Шереметеву⁶⁵⁵ Одним из послухов при заключении этой сделки был наш герой, из чего следует, во-первых, что, скорее всего, осенью—зимой 1553/54 г. Григорий был отпущен (из Москвы? Из Казани?) на побывку домой; во-вторых, его поместье, вероятно, также находилось в Нерском стане и, в-третьих, поскольку на грамоте присутствует его «рукоприкладство», следовательно, наш сын боярский был сведущ в письме, умел читать и писать.

Спустя год (если наша датировка купчей Шереметева Верна) появляется первое упоминание Григория в летописи, и связано это упоминание было с астраханской историей.

«По Смайлеву челобитью, — писал летописец, — на Волгу послал (Иван IV — В. П.) голову стрелецкого Григория Кафтырева с стрелцы да Федку Павлова, а велел беречи на Волге по перевозом от Исуфовых детей и во Астрахань с Дербышом царем ссылатся, каковы будут вести, и им грести во Асторохань помогати Асторохани»⁶⁵⁶.

Попытаемся извлечь из нескольких скучных летописных строк максимум информации, тем более что она, эта информация, представляется важной. Как-никак, а новоявленный стрелецкий голова (интересно, какую стрелецкую статью или прибор он возглавил — Матвея ли Ржевского, отправившегося к тому времени воеводой в Путивль, убитого ли под Казанью Василия Прончищева или же Григория Пущенникова?) выступает одновременно и в роли военачальника, и дипломата. Тут впору говорить, переиначивая знаменитое выражение, о «дипломатии стрельцов», которую активно применял Иван Грозный начиная со времен покорения Казани!

Итак, прежде всего немного предыстории. Астраханский узелок завязался еще в конце 40-х гг. XVI в. В 1546 г. воинственный крымский хан Сахиб-Гирей взял Астрахань и, «победив астраханского хана Ямгурджи, разсеял его подданных, а избежавших смерти мужчин и женщин, со всем имуществом и богатствами переселил в Крым»⁶⁵⁷. Правда, сам Сахиб-Гирей в городе не остался, ибо, как он писал Ивану IV вскоре после успешного завершения своей экспедиции, ему показалось, «что место недобро» (еще бы — брат Сахиб-Гирея Мухаммед-Гирей тоже взял Астрахань в 1523 г. и убит был здесь вскоре после своей победы)⁶⁵⁸. Однако вторжение крымцев привело к изменению военно-политической обстановки в регионе, что задевало интересы и Москвы, и ногаев (именно они были виновниками смерти Мухаммед-Гирея, и не угроза ли их стороны вынудила Сахиб-Гирея поскорее убраться из Астрахани?). Сам Ямгурчи, с трудом избежавший плена, бежал из города, и в низовьях Волги на несколько лет воцарилась анархия и беззаконие. Астрахань несколько раз переходила из рук в руки, и одно время, в конце 1549 или начале 1550 г., городом владели русские казаки⁶⁵⁹.

азалось, что все закончилось в 1551 г., когда в Москву были послы от Ямгурчи, «Ишим-князь с товарыши, а челом царю и великому князю от Емгурчая царя, что-го царь и великий князь пожаловал, велел себе служи-с юртом»⁶⁶⁰. Иван «пожаловал» хана, который в то я обретался, видимо, в Кабарде, у своих союзников, и адил опять на Астрахани»⁶⁶¹. Ямгурчи, таким образом, зался стать московским вассалом и, учитывая тот факт, Казани был посажен другой вассальный «царь», Ши-ї (Шах-Али), Иван и Боярская дума могли рассчиты-на то, что теперь-то практически вся Волга находится ли иначе под их контролем.

днако если состояние эйфории от одержанных успехов пломатическом поприще в Москве и было, то продержь оно недолго — всего лишь несколько месяцев. Очень все резко переменилось. Сперва Шигалей был вынуж-ежать из Казани, где победила прокрымская партия, а пришли плохие вести и из Астрахани. С началом на-и на Волге туда отправился московский посланник Тьян Авраамов вместе с Ишим-князем «видети царевы чеевы правды, на чем от него послы его били челом, и землю х правде привести»⁶⁶². Бесплатный сыр бывает о в мышеловке, и пришло время платить по счетам. ю Ямгурчи, полагая, что оказанная услуга — уже не!, решил, что можно забыть о данном обещании. Гол-д Исаак Масса спустя шестьдесят лет после этих со-писал, что с царским посланником «обошлись весьма даже хуже, нежели с посланцами царя Давида, от-енными к Аннону, царю аммонитов, а сверх того с на-ами выгнали из Астрахани»⁶⁶³.

бо обошедшись с царским послом, Ямгурчи тем са-ам выкопал себе могилу — стерпеть такое оскорбле-зан IV не мог, тем более что сперва его унизили ка-изгнав его ставленника, а теперь еще и астраханцы. Масса, передавая слухи, ходившие в Москве, писал, эь, получив известие об измене «Емгурчая, царя Аз-ньского», «сильно разгневался и поклялся: прежде, ступит зима, до основания уничтожить Астрахань, и не хотел больше оказывать милости и поклялся всех

истребить мечом»⁶⁶⁴. Конечно, по прошествии стольких лет впечатления от этой новости поблекли и были перекрыты более свежими и яркими, благо их хватало, поэтому не стоит серьезно воспринимать слова голландца. Тем не менее вряд ли стоит сомневаться в том, что царь, обладавший горячим и пылким нравом, был взбешен, и только необходимость сперва разобраться с казанскими изменниками и отразить вторжение крымского «царя» Девлет-Гирея вынудили его отложить месть неверному вассалу до лучших времен. Но эта месть была неизбежна, ибо сведения, поступившие в Москву из Ногайской Орды и от Севастьяна Авраамова, рисовали картину весьма мрачную. Ямгурчи, стремясь укрепить свою власть, перебил своих родственников, способных претендовать на престол («побил всех Ямгурчей царь и братью и племянников, проча себе юрта, чтоб ему от них промешки не было...»⁶⁶⁵) и завязал сношения с новым крымским ханом, Девлет-Гиреем, который, свергнув Сахиб-Гирея, отнюдь не собирался отказываться от агрессивной политики своего предшественника. Не имея возможности оказать непосредственную помощь Ямгурчею людьми и деньгами (сперва надо было спасать Казань от гнева Ивана IV), крымский «царь» тем не менее не собирался оставлять астраханца без своей поддержки и отправил тому 13 пушек вместе с инструкторами (а это была по тем временам серьезная поддержка. Недаром одно только известие о том, что Сахиб-Гирей намерен отправить в Астрахань несколько пушек и пищалей, вызвало экспедицию ногаев на Крым зимой 1548/49 г., закончившуюся печально известной «Ногай кыргыны» — резней взятых в плен ногайских воинов)⁶⁶⁶. В противном случае его бы не поняли и его собственные князья и мурзы, и Стамбул был бы недоволен. Случайно ли в самом начале 1552 г. султан Сулейман Великолепный писал Девлет-Гирею, что, «поскольку вы обладаете разнообразными сведениями и знаниями обо всех делах, касающихся этих областей — как Астрахани, так и ногаев и Московии, все связанные с этими землями дела препоручены вашему ясному разумению»?⁶⁶⁷ Ну а раз так, то «царю» предписывалось принять «все необходимые меры, касающиеся дел в Астрахани, [дабы] вр^а

и не познали победы, и [эта область] была охраняема и защищаема от презренных неверных»⁶⁶⁷

Время, отведенное Ямгурчи, истекло в 1554 г. В октябре предыдущего года в Москву прибыли ногайские послы, доставившие Ивану IV послание от Исмаил-мурзы и его союзников. В послании «Смаиль-мырза» со товарищи изъявили желание, чтобы «их государь царь и великий князь ожаловал, оборонил бы от Емгурчия царя Азтораханского, тпустил бы на Азторохань Дербыша царя Азтораханского а рать свою послал, и посадил бы на неи Дербыша царя, а Исмаил и с иными мурзами его царево дело учнут делати, как м царь и великии князь велит»⁶⁶⁸. Явление послов от Исмаила и его союзников было как нельзя кстати. Дальнейшее ромедление с разрешением астраханского вопроса грозило креплением в астраханском улусе позиций Девлет-Гирея. Того же в Москве никак допустить не хотели по двум причинам. Во-первых, тогда под угрозой оказались бы отношения с Ногайской Ордой, и без того достаточно сложные, ибо ногайский бий Юсуф, старший брат Исмаила, все более и более ориентировался в своей политике на Крым; а во-вторых, в недавно завоеванной и так до конца и не замиравшейся Казани можно было ожидать новых выступлений против московской власти. Одним словом, астраханский узелок здо было развязывать, и быстро. Поразмыслив с боярами и запомнив Ямгурчи все его вины, «за свою обиду и срамоту, ке царь Ямгурчей обеты своя изменил и посла ограбил, и Нагайских мурз челобитью» Иван решил отправить рать против астраханского царя и посадить на астраханском троне нижнего астраханского «царя» Дервиш-Али, с осени 1551 г. бывшего в России⁶⁶⁹

Отправленную против Ямгурчи трехполковую рать возглавил князь Ю.И. Пронский «с товарищи», а с ними вниз по Волге, «как лед вскроется», отправились «дворяне царского двора и дети боярские из розных городов выборов, да релцов и казаков» и даточных людей с Вятки, Перми и нижнего Новгорода⁶⁷⁰. Вместе с ними был и Дервиш-Али. Сын Исмаил, «завоевавшийся» со своим братом Юсуфом, экспедиции присоединиться не смог, да в этом и не было обой нужды — сил у князя Пронского и без того было

достаточно. По опыту аналогичных походов 50-х — начала 60-х гг. XVI в. у него могло быть до 10 тысяч ратных людей. Ямгурчи был разбит, бежал, бросив победителям свой гарем, полученную от Девлет-Гирея артиллерию «да и набаты царевы». 2 июля 1554 г. князь Пронский «с товарыщи» посадили Дервиш-Али ханствовать в Астрахани, привели «х правде» астраханцев (тех, кто не бежал, не был убит и полонен русскими и присоединившимися к ним ногаями) и обложили их данью в пользу русского царя. Поймать Ямгурчи, несмотря на все предпринятые попытки, Пронскому не удалось. Оставив в городе небольшой гарнизон из казаков под началом сына боярского П. Тургенева, воевода со своими людьми, освобожденным русским полоном, царским семейством и трофеями отправился в Москву. В Москву они прибыли в октябре того же года «дал Бог здорово, и государь их (Пронского и его людей. — В. П.) жаловал великим жалованием»⁶⁷¹.

А теперь, после несколько затянувшейся предыстории «астраханского вопроса», вернемся к судьбе нашего героя. К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, участвовал ли Григорий Кафтырев в экспедиции князя Пронского. Однако осмелимся предположить, что он все же побывал тогда в Астрахани в качестве стрелецкого сотника в статье Г.В. Пушечникова. В самом деле, в следующем году Пушечников уже командует детьми боярскими в «Польском» походе воеводы И.В. Шереметева Большого, а наш герой во главе стрельцов отправляется в Астрахань. Следовательно, нет ничего невозможного в том, что стрелецкий сотник Григорий Кафтырев за отличие в первом астраханском походе получил повышение и был пожалован царем в стрелецкие головы одной из первых шести стрелецких статей, заменив ушедшего на «крымский фронт» своего бывшего командира. Кстати, можно даже примерно прикинуть, когда состоялось повышение Кафтырева. Отправляя 9 марта 1555 г. посольство к ногаям, Иван IV писал, что он намерен послать на Волгу Григория Жолобова (Пушечникова. — В. П.). 11 же марта Иван IV с боярами «приговорил» «послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарыщи», а Григорий Жолобов был назначен одним из голов

в эту рать⁶⁷². Следовательно, назначение Григория Кафтырева стрелецким головой вполне могло состояться 10 марта 1555 г., и в этом новом качестве он оказался в самом водовороте политических страстей и дипломатических интриг.

Но вернемся обратно к астраханской истории. Казалось, что с посажением на астраханский стол Дервиш-Али астраханский узелок был развязан, и можно было вздохнуть с облегчением. В Москве продолжали «жаловать» своего астраханского вассала, рассчитывая на его верную службу и далее. Так, отправляя в начале марта 1555 г. посольство к ногаям, Иван IV писал, что «присыпал к нам бити челом Дербыш царь о Ямгурчеевых царицах, и мы к нему царицы отпустили с своим сыном боярским с Левонтьем Мансуровым и Астараханской юрт велели есмя беречи тому ж Левонтью. А с Левонтьем есмя послали казаков и пищальников многих»⁶⁷³. Спустя месяц в Москву прибыл гонец от сына Дервиш-Али Джан-Тимура, который привез грамоту, в ней было сказано, что Ямгурчи попытался взять реванш. Получив поддержку Девлет-Гирея (хан прислал астраханцу екоего Шигая-богатыря с «крымцы и янычане») и Юсуповичей, сыновей ногайского бия, убитого своим братом смаилом, в марте 1555 г., Ямгурчи явился под Астрахань. «Выйший астраханский «царь» и его люди, сказано было в дослании, «приступали к городу, и Дербыш царь и все Астраханцы, наряд на горе исправя и казаков с пищалми и ри и великого князя приготовив, с ними бились и побили города многих ис пушек и ис пищалей и прогнали их»⁶⁷⁴.

Однако очень скоро оказалось, что на самом деле все не глядит не так, как могло показаться на первый взгляд. Монстрируя свою преданность своему сузерену, Дервиш-Али тем временем вынашивал планы сменить хозяина. Дело том, что вскоре после успешного завершения миссии юонского Иван IV включил в свою царскую титулатуру именование Астраханский (и Сигизмунд II Август, король Польши и великий князь Литовский, признал новый титул «осковского»), а Петр Тургенев стал царским наместником в Астрахани⁶⁷⁵. «Царь я или не царь?» — примерно таким вопросом, надо полагать, регулярно задавался астраханский «царь», сидячи в своей ханской юрте в «большом

городе» долгими осенними и зимними вечерами, отправляя в Москву положенную дань и наблюдая за тем, как распоряжается в его улусе Тургенев. Очень скоро Дервиш-Али, что называется, созрел, решив: раз его теперешнее положение более чем двусмысленно, то нужно что-то делать, чтобы изменить свой статус в лучшую сторону. Удобный случай представился как раз в марте 1555 г. Оказывается, в грамоте Джан-Тимура была сказана правда, но не вся, далеко не вся.

В мае 1555 г. Петр Тургенев прислал из Астрахани грамоту, в которой сообщал Ивану, что при нападении Ямгурчи на Астрахань Дервиш-Али вступил в тайные переговоры с Юсуfovичами и переманил их на свою сторону. Юсуфовичи разгромили Ямгурчи, затем Дервиш-Али переправил их с 3 тысячами воинов на левый берег Волги, после чего братья напали на союзника Ивана бия Исмаила и согнали его с ногайского стола и захватили власть в Ногайской Орде. Более того, Тургенев сообщал, что астраханский хан сделал своим преемником-калгой некоего крымского царевича Казбулата (загадочный персонаж, ибо среди крымских «царевичей» того времени такого как будто нет. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в сражении при Молодях в 1572 г. русскими ратниками в плен был взят некий астраханский царевич Хаз-Булат. Не был ли он тем самым загадочным Казбулатом?). В ответ же на требования царского наместника прекратить сношения с «крымским» Дервиш-Али попросту перестал принимать Тургенева, который решил вернуться домой, не дожидаясь прибытия Мансурова (уж не намекнул ему хан, что если сын боярский не уймется, то совершенно точно не сносить ему головы?)⁶⁷⁶. Тогда же, в мае 1555 г., в Москву прибыли ногайские послы от бия Исмаила. Бий, обеспокоенный действиями Юсуфовичей и стоявшим за их спиной Девлет-Гиреем, среди всего прочего писал Ивану о том, что-де «нам (то есть ему, Исмаилу с братьей. — В. П.) бы тово беречи, чтобы к Астрахани полем рати не пустили. А ты (то есть Иван IV — В. П.) тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли, на всех перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити. А ныне бы еси прислал мне дватцать пищалишков»⁶⁷⁷.

да три пушечки и стрелцы, кто стреляет из них. А кого нам пошлешь, и ты посытай Волгою»⁶⁷⁷

В свете всего этого представляется, что ссылка Дервиш-Али с Юсуfovичами была не случайной — еще покойный бий Юсуф под конец своего правления склонился к союзу с Девлет-Гиреем и осенью 1553 г. даже попытался отправиться в поход на Москву. Посадив же кого-либо из его сыновей на ногайский стол, Девлет-Гирей мог рассчитывать сделать ногаев своими союзниками в противостоянии с Москвой. Обращает на себя внимание, что весной все того же 1555 г. Девлет-Гирей предпринимает большой поход на Москву — уж не с тем ли, чтобы отвлечь внимание Ивана от астраханских и ногайских дел? Одним словом, не прошло и года после бегства из Астрахани Ямгурчи, как ситуация в низовьях Волги снова накалилась до предела.

Сопоставив сведения, полученные из Астрахани, из Крыма и просьбы Исмаила, царь, посовещавшись с боярами, решил изменить прежние планы. Предварительный расклад был таков, что Леонтий Мансуров со своими людьми, сопровождая ямгурчевых «цариц», должен был отправиться вниз по Волге в Астрахань. Григорий Жолобов (а потом сменивший его Григорий же Кафтырев) должен был заняться изведением «воровских» казаков на Волге же («которые холопи из наше земли выбежали и стоят на Волге, а у вас лошеди крадут и гостей побивают, а наших рыболовей грабят и побивают же, и мы на тех послали своего сына боярского Григорья Жолобова. А велели их, добыв, побити»), которые сильно досаждали бию Исмаилу и его мурзам. Одновременно Жолобов и его стрельцы получили приказ охранять перевозы через Волгу, препятствуя Юсуfovичам переправиться на левый берег Волги⁶⁷⁸. Однако новые известия из Крыма, Астрахани и Ногайской Орды внесли серьезные корректизы в этот расклад. Жолобов отправился, как мы уже писали выше, на «крымский фронт», сменивший его Григорий Кафтырев получил на усиление казаков во главе с атаманом Федором Павловым и новый приказ. Как писал Иван Исмаилу в начале июня 1555 г., «в Астарахань велелил есмя поспешити с Волги своему сыну боярскому Григорию Кафтыреву и велели есмя ему стояти в Астарахани и Астарахани беречи

до тех мест, доколе придет в Астрахань наш сын боярской Левонтий Мансуров с царицами». И естественно, Григорий по-прежнему должен был стеречь волжские перевозы, не допуская Юсуfovичей на левый берег Волги, выделив три десятка своих людей Исмаилу «в помочь». При этом наш стрелецкий голова, судя по всему, получил чуть ли не чрезвычайные полномочия — вплоть до того, что он мог взять штурмом Астрахань и пленить Дервиш-Али⁶⁷⁹.

Новый приказ застал Григория, судя по всему, уже в пути — о намерении отправить ратных людей на Волгу Иван Грозный заявил уже в феврале, значит, в марте они должны были собраться в Нижнем Новгороде, откуда обычно стартовали волжские экспедиции. Сразу после того, как Волга вскрылась бы ото льда, Кафтырев со своими стрельцами и Павлов с казаками на стругах отправились вниз по великой реке. Вряд ли их было больше тысячи, но у страха глаза велики, и ногайский посол Байтерек поспешил сообщить своему господину, бию Исмаилу, что де с Григорием и Федором идет рать великая, ни много ни мало, а целых 20 тысяч ратных людей!⁶⁸⁰ По пути к Астрахани Кафтырев встретил Тургенева, который плыл ему навстречу. Бывший царский наместник в Астрахани сообщил стрелецкому голове, что де «его отпустил Дербыш царь к царю и велико-му князю, а послов своих не послал, а сказывает, у него ссылка с крымским царем». Григорий, выслушав Тургенева, немедленно отписал о полученных вестях в Москву (куда его грамота прибыла в мае, следовательно, встреча бывшего наместника и стрелецкого головы в ранге чрезвычайного посланника состоялась не позднее первых чисел того же месяца 1555 г.), а сам вместе с Тургеневым, которого он поворотил назад, скоро погреб со всеми своими людьми в Астрахань⁶⁸¹.

Что произошло после того, как наш герой пригреб к Астрахани, стало известно в августе, когда в Москву прибыл гонец от бравого стрелецкого головы — сотник Степан Кобелев. Сотник доставил грамоту, в которой Григорий писал царю, что когда он со своими людьми и с Петром Тургеневым явился под Астраханью, то обнаружил, что город пуст. «Дербыш-царь и все асторohanьские люди из города

вбежали потому: солгали им, что на них царь и великий князь рать прислал и побити их велел всех, и они от страха повыбежали (еще бы не испугаться — как-никак, а целых 20 тысяч свирепых московских стрельцов и казаков плывут. — *В. П.*)...»⁶⁸² Бегство Дервиш-Али было, конечно, не- приятностью, хотя, собственно говоря, этого и следовало ожидать после всех предыдущих действий хана. Чувствуя себя виноватым, он, конечно, не стал дожидаться прибытия московского эмиссара, от которого он, астраханский «царь», не ждал ничего хорошего.

Однако опасения Дервиш-Али не оправдались. Пока наш герой добирался до Астрахани, ситуация снова переменилась. Девлет-Гирей не только сам отправился в поход на Москву, но и поспешил защитить переметнувшегося на его сторону астраханского «царя». В помощь Дервиш-Али были присланы три крымских «царевича», «князь» Чегилек и взамен утраченных Ямгурчи — новые пушки и пищали⁶⁸³ Неясно, правда, поспели ли помощники к Дервиш-Али или же Григорий их опередил (кажется, что все же бравый стрелецкий голова прибыл к Астрахани раньше), сколько людей было с «царевичами» (вряд ли очень много — большую часть крымской рати Девлет-Гирей забрал с собой), да и были ли они вообще (мало ли какие слухи бродили по степи). Ясно одно — Кафтырев не стал рубить сплеча, а вступил в переговоры, «со царем Дербышем сослался и со всеми астороханскими людьми и сказал им, что их царь и великий князь пожаловал, и послал к Дербышу Леонтия Мансурова послал, и царицы отпустил, и их послов Клеша и Тинотаря отпустил, и дань им государь на сесь год пожаловал отдал»⁶⁸⁴. В результате было достигнуто внешнее примирение — Дервиш-Али со своими подданными вернулся в Астрахань, а вскоре (судя по всему, в конце июля — первых числах августа) в город рекой прибыл и Леонтий Мансуров с астраханскими послами и «царицами». Однако отношения между русскими и татарами оставались напряженными. В одной из разрядных книг было отмечено, что «в одном городе («большом». — *В. П.*) учал жить царевич Дербыш с татар, а в другом («малом». — *В. П.*) городе сел Тевонтей Мансуров з государевыми людми», то есть, не до-

веряя друг другу, русские и астраханцы предпочли жить по рознь⁶⁸⁵.

Пробыв в Астрахани до поздней осени, Григорий Кафтырев со своими людьми в ноябре 1555 г. вернулся домой, Москву. Привезенные им сведения были не слишком утешительны. По словам головы, «Дербышь-царь царю и великому князю не прымит, в Крым ссылается и на Исмаиля-князя, выбитых из Нагай мурз перевез и укрепился с ними, что се на Исмаил с Ысуповыми детми стояти заедин». Вслед за ним в Москву прибыли и послы от бия Исмаила и его мурз, которые в один голос жаловались на Дервиш-Али, что-де он «наших недругов к себе примает и зговариетца с ними», поэтому лучше было бы, если Иван возьмет Астрахань и поставит там свой город⁶⁸⁶. К тому же в Москве стало известно, что после ухода Григория Кафтырева и его стрельцов из «малого» городка Дервиш-Али вместе с Юсуfovичами осадил городок, «повели гору поленну, и как ветр потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и гору зажгли. И государевы люди от дыму из города побежали к судом, и суды все просечены. А Левонтей ушел с семью человеки на плотке на верхней острог»⁶⁸⁷. В итоге в Москве было окончательно решено ликвидировать остатки астраханской самостоятельности, что и было осуществлено на следующий, 1556 год. Однако в завершающем акте астраханской драмы Григорий Кафтырев участия уже не принимал.

Где и как провел следующие три года Григорий — увы, история об этом умалчивает. Можно лишь догадываться, что он, по-прежнему исполняя обязанности стрелецкого головы, нес службу в Москве при дворе Ивана IV. Можно также предположить, что он и его стрельцы приняли участие в том самом знаменитом смотре в конце 1557 г. который столь красочно был описан неизвестным англичанином и о котором мы уже упоминали прежде (опять налицо яркий пример «дипломатии стрельцов»!). И вместе с приказом Тимофея Тетерина Григорий со своими бойцами участвовал в знаменитом зимнем 1558 г. набеге царских войск на Ливонию, в ходе которого подверглись беспощадному опустошению и разорению земли ордена и дерптского епископа⁶⁸⁸. Сверкнув на мгновение, молния разорвала ночной

мрак, осветив еще одну вешку на жизненном пути Григория Кафтырева, но стоило ей погаснуть — и снова он исчезает со страниц летописей и сохранившихся документов того времени. Очевидно, что наш герой со своими стрельцами находился, скорее всего, в Ливонии, но где именно — неизвестно. Проходит почти два года, новая вспышка — и мы видим Григория с его людьми в гарнизоне Юрьева в конце 1559 г., когда город был осажден ливонскими войсками под началом магистра Г. Кетлера и рижского архиепископа Вильгельма (вполне возможно, что именно Кафтырев со своими стрельцами составили костяк того отряда, что прошел в город, невзирая на то, что под ним стоят ливонцы). После того как осада Дерпта провалилась и 29 ноября 1559 г. магистр да архиепископ со своими людьми отступили от города, гарнизон Юрьева, ободренный одержанной над «маистром» победой, не оставил их в покое. Юрьевский воевода князь А.И. Катырев-Ростовский раз за разом отправлял вдогонку за отступающими «немцами» «лехкие» рати, и в одной из них был и наш герой со своими людьми. «И они дошли, — писал летописец, — последних людей и тех побили и взяли тритцать семь языков»⁶⁸⁹

Отдых был коротким, не прошло и нескольких недель, как стрельцы Григория по государеву указу собираются в новый поход. Магистр, атаковав русских поздней осенью 1559 г. под Юрьевом, а затем и попытавшись осадить сам город, нарушил заключенное в апреле того же года сроком на семь месяцев перемирие, и Иван Грозный решил отправить рать на «ливонских немцев», за «их измену» покарав огнем и мечом. Место сбора большой пятиполковой (полки Большой, Передовой, Правой и Левой рук и Сторожевой) рати во главе с боярином князем И.Ф. Мстиславским было назначено во Пскове, традиционном пункте, откуда начинали свои походы против ливонцев русские войска. О том, что рать, отправленная вразумлять неразумных «немцев», была немалой, можно судить по тому, что, во-первых, начало над ней было поручено князю Мстиславскому — одному из опытнейших и вместе с тем родовитейших русских военачальников того времени; рати придавался наряд под командованием боярина М.Я. Морозова, который успешно руко-

водил действиями «большого наряда» под Казанью в 1552 г.; а под 11 воеводами ходили 44 сотенных головы (соответственно четырнадцать в Большом полку, девять в полку Передовом, столько же в Правой руки и по шесть в полках Левой руки Сторожевом), не считая 10 голов при наряде и татар казанских, астраханских и служилых вместе с новокрещенами⁶⁹⁰. Общую численность царского войска по опыту аналогичных походов того времени можно определить примерно в тысяч пятнадцать или несколько более «сабель» и «пищалей», не считая кошевых-обозных, посохи, обслуживающей артиллерию и пр. И среди «пищалей» были стрельцы Григория Кафтырева со своим командиром.

Как это уже неоднократно было прежде, магистру нечего было противопоставить русским. Неудачная осада Дерпта и еще более провальная попытка взять защищаемый русскими стрельцами и детьми боярскими замок Лаюс (Лаис) подорвали его авторитет, вдобавок у него кончились деньги на оплату наемникам. В итоге, как с иронией писал ливонец Ф. Ниенштедт в своей хронике, «золото было уже истрачено и наемники были недовольны, потому что нечем было платить им. Таким образом они разошлись во все стороны, и зима окончательно разложила войско. Так всегда бывает, когда хочешь искать роз в снегу: Ганс Гау не может сносить лифляндской зимы с ее сильными холодами и, таким образом, пиво, как говорится, утекло». С остатками своего воинства магистр укрылся в замке Оберпален, артиллерию свез в Феллин⁶⁹¹, а Ливония осталась, уже в который раз, беззащитна перед жаждущими мести и добычи русскими ратями.

17 (по другим данным, 18) января 1560 г. полки Мстиславского пересекли границу и вторглись в ливонские земли⁶⁹². Поход начинался в суровых условиях. Псковская летопись сообщала, что «зима тогда была безснежна, только семь недель было снегом»⁶⁹³. Видимо, по этой причине Мстиславский придержал главные силы, выслав вперед «лехкую» рать (на три полка с четырьмя воеводами во главе с князем В.С. Серебряным). «Князь Василий с товарыщи», по словам псковского летописца, «воевал промеж Веля (Феллин. — В. П.) да Икеси (Венден. — В. П.) Велянские места и Кеские

и Володимириецкие (прилегающие к Вольмару. — *В. П.*) и иные многие места», подчеркнув при этом, что «преже сего те были не воеваны, а пришли на них безвестно, и взяша в полон множество людей и всякого живота и скоту и побиша многих». Ливонские источники дополняют этот список разоренных местностей окрестностями Тарваста, Каркуса, Руена, Гелмеда, а городок Шмилтен был взят и сожжен вторично⁶⁹⁴.

Участвовали ли в этом набеге посаженные на конь стрельцы нашего героя вместе с ним — неизвестно, хотя в этом нет ничего невозможного (опять-таки по опыту предыдущих аналогичных набегов в ту же Ливонию). Но вот в осаде и взятии одной из важнейших ливонских крепостей, Мариенбурга, или как ее называли русские, Альста, они участвовали совершенно точно. Видимо, дождавшись момента, когда наконец-то установился снежный покров и можно было теперь перебросить артиллерию к нужному месту, Мстиславский повел на неприятеля все свои силы. Ливонский хронист И. Реннер, оценивая численность русской рати, подступившей к Мариенбургу, писал, что их было 20 тысяч (в принципе вполне возможная цифра, если Реннер со слов очевидцев посчитал сюда не только «сабли и пищали», но и всякого рода обозную прислугу). Артиллерия Мстиславского, по словам хрониста, состояла из 7 kartouwen (картаун), 5 halve kartouwen (полукартаун), 2 scharpe metzen, 4 slangen, 6 fuigmorsers (огнеметательных мортир) и 5 grote steinbussen (больших камнеметов), не считая более мелких орудий (и в самом деле весьма и весьма приличный «наряд». — *В. П.*)⁶⁹⁵.

Соединившись под Альстом с «лехкой» ратью, князь обложил город и начал его осаду. Она продолжалась три дня. За это время, по словам летописца, «боярин Михаил Яковлевич (Морозов. — *В. П.* Видимо, именно он руководил осадными работами) наряд за озеро перевез на то же место, где город стоит, а стоит на острову середи великого озера... и стрелцов (в том числе и «прибора» Григория Кафтырева с их головой. — *В. П.*) всех у города поставил и туры поделав, наряд прикатя». Подготовка к бомбардировке заняла, судя по всему, один день, а на следующий день пушки наряда «учали бити с утра до обеда и стену до основания розбили»⁶⁹⁶.

Комтур Мариенбурга, Каспар фон Зиберг, не стал дожидаться, когда московиты пойдут на штурм, прекрасно понимая, что отбить приступ шансов у него и его людей мало, а вот потерять головы — напротив, очень и очень много. Потому он не стал проявлять излишний героизм и служебное рвение, капитулировав 14 февраля 1560 г.⁶⁹⁷ Правда, по мнению Кетлера, Зиберг показал недостойное ливонского рыцаря малодушие, почему и приказал арестовать комтура и посадить его в заключение в замке Кирхгольм, где тот вскоре и умер⁶⁹⁸. Наш же герой со своими стрельцами был оставлен в Мариенбурге-Алысте гарнизоном, а сам Григорий, надо полагать, получил царское жалование (Иван, получив радостную весть — сеунч от воевод, послал к ним «с своим жалованьем з золотым князя Федора Палецкого»)⁶⁹⁹.

Мариенбургский эпизод стал очередной вспышкой молнии, на мгновение осветившей жизненный путь Григория Кафтырева, после чего он снова оказался скрыт мраком на три года. В следующий раз стрелецкого голову мы видим участником одного из важнейших военных предприятий Ивана Грозного — Полоцкого похода 1562—1563 гг. Однако перед этим Григорий 20 марта 1562 г. вместе с более чем сотней других князей и детей боярских «выручили князя Ивана Дмитриевича Белского» в том, что «не отъехать за нашею порукою до своего живота в Литву и в Крым, и вьные ни в которые государства никуды, ни в уделы». В этой поручной записи обращают на себя внимание два момента. Прежде всего, в общем перечне поручившихся Григорий стоит на 26-м месте (впереди князей Ю.Г. Мещерского, Р.В. Охлябинина, Ф.И. Пожарского, В.С. Мосальского и некоторых других). И второй момент — Григорий ручался за верность князя Бельского сотней рублей — сумма по тем временам, как мы писали выше, очень солидная. Следовательно, можно с уверенностью предположить, что наш герой к тому времени был уже весьма зажиточным служилым человеком. Вот уж действительно, за Богом молитва, а за царем служба не пропадет!

Но вернемся к Полоцкому походу. Еще раз подчеркнем, что этот поход без преувеличения может считаться одним из крупнейших военных предприятий Ивана Грозного. Со

хранился своего рода походный дневник этой экспедиции, так называемая «Записная книга Полоцкого похода» (такое название этого интереснейшего документа утвердилось среди историков), позволяющий судить о том, насколько грандиозен был этот поход. Сперва отметим, что для участия в нем были собраны служилые люди со всего Русского государства. Об этом свидетельствует и необычный, крайне редко встречающийся «наряд» полков — государев, большой, правой руки, передовой, левой руки, сторожевой, ертул, а также большой, средний и малый «наряды». Рать возглавляло множество воевод — помимо самого государя и его брата Владимира Андреевича, 2 татарских «царей» и 4 «царевичей», черкасского князя Василия в походе участвовали 22 воеводы (двадцать в полках и при наряде и два дворовых). Далее, при буквальном прочтении дневника (и ряда других источников, в том числе и зарубежных — «Полоцкое взятие» вызвало бурную реакцию в Европе) получается, что в походе участвовала «тъмочисленная» рать — около 150 тысяч человек. У страха глаза велики, да и с точки зрения просвещенных европейцев варвары (а в том, что русские были именно такими, сомнений у них не было) непременно должны были воевать и побеждать исключительно за счет колоссального численного превосходства. Поэтому если принимать эту цифру на веру, то только при одном условии — в эти 150 тысяч были записаны все, кто в той или иной мере был привлечен к участию в этом походе, — «сабли и пищали», обозная и артиллерийская прислуга, посоха и прочие, и прочие, и прочие. Реальный же боевой состав царского войска, согласно дневнику похода, летописным сведениям и разрядам, просчитывается достаточно точно. Суммируя эти данные, можно предположить, что царские полки насчитывали самое большее 50—55 тысяч бойцов, в том числе 17,5 тысячи дворян и детей боярских и примерно столько же их послужильцев, 5,5 тысячи татар, мордвы и черемисов, 6 тысяч казаков, 1,1 тысячи даточных людей с северо-восточных городов и земель и около 5 тысяч стрельцов⁷⁰⁰. Среди прочих стрелецких «приборов», отправившихся добывать Полоцк вместе со своим государем, был и кафтыревский вместе со своим головой.

История Полоцкого похода, осады города и его взятия заслуживает отдельного большого исследования, мы же остановимся несколько подробнее, насколько это возможно, на действиях стрельцов Кафтырева во время осады. Судя по всему, Григорий со своими людьми изначально был включен в состав большого полка, номинальным командующим которого числился двоюродный брат Ивана Грозного князь Старицкий Владимир Андреевич, а реально руководили ратными людьми князья И.Д. Бельский (тот самый, за которого в марте 1562 г. ручался сотней своих кровных рублей наш герой), П.И. Шуйский (еще один знаменитый русский военачальник) и В.С. Серебряный⁷⁰¹. По опыту предыдущих походов и осад (например, казанской осады 1552 г.) стрельцы Григория двигались в авангарде, прикрывая развертывание большого полка на намеченных предварительно позициях (Иван Грозный самолично 30 января «ездил смотрити города Полотцка, а со царем и великим князем были дворовые воеводы боярин Иван Петрович Яковля да князь Петр Иванович Горенский, да выборные все дворяня»⁷⁰²). 31 января большой полк встал на позиции «у Спаса на Шерешкове», видимо, у Спасо-Евфросиньева монастыря к северу от города на правом берегу Полоты⁷⁰³. Отсюда он начал вести осадные работы, которые начались в ночь на 4 февраля, когда «царь и великий князь у города у Полотцка велел туры ставить». От большого полка работами руководил князь В.С. Серебряный, «а с ним головы стрелецкие Федор Булгаков да Григорей Кафтырев, да Богдан Болтин с своими приказы, да головы з детми боярскими и другия з боярскими людми головы»⁷⁰⁴.

«Поиззакопавшись» близ города и поставив туры, стрельцы большого полка начали обстреливать город, выбивая его защитников из своих пищалей, ручных и полуторных (легких орудий, придававшихся стрелецким «приказам»), одновременно продвигая апроши и туры все ближе и ближе к полоцким стенам и рвам. Работа эта для них была хорошо знакома, потому как среди «огненных стрельцов» Григория Кафтырева было немало ветеранов еще той самой знаменитой Казанской кампании 1552 г., не говоря уже о ливонских походах. 8 февраля полоцкий воевода Ст. Довойна, понимая,

что посад ему отстоять не получится, решил оставить его, предварительно спалив, чтобы он не достался русским. Польские наемные жолнеры приступили к исполнению приказа воеводы, «большой острог и ворота Острожные и в остроге церкви и гостины дворы и лавки в торгех и все острожные дворы зажгли во многих местех, а посадских людей из острогу учили забивати в город»⁷⁰⁵. Поднявшийся переполох, шум и гвалт, столбы дыма, поднимавшиеся тот тут, то там, не оставляли простора для догадок. Сидевшие в «закопех» стрельцы (и нашего героя в том числе) и казаки вместе с «боярскими людми» (послужильцами детей боярских) «изо всех полков», представив, что добыча, на которую они так рассчитывали, ускользает из их рук, без приказа пошли на приступ. Преждевременное начало атаки не входило в планы Ивана и его воевод, «и царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов князя Дмитрия Федоровича Овчинина да князя Дмитрия Ивановича Хворостинина, а велел тех людей поберечи. И те головы в остроге ляхов потоптали и в город вбили и, дал бог, людей отвели здорово»⁷⁰⁶.

Осада продолжилась. Полоцк продолжал подвергаться мощному обстрелу русской осадной артиллерией, действия которой красочно описаны в русских летописях. Большие и малые пушки и мортиры стреляли по городу «без опочивания день и нощь. И из наряду во многих местех вкруг города стены пробили, и ворота выбили, и обламки з города позбили, и людей из наряду побили, якоже от многаго пущечного и пищалнаго стреляния земле дрогати и в царевых великомого князя в полкех; бе бо ядра у болших пушек по дватцети пуд, а у иных пушек не многим того полегче. Городная же стена не удръжашеся, но и в другую стену ядра проходяше»⁷⁰⁷. Стрелецкие пищали добавляли к этой грозной симфонии свои звуки, выбивая осмелившихся выйти из укрытий для исправления повреждений защитников города.

11 февраля 1563 г. Иван Грозный отдал князю Серебряному и окольничему М.П. Головину, распоряжавшимся на переднем крае, приказ «идти к городу от Двины» и «туры поставить противу городу из завалья». Речь шла о том, чтобы продвинуть осадные работы через развалины посада к стенам полоцкой цитадели, и эта ответственная и опасная

работа была снова поручена стрельцам и боярским людям. Среди тех, кто отправился выполнять царский приказ, были и Григорий Кафтырев со своими людьми⁷⁰⁸. Осада близилась к концу, и выход русских апрошой непосредственно к стенам цитадели означал, что не за горами, если, конечно, Довойна в очередной раз отклонит предложение о сдаче, штурм. А к чему мог привести приступ в ситуации, когда укрепления Полоцка были разрушены, когда значительная часть его защитников полегла под огнем русской артиллерии, стрельцов, казаков и детей боярских или попала в плен в неудачных вылазках, а оставшиеся были деморализованы не прекращавшимся ни на минуту на протяжении нескольких дней ревом русской артиллерии и осознанием полной безнадежности сопротивления — ни у кого ни в русском, ни в литовском лагере сомнений не было. И когда ночью 14 февраля по приказу царя стрельцы «городовую стену зажгли во многих местах», Довойна и его люди «зnamя городцкое со стены сняли» и выкинули белый флаг, изъявив желание, «чтоб государь милость показал, стреляти бы по городу не велел, а вотчина, государь, Полоцск Божия да ево государева»⁷⁰⁹.

Двухнедельная осада Полоцка закончилась триумфом русского оружия. После того как были оговорены все формальности сдачи Полоцка и перехода его в русские руки, 15 февраля «велел царь и великий князь в город ехати воеводам боярину князю Василию Семеновичу Серебряново (заслуженная награда воеводе, который большую часть осады провел на передовой, руководя осадными работами. — В. П.), а с ним дворянам и детем боярским многим да головам стрелецким всем со всеми стрелцы (и опять же, стрельцы заслужили право первыми войти в поверженный Полоцк, ибо на их плечи легла немалая часть осадных работ и борьбы с неприятелем. — В. П.)...»⁷¹⁰ Среди стрелецких приказов, занявших город, были конечно же и Григорий Кафтырев со своими бойцами.

Участие в «полоцком взятии» стало вершиной служебной карьеры Григория Кафтырева. Вряд ли он остался без царской награды за усердие и ревность, проявленные в ходе осады города. Во всяком случае, в 1566 г. он уже числится «государя своего царевым и великого князя дворянином

первой статьи» (полтора десятка лет тому назад он был, если вспомнить, сыном боярским третьей статьи, одним из многих «тысячников») и участвует в Земском соборе, созванном в Москве в конце июня 1566 г.⁷¹¹

Повод для созыва собора был более чем серьезен. Взятие Полоцка до основания потрясло Великое княжество Литовское, и можно было бы надеяться, что этот удар ускорит завершение очередной фазы длившегося уже не одно десятилетие русско-литовского конфликта (а начало его можно отнести еще ко временам деда Ивана Грозного Ивана III). Однако за взятием Полоцка не последовало продолжения, более того, Иван Грозный согласился на перемирие с Сигизмундом II, великим князем Литовским и польским королем. Набранный было темп был потерян, литовцы сумели оправиться от шока, вызванного падением города, и даже перейти в успешное контрнаступление, одержав несколько болезненных для самолюбия Ивана побед. Переговоры о заключении перемирия зашли в тупик, и царь «месяца июня в 28 день» «говорил со князем Володимером Ондреевичем... и со всем еже освященным собором, и со всеми бояры и с приказными людми, да и со князи и з детми боярскими и с служилыми людми, да и з гостями и с купцы и со всеми торговыми людми» что делать в сложившейся ситуации, как поступить? Согласиться ли на перемирие на условиях литовцев («написати бы Ливонские земли в перемирную грамоту: которые города за царем и великим князем, те за царем и великим князем и написати, а которые немецкие города за королем, те бы за королем и написати»), или же, отвергнув их, готовиться к продолжению войны?⁷¹²

Просовещавшись несколько дней, участники собора единогласно высказались за продолжение войны. Свое слово сказали и «государя своего царевы и великого князя дворяня первая статья» (всего их было на соборе 196 человек, и на 34-м месте в их списке в приговорной грамоте собора был вписан наш герой). Они заявили, что раз Сигизмунд не желает отдать Ивану «Полотцких поветов» «вверх по Двине реке пятнадцать верст, а вниз по Двине реке от Полотца пять верст», раз он не желает «поступиться» «против тех городов, которых городов государь поступается коро-

лю», то «в том государю нашему царю и великому князю королева великая неправда» и потому «нам ся видит, холопем его, что государю нашему пригоже за то за все стояти, а наша должностная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служити ему, государю своему, до своей смерти». Одним словом, как заявили торопецкие помещики, также участвовавшие в работе собора, «мы, холопи его государские, ныне на конех сидим, и мы за его государское дело с коня помрем»⁷¹³.

Увы, взаимные претензии и недоверие, нежелание идти на уступки (причем со стороны литовцев это нежелание было более чем заметно) сорвали попытку замирения, и война продолжилась. И естественно, опыту и навыкам Григория Кафтырева при возобновлении боевых действий нашлось бы должное применение, его карьера продолжилась бы. И кто знает, может, ему наконец удалось бы дослужиться до «именной» службы, удостоившись быть занесенным в «Государев разряд» и тем самым создав более выгодные условия для карьеры своих сыновей (увы, о семье Григория, кроме имен его двух сыновей, мы ничего не знаем). Но, к сожалению, не сложилось, и, возвращаясь к тому, с чего мы начали этот очерк, напомним, что Григорий Кафтырев со своими сыновьями были казнены двумя годами позднее собора, весной 1568 г., по обвинению в участии в «земском» заговоре во главе с боярином И.П. Федоровым-Челядниным⁷¹⁴.

Что же произошло, почему прервалась и жизнь, и карьера нашего героя, до того развивавшаяся пусть и не очень скоро, но неуклонно? Представляется, что ответ надо искать в событиях, что происходили незадолго до собора и сразу после него, в той политической борьбе, что происходила на русском политическом олимпе в это время. Отмотаем ленту истории на несколько лет назад. В январе 1565 г. Иван Грозный предпринял шаг, вызывающий ожесточенные споры и по сей день, — учредил знаменитую опричнину. Ее «устройство» сопровождалось казнями, опалами и «перебором» служилых людей в уездах, отписанных в «опришнину». Действия Ивана Грозного, его попытка перетасовать служилых людей, найти себе новую опору, сопровождаемые обычными для тех (и не только тех) времен неразберихой и злоупотреблениями,

затянувшаяся война, приносившая все меньше и меньше доходов, а все больше расходы, — все это способствовало росту недовольства среди служилых людей. Это недовольство подогревалось, судя по всему, теми боярскими кланами, которые видели в опричной реформе угрозу своему положению при дворе и при власти. Растущая напряженность рано или поздно должна была разрядиться грозой, и ожидание ее буквально висело в воздухе. Примечательно, что летописец занес в летопись мрачное знамение, случившееся как раз на кануне собора 1566 г.: «Месяца июня в 26 день, в среду на трети неделе Петрова поста, на первом часу дни взошла туча темна и стала красна, аки огнена, и опосля опять по темнела, и гром бысть и трескот великой и молния и дождь, и до четвертаго часу»⁷¹⁵. Одним словом, обстановка в столице в начале лета 1566 г. была тревожной, и наконец гром грянул. Вскоре после закрытия собора большая делегация земских аристократов и служилых людей (по словам немца А. Шлихтинга, более трехсот) обратилась к царю, по словам летописца, «биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоит сему быти»⁷¹⁶. Разгневанный царь приказал арестовать челобитчиков, некоторых из них казнили, других подвергли битью батогами, большая часть, отсидев под караулом пять дней, была отпущена на свободу (видимо, это было связано с демаршем новоизбранного митрополита Филиппа Колычева, который фактически поддержал челобитчиков)⁷¹⁷. И тут на ум приходит мысль — а не участвовал ли наш герой в этом событии, не был ли он одним из челобитчиков? Складывается впечатление, что да, был. Кстати, здесь возникает еще и вопрос о том, не был ли Григорий Кафтырев каким-то образом связан с Адашевыми, по происхождению мелкими костромскими вотчинниками, и с теми костромскими служилыми людьми, что оказались в казанской ссылке после учреждения опричнины⁷¹⁸. И если эти предположения верны, то участию Григория в коллективной челобитной удивляться не стоит, равно как не стоит удивляться и тому, что после этого он вышел из доверия Ивана Грозного.

Похоже, что положение Григория Кафтырева стало еще более сложным после того, как Костромской уезд в конце

1566 — начале 1567 г. перешел в опричнину. «Перебор служилых людей в нем не мог не затронуть его родственника и знакомых, и представляется вполне вероятным, что участия нашего героя в подаче той злополучной чelобитной сказались на их судьбе не самым лучшим образом. Во всяком случае, среди известных опричников Кафтыревых нет. Выйдя же из доверия царя, попав под подозрение, Григорий Кафтырев мог больше не рассчитывать на дальнейшее продвижение вверх. У него оставалось два выхода — или отсидеться, оставаясь незаметным, переждать царскую грозу, или попытаться, поставив все на кон, изменить свою судьбу к лучшему, поставив на другую лошадь. Видимо, Григорий, человек, судя по всему, решительный и не испытывавший недостатка в смелости, решил рискнуть, и раз царь не мог теперь дать ему то, к чему он стремился, попытать счастья на другой стороне.

Итак, снова вернемся к началу нашего рассказа — говоря о смерти Григория, мы отметили, что его казнь стоит связывать с расследованием дела о земском заговоре. Мнения историков о нем, не говоря уже о любителях истории, расходятся радикально — от полного непризнания существования такого заговора до, напротив, столь же безусловного согласия с предположением, что такой заговор, разветвленный и втянувший в свою сеть множество людей, был на самом деле⁷¹⁹. Сегодня, учитывая состояние источников, рассказывающих об этой странице русской истории, сложно сказать однозначно «да» или «нет» наличию заговора. Однако, взвесив все имеющиеся сведения, мы склонны полагать, что все же если не заговор, то, во всяком случае, какие-то определенные действия по его организации группой недовольных политикой Ивана Грозного бояр предпринимались, и наш герой, видимо, оказался втянут в эту деятельность. Закончилось для него это печально, но обо всем по порядку.

Итак, как развивались события. Убедившись в том, что все попытки мирным путем урегулировать затянувшийся русско-литовский конфликт не имеют успеха, Иван Грозный решил повторить опыт полоцкого похода и нанести Литве удар, подобный тому, что имел место пятью годами раньше: «Лета 7076-го сентября в 3 день приговорил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии поход свой и

сына своего царевича князя Ивана Ивановича против своею недруга литовского короля»⁷²⁰. Спустя две с половиной недели, 20 сентября 1567 г., Иван Грозный покинул Москву и отправился к Троице-Сергиеву монастырю, откуда 23 сентября убыл в Новгород. Тем временем на северо-западной границе постепенно начала собираться немалая рать — к назначенным для сбора полков городам рысила поместная конница и татары, неспешно шли и ехали на казенных конях и подводах стрельцы и казаки, посошные люди тянули артиллерию и обозы⁷²¹. Примечательно, что в это же время Сигизмунд II сам собирал огромное (по литовским меркам) войско под Молодечно. В сентябре в королевском лагере насчитывалось около тридцати или несколько меньше конных и пеших воинов и до 100 артиллерийских орудий — как писал белорусский историк А.М. Янушкевич, «это был наибольший сбор посполитого рушения не только за время Инфлянтской войны, но и, вероятно, за все XVI ст.»⁷²². Оперативность Сигизмунда, заблаговременно сумевшего собрать немалое войско, вызывает не меньшее удивление — до этого русские всегда опережали литовцев с развертыванием своих ратей перед началом кампании. А если учесть сведения о попытках Сигизмунда и жмудского старосты Я. Ходкевича настроить некоторых русских бояр против царя и организовать комплот с целью его свержения, а также тайные переговоры Ивана с английским послом А. Дженкинсоном о предоставлении ему убежища в Англии⁷²³, эта оперативность выглядит еще более подозрительной.

24 октября Иван со своим двором и опричными полками прибыл в Великий Новгород, откуда спустя неделю «пошел для своего дела и земского к недругу своего к литовского короля и к немецким городам к Луже (Лудзен. — В. П.) и к Резице (Розиттен. — В. П.), а лутцким воеводам (сбор главных сил рати был назначен в Великих Луках. — В. П.) князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и всем воеводам изо всех мест велел сходиться к себе на Ршанской ям»⁷²⁴. Здесь, на Ршанском яме, 12 ноября состоялось совещание Ивана со своими воеводами, на котором было принято решение отказаться от продолжения похода. Официальной причиной прекращения похода стали проблемы со снабжением, кон-

центрация литовских войск в приграничных районах и безнадежное, по мнению собравшихся, отставание наряда (который, кстати, добрался к тому времени до Порхова), что нашло отражение, например, в дипломатической документации⁷²⁵. Между тем упоминавшиеся выше Шлихтинг и Штаден сообщали, что отказ Ивана от продолжения наступления и его поспешное возвращение в столицу были вызваны сведениями о боярском заговоре, имевшем своей целью предать его власти литовского великого князя и польского короля, а новым царем сделать старицкого князя Владимира Андреевича⁷²⁶. Позднейший «Пискаревский летописец» рисует картину несколько иначе. По его словам, некие «лихия люди ненавистники добру сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя по грехом словесы своими погибоша. Стали уклоняться [к] князю Володимеру Андреевичю», то есть, по меньшей мере, какие-то разговоры о желательности передачи власти старицкому князю велись среди земских⁷²⁷.

Одним словом, нет дыма без огня, и, получив известие о заговоре, Иван Грозный пришел к выводу, что заговор есть; и распорядился начать следствие. По мере разматывания клубка интриг начались аресты и казни. Непосредственно после возвращения Ивана в Москву был казнен дьяк Казарин Дубровский с сыновьями и теми, кто пришел им на помощь. Дьяк был обвинен в том, что своими злоупотреблениями и взяточеством сорвал своевременную доставку наряда на фронт и тем самым вынудил Ивана отказаться от его плана нанести мощный удар по Сигизмунду. Весной следующего, 1568 г. дошло и до конюшего боярина И.П. Федорова-Челяднина. Один из знатнейших и богатейших бояр, конюший пользовался большим авторитетом и влиянием в земщине, но имел подмоченную участием в интригах начала царствования Ивана репутацию. К тому же Федоров, похоже, не был в восторге от войны с Литвой, да и Сигизмунд пытался привлечь его на свою сторону. Одним словом, определенные подозрения у царя относительно лояльности боярина были, и, когда в ходе следствия выяснилось, что именно Федоров был главой заговорщиков, судьба его была решена. Боярин был казнен, а вместе с ним было казнено множество его «людей» — видимо, послужильцев и слуг.

Среди прочих казненных по делу Федорова оказался и наш герой со своими сыновьями. Неясно, как, каким образом оказался Григорий связан с боярином. Стрелецкий голова большую часть своей службы провел в боях и походах, не при дворе, и вряд ли мог контактировать с Федоровым настолько близко и тесно, чтобы между ними установились достаточно тесные, если так можно выразиться, «патрон-клиентские» связи. Правда, есть одно обстоятельство, позволяющее предположить, где и как Федоров и Кафтырев могли найти друг друга и где Григорий, обиженный царем, мог стать «человеком» боярина. Федоров «годовал» воеводою в Полоцке в 7074—7075 гг. (то есть 1565/66—1566/67 гг.)⁷²⁸. И если Григорий со своими людьми остался в Полоцке после его взятия на гарнизонной службе, то нет ничего невозможного в том, что между ним и воеводой вполне могли установиться определенные отношения. А если еще добавить к этому, что Григорий мог быть недоволен переменой места службы (еще бы, одно дело — служить в Москве, при государевом дворе, а другое — в Полоцке, на «горячей» границе) да еще и получить взыскание после того, как он и его люди поучаствовали в неудачной для русских Ульской битве зимой 1564 г. (проигранной во многом благодаря своего рода «головокружению от успехов», разившему русских воевод и начальных людей после «половецкого взятия»). А в этом сражении Григорий непременно поучаствовал бы, поскольку рать князя П.И. Шуйского была укомплектована полоцкими «годовалщиками» — детьми боярскими, стрельцами и казаками). Одним словом, в этом случае мозаика складывается и все становится на свои места. И боярин, и стрелецкий голова могли воспринимать свою службу в Полоцке как своего рода опалу и иметь все основания желать изменить свою судьбу к лучшему.

Однако за неимением документов все это остается лишь гипотезой, предположением, основанным на более чем косвенных свидетельствах и доказательствах. Как обстояли дела на самом деле, почему Григорий Кафтырев оказался замешан в деле боярина Федорова, почему его как будто безупречная до того карьера оборвалась так трагически — об этом мы не знаем и вряд ли узнаем.

Эпилог

Итак, наше повествование о «центурионах» «легионов» Третьего Рима подошло к концу. Безусловно, это исследование не претендует на окончательность выводов — проблема, поднятая в начале работы, только-только начала разрабатываться, и впереди нас ожидает, вне всякого сомнения, еще много «открытий чудных». Необходимость же дальнейших исследований в этой сфере представляется нам очевидной, и не только потому, что жизнь рядового человека в Русском государстве той эпохи нам известна еще очень и очень слабо и эта «история повседневности» очень сильно мифологизирована. Для нас, с учетом растущего интереса к истории военного дела Московии, важнее другое — какую роль играли люди, подобные С. Сидорову, М. Ржевскому, И. Черемисинову, Т. Тетерину и Г. Кафтыреву, в русской военной иерархии той эпохи, каков их вклад в победы и поражения русских ратей? И, размышляя над этими проблемами, приходишь к выводу, что предлагаемые ответы на эти вопросы не вполне соответствуют реалиям того времени. Почему? Попробуем кратко сформулировать основные тезисы нашего видения проблемы.

Прежде всего несколько слов о государевых «больших» воеводах, «генералах», тех самых, что служили государю «не в товарищах», но «под своим набатом». Безусловно, их роль как «головы» войска значительна, с этим никто не спорит, но какова была эта роль, в каких сферах она была большей,

в каких — меньшей? Нам представляется на данный момент, что значительная часть «больших» воевод Ивана Грозного в большей степени являлись администраторами, именно полководцами, чем военачальниками. Как аналогия, иллюстрирующая этот тезис, — деятельность генерала Куропаткина на посту командующего русскими войсками в Маньчжурии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., или адмирала Рожественского, «героя» Цусимы. Оба они, обладая несомненными военно-административными талантами, оказались неудачливыми военачальниками. Есть и другой наглядный пример, более близкий по времени к рассматриваемому нами периоду, — командующий испанской Великой Армадой 1588 г. герцог Медина-Сидония.

Причина этого, на наш взгляд, заключалась прежде всего в особенностях русской тактики и стратегии той эпохи, «заточенных» под «малую» войну на пограничье и опустошительные рейды в глубь неприятельской территории («война кормит войну»). Второй момент — характер подготовки высшего командного состава ратей Ивана Грозного. При отсутствии разработанной, отраженной в многочисленных военных трактатах военной теории, содержащей в себе опыт ведения войны на разных «фронтах», военная премудрость постигалась «генералами» на практике. Этот же практический опыт носил довольно однообразный и однобокий характер. «Большие воеводы» хорошо (но не без помощи дьяков и подьячих из Разрядного приказа) разбирались в «устройении» полков, организации маршей, разведки и поддержании дисциплины в полках (благо существовал, судя по всему, к этому времени и определенный опыт составления инструкций-наказов на этот счет⁷²⁹), вопросах логистики (опять-таки не без помощи и активного участия разряда) и прочих административных вопросах⁷³⁰. Однако опыта ведения непосредственно боевых действий, в особенности вождения полков на «прямое дело», многим из них явно не хватало. Этим и объясняются досадные поражения в ситуациях, когда их можно было бы избежать.

И тут самое время обратиться к анализу некоторых полевых сражений времен Ивана Грозного. Процитируем весьма ценное (на наш взгляд) наблюдение О.А. Курбатова от-

носительно тактики, которой придерживались московские воеводы. «Важной особенностью русской стратегии того времени было избежание столкновений с крупными силами неприятеля... Видимая «нерешительность» московских воевод, — писал историк, — которые прятали своих ратников в максимально укрепленных «обозах» и лагерях и оттуда производили разнообразные диверсии — это альтернатива стратегии «генеральной битвы», соответствующая духу античных и византийских военных мыслителей»⁷³¹ И если мы возьмем для примера четыре полевых сражения — под Москвой в мае 1571 г., при Молодях в июле—августе следующего года, под Венденом в октябре 1578 г. и под Москвой в июле 1591 г., — во всех четырех налицо именно такого рода оборонительная тактика «осажденной крепости», нацеленная на то, чтобы измотать противника вылазками из «крепости» и вынудить его к отступлению (и если получится, нанести контрудар и потом добить в ходе преследования).

Еще один момент, вытекающий из анализа картины этих сражений. Г. Штаден, немецкий авантюрист, рассказывая о Молодинской битве, отмечал, говоря о русских, что «один воевода за другим должен был неизменно биться (в оригинальном тексте был использован говорящий сам за себя термин «Schermützeln», то есть небольшая стычка. — В. П.) с войском царя (то есть крымского хана. — В. П.)...»⁷³². После сопоставления его свидетельства с русскими источниками, повествующими об этом сражении, не остается сомнений в том, что речь идет о «травле»⁷³³, схваток небольших конных отрядов с той и другой сторон («послали из обозу изо всех полков голов с сотнями со многими людьми и голов и ротмистров с литовскими и с немецкими людьми»⁷³⁴). И длиться такая травля могла целый день, с утра до вечера, подпитываемая свежими силами из укрепленного лагеря.

Очевидно, что при такой тактике роль «больших» воевод сводилась к искусству правильно обустроить укрепленный лагерь (заранее выбрав для него удобную позицию) и затем, по мере развертывания боя, поддерживать его пламя свежими силами, не давая противнику обрести перевес над

травящимися» конными сотнями и ротами, то есть держать уку на пульсе битвы. И трудно не согласиться в этом слу-
ае с мнением И.Б. Бабулина о значении «головы», управ-
яющей действиями «рук» и «ног»⁷³⁵ В самом деле, при
равнении двух сражений, в мае 1571 г. под Москвой и
в том 1572 г. при Молодях, ответ на вопрос — как полу-
чились, что при всех прочих равных условиях — и люди с
безих сторон одни и те же, и тактика не изменилась, а ре-
зультаты совершенно противоположны, — очевиден. Все
пирается в личность «генерала».

Однако, соглашаясь с высказанной коллегой точкой зре-
ния, отметим, что, во-первых, помимо наличия определенных
адатков именно военачальника (которые, судя по всему, у
Воротынского были, а вот у Бельского, видимо, или отсут-
ствовали, или же оказались явно недостаточными для реше-
ния столь сложной задачи), нужно было иметь еще и богатый
практический опыт. Обладание им позволяло тому же Во-
ротынскому лучше, чем Бельскому (у которого его не было —
то нетрудно заметить, сопоставив послужные списки обоих
генералов»), контролировать ход сражения. Но в таком
лучае встает вопрос (который уже звучал в прологе): а кто
ал возможность Воротынскому научиться военному делу на-
стоящим образом? Кто подстраховывал его в начале его во-
нной карьеры? И на этот вопрос удовлетворительного от-
ета в военно-исторической литературе нет.

Более того, это еще не все. Летом 1591 г. на подступах к
Москве произошло еще одно большое сражение, изучение
оторого, собственно говоря, и натолкнуло нас на идею
зяться основательнее за «центурионов» и их биографии.
Анализ послужных списков «больших» воевод, командовав-
ших русскими полками в этом «деле», позволяет утверждать,
то ни князь Ф.И. Мстиславский, ни его «товарищ» Б.Ф. Го-
унов, ни «лейтенант» Мстиславского князь Ф.А. Ноготков-
Боленский, ни первые воеводы полков правой руки, пе-
дового и сторожевого князья Н.Р и Т.Р. Трубецкие и
Б.К. Черкасский — никто из них не обладал полным «каре-
узов», характеризующим настоящего военачальника (лидер-
ские качества, харизма; нестандартное стратегическое и так-
ническое мышление, основанные на большом практическом

опыте; способность и готовность выслушивать мнение подчиненных и волевой, агрессивный характер). Но тогда встает вполне закономерный вопрос: кто же тогда был главным «виновником» этой победы? И напрашивается ответ: а ими были как раз те самые «центурионы», «руки» и «ноги», которые смешали все планы крымского хана и предопределили его решение начать ночью поспешное отступление (кстати, в описании Молодинского сражения два военачальника упоминаются наравне — «большой» воевода, «генерал» М.И. Воротынский и второй воевода передового полка, «лейтенант» Д.И. Хворостинин).

Отметим и еще одно очень важное, на наш взгляд, обстоятельство. Как бы то ни было, но большие сражения, «прямые дела», в которых участвовали тысячи конных и пеших воинов, десятки стволов артиллерии и где «генералы» в полной мере могли показать себя именно как военачальники, были редкостью в те времена. Да и не могло их быть много, если, как верно отмечал О.А. Курбатов, московские воеводы уклонялись от полномасштабных «прямых дел». Исход войн в эпоху Ивана Грозного решался главным образом в осадах (где велика была роль технических специалистов и пехоты, а «большие» воеводы в пехоте не служили) и в характерных для «малой» войны набеговых операциях и стычках небольших отрядов (а здесь все решала инициативность, сметка, тактический глазомер тех, кто водил в бой «лехкие» рати и сотни, и это были как раз не «генералы», а «младшие» воеводы и головы, те самые, у кого не было «своего набата» и которые всю жизнь ходили в лучшем случае «в товарищах»). Так кто же тогда «матери истории более ценен?», перефразируя слова поэта, спросим мы.

Одним словом, есть целый ряд причин, по которым стоит обратить особое внимание на изучение роли и значения «центурионов» в развитии военного дела и военного искусства Русского государства во второй половине XVI в., не ограничиваясь изучением биографий одних лишь «больших воевод». Качество руководства действиями войск в ходе кампаний и походов определяется характером подготовки командного состава на всех уровнях. Начальные люди цар-

ских полков времен Ивана Грозного обучались военному делу на практике, постигая его премудрости не из книг, а в походах и боях. Личный опыт, полученный в ходе кампаний на разных фронтах против разных неприятелей, определял многое, если не все. При этом крупных сражений было мало, отсюда и явный недостаток у московских «генералов» опыта маневрирования и управления большими массами войск на поле боя, чего не скажешь о «малой» войне, в которой главную роль играли «младшие» воеводы и головы. Как следствие, «генералы» Ивана Грозного, не имея возможности набрать в силу объективных причин необходимый им опыт вождения в бой многотысячных ратей, получали в большей степени опыт военно-административный («устроение» полков, организация маршей, снабжения, поддержания дисциплины и т. д. и т. п.). И поскольку «малая» война превалировала над войной «большой», роль «центурионов» в войнах Ивана Грозного смотрится более значимой, нежели «генералов» (хотя, безусловно, мы ни в коем случае не считаем, что они были пассивными наблюдателями за тем, что происходит вокруг). Отсюда следует и вывод — изучению биографий и послужных списков «центурионов» стоит уделить большее, чем ранее, внимание. Здесь находится ответ на многие вопросы, возникающие в процессе изучения особенностей развития русского военного дела в эпоху Ивана IV, да и не только в это время.

Примечания

¹ Аннинский С.А. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. 3. М., 1940. С. 388.

² Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлися с ними у Воскресенья в Молодех». Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571—1578 гг. // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 250.

³ Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Москве (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 80.

⁴ Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней империи. М., 2001. С. 50.

⁵ Хэлдон Дж. История византийских войн. М., 2007. С. 343.

⁶ О центурионах см., например: Махлаюк А.В., Негин А.Е. Римские легионы в бою. М., 2012. С. 169—180.

⁷ Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911. С. 74.

⁸ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954.

⁹ Епифанов П.П. Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 292—380.

¹⁰ Волков А.В. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

¹¹ Из последних работ см., например: Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб., 2003; Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры зем-

левладения // Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. I. М., 1998.

¹² См., например: *Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.* М., 1988; *Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв.* М., 1995; *Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв.* М., 2009, и ряд др.

¹³ О служилых людях по отечеству XVII в., см., например: *Козяков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века от Смуты до Соборного уложения*). Ярославль, 2000; *Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке.* М., 2010. Аналогичных работ по детям боярским XVI в., увы, пока нет.

¹⁴ См., например: *Абрамович Г.В. Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации.* М., 1982. С. 186—192; *Гневашев Д.Е. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время)*: Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 672—683; *Малов А. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной (на материале Великих Лук) // Цейхгауз.* 2002. № 2 (18). С. 12—15 и др.

¹⁵ См., например: *Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного.* М., 2009; *Он же. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV.* СПб., 2011; *Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформы царского войска // Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени.* Вып. 1. М., 2009. С. 196—226; *Он же. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология.* Вып. 2. М., 2011. С. 58—91.

¹⁶ Подробная характеристика источников не входила в задачу, которую мы ставили перед собой, приступая к работе над этим исследованием. Отметим лишь, что, как указывал С.О. Шмидт, «основной массив источников (об эпохе Ивана Грозного. — В. П.) выявлен в хранилищах и надеяться на значительное число находок ранее неизвестных документов не приходится» (*Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного.* М., 1999. С. 237). Немалая часть этих материалов опубликована и находится сегодня в свободном доступе. Кажем на самые важные из них, без которых эта работа не состоялась бы, — прежде всего это разрядные книги, официальные *Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции* (по 1565 г.) (далее ДРК). М., 1901; *Разрядная книга 1475—598 гг.* М., 1966) и частные (*Разрядная книга* (далее РК) 1550—

1636. Т. I. М., 1975, Т. II. Вып. I. М., 1976; *Разрядная книга 1559—1605*. М., 1974; *Разрядная книга 1475—1605*. Т. I—IV М., 1977—1994), летописи (например: Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000 и др.), актовые материалы (последняя крупная публикация: Акты служилых землевладельцев. Т. I—IV М., 1997—2008), сохранившиеся фрагменты текущей воеводской и разрядной документации (например: *Документы Ливонской войны* (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 // *Памятники истории Восточной Европы*. Т. III. Москва—Варшава, 1998) и ряд других материалов (в частности, синодики по «убиенным во брани»: *Государственные поминальные записи конца XIV — конца XVII века* // *Памятники истории русского служилого сословия*. М., 2011. С. 171—224).

¹⁷ На сегодняшний день последним словом в изучении разрядных книг является исследование Ю.В. Анхимюка «Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков» (М., 2005). Его точку зрения поддержал К.В. Петров (*Петров К.В. Разрядные книги древней традиции. К изданию исследования Ю.В. Анхимюка // Очерки феодальной России. Вып. 11. СПб., 2007. С. 470—473, 481*).

¹⁸ *Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги...* С. 82.

¹⁹ *Разрядная книга 1550—1636*. Т. II. Вып. I. М., 1976. С. 58.

²⁰ Достаточно указать на 4-томное издание «Акты служилых землевладельцев. М., 1997—2008.

²¹ См., например: *Бархатная книга. Ч. I—II*. М., 1787

²² *Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. М., 1969. С. 252.

²³ В этом плане интересны его перемещения в воеводской иерархии в зимнем 1562/63 г. походе русских войск в Литву — до схода воевод он был первым воеводой Сторожевого полка, после схода — первым Левой руки (См., например: *Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.)*. М., 1901. С. 242—243). Между тем, по мнению А.Л. Корзинина, первый воевода Сторожевого полка занимал в гипотетической воеводской иерархии 4-ю позицию, а первый воевода Левой руки — 6-ю (*Корзинин А.Л. Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв.* М., 2010. С. 160).

²⁴ *Фоскарини М. Рассуждение о Московии // Иностраницы о Древней Москве. Москва XV—XVII веков*. М., 1991. С. 56.

²⁵ Кучма В.В. «Тактика Льва» как исторический источник // Лев VI Мудрый. Тактика Льва. СПб., 2012. С. 9.

²⁶ Применительно к Англии конца XVI — первой половины XVII в., с которой, кстати, со времен Ивана Грозного у России складываются тесные взаимоотношения, о военной литературе и ее месте в подготовке военных кадров см., например: *Lawrence David R. The Complete Soldier. Military Books and Military Culture in Early Stuart England, 1603—1645*. Leiden, Boston, 2009. Поэтому мы не согласны с тезисом О.А. Курбатова, допускавшим, что византийское военно-теоретическое наследие было хорошо знакомо на Руси (Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идеальные источники и цели реформы царского войска. С. 226). За исключением смутного свидетельства неизвестного венецианца, прямых указаний на то, что во времена Ивана Грозного изучались византийские военные трактаты, нет, равно как нет и сохранившихся рукописей, целых или отрывков, в которых содержались бы фрагменты византийских «стратегиконов» в переводе на русский язык — а иначе как бы они изучались русскими военачальниками (во всяком случае, нам они неизвестны). Можно лишь допустить, что единичное знакомство могло иметь место, но не более, и широкого распространения они не получили (а иначе бы следы его, и не косвенные, а прямые, непременно сохранились бы).

²⁷ Горсей Дж. Записи о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 50.

²⁸ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 169—174.

²⁹ Если не считать составленного в недрах Разрядного приказа наставления для королевича Владислава, призванного ознакомить его с московскими порядками, в том числе и в военной области, относящегося к самому концу «классического» периода и который можно счесть неким прообразом наставления. См.: *Записка о царском дворе, церковном чинонаачалии, придворных, чинах, приказах, войске, городах и пр.* // *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию*. Т. II. 1598—1613. СПб., 1841. С. 425—426.

³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 415.

³¹ До этого Д.Ф. Бельский в 1519 г. ездил «сажати на царство» хана Шах-Али в Казань (Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. С. 267).

³² См.: РК 1475—1598. С. 222—224; РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 328; РК 1475—1598. С. 150.

³³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 287; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 73.

³⁴ Курбский А.М. История Иоанна Грозного // Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 86, 87

³⁵ Карьера князя хорошо видна из разрядных книг (см., например: ДРК. С. 117, 120—121, 127, 136, 141, 146, 150, 152, 154, 156, 158, 162, 166, 175, 180, 183—184, 186, 194, 195, 197, 207, 209, 210, 214, 221, 229, 265—266; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 203, 211; Ч. II. С. 233—235, 239, 244, 248—249, 255, 260, 261, 263, 269, 277, 280—282). Интересные сведения о служебной и военной карьере князя содержатся в местнических делах (см., например: *Местничество. Дела, собранные действительным членом П.И. Ивановым // Русский исторический сборник. Т. II. М., 1838. С. 9, 11, 19, 20, 41, 51, 52, 77, 182, 273, 287, 307, 364, 376*).

³⁶ Об этом говорит «поручная» запись на 15 тыс. руб. в том, что М.И. Воротынский «не отъедет» «в Литву и в Крым, и в юные ни в которые государства», данная в апреле 1566 г. (*Антонов А.В. Поручные записи 1527—1571 годов... С. 58—64*).

³⁷ *Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 1.*

³⁸ Герберштейн С. *Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 401—403.*

³⁹ Курбатов О.А. *Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы»... С. 61.*

⁴⁰ Курбатов О.А. *Реорганизация русской конницы в середине XVI в. С. 211—217.*

⁴¹ Пенской В.В. «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 10. С. 77

⁴² Махлаюк А.В., Негин А.Е. Римские легионы в бою. С. 180.

⁴³ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 145. Запись в синодике опальных Ивана Грозного подтверждает слова Курбского (см.: *Памятники истории русского служилого сословия. С. 215.* Вскоре после Григория был казнен и его брат Дмитрий. См. там же. С. 216).

⁴⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 145.

⁴⁵ См., например: Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М.—Л., 1940. С. 337—338; Рыков Ю.Д. Дети боярские, «побитые» в сражении на Судьбищах в июне 1555 г. по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 643—644.

⁴⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 55.

⁴⁷ Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги... С. 73—77, 83—84.

⁴⁸ Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007. С. 14.

⁴⁹ Редкие источники по истории России. Вып. II. М., 1977. С. 182; Родословная книга по списку князя М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. С. 132.

⁵⁰ См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 280. Грамота Олега, засвидетельствованная Семеном Федоровичем: Акты социально-экономической истории (далее АСЭИ) Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964. С. 350.

⁵¹ Рыков Ю.Д. Дети боярские... С. 643.

⁵² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 19.

⁵³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 267

⁵⁴ Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М., 1997. С. 95.

⁵⁵ АСЭИ. Т. III. С. 378. Не связан ли этот переезд с заключенным примерно в это же время вассальным договором между Витовтом и рязанским князем Иваном Федоровичем? (См.: Духовные и договорные грамоты (далее ДДГ) великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950. С. 67—68.)

⁵⁶ ДДГ С. 30, 55, 86, 286.

⁵⁷ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. С. 270.

⁵⁸ См., например: ДДГ С. 284.

⁵⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее СБРИО). Т. 41. СПб., 1884. С. 413.

⁶⁰ Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 117

⁶¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 210. В Эрмитажном списке и списке М.А. Оболенского разрядной книги 1475—1605 гг., кстати, Сидоров поименован Григорием, а не Горяином (РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 31). А Григорий Сидоров — отец нашего героя, к тому же живший именно в это время. И если в этих двух списках имя Сидорова указано правильно, то мы отнюдь не исключаем возможности того, что в этом походе участвовал и Степан, старший сын Григория.

⁶² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 236.

⁶³ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 30.

⁶⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 332.

⁶⁵ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею*. Т. I. С. 116.

⁶⁶ Там же. С. 361.

⁶⁷ Там же. С. 364.

⁶⁸ РК 1475—1598. С. 32.

⁶⁹ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турциею*. Т. I. С. 366, 368.

⁷⁰ Другой вариант ее действий см. ниже.

⁷¹ *Акты*, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. I. 1340—1506. СПб., 1846. С. 71.

⁷² *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским*. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 19—21.

⁷³ См., например: РК 1475—1598. М., 1966. С. 22.

⁷⁴ РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 33.

⁷⁵ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским*. Т. I. С. 107

⁷⁶ *Летописный свод 1497 г.* // ПСРЛ. Т. 28. М.—Л., 1983. С. 157; РК 1475—1598. С. 22.

⁷⁷ Свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 563.

⁷⁹ Отметим, что, на наш взгляд, участие Степана Сидорова сперва в выходе в Поле на помощь Менгли-Гирею в июле—августе 1501 г., а затем его появление под стенами Мстиславля в ноябре того же года — звенья одной цепи. По литовским свидетельствам, Шейх-Ахмед, воспользовавшись уходом Менгли-Гирея на юг, в Крым, двинулся на запад, вторгся на Северщину и «стал под Новыем-городом Северским, и под иными города, земли же вси, мал не до самого Бранска наполнил бесчисленным воинством» (ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 563). И Иван III, по нашему мнению, перенаправил рязанскую рать на помощь своему вассалу, новгород-северскому князю Василию Шемяичу.

⁸⁰ РК 1475—1598. С. 34.

⁸¹ РК 1475—1598. С. 34—35; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 79.

⁸² Название условное, поскольку сам термин «сотенные голо́вы» входит в употребление с середины 50-х гг. XVI в. Вместе с тем, если в первой четверти XVI в. в русском войске существовали де-

сятники, то логичным было бы предположить и наличие сотников (о десятниках см.: Зимин А.А. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 149).

⁸³ Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851. С. 269.

⁸⁴ ДДГ. С. 357—358.

⁸⁵ Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 115.

⁸⁶ О гибели Большой Орды и печальной судьбе Шейх-Ахмета см.: Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 99—113.

⁸⁷ См., например: Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 246—247; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 215—216.

⁸⁸ Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 117—118.

⁸⁹ Lietuvių Metrika (далее LM). Кн. 7 (1506—1539). Vilnius, 2011. Р. 90—91.

⁹⁰ См., например: Розыск о побеге из Москвы князя рязанского. 1521 // Сборник князя Оболенского. Вып. 1. № 2. М., 1838. С. 3—10.

⁹¹ См.: Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 119.

⁹² ПСРЛ. Т. VIII. С. 252; РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 117

⁹³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 252.

⁹⁴ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 395.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 395; ПСРЛ. Т. XXIV С. 217 Ср., например: Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М. 1981. С. 234.

⁹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 307

⁹⁷ См.: АСЭИ. Т. III. С. 395—396; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508—1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 527 См. также: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 208—209; Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 118.

⁹⁸ См., например: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 305, 307; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 194—195, 208—209; Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 118—120; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турциею. Т. II. С. 527, 640; Сыроечковский В.Е. Указ. соч. С. 54—55. Шейх-Аулияр, по словам В.В. Вельяминова-Зернова, был племянником хана Большой Орды Ахмеда и двоюродным братом его преемников, ханов Сеид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда, и, следовательно, наследственным врагом

крымских Гиреев (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 250).

⁹⁹ Так, в 1509 г. был заложен деревянный кремль в Туле, а спустя 5 лет было начато строительство еще более мощного каменного кремля, завершенное в 1520 г. (см. например: ПСРЛ. Т. VIII. С. 250; ПСРЛ. Т. XIII. С. 36). Продолжается расстановка полков на «берегу». При этом, судя по всему, центр тяжести обороны постепенно смещается к востоку. Если в 1513 г. (именно в этом году в разрядных книгах впервые был упомянут «берег». См.: РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 158—159) полки были расставлены на Угре, то есть могли быть задействованы одновременно и против Литвы, и против татар, то в последующие годы они выстраиваются на «берегу» не только Угры, но и Оки севернее Тулы, в районе Серпухова и Каширы (РК 1475—1605. Т. I. Ч. I. С. 162—163, 166, 167—168, 171—174; РК 1475—1598. С. 61—62, 64—65).

¹⁰⁰ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. С. 343.

¹⁰¹ См., например: ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 408—409.

¹⁰² ПСРЛ. Т. VIII. С. 268.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 268. См. также: *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. С. 634—635.

¹⁰⁴ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. С. 635.

¹⁰⁵ См.: *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским*. Т. I. С. 547—548; ПСРЛ. Т. VIII. С. 268; Т. XIII. С. 33—34; *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 67—66.

¹⁰⁶ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. С. 527, 640.

¹⁰⁷ *Владимирский летописец* // ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 145; *Летописные записи Марка Левкенинского / Зимин А.А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М.—Л. 1950. С. 11; *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга (далее ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 69.

¹⁰⁸ См., к примеру: *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. С. 497

¹⁰⁹ LM. Кн. 7 (1506—1539). Р. 383—384.

¹¹⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 307; *Устюжская летопись* // ПСРЛ. Т. 37 Л., 1982. С. 102.

¹¹¹ *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 168, 286;

годско-Пермская летопись // ПСРЛ. М., 2006. Т. XXVI. 1; ПСРЛ. Т. XXX. С. 145; ПСРЛ. Т. 34. С. 14.

Кусов В.С. Земли большой Москвы. Картографические про-еяния XVII—XVIII столетий. М., 2008. С. 123, 127; ПСРЛ. IV. С. 221; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 311; ПСРЛ. Т. 34. С. 14.

ПСРЛ. Т. XXVI. С. 311. Село Воробьево находилось всего в 7 км от Кремля, на Воробьевых горах, в районе нынешне-^{У.} См.: *Кусов В.С. Земли большой Москвы.* С. 124, 126.

Розыск о побеге из Москвы князя рязанского... С. 9.

Осенью 1505 г. И.В. Хабар, будучи воеводой в Нижнем Нов-е, отразил нападение на город казанцев и ногаев (*История о ском царстве* // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 24—25).

Розыск о побеге из Москвы князя рязанского. С. 6.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 307

Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые XVI в. Отд. I. Местности губерний Московской, Владимир-¹ Костромской. СПб., 1872. С. 412, 422, 430, 447

ПСРЛ. Т. XIII. С. 269.

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов (далее ТКДТ). М.—Л., 1950. С. 159. Против имени Степа-^{ть} пометка подьячего — «Степан умре».

ТКДТ. С. 72. Любопытно написание имен Степановых детей же тысячников. Григорий поименован Гришой, а Дмитрий —^{кой.} Надо ли полагать, что, во-первых, Григорий был стар-^а Дмитрий младшим и что оба сына Степана в 1550 г. были ьно молоды?

Летописные записи Марка Левкенинского. С. 12.

Анхимюк Ю.В. Росписи казанского зимнего похода в раз-^й книге ОР РНБ Q.IV.53 // Государство и общество в России начала XX века. СПб., 2007. С. 184; *Баранов К.В. Записная Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий.* 10. М., 2004. С. 120; *Буганов В.И. Документы о сражении Йолодях // Исторический архив.* № 4, 1959. С. 175.

ПСРЛ. Т. XXVI. С. 316.

Список «корма и иных намесничих пошлин» см., например: служилых землевладельцев. XV — начала XVII веков (далее Т. IV М., 2008. С. 129—130).

См., например: РК 1475—1598. С. 91.

АСЗ. Т. I. М., 1997. С. 154.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 109.

Там же.

РК 1475—1598. С. 105.

Там же. С. 116.

¹³² Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 156.

¹³³ РК 1475—1598. С. 123; РК 1475—1695. Т. I. Ч. II. М. 1977 С. 375.

¹³⁴ РК 1475—1598. С. 124.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 158. Разрядные записи дополняют это известие, сообщая, что всего на государеву украину пришло 8 мурз с 8 тыс. всадников (РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 396).

¹³⁶ РК 1475—1605. Т. I. Ч. II. С. 396—397

¹³⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 158; РК 1475—1598. С. 130. Прибывший весной 1551 г. в Москву служилый татарин Исень Келдинев сказывал, что посланные Отай-мурзой и Асанак-мурзой послы встретили возвращавшегося из неудачного набега Арслан-мурзу «меж Хопра и Медведицы» и потом рассказали Исеню, что с Арсланом-мурзой были «люди с ним немногие, всего человек с тридцать или с сорок. А идет добре истомен и безконен. А полону у него всего две жонки и детинка невелик, лет в тринадцать». И при этом Арслан-мурзе сильно повезло, поскольку, по словам послов, Арслан-мурза «зимовал на песках от Хопра с позднища, а царя и великого князя казаки не дошли его днища з два» (*Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.)* (далее НПК). Казань, 2006. С. 41—42). Печальной была судьба набранного ногаями полона — по словам русского посла П. Тургенева, ездившего в Ногайскую Орду годом позже, он «помер с нужи и с студена» (Там же. С. 54).

¹³⁸ НПК. С. 49—50.

¹³⁹ Там же. С. 66.

¹⁴⁰ Там же. С. 68.

¹⁴¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 115.

¹⁴² НПК. С. 70.

¹⁴³ Там же. С. 51.

¹⁴⁴ ДРК. С. 159; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. С. 224; РК 1475—1598. С. 139.

¹⁴⁵ НПК. С. 129—130.

¹⁴⁶ НПК. С. 129—130; РК 1475—1598. С. 143.

¹⁴⁷ НПК. С. 131.

¹⁴⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // СБРИО. Вып. 59. СПб., 1887. С. 375—376.

¹⁴⁹ См.: Документы по истории Волго-Уральского региона XVI—XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008. С. 103, 104.

¹⁵⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II. С. 450.

¹⁵¹ НПК. С. 81.

¹⁵² Там же. С. 139.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 241; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 226; РК 1475—598. С. 144; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 467—468.

¹⁵⁴ РК 1550—1636. Т. I. М., 1975. С. 35.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 229.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 242—244.

¹⁵⁷ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 469.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 244—245.

¹⁵⁹ Там же. С. 255—256.

¹⁶⁰ См., например: Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 60—61.

¹⁶¹ См., например: ДРК. С. 171; ПСРЛ. Т. XIII. С. 255—256.

¹⁶² ДРК. С. 171; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 490; ПСРЛ. XIII. С. 256; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып 61. История. Т. 2. М., 940. С. 69; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III—IV Part I. 1979—1980. Р. 463—464.

¹⁶³ О ертауле и его роли в боевых и походных порядках русско-свойска сер. XVI в. см.: Курбатов О.А. Реорганизация русской армии в середине XVI в.: идеиные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 2009. С. 202—203.

¹⁶⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 21—22; ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. 491. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // СБРИО. Т. 59. СПб., 1887 С. 473, 479, 488, 501; Русский исторический сборник. Вып. 5. М., 1842. С. 20—24.

¹⁶⁵ ДРК. С. 171; РК 1475—1598. С. 149; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 490.

¹⁶⁶ Краткие биографические сведения о воеводах см., например: Енсковой В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 31—34.

¹⁶⁷ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 490—491.

¹⁶⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 61.

¹⁶⁹ Как сказано в «Книге Большому чертежу», «...от Царева году до Перекопи скорою ездою ехати 5 днеи, а с телегами ехати едели две... (Книга Большому чертежу (далее КБЧ). М.—Л., 950. С. 67).

¹⁷⁰ См., например: *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею*. Т. II. 1508—1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 649—650; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257; *Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы...* С. 21—28; *Трапавлов В.В. История Ногайской Орды*. М. 2002. С. 224; *Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.* М., 2001. С. 96; *Inalchik II. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I...* Р. 448, 459.

¹⁷¹ ДРК. С. 172.

¹⁷² ДРК. С. 172; РК 1475—1598. С. 149; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 492.

¹⁷³ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 492.

¹⁷⁴ ДРК. С. 172; КБЧ. С. 75; ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475—1598. С. 149—150.

¹⁷⁵ Г.-Л. де Боплан отмечал, что обычно в начале похода средняя скорость марша татарского войска составляла порядка 25 км в сутки (*Боплан Г.-Л. Описание Украины*. М., 2004. С. 229).

¹⁷⁶ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 492.

¹⁷⁷ КБЧ. С. 62.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 497

¹⁷⁹ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. С. 256; РК 1475—1598. С. 150.

¹⁸⁰ Там же. С. 256.

¹⁸¹ Там же. С. 257

¹⁸² КБЧ. С. 81.

¹⁸³ *Курбский А.М. История о великом князе Московском...* Стб. 61. См. также: РК 1475—1605. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 205—206.

¹⁸⁴ ТКДТ. С. 72, 166.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 257

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Курбский А.М. История о великом князе Московском...* Стб. 61—62.

¹⁸⁸ *Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов* // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 385.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

¹⁹⁰ *Вологодско-Пермская летопись* // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 215.

¹⁹¹ *Независимый летописный свод 80-х годов XV века* // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7 СПб., 1999. С. 402.

¹⁹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 257

¹⁹³ Там же. С. 258.

¹⁹⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 63.

¹⁹⁵ Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов... С. 384—385.

¹⁹⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 63.

¹⁹⁷ Интересное описание укрепленного ханского лагеря дал турецкий хронист Реммаль-ходжа, сопровождавший предшественника Девлет-Гирея Сахиб-Гирея в его походах. См.: *Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I.* Р. 460—461.

¹⁹⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 63—64.

¹⁹⁹ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 64; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 257; Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 83.

²⁰¹ Боплан Г.-Л. де. Указ. соч. С. 221; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257

²⁰² Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 65.

²⁰³ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 65; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257—258; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 498.

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 258.

²⁰⁵ ДРК. 174—175; ПСРЛ. Т. XIII. С. 258; РК 1475—1598. С. 151; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 498.

²⁰⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 64; ПСРЛ. Т. XIII. С. 257—258.

²⁰⁷ РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 290.

²⁰⁸ См.: Русский биографический словарь. Т. XVI. СПб., 1913. С. 160—161.

²⁰⁹ См., например: Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. I. М., 1887 С. 94—97, 147, 293, 295, 339; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 477—479, 481, 528, 576, 578, 631; из последних работ: Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. I. М., 2007 С. 99—101, 103, 110, 154, 158; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 142—145, 202, 344; Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 90—93;

Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 13—14, 19;
Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 150 и др.

²¹⁰ Основные источники — летописи (см., например: *Никоновская летопись* // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000; *Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись* // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009), разрядные книги (например: *Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.)*. М., 1901; *Разрядная книга 1550—1636*. Т. I. М., 1975; *Разрядная книга 1559—1605*. М., 1974 и др.) и актовые материалы (например: *Акты Московского государства* (далее АМГ). Т. I. СПб., 1890; *Акты феодального землевладения и хозяйства* (далее АФЗиХ). Т. II. М., 1956; *Антонов А.В. Поручные записи 1527—1571 годов* // *Русский дипломатарий*. Вып. 10. М., 2004).

²¹¹ Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. II. М., 1787. С. 221.

²¹² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 528.

²¹³ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М. 2000. С. 290; *Сказания и повести о Куликовской битве*. Л., 1982. С. 107

²¹⁴ См., например: *Симеоновская летопись* // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2005. С. 193.

²¹⁵ *Дворцовые разряды*. Т. II. СПб., 1851. Стб. 500.

²¹⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 232.

²¹⁷ АФЗиХ. Т. II. С. 324—325, 329—330, 355—356; *Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.* (далее ТКДТ). М.—Л., 1950. С. 177—178, 179, 185, 189, 192, 193.

²¹⁸ ТКДТ. С. 185.

²¹⁹ См. там же. С. 17—18.

²²⁰ *Русский хронограф* // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 532.

²²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 278.

²²² См., например: Чернов А.В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 285. Кстати, интересный и как будто до сего времени никем из отечественных историков не замеченный факт (автор выражает признательность Д.А. Селиверстову, обратившему внимание на это свидетельство): согласно дозорной книге Тверского уезда, датируемой 1551—1554 п некий Рудачко Некрасов сын Песотцкий «служит царю и великому князю в еныченех» (Писцовые материалы Тверского уезда XVI века.

005. С. 197). Второй раз «янычары» Ивана Грозного встречаются в Холмогорской летописи в известии об отправке в набег в Крыма воеводы Д. Адашева со товарищи (*Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 138*).

Розанов С.П. Материалы по истории русских пчел // Общества любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV. М., 1904. С. 33.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 206, 208; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 97, 99, 193,

ПСРЛ. Т. XIII. С. 169, 173, 174, 178; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 70, 168—169.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 178. О посылке воевод в Свияжск и на см. также: *Разрядная книга* (далее РК) 1550—1636. Т. I. М., С. 15—16; РК 1475—1598. М., 1966. С. 134.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 184, 198, 203, 206; РК 1475—1598. 6; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 423.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 203.

Там же. С. 202.

Там же. С. 206.

Там же. С. 210—211.

Там же. С. 212.

Там же. С. 206—207, 211—214.

Там же. С. 269.

См., например, наказ Мисюрю Соловцову, назначенному воеводой в городок Ядрин: *Акты служилых землевладельцев* (далее Т. III. М., 2002. С. 328—329). Также: *Наказ боярину князю Ивановичу Шуйскому / Баранов К.В.* Записная книга Погона похода 1562/63 года // Русский дипломатарий (далее РД). 10. М., 2004. С. 144—147; *Наказ от боярина и воеводы князя Трубецкого ряжскому воеводу Тимофею Федорову // Сборник Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ А. А. Указ. соч. С. 332—333.*

АСЗ. Т. III. С. 328—329; РД. Вып. 10. С. 144, 145, 147; Сборник А. А. Указ. соч. С. 332.

См. например: *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с ями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., С. 77

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1550—1561 гг.). Казань, 2006. С. 166.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная общество в XI—XX веках. М., 2008. С. 120.

ПСРЛ. Т. XIII. С. 269—270.

- ²⁴¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901 (далее ДРК). С. 180—182; ПСРЛ. Т. XIII. С. 270; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 513—514.
- ²⁴² ПСРЛ. Т. XIII. С. 270—271.
- ²⁴³ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 514; ПСРЛ. Т. XIII. С. 271
- ²⁴⁴ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 513.
- ²⁴⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 272.
- ²⁴⁶ Там же.
- ²⁴⁷ ДРК. С. 186.
- ²⁴⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 275.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Там же. С. 277
- ²⁵¹ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 578.
- ²⁵² ПСРЛ. Т. XXIX. С. 252.
- ²⁵³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006. С. 240.
- ²⁵⁴ ДРК. С. 191, 197
- ²⁵⁵ Книга посольские метрики Великого княжества Литовского (далее КПМ-1). Т. I. М., 1843. С. 135.
- ²⁵⁶ Там же. С. 135, 139—140, 142.
- ²⁵⁷ ПСРЛ. Т. XX. С. 580.
- ²⁵⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 80; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 16; ПСРЛ. Т. XIII. С. 288; ПСРЛ. Т. XX. С. 588.
- ²⁵⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой... С. 261, 265, 267
- ²⁶⁰ КПМ-1. С. 142.
- ²⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 296.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ ДРК. С. 195—197; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 36—38; ПСРЛ. Т. XIII. С. 314—315.
- ²⁶⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 315.
- ²⁶⁵ Курбский А.М. История о великом князе Московском... Стб. 80; ПСРЛ. Т. XIII. С. 316; ДРК. С. 208; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 46—47
- ²⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 279—280. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. С. 318—319.
- ²⁶⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 319.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Там же.
- ²⁷⁰ Флетчер Дж. О государстве Русском... С. 85.
- ²⁷¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 300—301, 303.

²⁷² Там же. С. 317

²⁷³ Там же. С. 333—334.

²⁷⁴ *Документы Ливонской войны. 1571—1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т III. Москва—Варшава, 1998.* С. 27—41; *Книга посольские метрики Великого княжества Литовского. С. 167—168; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // СбРИО. Вып. 59. СПб., 1887* С. 598.

²⁷⁵ ДРК. С. 230; РК 1475—1598. С. 195.

²⁷⁶ АСЗ. Т. I. М., 1997 С. 74.

²⁷⁷ ДРК. С. 265.

²⁷⁸ См., например: *Антонов А.В. Поручные записи 1527—1571 годов // РД. Вып. 10. С. 24, 26, 32, 33.*

²⁷⁹ Там же. С. 24, 27, 32, 35.

²⁸⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 398.

²⁸¹ Там же. С. 405. См. также: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 352.

²⁸² РК 1475—1598. С. 234.

²⁸³ АФЗиХ. Т. II. С. 324—325, 329—330.

²⁸⁴ АМГ Т. I. С. 1.

²⁸⁵ Там же. С. 2—5.

²⁸⁶ Там же. С. 2.

²⁸⁷ Там же. С. 12—14.

²⁸⁸ Там же. С. 13.

²⁸⁹ См., например: РК 1475—1598. С. 252—254, 264, 267, 268.

²⁹⁰ Там же. С. 253—254.

²⁹¹ *Боярский список 1577 года // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004.* С. 195.

²⁹² РК 1475—1598. С. 289, 298; РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 66.

²⁹³ Об этом см. подробнее: *Филюшкин А.И. Причины «Полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2, вып. 3. С. 20, 25—29.*

²⁹⁴ *Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954. С. 55.*

²⁹⁵ См., например: *Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.—СПб., 2006. С. 207*

²⁹⁶ *Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. Приложения. С. 32.*

²⁹⁷ *Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М. 2004. С. 144.*

²⁹⁸ См., например: *Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578—1582) // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне*

(1578—1582); *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 109—110; *Тарасаў С.В.* Полацк IX—XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 2001. С. 44—46, 48—51, 101, 102.

²⁹⁹ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 101, 109.

³⁰⁰ *Тарасаў С.В.* Полацк IX—XVII стст. С. 48—51, 102.

³⁰¹ *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. T. II. Warszawa, 1846. S. 429.

³⁰² *Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580 гг.* // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Москва—Варшава, 1998. С. 24, 25, 29, 33.

³⁰³ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 80; *Sprawy wojsenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576—1586* // *Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia ab Anno 1307 ad Annum 1793*. Т. XI. Cracoviae, 1887. S. 174.

³⁰⁴ Кардинал Калигари, папский нунций в Речи Посполитой, сообщал, что Полоцк защищали «3 тыс. доблестных воинов», а в крепости было 60 «больших пушек» (в другом письме — 50 больших орудий и 3 тыс. пеших воинов, включая не аркебузиров, то есть не стрельцов и казаков). См.: *I.A. Caligarii Nuntii aposn. In Polonia Epistola et Acta 1578—1581* // *Monumenta Poloniae Vaticana*. Т. IV. Cracoviae, 1915. S. 271, 274.

³⁰⁵ *Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576—1582. *Sprawy organizacyjne. Cz. II* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Т. XVII. Cz. I. Warszawa, 1971. S. 111; *Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego. 1576—1586* // *Źródła dziejowe*. Т. XI. Warszawa, 1881. Cz. II. S. 215; *Kronika Marcina Bielskiego*. Т. III. Sanok, 1856. S. 1455; *Sprawy wojsenne króla Stefana Batorego*. S. 176—177

³⁰⁶ См., например: *I.A. Caligarii Nuntii aposn. In Polonia Epistola et Acta...* S. 285—286; *Kotarski H.* Op. cit. S. 78, 103—105; *Kupish D.* Połock 1579. Warszawa, 2003. S. 86. При подготовке Великолуцкого похода 1580 г. Баторий заказал для своей артиллерии ядра калибром 31 фунт (1 тыс. штук), 24 фунта (1 тыс. штук), 22 фунта (еще 1 тыс. штук) и 200 68-фунтовых (*Górski K.* *Historya Artyleryi Polskiej*. Warszawa, 1902. S. 72, 265). Можно предположить, что эти орудия (вероятно, 1 68-фунтовое и порядка 10 22—31-фунтовых) приняли участие и в осаде Полоцка.

³⁰⁷ Численность осаждавших польскими историками оценивается по-разному. Так, К. Горский полагал, что их было около 16 тыс. (но по мнению Х. Котарского, он включил сюда только польское наемное войско), В. Хуперт оценивал их число в 20 тыс., Д. Купиш — в 35 тыс., добавляя к этому, что в ходе осады в лагерь

Батория поступали новые силы (см.: *Новодворский В.В.* Указ. соч. С. 96; *Hupert W.* Historya wojenna polska w zarysie. Lwow, 1919. S. 149; *Kupish D.* Op. cit. S. 128).

³⁰⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. I. 1487—1584. М., 1862. С. 157; РК 1550—1636. Ч. I. М., 1975. С. 298.

³⁰⁹ См., например: *Королюк В.Л.* Указ. соч. С. 99.

³¹⁰ См., например: *I.A. Caligarii Nuntii aposn. In Polonia Epistola et Acta...* S. 249.

³¹¹ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 54, 61—62.

³¹² Там же. С. 80.

³¹³ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 77, 80; *О службах и походах боярских // Отечественные записки. № 126.* 1830. Ч. IV С. 171. Всего с воеводами было отправлено порядка 5 тыс. ратных людей — из иностранных источников известно, что гарнизон Сокола, практически весь полегший в неравной борьбе с превосходящими силами неприятеля, насчитывал около 5 тыс. чел. (см., например: *I.A. Caligarii Nuntii aposn. In Polonia Epistola et Acta...* S. 286). При этом в самом Соколе перед началом кампании было явно менее 1 тыс. чел. («на Соколе 87-го с Николина дни вешняго Иван Ко-кошкин да с ним голова стрелецкой»), а посланные с воеводами донские казаки «изменили, пошли ис Сокола без отпуска на Дон, не дожидася литовских людей» (РК 1475—1598. С. 299; РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 86). О 5-тыс. войске под началом Шереметева говорит и львовский архиепископ Я. Соликовский: *Soli-kowski J.D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta.* Petersburg, 1855. S. 51. Кстати, польская разведка сообщала Баторию, что под началом Ю. Булгакова в Сокол отправлены были 2 тыс. «стрелков» (*Relacyje nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690.* Т. I. Berlin-Poznan, 1864. S. 325).

³¹⁴ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 80—81.

³¹⁵ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 79; *Kotarski H.* Op. cit. S. 86; *Kupish D.* Op. cit. S. 109, 11.

³¹⁶ *Relacyje nuncyuszów apostolskich...* S. 318.

³¹⁷ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 108.

³¹⁸ См.: *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 112; *Relacyje nuncyuszów apostolskich...* S. 318.

³¹⁹ *Relacyje nuncyuszów apostolskich...* S. 319.

³²⁰ *Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Provincji Śląskię.* Wołclaw, 1860. S. 162.

³²¹ *Ibid.* S. 162.

³²² *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С. 117.

³²³ Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 120.

³²⁴ Solikowski J.D. Op. cit. 52.

³²⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. Примечания. СПб., 1843. Стб. 115.

³²⁶ РК 1475—1605. Т. III. Ч. I. С. 79, 81.

³²⁷ См., например: Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897 С. 104; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические отношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) (далее КПМ-2). М., 1843. С. 53, 57, 66, 169.

³²⁸ КПМ-2. С. 169. Время возвращения Федора Шереметева позволяет уточнить кормовая книга московского Симонова монастыря. В ней отмечено, что 15 марта 7091 г. (то есть в 1583 г.) «дал в дом Пречистые Богородицы на Симаново Феодор Василиевич Шереметев 250 четвертей ржи за пятьдесят рублей» (Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 53). Очевидно, что в марте 1583 г. Шереметев уже был в Москве, и напрашивается предположение, что вклад был сделан им по случаю возвращения из литовского плена.

³²⁹ LM. Кн. 594 (1585—1600). Vilnius, 2006. Р. 23.

³³⁰ Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 532.

³³¹ В источниках эпохи Ивана Грозного по отношению как к стрелецким, так и к казацким частям единого названия, судя по всему, еще не утвердилось. Их называют и «статьями» (как в том же «Русском хронографе»), и «приборами» (см., например: Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки ОР ГБЛ. Вып 31. М., 1969. С. 216; Документы Ливонской войны // Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Москва—Варшава, 1998. С. 24—26; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 354), и «приказами» (Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 163). Возможно также, что такая разница была отчасти связана и с порядком набора стрелецких и казацких частей.

³³² Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 91.

³³³ См.: Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их патальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 90—92; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 90—91.

Черемисинов-Караулов, Иван Семенович // Русский биографический словарь. Т. XXII. СПб., 1905. С. 159.

³³⁴ Эти источники довольно четко делятся на несколько основных групп. Прежде всего это летописи (например: *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью* // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000; *Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись* // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009). Не менее интересные и посольские книги (прежде всего, конечно, по связям с Ногайской Ордой: *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой* (1551—1561 гг.). Казань, 2006), а также разрядные записи (Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901; *Разрядная книга 1598—1638*. М., 1974; *Разрядная книга 1550—1636*. Т. I. М., 1975; *Разрядная книга 1559—1605*. М., 1974 и др.), и, наконец, актовые материалы (например: Кобрин В.Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде // Археографический ежегодник за 1957 г. М. 1958. С. 467—477).

³³⁵ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 90.

³³⁶ См.: Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. II. М., 1787. С. 323, 400.

³³⁷ См.: Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 171.

³³⁸ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1952. С. 245—246.

³³⁹ См.: Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998. С. 296—323.

³⁴⁰ См.: Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае. М.—СПб., 2009. С. 102.

³⁴¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950. С. 64, 153. О поместье отца Ивана Черемисина Семена Васильева сына Черемисина см., например: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. I. Киев, 1860. С. 237

³⁴² Акты, относящиеся до гражданской расправы... С. 237

³⁴³ Розанов С.П. Материалы по истории русских пчел... С. 33.

³⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 59.

³⁴⁵ Выдержка из синодика «по убиенных во брани» // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 203.

³⁴⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 164.

³⁴⁷ Выдержка из синодика Архангельского Кремлевского собора // Памятники истории русского служилого сословия. С. 186.

- ³⁴⁸ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 325; *История о Казанском царстве* (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 62.
- ³⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 63—65.
- ³⁵⁰ Там же. С. 65—66.
- ³⁵¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стб. 86.
- ³⁵² См., например: *Худяков М.Г* *Очерки по истории Казанского ханства*. М., 1991. С. 139.
- ³⁵³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 172.
- ³⁵⁴ Там же. С. 174.
- ³⁵⁵ Там же. С. 173.
- ³⁵⁶ См., например: *Трепавлов В.В.* *История Ногайской Орды*. М., 2002. С. 252.
- ³⁵⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 173—174.
- ³⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 70.
- ³⁵⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 175.
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ *Львовская летопись* // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 492.
- ³⁶² Там же. С. 494.
- ³⁶³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 198.
- ³⁶⁴ Там же. С. 201.
- ³⁶⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 97; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 94; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 418—419.
- ³⁶⁶ *Курбский А.М.* *История о великом князе Московском*. СПб., 1913. Стб. 19; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 94.
- ³⁶⁷ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. С. 202—203.
- ³⁶⁸ Там же. С. 203.
- ³⁶⁹ Примечательно, что и в Полоцком походе 1562/63 г. выдвижение русских полков на позиции под Полоцком также проходило под прикрытием шедших впереди стрелецких приказов (см., например: *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // *Русский дипломатарий*. Вып. 10. М., 2004. С. 163). Стоит ли полагать, что это был стандартный тактический прием, использовавшийся русскими воеводами того времени при обложении городов?
- ³⁷⁰ См., например: *Курбский А.М.* *Указ. соч.* Стб. 22; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 96.
- ³⁷¹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 98.
- ³⁷² ПСРЛ. Т. XIII. С. 206.
- ³⁷³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 206, 297; Т. XIX. Стб. 452; *Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877* С. 7, 9.
- ³⁷⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 207
- ³⁷⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 102.

³⁷⁶ Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 33. Была ли это «полковая» артиллерия стрелецких приказов (как предположил применительно к осаде Полоцка десятью с небольшим годами позже А.Н. Лобин (см.: Лобин А.Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. СПб., 2010. С. 135) или нет — пока на этот вопрос ответа нет.

³⁷⁷ ПСРЛ. Т. XX. С. 524.

³⁷⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 99—100.

³⁷⁹ Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 25; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 102—103.

³⁸⁰ См., например: Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 30; ПСРЛ. Т. XIII. С. 210—211.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 213.

³⁸² РК 1475—1605. Т. I. Ч. III: С. 426—427; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 526.

³⁸³ ПСРЛ. Т. XX. С. 526.

³⁸⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 214.

³⁸⁵ Кунцевич Г.З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Памятники древней письменности и искусства. Вып. СXXX. СПб., 1898. С. 33.

³⁸⁶ ПСРЛ. Т. XX. С. 528.

³⁸⁷ Там же. С. 530.

³⁸⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 115—116.

³⁸⁹ Если уж стрелецкий голова Я. Бундов за участие в экспедиции против «не прямящих государю» жителей «луговой стороны и арьских мест» в декабре 1553 г. получил «денгу золотую», то за «казанское взятие» заслуги И. Черемисинова должны были быть отмечены никак не меньше. См.: РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 463—466.

³⁹⁰ См., например: ПСРЛ. Т. XX. С. 532; Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877 С. 41—42, 44—46.

³⁹¹ Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. С. 49—50.

³⁹² РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 464.

³⁹³ ПСРЛ. Т. XX. С. 540.

³⁹⁴ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 225.

³⁹⁵ См., например: РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 468; ПСРЛ. Т. XX. С. 545.

³⁹⁶ См., например: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 226.

³⁹⁷ РК 1475—1598. М., 1966. С. 144.

³⁹⁸ См., например: Зайцев И.В. Астраханское царство. М., 2006. С. 160—162.

³⁹⁹ См.: Зайцев И.В. Указ. соч. С. 167—168; РК 1550—1636. Т. I. М., 1975. С. 36.

⁴⁰⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 265—266.

⁴⁰¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 266.

⁴⁰² РК 1550—1636. Т. I. С. 36.

⁴⁰³ *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 187, 188, 195, 199.

⁴⁰⁴ См.: *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 123; ПСРЛ. Т. XIII. С. 274.

⁴⁰⁵ *Новиков Н.* Продолжение Древней Российской вивлиографии. Ч. IX. СПб., 1793. С. 154.

⁴⁰⁶ *Дженкинсон А.* Путешествие в Персию 1561—1564 гг // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 242.

⁴⁰⁷ В 1521 г. 580 астраханских «йигитов», воспользовавшись отсутствием крымского хана Мухаммед-Гирея I, ушедшего в поход на Василия III, подвергли беспощадному опустошению Крым, а в 1553 г. Ямтурчи обещал ногайскому био Юсуфу послать с ним в набег на «государеву украину» 500 своих воинов (См.: *Зайцев И.В.* Указ. соч. С. 87; *Посольские* книги по связям России с Ногайской ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006. С. 129).

⁴⁰⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 273.

⁴⁰⁹ Там же. С. 274.

⁴¹⁰ См., например: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 250.

⁴¹¹ ПСРЛ. Т. XX. С. 576.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 275.

⁴¹⁴ РК 1550—1636. Т. I. С. 36—37

⁴¹⁵ *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. С. 206.

⁴¹⁶ ПСРЛ. Т. XX. С. 551. И.В. Зайцев, ссылаясь на рукописный сборник из собрания РНБ, дает также цифру «черных и кочевых людей» в 17 тыс. (Зайцев И.В. Указ. соч. С. 159).

⁴¹⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 277 О восстановлении торга в Астрахани см. также: ПСРЛ. Т. XX. С. 585.

⁴¹⁸ *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 241.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 252.

⁴²⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 277

⁴²¹ См., например: ПСРЛ. Т. XX. С. 584.

⁴²² ПСРЛ. Т. XX. С. 582; *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 248.

⁴²³ *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 247—248, 251, 253, 255—256, 258, 259—260.

⁴²⁴ Там же. С. 262.

²⁵ *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.).* С. 265; РК 1550—1636. Т. I. С. 37

⁴²⁶ *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.).* С. 283, 296—298, 313, 323, 324, 326.

⁴²⁷ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // СБРИО. Вып. 59. СПб., 1887.* С. 563.

⁴²⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 284.

⁴²⁹ О системе организации сбора разведывательной информации «украинными» воеводами см., например: *Малов А.В. Данные московской разведки о восстании Тараса Федоровича на Украине в 1630 г.: вопросы источниковедения // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сб. науч. трудов VI Международной научной конференции. Г Белгород, 27—28 октября 2011 г. Белгород, 2011.* С. 94.

⁴³⁰ См., например: *Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. Т. 34. М. 1950.* С. 261—263. О наступательном плане Ивана Грозного против Крыма на 1560 г. см. наказ царя послу к Исмаил-бию П. Совину: *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.).* С. 300—301, 303.

⁴³¹ *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.).* С. 313, 316.

⁴³² *Дженкинсон А. Путешествие в Персию 1561—1564 гг.* С. 242.

⁴³³ *Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613. М., 1889.* С. 404.

⁴³⁴ ПСРЛ. Т. XIII. С. 330.

⁴³⁵ ДРК. С. 231; РК 1475—1598. М., 1966. С. 196.

⁴³⁶ См., например: *Володихин Д.М. Социальный состав русско-го воеводского корпуса при Иване IV.* СПб., 2011. С. 118—119.

⁴³⁷ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // СБРИО. Вып. 71. СПб., 1892.* С. 23—24, 41.

⁴³⁸ *Баранов К.В. записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10.* С. 123.

⁴³⁹ См., например: РК 1475—1598. С. 199; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 119.

⁴⁴⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 356; *Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах.* С. 166; *Буганов В.И. «Взятие Полоцкое Литовской земли».* С. 218.

⁴⁴¹ *Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах.* С. 168.

- ⁴⁴² ПСРЛ. Т. XIII. С. 359.
- ⁴⁴³ *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 157
- ⁴⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 309—310.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 310.
- ⁴⁴⁶ Там же. С. 310. Ср.: *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 165—166.
- ⁴⁴⁷ *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 166; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 310.
- ⁴⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 310.
- ⁴⁴⁹ *Буганов В.И.* «Взятие Полоцкое Литовской земли». С. 217
Ср.: *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 166.
- ⁴⁵⁰ *Володихин Д.М.* Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 230—232.
- ⁴⁵¹ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 207—208.
- ⁴⁵² *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 166.
- ⁴⁵³ Там же. С. 168.
- ⁴⁵⁴ *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. С. 142; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 312.
- ⁴⁵⁵ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством.* Т. III (1560—1571). С. 288.
- ⁴⁵⁶ *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917. С. 155.
- ⁴⁵⁷ *Лихачев Н.П.* Думное дворянство в боярской думе XVI столетия // Сборник Археологического института. 1898. Кн. 6. С. 10.
- ⁴⁵⁸ *Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевого монастыря 1506—1608 гг.* М., 1998. С. 415; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 196; *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 35—36.
- ⁴⁵⁹ *Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевого монастыря 1506—1608 гг.* С. 282.
- ⁴⁶⁰ *Кобрин В.Б.* Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. С. 469.
- ⁴⁶¹ *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря.* М., 1987 С. 87
- ⁴⁶² *Новгородская вторая (Архивская) летопись* // ПСРЛ. Т. XXX. С. 160—161.
- ⁴⁶³ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством.* Т. III (1560—1571). С. 666.

⁴⁶⁴ РК 1475—1598. С. 236; РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 269.

⁴⁶⁵ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 91; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I (1556—1586) // СбРИО. Вып. 129. СПб., 1910. С. 216.

⁴⁶⁶ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения. 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. II. М., 2007. С. 198—199.

⁴⁶⁷ Цит. по: Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 267

⁴⁶⁸ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII вв. М., 1990. С. 58; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 191—192.

⁴⁶⁹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 267

⁴⁷⁰ РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. С. 309—310.

⁴⁷¹ РК 1559—1605. М., 1974. С. 90.

⁴⁷² Кобрин В.Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. С. 470—471.

⁴⁷³ Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2010. С. 214—215.

⁴⁷⁴ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 144.

⁴⁷⁵ Скрыников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 249.

⁴⁷⁶ Там же. С. 530, 532.

⁴⁷⁷ См.: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки. М., 2007. С. 140.

⁴⁷⁸ Акты исторические (далее АИ), собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. 1334—1598. СПб., 1841. С. 57

⁴⁷⁹ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. III. М., 1964. С. 460.

⁴⁸⁰ Памятники дипломатических сношений (далее ПДС) древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. Т. I (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 174; Дополнения к актам историческим (далее ДАИ), собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. I. СПб., 1846. С. 158.

⁴⁸¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516—1520 гг. // СбРИО. Т. 53. СПб., 1887. С. 5.

⁴⁸² ПДС. Стб. 196, 206, 232; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии. С. 6, 12.

⁴⁸³ Лихачев Н.П. Указ. соч. С. 177

⁴⁸⁴ Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971. С. 284—285.

⁴⁸⁵ Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае. М.—СПб., 2009. С. 137

⁴⁸⁶ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. (далее ТКДТ). М.—Л., 1950. С. 64, 154. С.Б. Веселовский полагал, что Гундор Васильев сын Тетерин, умерший в 1544 г вполне возможно, мог быть пятым сыном Василия Тетерина. См.. Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М.—Л. 1940. С. 347

⁴⁸⁷ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. (далее АССЕМ). М., 1998. С. 181; Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 7 М., 2001. С. 61; Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана. С. 346—347; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (далее ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 149, 184; Опись Посольского приказа 1614 г. // Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года (далее Опись царского архива). М., 1960. С. 107; ТКДТ. С. 154.

⁴⁸⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987 С. 94.

⁴⁸⁹ АССЕМ. С. 220.

⁴⁹⁰ Стрельников С.В. Указ. соч. С. 105, 136—137

⁴⁹¹ Выдержка из синодика «по убиенным во брани» // Памятники истории русского служилого сословия. С. 203.

⁴⁹² Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. С. 273.

⁴⁹³ Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 42; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 438.

⁴⁹⁴ Шумаков С. Обзор грамот «Коллегии Экономии». Вып. 4. М., 1917. С. 402.

⁴⁹⁵ Антонов А.В. Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 13, 14. Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 122.

⁴⁹⁶ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана. С. 346.

⁴⁹⁷ См., например: Зимин А.А. Опричнина. М., 2001; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. III. М., 1989; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003 и др.

⁴⁹⁸ Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998. С. 90—93.

⁴⁹⁹ *Мартынюк А.В.* Лихие люди Московской Руси. Три исторических портрета // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008. С. 149—152.

⁵⁰⁰ См., например: *Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // Отечественная история, 2006. № 3. С. 71—85.

⁵⁰¹ *Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М. 2000; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // СбРИО. Вып. 71. СПб., 1892; Послания Ивана Грозного (далее ПиГ). СПб., 2005; Разрядная книга (далее РК) 1475—1598. М., 1966; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I. Ч. II. М., 1977 и др.*

⁵⁰² См., например: РК 1475—1598. С. 122—123.

⁵⁰³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 157. См. также: *Зафер-наме* и вилает-и Казан // Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/3.

⁵⁰⁴ *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* Рязань, 2007. С. 77

⁵⁰⁵ Пример подобной службы см. в духовной Д.Г. Русинова: *Акты Русского государства 1505—1526.* М., 1975. С. 199.

⁵⁰⁶ ТКДТ. С. 54, 64, 186. Об «Избранной тысяче» и связанной с ней земельной реформой см., например: *Зимин А.А. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки.* Т. 55. М., 1956. С. 348—351. О времени составления «Дворовой тетради» см.: там же. С. 351—352.

⁵⁰⁷ См., например: РК 145—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 475—476.

⁵⁰⁸ *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 123.

⁵⁰⁹ РК 1475—1598. С. 147—148; РК 145—1605. Т. I. Ч. III. С. 475.

⁵¹⁰ *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123, 125; *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана. С. 347; ДРК. С. 169—170; РК 1475—1598. С. 147—148.

⁵¹¹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 232.

⁵¹² *The Discovery of Muscovy from the collection of Richard Hakluyt.* London, 1889. Р. 132.

⁵¹³ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I. 1556—1586 // СбРИО.* С. 129. СПб., 1910. С. 18.

- ⁵¹⁴ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 240.
- ⁵¹⁵ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 17—18.
- ⁵¹⁶ РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 500.
- ⁵¹⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 240—241.
- ⁵¹⁸ ДАИ. Т. I. С. 71; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 241.
- ⁵¹⁹ Там же. С. 241.
- ⁵²⁰ Там же.
- ⁵²¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 261.
- ⁵²² ДАИ. Т. I. С. 128; РК 1475—1605. Т. I. Ч. III. С. 404—405.
- ⁵²³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 264.
- ⁵²⁴ Там же. С. 264—265.
- ⁵²⁵ Там же. С. 265.
- ⁵²⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 202, 206; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 244; РК 1550—1636. Т. I. М., 1975. С. 36.
- ⁵²⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 250.
- ⁵²⁸ См., например: *The First Part of the Art Military. Comp. by Captaine Henry Hexam.* Delf, 1642. P. 44.
- ⁵²⁹ См.: *Зафер-наме* и вилает-и Казан.
- ⁵³⁰ *The Discovery of Muscovy from the collection of Richard Hakluit.* Р. 132—133.
- ⁵³¹ РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 17
- ⁵³² Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. I. М., 2003. С. 156.
- ⁵³³ Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.
- ⁵³⁴ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008. С. 88. См. также его последнее исследование: Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 10—11 и далее.
- ⁵³⁵ Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв. М., 2010. С. 80—94.
- ⁵³⁶ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 88—91.
- ⁵³⁷ Договор новгородских наместников с ливонским магистром 24 июня 1554 г. // Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 639. Ср. аналогичное положение в договоре псковских наместников с дерптским епископом (Там же. С. 645).
- ⁵³⁸ Об этой войне и о договоре см.: Попов В.Е., Филюшкин А.И. «Война коадъюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1/2 (5/6). С. 151—184.
- ⁵³⁹ Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // ЧОИДР. 1886. № 4. IV. Смесь. С. 18.

⁵⁴⁰ Там же. С. 15.

⁵⁴¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 259.

⁵⁴² Псковская З-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 235; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 259, 261; РК 1475—1598. С. 170—171; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 17—22; РК 1550—1636. Т. I. М. 1975. С. 72—73.

⁵⁴³ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 125—128. Кстати, имперский посланник И. Гофман, отчитываясь перед императором Фердинандом I о своей поездке в 1559—1560 гг. к Ивану Грозному, писал, что после провала переговоров в конце 1557 г. русский великий князь отправил на ливонцев некоего князя Яновича (можно только догадываться, кого имел в виду Гофман, уж не Глинского ли?) с 400 «боярами» (sic!) и «многими другими простыми воинами» (Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг. // Исторический архив. 1957 № 6. С. 137). И снова слишком уж точное совпадение числа «бояр» в январском 1558 г. походе в Ливонию и выборных дворян, что входили в состав государева полка в Полоцком походе!

⁵⁴⁴ Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 83, 84, 87

⁵⁴⁵ А.И. Филюшкин полагал, что зимой 1558 г. по восточной Ливонии огнем и мечом прошла 8-тысячная русская рать (Филюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 96). Эту цифру можно полагать нижней планкой численности посланного Иваном покарать «немцев» за их «неисправленье» русского войска.

⁵⁴⁶ Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 67; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сб. мат-лов по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 360.

⁵⁴⁷ Хорошевич А.И. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 210.

⁵⁴⁸ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 77. См. также: Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана Грозного // История внешней политики России. Конец XV—XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М. 1995. С. 161, 163.

⁵⁴⁹ ПСРЛ. Т. V Вып. 2. С. 235.

⁵⁵⁰ Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 349.

⁵⁵¹ Филюшкин А.И. Андрей Курбский. С. 96; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 88. Псковская летопись сообщает о 3,5-недельном рейде, Курбский — о месяце (Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 67; ПСРЛ. Т. V Вып.2. С. 235).

- ⁵⁵² Курбский А.М. История о великом князе Московском Стб. 67.
- ⁵⁵³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261.
- ⁵⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235.
- ⁵⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 88.
- ⁵⁵⁷ РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 20.
- ⁵⁵⁸ Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг. С. 137.
- ⁵⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 265.
- ⁵⁶⁰ ПСРЛ. Т. V Вып. 2. С. 235; ПСРЛ. Т. XIII. С. 290; РК 1550—1636. Т. I. С. 66; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 6.
- ⁵⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 290.
- ⁵⁶² Там же. С. 291.
- ⁵⁶³ См., например: ПСРЛ. Т. XX. С. 592.
- ⁵⁶⁴ ПСРЛ. Т. XX. С. 592; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 92; Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 28.
- ⁵⁶⁵ ПСРЛ. Т. XIII. С. 293.
- ⁵⁶⁶ Подсчитано авт. по: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 125, 133—134. ПСРЛ. Т. XX. С. 592.
- ⁵⁶⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 294.
- ⁵⁶⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 294; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 94; Hansen H.J. Op. cit. S. 30; Henning S. Lüfländische Churländische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857. S. 31.
- ⁵⁶⁹ Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876. S. 182.
- ⁵⁷⁰ ПСРЛ. Т. XX. С. 593.
- ⁵⁷¹ Там же.
- ⁵⁷² От «отводе» и «отнятни» см., например: Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 68—69.
- ⁵⁷³ The Discovery of Muscovy. Р. 41.
- ⁵⁷⁴ Земзарис Я.К. Метрология в Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.) // Проблемы источниковедения. Вып. IV. 1955. С. 188; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. С. 94—95; Henning S. Op. cit. S. 31; Renner J.S. 183.
- ⁵⁷⁵ См., например: Ниенштедт Ф. Ливонская летопись // Сб. мат-лов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883. С. 15. Ср.: Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник мате-

риалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 362; *Hansen H.J.* Op. cit. S. 30.

⁵⁷⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 295.

⁵⁷⁷ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 15; *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 70—71; *Hansen H.J.* Op. cit. Vierter Abschnitt. S. 29.

⁵⁷⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 295; *Hansen H.J.* Op. cit. Vierter Abschnitt. S. 31.

⁵⁷⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 295; ПСРЛ. Т. XX. С. 264; *Renner J.* Op. cit. S. 184.

⁵⁸⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 296.

⁵⁸¹ *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 100.

⁵⁸² ПСРЛ. Т. XXIX. С. 265; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 362.

⁵⁸³ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 256; *Renner J.* Op. cit. S. 187

⁵⁸⁴ *Курбский А.М.* Указ. соч. Стб. 73.

⁵⁸⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 256; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 362; Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. II. Reval, 1862. S. 271; *Renner J.* Op. cit. S. 187.

⁵⁸⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 257; PK 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 28—30; [Bredenbachius Tilmannus]. *Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux, contra Livones cessit. Lovanii*, 1564. S. 42.

⁵⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 267; *Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562.* Bd. I. 1557 1558. Riga, 1865. S. 235—236; *Henning S.* Op. cit. S. 32; *Renner J.* Op. cit. S. 188—189.

⁵⁸⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 267; *Renner J.* Op. cit. S. 190.

⁵⁸⁹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 236; ПСРЛ. Т. XX. С. 598; *Henning S.* Op. cit. S. 33.

⁵⁹⁰ *Henning S.* Op. cit. S. 33; *Historia belli Livonici...* S. 44; *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's.* Band I. Riga und Leipzig, 1840. S. 471.

⁵⁹¹ *Mittheilungen aus dem Gebiete...* S. 472; *Renner J.* Op. cit. S. 196; *Riga's ältere Geschichte in Uebersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen // Monumenta Livoniae Antiquae.* Bd. IV. Riga, Dorpat und Leipzig, 1844. S. 109.

⁵⁹² *Курбский А.М.* Указ. соч. Стб. 74.

⁵⁹³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 236; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 268.

⁵⁹⁴ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 17.

⁵⁹⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 236—237

⁵⁹⁶ *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 25; *Nyenstädt F. Livländische Chronik // Monumenta Livoniae Antiquae.* Bd. II. Riga und Leipzig, 1839. S. 58.

- ⁵⁹⁷ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 268; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 367; *Riga's ältere Geschichte...* S. 110.
- ⁵⁹⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 281.
- ⁵⁹⁹ ПСРЛ. Т. XX. С. 617; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 66; *Henning S.* Op. cit. S. 39; *Renner J.* Op. cit. S. 273.
- ⁶⁰⁰ ПСРЛ. Т. XX. С. 616—617; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 378; *Renner J.* Op. cit. S. 274.
- ⁶⁰¹ ПСРЛ. Т. XX. С. 618—619; *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 378.
- ⁶⁰² РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 76.
- ⁶⁰³ „*Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.* Т. X. СПб., 1871. Стб. 226.
- ⁶⁰⁴ См.: *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись. С. 35; *Филюшин А.И.* Андрей Курбский. С. 113—115.
- ⁶⁰⁵ ПиГ С. 536; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 150.
- ⁶⁰⁶ РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 77
- ⁶⁰⁷ ПиГ С. 41.
- ⁶⁰⁸ ПСРЛ. Т. XIII. С. 344.
- ⁶⁰⁹ РК 1475—1598. М., 1966. С. 174.
- ⁶¹⁰ *Опись царского архива.* С. 38, 43, 120.
- ⁶¹¹ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 187—188.
- ⁶¹² См., например: *Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой. С. 77
- ⁶¹³ *Опись царского архива.* С. 43.
- ⁶¹⁴ *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 131.
- ⁶¹⁵ См.: *Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой. С. 77; LM. Кн. 51 (1566—1574). Vilnius, 2000. Р. 140.
- ⁶¹⁶ *Статутъ Великого князства Литовского // Временник Московского общества истории и древностей Российских.* Кн. 23. М., 1855. II. Материалы. С. 44.
- ⁶¹⁷ LM. Кн. 51 (1566—1574). Р. 60.
- ⁶¹⁸ *Акты, издаваемые Виленской комиссио для разбора древних актов.* Т. XXVI. Вильна, 1899. С. 429.
- ⁶¹⁹ *Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой. С. 77
- ⁶²⁰ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством.* Т. III (1560—1571). С. 807
- ⁶²¹ ПиГ С. 218; *Сборник Муханова.* СПб., 1866. С. 426.
- ⁶²² *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством.* Т. III (1560—1571). С. 588, 593; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 261; РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 239—240; *Штаден Г.* Указ. соч. С. 131, 133.

- ⁶²³ Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года. С. 216.
- ⁶²⁴ Донесение князя Александра Полубенского // Труды X археологического съезда в Риге. Т. 3. М., 1896. С. 136; ПиГ С. 203, 212.
- ⁶²⁵ См., например: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 188.
- ⁶²⁶ РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. С. 240—241; ПиГ С. 536.
- ⁶²⁷ ПиГ С. 536—537
- ⁶²⁸ РК 1559—1605. М., 1974. С. 95—96; Штаден Г Указ. соч. С. 99, 101.
- ⁶²⁹ Курбский А.М. Указ. соч. Стб. 61; ПиГ С. 537; Устялов Н.И. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 200.
- ⁶³⁰ Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в. Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 2011. С. 35.
- ⁶³¹ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссией (далее АЗР). Т. III. 1544—1587 СПб., 1848. С. 151; Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой. С. 78; ПиГ С. 218.
- ⁶³² АЗР. Т. III. С. 150; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571). С. 593.
- ⁶³³ ПиГ С. 212.
- ⁶³⁴ См., например: Опись документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. Вып. VII. Вильна, 1909. Стб. 3, 32, 48, 121, 163—164, 204.
- ⁶³⁵ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 62.
- ⁶³⁶ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссию. Т. XIV Инвентари имений XVI-го столетия. Вильна, 1887 С. 451.
- ⁶³⁷ Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2012. С. 214; Синодик опальных царя Ивана Грозного // Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 530.
- ⁶³⁸ Например: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009.
- ⁶³⁹ См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006.
- ⁶⁴⁰ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М.—Д., 1940. С. 292.

- ⁶⁴¹ *Бархатная книга*. Т. I. М., 1787 С. 4.
- ⁶⁴² *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.* Т. III. М., 1964. С. 501.
- ⁶⁴³ *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века* (далее АС3). Т. IV. М., 2008. С. 135; *Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.)*. М., 1985. С. 129.
- ⁶⁴⁴ См., например: *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский. М., 1917 С. 120, 156.
- ⁶⁴⁵ АС3. Т. IV. С. 135.
- ⁶⁴⁶ *Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.* М., 1986. С. 156.
- ⁶⁴⁷ *Веселовский С.Б. Ономастикон*. М., 1974. С. 137.
- ⁶⁴⁸ АС3. Т. I. М., 1997. С. 129.
- ⁶⁴⁹ *Антонов А.В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI веков* // *Русский дипломатарий*. Вып. 9. М., 2003. С. 35.
- ⁶⁵⁰ АС3. Т. I. С. 130.
- ⁶⁵¹ *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч. I. СПб.*, 1813. С. 350.
- ⁶⁵² *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. С. 325, 429—430.
- ⁶⁵³ *Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в.* М.—Л., 1950. С. 68, 140.
- ⁶⁵⁴ *Русский хронограф* // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 532.
- ⁶⁵⁵ *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». С. 348.
- ⁶⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 238.
- ⁶⁵⁷ *Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов* // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. I. Одесса, 1844. С. 384.
- ⁶⁵⁸ Цит. по: *Зайцев И.В. Астраханское ханство*. М., 2006. С. 140.
- ⁶⁵⁹ Там же. С. 142—143.
- ⁶⁶⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 170; *Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в.* М., 1990. С. 109.
- ⁶⁶¹ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560)* // СБРИО. Вып. 59. СПб., 1887 С. 376.
- ⁶⁶² ПСРЛ. Т. XIII. С. 171.
- ⁶⁶³ *Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года* за

короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 23. И. Масса отсылает своего читателя к библейскому сюжету: «И взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их наполовину, и отпустил» (2 Цар., 10: 5).

⁶⁶⁴ Там же. С. 23.

⁶⁶⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560). С. 450.

⁶⁶⁶ Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиографии. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 139, 155—156; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 109; Трапавлов В.В. История Ногайской Орды, М., 2002. С. 230—231.

⁶⁶⁷ Документы по истории Волго-Уральского региона XVI—XIX веков из древлехранилищ Турции. Казань, 2008. С. 103, 104.

⁶⁶⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 225.

⁶⁶⁹ Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 150—151; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 225.

⁶⁷⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 236.

⁶⁷¹ См., например: ПСРЛ. Т. XXIX. С. 229—231.

⁶⁷² ДРК. С. 171.

⁶⁷³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 165.

⁶⁷⁴ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 552.

⁶⁷⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560). С. 447, 450, 454.

⁶⁷⁶ ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 560; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 157

⁶⁷⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 156.

⁶⁷⁸ Там же. С. 165, 174.

⁶⁷⁹ Там же. С. 157, 158, 177

⁶⁸⁰ Там же. С. 177

⁶⁸¹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 238.

⁶⁸² ПСРЛ. Т. XIII. С. 256.

⁶⁸³ Там же. С. 258.

⁶⁸⁴ ПСРЛ. Т. XX. С. 562—563.

⁶⁸⁵ Разрядная книга (далее РК) 1550—1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 36.

⁶⁸⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 262; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). С. 181, 183.

⁶⁸⁷ РК 1550—1636. С. 36.

⁶⁸⁸ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 261.

⁶⁸⁹ Там же. С. 282.

⁶⁹⁰ ДРК. С. 215—217; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. М. 1981 С. 62—66.

⁶⁹¹ *Ливонская летопись* Франца Ниенштёдта // Сб. мат-лов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883. С. 29; *Рюссов Б. Ливонская хроника* // Сб. мат-лов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 378.

⁶⁹² *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands* (далее Archiv). Neue Folge. Bd. IV. Reval, 1864. S. 171; *Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562*. Bd. III. 1559. 1560. Riga, 1868. S. 267

⁶⁹³ *Псковская 3-я летопись* // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 238.

⁶⁹⁴ ПСРЛ. Т. V Вып. 2. С. 238; РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 65; *Рюссов Б. Ливонская хроника*. С. 385; Archiv. S. 192.

⁶⁹⁵ *Renner J. Livländische Historien*. Göttingen, 1876. S. 283—284.

⁶⁹⁶ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 285.

⁶⁹⁷ *Рюссов Б. Ливонская хроника*. С. 385; *Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544—1648)*. Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 108.

⁶⁹⁸ *Рюссов Б. Ливонская хроника*. С. 385; *Henning S. Lifflendische Churländische Chronica von 1554 bis 1590*. Riga, 1857. S. 39.

⁶⁹⁹ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 285.

⁷⁰⁰ Просчит. авт. по: *Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года* // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 123—129, 132—134, 163—165, 167; *Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания* // Записки ОР ГБЛ. Вып. 31 М., 1969. С. 215—218; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 308—311 и др.

⁷⁰¹ *Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года*. С. 121.

⁷⁰² Там же. С. 138.

⁷⁰³ См., например: *Володихин Д.М. Иван Шуйский*. М., 2012. С. 102.

⁷⁰⁴ *Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах* // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 164; *Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года*. С. 139.

⁷⁰⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 310.

⁷⁰⁶ *Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах*. С. 166; *Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли»...* С. 218; ПСРЛ. Т. XXIX. С. 310.

- ⁷⁰⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 356.
- ⁷⁰⁸ *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 167
- ⁷⁰⁹ *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. С. 168; ПСРЛ. Т. XIII. С. 357
- ⁷¹⁰ ПСРЛ. Т. XIII. С. 358.
- ⁷¹¹ О соборе см., например: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 266—272.
- ⁷¹² ПСРЛ. Т. XXIX. С. 350—351.
- ⁷¹³ *Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 176, 178.
- ⁷¹⁴ Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2012. С. 214; *Синодик опальных царя Ивана Грозного // Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 530.
- ⁷¹⁵ ПСРЛ. Т. XXIX. С. 350.
- ⁷¹⁶ *Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34.* М., 1978. С. 190; *Шлихтинг А.* Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 38.
- ⁷¹⁷ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 294—295; *Шлихтинг А.* Новое известие о времени Ивана Грозного. С. 39.
- ⁷¹⁸ См.: *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 201—204.
- ⁷¹⁹ Разбор существующих мнений относительно существования заговора см., например: *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 200—203.
- ⁷²⁰ РК 1475—1605. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 221.
- ⁷²¹ Там же. С. 221—223.
- ⁷²² *Янушкевич А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. Мінск, 2007. С. 150.
- ⁷²³ См., например: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 307—308; *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею (1553—1593). СПб., 1875. С. 39.
- ⁷²⁴ *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // СБРИО.* Вып. 71. СПб., 1892. С. 562.
- ⁷²⁵ Там же. С. 563.
- ⁷²⁶ См., например: *Шлихтинг А.* Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана // *Шлихтинг А.* Новое известие о времени Ивана Грозного. С. 61—62.
- ⁷²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
- ⁷²⁸ См., например: РК 1475—1605. Т. II. Ч. I. С. 209, 214.

⁷²⁹ Напрашивается аналогия с порядками, существовавшими в то время в армии Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Изучение сохранившихся «артикулов» за подписью как королей, так и гетманов показывает, что основные вопросы, их занимавшие, — это как раз вопросы, связанные с административной стороной ведения войны (см., например: *Artykuły rotmistrzom opaniowanym // Kutrzeba S. Polskie ustawy i artykuły wojskowe od XV do XVIII wieku*. Kraków, 1937. S. 87—92). Чисто военные аспекты находились в этих артикулах на втором плане.

⁷³⁰ Кстати, хотелось бы обратить внимание на интересный аспект службы «генералов». Судя по всему, они находились под жестким контролем из Москвы со стороны разряда и самого царя (см., к примеру, материалы воеводского «шатра» В.Д. Хилкова: *Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Москва — Варшава, 1998. С. 205—236*). Чем это было обусловлено? Мы склоняемся к тому (памятая о том, что подобная практика сохранялась и в следующем столетии, например, в ходе 13-летней войны 1654—1667 гг.), что в Москве, зная о том, насколько качественно были подготовлены «генералы», стремились не допустить излишнего риска, предоставив им самостоятельность, к которой они были не готовы.

⁷³¹ Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 60.

⁷³² Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 196—197

⁷³³ См., например: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 271; *Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 225*.

⁷³⁴ Разрядная книга 1475—1605. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 216.

⁷³⁵ Бабулин И.Б. В защиту «генералов». Отзыв на статью В.В. Пенского «Центурионы» Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. II. Дискуссия. Вып. I. С. 36—41 // Электронный ресурс: http://www.milhist.info/2012/12/24/babulin_1.

Избранная библиография

Источники

- Акты*, издаваемые Виленскою археографическою комиссию. Т. XIV. Инвентари имений XVI-го столетия. Вильна, 1887
- Акты*, издаваемые Виленской комиссию для разбора древних актов. Т. XXVI. Вильна, 1899.
- Акты* исторические, собранные и изданные Археографической комиссию. Т. I. 1334—1598. СПб., 1841.
- Акты* Московского государства. Т. I. СПб., 1890.
- Акты*, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. I. Киев, 1860.
- Акты*, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографической комиссию. Т. III. 1544—1587 СПб., 1848.
- Акты* Русского государства 1505—1526. М., 1975.
- Акты* служилых землевладельцев. Т. I. М., 1997.
- Акты* служилых землевладельцев. Т. III. М., 2002.
- Акты* служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. IV. М., 2008.
- Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1952.
- Акты* социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. III. М., 1964.
- Акты* Сузdalского Спасо-Евфимьевого монастыря 1506—1608 гг. М., 1998.
- Акты* феодального землевладения и хозяйства. Т. II. М., 1956.
- Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006.

Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10.

Негри А. Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844.

Ниенштедт Ф. Ливонская летопись // Сб. мат-лов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883.

Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000.

Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиографии. Ч. VIII. СПб., 1793.

Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиографии. Ч. IX. СПб., 1793.

Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. II. М., 1787

О службах и походах боярских // Отечественные записки. № 126. 1830. Ч. IV.

Опись документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. Вып. VII. Вильна, 1909.

Опись Посольского приказа 1614 г. // Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. Т. I (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской ордами и с Турцией. Т. I // СБРИО. Т. 41. СПб., 1884.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516—1520 гг. // СБРИО. Т. 53. СПб., 1887

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // СБРИО. Вып. 59. СПб., 1887

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // СБРИО. Вып. 71. СПб., 1892.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I (1556—1586) // СБРИО. Вып. 129. СПб., 1910.

Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.

Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI в. Отд. I. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб., 1872.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.

Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551—1561 гг.). Казань, 2006.

Послания Ивана Грозного. СПб., 2005.

Псковская З-я летопись // ПСРЛ. Т. V Вып. 2. М., 2000.

Разрядная книга 1550—1636. Т. I. М., 1975.

Разрядная книга 1559—1605. М., 1974.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475—1605. Т. I. Ч. I. М., 1977

Разрядная книга 1475—1605. Т. I. Ч. II. М., 1977

Разрядная книга 1475—1605. Т. I. Ч. III. М., 1978.

Разрядная книга 1475—1605. Т. II. Ч. I. М., 1981.

Разрядная книга 1475—1605. Т. II. Ч. II. М., 1982.

Разрядная книга 1475—1605. Т. III. Ч. I. М., 1984.

Розанов С.П. Материалы по истории русских пчел // Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV М., 1904.

Руджиери Ф. Донесение Фульвио Руджиери папе Римскому в 1568 году // Иностранные о древней Москве. Москва XV—XVII веков. М., 1991.

Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005.

Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879.

Сборник Муханова. СПб., 1866.

Свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.—Л., 1983.

Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2005.

Синодик опальных Ивана Грозного 1583 года // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2010.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч. I. СПб., 1813.

Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877

Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV М., 2000.

Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Росснею и Англиею (1553—1593). СПб., 1875.

Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950.

Устрилов Н.И. Сказания князя Курбского. СПб., 1868.

Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Москве-вию. (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977

Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008.

Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934.

Штаден Г. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008.

Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переславль-Заллеский. М., 1917

Юшков А. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. I. 1257—1613 гг. М., 1898.

Archiv fur die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Neue Folge. Bd. II. Reval, 1862.

Archiv fur die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. IV. Reval, 1864.

Kronika Marcina Bielskiego. Т. III. Sanok, 1856.

[*Bredenbachius Tilmannus*]. Historia belli Livonici, quod Magnus Moscovitarum Dux, contra Livones cessit. Lovanii, 1564.

Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562. Bd. I. 1557 1558. Riga, 1865.

Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562. Bd. III. 1559. 1560. Riga, 1868.

I.A. Caligarii Nuntii aposn. In Polonia Epistola et Acta 1578—1581 // *Monumenta Poloniae Vaticana*. Т. IV. Craciviae, 1915.

The Discovery of Muscovy from the collection of Richard Hakluit. London, 1889.

The First Part of the Art Military. Comp. by Captaine Henry Hexam. Delft, 1642.

Henning S. Liffendische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857

Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego. 1576—1586 // *Źródła dziejowe*. Т. XI. Warszawa, 1881. Cz. II.

Lietuvos Metrika. Kn. 594 (1585—1600). Vilnius, 2006.

Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's. Band I. Riga und Leipzig, 1840.

Nyenstädt F. Livländische Chronik // *Monumenta Livoniae Antiquae*. Bd. II. Riga und Leipzig, 1839.

Relacyje nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. Т. I. Berlin-Poznan, 1864.

Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876.

Riga's ältere Geschichte in Uebersicht, Urkunden und alten Aufzeichnungen // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga, Dorpat und Leipzig, 1844.

Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576—1586 // Acta Historica Res Gestas Poloniae Illustrantia ab Anno 1307 ad Annum 1793. T. XI. Cracoviae, 1887

Solikowski J.D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta. Petersburg, 1855.

Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. T. II. Warszawa, 1846.

Wiadomości do Dziejów Polskich z Archiwum Provincji Szląskię. Wrocław, 1860.

Литература

Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005.

Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. I. М., 1887

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897

Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. I. 1487—1584. М., 1862.

Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.

Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник // Проблемы источниковедения. Сб. III. М.—Л., 1940.

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. I. М., 2007

Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. Т. II. М., 2007

Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

Володихин Д.М. Иван Шуйский. М., 2012.

Володихин Д.М. Малюта Скуратов. М., 2012.

Володихин Д.М. Опричнина и «псы государевы». М., 2010.

Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.

Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.

Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // Отечественная история, 2006. № 3.

Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011.

Зайцев И.В. Астраханское царство. М., 2006.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.

Земзарис Я.К. Метрология в Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.) // Проблемы источниковедения. Вып. IV. 1955.

Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 87. М., 1971.

Зимин А.А. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956.

Зимин А.А. Опричнина. М., 2001.

Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М., 1997

История внешней политики России. Конец XV—XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М. 1999.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1843.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.

Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.

Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010.

Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «согтенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология. Вып. 2. М., 2011.

Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 2009.

Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950.

Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001.

Лихачев Н.П. Думное дворянство в боярской думе XVI столетия // Сб. Археологического института. 1898. Кн. 6.

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки. М., 2007

Лобин А.Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV—XVI в. СПб., 2010.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. М., 2008.

Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Малов А.В. Данные московской разведки о восстании Тараса Федоровича на Украине в 1630 г.: вопросы источниковедения // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сб. науч. трудов VI Международной научной конференции. Г Белгород, 27—28 октября 2011 г. Белгород, 2011.

Мартинюк А.В. Лихие люди Московской Руси. Три исторических портрета // Российские и славянские исследования. Вып. 3. Минск, 2008.

Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в. М., 1990.

Некрасов О.Б. Зимнее наступление русских войск 1556 г. и осада Выборга // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 1.

Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904.

Петров А.В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901.

Попов В.Е., Филющkin А.И. «Война коадъюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6).

Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.

Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917.

- Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. III. М., 1989.
- Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае. М.—СПб., 2009.
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
- Филюшкин А.И. Андрей Курбский. М., 2008.
- Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв. М., 2010.
- Филюшкин А.И. Причины «Полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 3.
- Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.—СПб., 2006.
- Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003.
- Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979.
- Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
- Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. (1544—1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893.
- Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001.
- Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. 1. М., 2003.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- Хэлдон Дж. История византийских войн. М., 2007
- Черемисинов-Караулов, Иван Семенович // Русский биографический словарь. Т. XXII. СПб., 1905.
- Чернов А.В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Т. 38. М., 1951.
- Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998.
- Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.
- Тарасаў С.В. Палац IX—XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 2001.
- Янушкевіч А. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. Мінск, 2007.

- Hansen H.J.* Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.
- Hupert W.* Historya wojenna polska w zarysie. Lwow, 1919.
- Górski K.* Historya Artyleryi Polskiej. Warszawa, 1902.
- Inalchik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III—IV. Part I. 1979—1980.
- Kotarski H.* Wojsko polsko-litewskie podczas wojny inflanckiej 1576—1582. Sprawy organizacyjne. Cz. II // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. T. XVII. Cz. I. Warszawa, 1971.
- Kupish D.* Połoćk 1579. Warszawa, 2003.
- Przybyliński R.* Hetman Wielki koronny Mikołay Mielecki (ok. 1540—1585). Toruń, 2002.

Краткий терминологический словарь

Ага — османский военачальник или чиновник

Апроши — траншеи-ходы сообщения, возводившиеся осаждающими при осаде крепости

Бутурлык — доспех, защищавший голень и верхнюю часть стопы всадника

Гаковница — тяжелая ручная пищаль, оружие пехотинца

Дело — в Великом княжестве Литовском термин, обозначавший артиллерийское орудие, в Московском государстве — военное предприятие, столкновение с неприятелем

Жильцы — дети боярские, несущие посменно службу при особе государя и его дворе

Жолнер — в Польше и Великом княжестве Литовском наемный солдат

Загон — небольшой, обычно конный отряд, совершающий набег

Зелье — порох

Картауна — тяжелое осадное артиллерийское орудие

Контрвалационная линия — сплошная линия укреплений, возведимая осаждающими для полной блокады осаждаемой крепости и предотвращения попыток неприятельского гарнизона совершить вылазку или прорыв

Кнехт — орденский пехотинец

Кош — обоз

Ландскнехт — в Западной Европе конца XV—XVI в. немецкий наемный солдат

Ломовая пищаль — тяжелое длинноствольное осадное артиллерийское орудие

Московка — мелкая серебряная монета, $1/_{200}$ рубля

Набат — большой барабан, знак власти «большого» воеводы

Наручи — доспех, защищавший руки воина от локтя до кисти

Наряд — в Русском государстве конца XV—XVII в. собирательное название для артиллерии, полевой и осадной

Новгородка — серебряная монета, $1/_{100}$ рубля, синоним копейки

Острог — небольшое укрепление, крепостца или легкое, обычно внешнее, укрепление города, представлявшее собой сплошную стену из врытых вертикально бревен

Пансырь (панцирь) — кольчатый доспех, разновидность кольчуги

Пищаль — огнестрельное оружие, как легкое, ручное, так и тяжелое — артиллерийское орудие

Пищальник — пехотинец, вооруженный пищалью

Послух — свидетель

Посоха (посошные) — в Русском государстве набираемые с тяглых «чинов» пешие и конные люди, несшие обозную, дорожную и иную вспомогательную службу при войске

Пул — мелкая медная монета

Рейтар — в Западной Европе XVI в. наемный конный солдат, сражавшийся преимущественно огнестрельным оружием

Рогатина — тяжелое копье с мощным наконечником, обычно оружие русского пехотинца

Рты — лыжи

Ручница — легкое, ручное огнестрельное оружие пехотинца

Саадак — комплект из лука с налучьем и колчана со стрелами

Санджак-бей — в Османской империи правитель военно-административной единицы — санджака, одновременно командующий воинскими силами санджака

Сеунч — весть, известие, донесение преимущественно радостное

Смиговница — многоствольное артиллерийское орудие

Стратилат — в русской книжности термин, иногда использовавшийся для обозначения военачальников, воевод

Струг — плоскодонное парусно-гребное судно для перевозки людей и грузов по рекам и озерам

Сулица — легкое метательное копье

Сын боярский — служилый человек «по отечеству» в Московском государстве

Тарасы — деревянные срубы, заполненные землей и камнями, использовавшиеся в полевой и долговременной фортификации

Тегиляй — мягкий стеганый доспех в виде каftана с высоким воротником и короткими рукавами, нередко дополнительно усиливавшийся металлическими бляхами и кольчужными накладками

Травля, травиться — мелкие стычки, завязка боя, прощупывание намерений неприятеля через схватки отдельных всадников и небольших отрядов конницы

Тура — цилиндрическая плетеная из веток и колосьев корзина без дна, заполняемая землей и использовавшаяся для быстрого возведения укрытий от неприятельского огня на поле боя и во время осад

Туфенгчи (тюфенгчи, туфенкджи) — пеший татарский стрелок, вооруженный огнестрельным оружием

Фальконет — легкое артиллерийское орудие

Циркумвалационная линия — сплошная линия укреплений, возводимая осаждающим для прикрытия своего тыла от возможных попыток неприятеля деблокировать осажденную крепость извне

Шанцы — небольшое земляное укрепление, окоп

Шелом (шолом) — защитное наголовье, цилиндроконический шлем с навершием

Шерть — в русско-татарских отношениях присяга на верность подписанным соглашениям

Шланг — длинноствольное крупнокалиберное полевое орудие

Янычары (еничане) — регулярная пехота в Османской империи

Ясак — дань или клич-пароль для опознания своих

Ясырь — пленники, захватываемые во время набега

Краткая хронология основных событий

Ок. 1475 г. — рождение С. Сидорова

1491 г. — первый большой выход русских полков в Поле на помощь крымскому хану Менгли-Гирею против Ахматовичей, сыновей Ахмата, хана Большой Орды

1493 г. — большой поход московских и рязанских полков против Великого княжества Литовского

1501 г. — очередной выход русских полков в Поле на помощь Менгли-Гирею

1502/1503 г. — зимний поход московских и рязанских полков «в литовскую землю»

1512 г. — набег «царевича» Бурнаш-Гирея на Рязань

1521 г. — «крымский смерч», нашествие Мухаммед-Гирея I на Москву. Ликвидация Рязанского великого княжества

Начало 20-х гг. XVI в. — рождение М. Ржевского и И. Черемисинова

1527 г. — «Исланова стравка», набег «царевича» Ислам-Гирея на «государеву украину»

1530 г. — рождение Ивана IV

1533 г. — набег «царевичей» Ислам-Гирея и Сафа-Гирея на Рязанщину. Смерть Василия III

После 1530 г. — рождение Т. Тетерина и Г. Кафтырева

1536/1537 г. — первая «именная» служба С. Сидорова (наместничество в Одоеве)

1541 г. — поход Сахиб-Гирея I на Москву, «стояние на Оке»

1-я половина 40-х гг. — «верстание» на службу М. Ржевского и И. Черемисинова

1547 г. — венчание Ивана IV на царство. Взятие Астрахани Сахиб-Гиреем I

2-я половина 40-х гг. — «верстание» на службу Т. Тетерина и Г. Кафтырева

1547—1550 гг. — первый и второй походы Ивана IV на Казань

1550 г. — создание стрелецкого корпуса, учреждение «избранной тысячи», М. Ржевский и И. Черемисинов назначены стрелецкими головами

1550/1551 г. — неудачный зимний набег ногаев на Мещеру и Старую Рязань

1551 г. — возведение Свияжска. Посажение в Астрахани хана Ямгурчи. Свержение и гибель Сахиб-Гирея I и приход к власти в Крыму Девлет-Гирея I

1552 г. — бегство Шах-Али из Казани, переход власти в городе и ханстве к сторонникам Крыма, поражение Девлет-Гирея I под Тулою, третья экспедиция Ивана IV к Казани. Осада и взятие Казани

1553 г. — возведение «на Шатских воротех» города-крепости Шацка, С. Сидоров «на бережении с людми», охранял стройку

1554 г. — экспедиция князя Ю. Шемякина Пронского в Астрахань, бегство Ямгурчи, посажение на астраханский стол хана Дервиш-Али

1555 г. — попытка Ямгурчи вернуть себе власть в Астрахани, «Польской» поход И.В. Шереметева Большого, битва при Судьбицах и смерть Степана Сидорова, столкновение астраханского хана Дервиш-Али с русским посланником при астраханском дворе Л. Мансуровым

1555—1557 гг. — русско-шведская война

1555 г. — Т. Тетерин и Г. Кафтырев произведены в стрелецкие головы

1555/1556 гг. — поход русских войск в южную Финляндию, осада Выборга

1556 г. — «посылка» М. Ржевского в низовья Днепра, экспедиция И. Черемисина и М. Колупаева в Астрахань и бегство Дервиш-Али из города, большой смотр царского войска на Коломне и «во всех местех», переход на сторону Ивана IV князя Д.М. Вишневецкого, постройка Песельского города

1557 г. — неудачные переговоры в Москве с ливонским посольством

1558 г. — зимний набег русского войска под началом Шах-Али в Ливонию, экспедиция Д.М. Вишневецкого, М. Ржевского и других воевод в низовья Днепра, взятие Нарвы, Нейшлосса, Нойхаузена, Дерпта и других городов и замков Восточной Ливонии

1559 г. — экспедиция Д.Ф. Адашева, М. Ржевского и других воевод в низовья Днепра, нападение их на Крым, большой выход царского войска на «берег». Неудачная попытка магистра Ливонского ордена Г. Кеттлера вернуть Дерпт

1560 г. — поход русской рати под началом И. Мстиславского в Южную и Центральную Ливонию, новая экспедиция русских ратных людей в низовья Днепра и Дона. Успешный набег ногаев на крымские улусы. Экспедиция И. Черемисина на Северный Кавказ

1561 г. — еще одна «посылка» царских ратных людей в низовья Днепра и Дона

1562 г. — срытие Псельского городка, прекращение русского наступления на Крым

1561 г. — взятие литовцами ливонской крепости Тарваст, фактическое начало новой русско-литовской войны

1562/1563 гг. — Полоцкий поход Ивана Грозного

Ок. 1564 г. — И. Черемисинов пожалован в думные дворяне

1564 г. — пострижение и бегство (1567/68 г. — ?) Т. Тетерина в Литву, поражение русской рати под началом князя И. Шуйского на реке Улла

1565 г. — учреждение опричнины

1565—1566 гг. — экспедиция М. Ржевского и И. Дашкова на Северный Кавказ на помощь князю Темрюку Идаровичу

1566 г. — земский собор в Москве

1567 г. — неудачный поход Ивана Грозного против Литвы, осенне «стояние» Сигизмунда II с войском на русско-литовской границе

1567/1568 гг. — сыск по «земскому делу»

1568 г. — казнь Г. Кафтырева

1569 г. — «изборская» история

1570 г. — И. Черемисинов записан в опричники

1571 г. — реорганизация пограничной и сторожевой службы на «крымской украине», набег Девлет-Гирея I на Москву

1572 г. — Молодинская кампания, перемирие между Москвой и Вильно, смерть Сигизмунда II

1572/1573 гг. — поход Ивана Грозного в Северную Ливонию

1574 г. — смерть И. Черемисина

1576 г. — М. Ржевский пожалован в «московские дворяне»

1577 г. — большой поход Ивана Грозного в Ливонию

1578 г. — назначение М. Ржевского в Полоцк, сражение под Венденом, фактическое начало новой русско-литовско-польской (Баториевой) войны

1579 г. — осада и взятие Баторием Полоцка, Сокола и ряда других русских крепостей, плenение М. Ржевского (умер после 1579 г.)

1583 г. — завершение Войны за ливонское наследство

1584 г. — смерть Ивана Грозного

1586 г. — смерть С. Батория

1593 г. — смерть Т. Тетерина

**Пенской Виталий Викторович
«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО
Воеводы и головы московского
войска второй половины XVI в.**

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 26.10.2016.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «LiteraturnayaC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 15,28.

Тираж 2 000 экз. Заказ № К-7577.

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

В.В. ПЕНСКОЙ

«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

Воеводы и головы московского войска
второй половины XVI в.

В этой книге доктора исторических наук, профессора В.В. Пенского на основе скрупулезного анализа широкого круга источников и литературы проанализированы судьбы русских служилых людей XVI в., занимавших средние командные посты в военной иерархии Русского государства той эпохи. Их можно назвать «центурионами» московского войска.

До последнего времени люди, подобные героям очерков этой книги, крайне редко становились объектом внимания историков. Однако такая невнимательность по отношению к «центурионам» явно несправедлива. Шаг за шагом автор исследования, рассказывая о жизни своих героев, раскрывает картину истории Русского государства в сложную и неоднозначную эпоху, творцами которой являлись не только государи, бояре, церковные иерархи и другие, «жадно толпою стоящие у трона», но прежде всего «начальные люди» средней руки. Они водили в бой конные сотни детей боярских, выполняли дипломатические поручения, строили и защищали крепости, наместничали в городах. Их трудами, потом и кровью строилась великая держава, но сами они при этом были обделены вниманием и современников, и потомков. Исправить эту несправедливость хотя бы отчасти и призвана данная работа.

Написанное живым, но вместе с тем научным языком, исследование предназначено преподавателям, студентам и всем, кто интересуется военной историей России XVI в.,

РЧ вседневной жизнью

17

Чел Читав-город

11.11.2017 ООО "ГРАМОТА"

Центурионы Ивана Грозного Воеводы и головы московского... Вып. 2 (мНовИсИстРоссии

9785227072368

ВК

Ценв 282 руб.

Микролисты

21877

Неда

2577093

ТБК

11742

Выпуск 2